

Оглавление

От автора	3
Часть I. Общие вопросы исторического словообразования.....	7
Глава 1.....	7
§ 1. Зачем нам нужен историко-словообразовательный словарь.....	7
§ 2. О понятиях синхронии, диахронии и панхронии	22
Глава 2. О языке как деятельности, лингвистической типологии и ее значении для словообразования	27
Глава 3. Морфемная структура индоевропейского слова	32
§ 3. Индоевропейские корни.....	32
Понятие корня	32
Удвоение корня	40
Внутренняя флексия	40
Фонетическая форма индоевропейского корня.....	46
Корневые основы	47
§ 4. Префиксация	48
§ 5. Индоевропейские суффиксы	48
Расширители (детерминативы).....	61
Глава 4. О способах словообразования в русском языке.....	62
§ 6. Понятие словообразовательного значения.....	62
§ 7. Суффиксальный способ словообразования.....	72
§ 8. Суффлексация как способ словообразования	77
§ 9. Инфиксальный способ словообразования.....	79
§ 10. Префиксальный способ словообразования	95
§ 11. Конфиксальный способ словообразования	95
§ 12. Словосложение	97
§ 13. Сращение.....	101
§ 14. Конверсия.....	103
§ 15. Перенос ударения.....	104
§ 16. Универбация	105
§ 17. Обратное словообразование	106
§ 18. Калькирование	119
§ 19. Семантический способ словообразования	121

Глава 5. Исторические изменения морфемной структуры слова	133
§ 20. Переразложение и ретимологизация.....	135
§ 21. Опрощение	142
Глава 6. О соотношении понятий глагольного вида и способа глагольного действия	156
§ 22. О категории глагольного вида.....	156
§ 23. О способах глагольного действия.....	166
Глава 7. Словообразовательное древо и системные отношения в словообразовании	219
1. Гнать.....	222
2. Бег.....	227
3. Мереть.....	236
4. Гнуть — губить	237
Часть II. Частные вопросы исторического словообразования.....	243
§ 24. Причастодетие как словообразовательная основа.....	243
§ 25. Лексикографические маргиналии	262
Бяяти — баяти	262
Въздымати — възнимати — възимати.....	263
Мькти	266
<i>Приложение. Способы глагольного действия</i>	<i>271</i>
Использованная литература.....	292

От автора

В 2014 г. я задумал создать электронный историко-словообразовательный словарь русского языка, который впоследствии получил название «Русский древослов». Причины, побудившие меня к этой работе, изложены в 1-й главе настоящего пособия. В то время исполнение этого замысла казалось мне легко выполнимой задачей: сначала нужно будет создать при помощи специальной программы схемы словообразовательных древ и выложить их на созданном для этого сайте www.drevoslov.ru, на что должно было уйти, по моим расчетам, лет пять, а затем описывать их в течение неопределенно долгого времени как мне самому, так и всем, кто пожелал бы присоединиться к проекту.

Наивность этих предположений обнаружилась очень скоро. При первой же попытке описать словообразовательное древо по созданной ранее схеме в ней обнаружилось множество ошибочных решений; исправляя их, саму схему пришлось переделывать раз пять или шесть. Стало ясно, что создание схемы и ее описание — это взаимосвязанный процесс. Более того, по мере углубления в историческое словообразование обнаруживались ошибки в старых схемах и описаниях, которые пришлось исправлять и затем заново выкладывать на сайте. Стали возникать проблемы чисто научного характера, о существовании которых раньше я даже не подозревал. Благодаря судьбе, что рядом оказался человек, близко к сердцу принявший идею проекта, — петербургский профессор Дмитрий Григорьевич Демидов. Обсуждение с ним всех возникавших как частных, так и общих вопросов было чрезвычайно плодотворным. В конце концов стало ясно, что накопленный опыт следует изложить не только в виде научных статей, но и в виде учебного пособия для тех, кто захотел бы вести авторскую работу по написанию словарных статей. Пришлось отвлечься от создания словаря и переключиться на пособие, работа над которым, занявшая более года, наконец-то завершена.

Когда мы с Д. Г. Демидовым приступали к работе над проектом историко-словообразовательного словаря, нам нужно было решить два важных вопроса: а) с какого момента начинать описывать русское словообразование как исторический процесс? б) каков состав словника этого словаря?

Что касается второго вопроса, то было принято такое решение. Интернет-проект «Русский древослов» — это историко-словообразовательный словарь современного русского литературного языка. Это значит, что в его словник не входят ни диалектные, ни устаревшие слова русского языка, кроме тех случаев, когда диалектное или устаревшее слово является звеном в словообразовательной цепи, содержащей слова современного русского литературного языка. Более того,

в состав словаря входят даже «виртуальные» слова, то есть слова, которые не зафиксированы словарями русского языка или памятниками письменности, но их историческое существование необходимо предполагать в качестве звена словообразовательной цепи. Однако следует отметить, что интернет-версия словаря отличается той особенностью, что ее словник с течением времени может постепенно расширяться за счет диалектной и устаревшей лексики, то есть приближаться к тезаурусу, но это дело не ближайшего будущего.

По первому вопросу было принято такое решение: начало русского языка — это восточнославянское наречие праславянского языка, которое образуется с началом действия двух законов — внутрислогового сингармонизма и восходящей звучности. Следовательно, исходной точкой словообразовательного процесса является праславянский архетип, то есть форма слова до начала действия этих законов и до переразложения основ: только так можно объяснить, как возникли все современные алломорфы какого-либо корня или иной морфемы. В том случае, если слово восходит к более далекой, индоевропейской эпохе и несет на себе следы индоевропейского происхождения (например, рефлекс индоевропейского аблаута), то признано необходимым для объяснения таких явлений обращаться к более древним эпохам.

В практическом отношении это означает, что необходимым условием работы над проектом является хорошее знание исторической фонетики и исторической морфологии русского языка, начало которого, повторяю, лежит в восточнославянском наречии праславянского языка. Обсуждение всех этих вопросов в рамках данной книги я считаю совершенно излишним, так как все необходимые знания можно найти в стандартных учебниках по старославянскому языку и исторической грамматике русского языка.

Моя цель заключается в том, чтобы обсуждение проблем русского исторического словообразования среди заинтересованных лиц привело к пробуждению интереса к этой в последние десятилетия как-то подзабытой области русистики¹, к уточнению формулировок, а также к постановке и решению новых задач.

В заключение не могу отказать себе в удовольствии выразить благодарность Дмитрию Григорьевичу Демидову, Андрею Владимировичу Григорьеву, Антонине Вячеславовне Орловой, которые взяли на себя труд прочитать рукопись и сделать множество ценных замечаний и рекомендаций, следование которым с моей стороны способствовало улучшению текста. Само собою разумеется, что все недостатки пособия остаются на совести автора.

¹ Впрочем, см.: [94].

Часть I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Глава 1

§ 1. Зачем нам нужен историко-словообразовательный словарь

Научная работа любого лингвиста в идеале заканчивается написанием одной из двух книг — грамматики или словаря. Это конечные продукты, которые востребованы не только лингвистами, но и обществом в целом.

Вопрос «Зачем нам нужен историко-словообразовательный словарь русского языка» с точки зрения чистой науки не имеет смысла: это конечная форма, в которую облакается результат познания определенных свойств языка, а научное познание само по себе самоценно и не нуждается в обосновании.

Однако с педагогической точки зрения этот вопрос вполне осмыслен, и на него я постарался ответить в ряде журнальных статей². Повторю кратко их содержание, добавив кое-что новое.

О разграничении статического и динамического аспекта в описании языка впервые заговорил И. А. Бодуэн де Куртенэ, а применительно к словообразованию эту идею развивал профессор Казанского университета В. А. Богородицкий, который указывал, что «необходимо рассматривать морфологический состав слова, как он **чувствуется** в современном языке, т. е. статически, а затем нужно исследовать морфологические элементы тех же слов также с точки зрения и с т о р и ч е с к о й» [47, с. 173]. Здесь есть различие статического и исторического способов описания, но нет их противопоставления. То же находим и у ученика Богородицкого — А. И. Афанасьева: «Оснований деления слов на образовательные элементы может быть два: 1) статико-морфологическое, определяемое **чутьем** наличного материала составных частей слова, исходящего из воззрения на морфологические единицы, как они выделяются

² Выходные данные см. в библиографическом списке; кроме того, они выложены на сайте www.drevoslov.ru

в данный период развития языка *in status quo* и 2) динамико-морфологическое (историко-генетическое, или этимологическое, в тесном смысле слова), критерий которого заключается в прежнем состоянии языка» [41, с. 28]. В этих цитатах я обращаю внимание на то, что морфологический состав слова при статическом описании определяется языковым **чутьем!**

В 20-е и последующие годы XX в. господствующее положение в лингвистике заняли идеи Ф. де Соссюра, который в интересующем нас вопросе занял более радикальную позицию противопоставления двух типов описания языка — синхронного и диахронного. В послевоенные годы, когда была поставлена задача машинного перевода, для решения которой язык должен быть описан как самодовлеющая структура, структурализм становился лингвистической модой того времени, поэтому «партия синхронистов» в те годы стала преобладающей. Я хорошо помню, как нам, студентам филологического факультета Московского университета, в начале 70-х годов внушали в качестве бесспорной истины и абсолютного догмата: одно дело — исторические процессы в языке и совсем другое — реальные связи и отношения, то есть наличная система языка, поэтому смешивать синхронию и диахронию ни в коем случае нельзя — или одно, или другое.

Первые идеи о противопоставлении двух подходов к описанию словообразования были высказаны Г. О. Винокуром еще в 40-е годы, и к его работам есть смысл обратиться, так как в них можно обнаружить одно любопытное противоречие.

С одной стороны, Г. О. Винокур писал: «Вопрос о том, есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции, и только в этом смысле может идти речь о лингвистическом сознании данной среды» [57, с. 423]. С другой стороны, он также писал и о том, что «то, что этимологическая рефлексия на слово есть нечто вполне реальное, отрицать нет никакого смысла. Однако это ещё не основание для того, чтобы считать критерием для выделений или невыделений тех или иных морфем в основах, сознаваемость или несознаваемость этих морфем в психологии говорящих» [Там же].

Из этих слов становится ясным, что по сравнению с цитированными выше словами Богородицкого и Афанасьева у Винокура соотношение синхронии и диахронии кардинально меняется. Если у первых качество субъективности относится к статическому описанию морфологического состава слова, ибо основано на чутье, которое у всех людей разное, то у Винокура, наоборот, качество чутья относится к этимологической рефлексии, которая у всех людей разная, тогда как синхронное описание, основанное на установлении отношений между значениями производящей и производной основ, наделяется качеством объективности. На этом же настаивал и ученик Винокура — Н. М. Шанский, который неоднократно подчеркивал следующую мысль:

«Осуществляя последнюю операцию в процедуре деления слова на морфемы, то есть вычленив в нем непроизводную основу, особенно важно не смешивать словообразовательный анализ с этимологической рефлексией, возникающей у всякого носителя языка и даже изучающего неродную для него языковую систему.

Словообразовательный анализ вскрывает структуру слова, его морфемный состав и место среди других слов (родственных и одноструктурных), характерные для него в данный момент, с точки зрения наличной системы словообразования. Тем самым он является научным приемом познания структуры слова на основе объективно существующих языковых фактов.

Что же касается этимологической рефлексии на слово, то она относится к области языкового чутья и является следствием возникающих на базе языковых фактов субъективных ассоциаций» [101, с. 44].

С синхронных позиций русское словообразование было достаточно полно описано в академической «Грамматике русского языка» (Т. I. М., 1952), а затем в трудах Е. А. Земской, А. Н. Тихонова, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова и др. и, наконец, в академической «Русской грамматике» (Т. I. М., 1980).

Однако обо всё следует судить по плодам. Одним таким плодом синхронного и якобы объективного описания является «Школьный словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова, вышедший в 1978 г. (ШССРЯ) [32]; по тем же принципам им был создан и двухтомный «Словообразовательный словарь русского языка» (первое издание — 1985 г.).

Того, кто откроет ШССРЯ, ждет много «открытий чудных». Учитель и ученик узнают следующее.

Оказывается, что не являются родственными и не состоят в отношениях словопроизводства слова: *бедный* и *беда*; *известный* и *весть*; *безвозмездный* и *мзда*; *безразличный* и *лицо*, *различие*; *безпризорный* и *взор*, *взирать*, *призирать*, *зоркий*; *благодарить* и *дар*; *благоухать* и *благо*, *нюхать*; *близкий* и *близь*; *бодрый* и *будить*, *бдеть*; *брак*³ и *брать*; *вежливый* и *ведать*; *великолепный* и *лепить*; *вероятный* и *вера* и *ять* (< *иметь*); *вертеть* и *время*, *ворота*, *воротник*, *вращать*, *превратить*; *всадник* и *сад*, *садить* // *сажать*; *вселенная* и *село*; *вспылить* и *пылать*, *вспыльчивый*; *вспыхнуть* и *пыхать*, *пышный*; *выгода* и *год*, *годный*, *пригодный*, *негодяй*; *выместить* и *место*; *высокий* и *высь*, *ввысь*, *превышать*; *выступить* и *ступит* и *ступень* (каждое из которых, согласно [32], является первообразным); *выявить* и *явь*; *вьюга* и *вить* // *вью*; *гибнуть* и *гнуть* // *сгибать*; *голубь* и *голубой*; *гражданин* и *град* // *город*; *граница* и *грань*; *громкий* и *гром*; *далекий* и *даль*; *дарить* и *дать*; *дворянин* и *двор* (хотя корень *двор-* в слове *дворянин* выделяется); *действовать*, *действительный*, *деять* и *дело*; *добыть* и *быть*; *доверить* и *вера*; *догадаться* и *гадать*; *доказать* и *показать*; *доклад* и *класть*; *должность* и *долг*; *доля* и *делить*; *донять* и *унять*, *занять*, *принять*, *заем*, *понятие*; *дородный* и *род*; *достоверный* и *вера*; *досуг* и *досеять*; *доход* и *расход*; *дубина* и *дуб*; *дубить* и *дуб*; *дышать* и *душный*; *жестокый* и *жесткий*, *жесть*; *жуткий* и *жуть*; *забор* и *брать*; *завидовать* и *видеть*; *завтра* и *утро*; *заговор* и *говорить*; *задор* и *драть*, *сдирать*; *заимствовать* и *иметь*; *заметить* и *мета*, *метить*; *замок* и *замыкать*, *замкнуть*; *занавес* и *вес*, *вешать*; *запад* и *падать*; *запечатлеть* и *печатать*; *заразить* и *раз*, *разить*; *заряд* и *ряд*; *заседать* и *сидеть*; *защитить* и *щит*; *знакомый* и *знак*; *знаменитый* и *знамя*; *извергнуть* и *свергнуть*; *изложить* и *положить*; *изобразить* и *образ*; *изоциреть* и *острый*; *изящный* и *изъять*; *искусный* и *вкус*; *истребить* и *теревить*; *исследовать* и *след*; *истязать* и *тяга*; *колесо* и *коля*, *коляска*; *коченеть* и *кочан*; *красивый* и *красный*; *кромсать* и *кромка*, *кроме*, *закрома*; *кружево* и *круг*; *крыло* и *крыть*; *лекарство*

³ Не путать с омонимом *брак* ‘дефект’, заимствованным из ср.-ниж.-нем. *Brak* ‘изъян’.

и лечить, лекарь; лишить и лихо; лосниться и лоск; лучезарный и луч, заря; макушка и маковка, маковица, др.-рус. макъ; мгновение и миг; медведь и мед, ведать; мертвый и смерть, мереть // мру; меркнуть и мерцать; мешок и мех; могучий и мочь; молот и молоть; мужество и муж; мышца и под мышкой; мятеж и смятение, смута; наблюдать и блюсти; наверстать и верста; наградить и град // город; надежда и надеть; надо-есть и есть // еда; напасть и падать; наперсник и перси; напрячь и запрячь, пряжка, супруг; наречь и речь; народ и род; нарочитый и речь; наследовать и след; настичь и достичь; насторожить и сторож // страж; настоящий и стоять; построить и строить; находить и ход; небрежный и беречь; неважный и важный; неделя и делать; нежный и нега; негодовать и год, годный и др.; незабудка и забыть; незаурядный и ряд; незыблемый и зыбкий; нелепый и лепить; непосредственный и середина, средний; нечаянный и чайть; низкий и низ; низменный и низ; ножницы и нож; ножовка и нож; носок и нос; обернуть и вертеть; обеспечить и печься; обещать и обет, привет; обитать и витать; обладать и владеть; облако и влечь // влачить; область и владеть; обличить и лик; обод и водить; обожать и бог; оболочка и волочь; обонять и вонь; оборудовать и орудовать, ружье; обречь и речь; объявить и явь; обычный и привычка; обязать и вязать; огород и город; одеяло и деть; одолеть и доля; одухотворить и дух; озадачить и задача; озарить и заря; ополчение и полк; опрокинуть и кидать; осадить и сажать; осаниться и сан; освоить и свой; оседлый и сидеть; оскорбить и скорбь; осознать и знать; остеречь и стеречь; осторожный и сторож; осуществить и суть; отвлечь и влечь; отворотить и вращать; откровенный и крыть; отличить и лик; отобразить и образ; отторгнуть и расторгнуть; отчетливый и четкий; охапка и хапать; охотиться и хотеть; очередь и черед; ошеломить и шлем; палатка и палата; пеленка и пелена; перепонка и запонка; перила и переть, опираться; перстень и перст; перчатка и перст; печаль и печь; пирог и пир; плотник и плот; победа и беда; погода и год; погреб и грести // гребу; подстрекать и стрекать; подушка и ухо; подтвердить и твердый; пожар и жар; позвонок и звено; покорить и укор; польза и льгота; помнить и память; поощрить и острый; порожний и праздный;

порошок и порох; поручить и рука; порядок и ряд; посвятить и святой; постепенный и степень; постичь и достичь; пошлина и шел; правда и правый; правило и правый; предпринять и иметь; предупредить и пред // перед; прекратить и краткий; преткнуться и ткнуть; пригласить и глас // голос; пример и мера; проволока и волочить; промыслить и мысль; проникнуть и никнуть; проповедь и ведать; развлечь и влечь; ровесник и ровный; родник и родить; розовый и роза; сажать и сад; сверстник и верста; свидетель и видеть; согласный и глас // голос; совокупный и вкупе; содержать и держать; создать и здание; сокровище и крыть; сообразить и образ; соревнование и ревность; состязаться и тяга; спешишь и пеший; сплотить и плотный; спокойный и покой; спотыкаться и тыкать; справедливый и правый; средоточие и середина, точка, тыкать; староста и старый; столица и стол; сугроб и грести; счастье и часть; трудный и труд; тщательный и тощий; уважать и важный; уgomонить и гомон; удобный и добрый, подобный, сдобный; частушка и частый.

И это далеко не полный список!

Весь этот материал довольно четко разделяется на три группы.

В первую группу входят слова, родственные отношения между которыми уже не может ни увидеть, ни даже «почувствовать» никто, ибо произошел реальный разрыв родственных отношений, произошла деэтимологизация слов; для обнаружения исторически существовавших родственных связей в таких случаях надо знать историю русского языка и применять специальные аналитические процедуры, выработанные этимологической наукой. К этой группе можно отнести такие случаи: *благоухать — нюхать, бодрый — бдеть, брак — брать, вспылить — пылать, выюга — вить, добыть — быть, досуг — достигать, ряд — заряд, острый — изоцирить, изъять — изящный, тяга — истязать, колесо — колея — около, награда — град // город, польза — легкий — льгота* и другие.

Во вторую группу входят слова, родственные отношения между которыми еще «чувствуются», потому что довольно ясно выделяется и корень, и аффиксы, однако смысловая связь уже затемнена. Синхронисты называют такие слова членимыми, но непроеизводными [66, с. 63]. Примером такого рода может слу-

жить слово *дворянин*. В [32] оно является первообразным, то есть образует особую словарную статью, являясь основой гнезда (*дворянка, дворянский, дворяночка*); в то же время оно является членимым: *двор/ян/ин*; если корень *двор-* выделяется, то почему слово *дворянин* не входит в гнездо слова *двор*? Очевидно, по логике синхронистов, между словами *двор* и *дворянин* уже нет никаких смысловых отношений, то есть отношений производности. Получается, что синхронисты начисто лишают говорящих по-русски способности применить начальные школьные знания по русской истории.

Наконец, в третью группу входят слова, родственные отношения между которыми достаточно очевидны, и можно лишь удивляться тому, что *снег* и *снегирь* не находятся в отношении производности. Не составляет также особого труда догадаться, что три словообразовательных гнезда в ШССРЯ:

ВОРОТ → воротник; воротничок, воротниковый, подворотничок и др.;

ВОРОТ → воротца, воротища, подворотня, вратарь, подворотня и др.;

ВРАЩАТЬ → вращаться, вращение, вращательный на самом деле образуют одно гнездо; но, конечно, не очевидно, что оно, в свою очередь, является частью гнезда ВЕРТЕТЬ.

Но я человек любопытный и хочу узнать, все ли синхронисты согласны между собой и насколько объективен [32], и открываю «Толковый словообразовательный словарь русского языка» И. А. Ширшова (М., 2004). Должен сказать, что Ивана Алексеевича я хорошо знал, мы с ним вели дискуссии, иногда напряженные, о том, возможно ли в принципе синхронное словообразование; он считал, что оно возможно, но при этом он обладал чутким слухом к отдаленным смысловым связям слов, поэтому в его словаре гнезда слов, объединенных отношениями словопроизводства, выглядят иначе.

Так, в отличие от Словаря Тихонова, в Словаре Ширшова в одно гнездо входят слова: *весть* и *безвестный*, *лицо* и *безразличный*, *высь* и *высокий*, *явь* и *выявить*, *голубой* и *голубь*, *град* и *гражданин*, *грань* и *граница*, *греметь*, *гром* и *громкий*, *даль* и *далекий*, *дать* и *дар*, *долг* и *должность*, *падать* и *запад*, *двор* и *дворянин*, *вера* и *доверять*, *дуб* и *дубина*, *дух*, *душный* и *дышать*, *ответ*, *завет*, *привет* и *завещать*, *печатать* и *запечатлеть*, *образ* и *изобразить*, *извергнуть* и *свергнуть*, *колесо*, *коляска*

и коля, лечить, лекарство и лекарь, мереть и смерть, блюсти и наблюдать, низ и низменный, нега и нежный, нож и ножовка, свой и освоить, перст, перстень и перчатка, роза и розовый и другие.

В то же время оба автора сходны в том, что слова *беда* и *бедный*, *взор* и *беспризорный*, *бодрый* и *будить*, *брат* и *брак*, *вера* и *вероятный*, *доля* и *делить*, *досуг* и *досега*, *жесткий* и *жестокий*, *зараза* и *разить*, *завтра* и *утро*, *крыть* и *крыло*, *молот* и *молотить*, *род* и *народ*, *делать* и *неделя*, *вязать* и *обязать* и другие не связаны отношениями производства.

Кому же из этих двух синхронистов должен верить бедный читатель? Для них обоих, как для синхронистов, критерием истины является наличное языковое сознание среднестатистического носителя русского языка, однако практически эти носители у них оказываются какие-то очень разные. У Тихонова идеальный носитель русского языка — это глуповатый Иван, не помнящий родства, бездумно пользующийся языком как набором пустых, то есть лишенных внутренней формы, знаков, не имеющий вредной привычки рефлексировать по поводу слов. Тихонов, для познания истины, как бы спрашивает своего идеального носителя: «Чувствуешь ли ты, Иван, родственную связь между словами *двор* и *дворянин*?» — «Не-а, не чувствую» — «Очень хорошо! Значит, *дворянин* — слово членимое, но непроемное и пойдет в словаре отдельной статьей».

Идеальный среднестатистический носитель языкового сознания для Ширшова — это Иван, помнящий родство, то есть довольно культурный и образованный человек, читавший разные книжки, и художественные, и исторические, хотя бы даже из школьного учебника истории России узнавший, что это за сословие дворян и как оно возникло, да и вообще любящий задуматься о слове и существующем в нем «недоумении». Конечно, особенно глубоко он не копает, потому что для этого нужны уже специальные знания, и потому, например, слова *доказать* и *показать* входят в разные гнезда: одно — в гнездо ДОКАЗАТЬ, другое — в гнездо КАЗАТЬ. Ширшов, для познания истины, тоже как бы спрашивает своего идеального носителя: «Чувствуешь ли ты, Иван, родственную связь между словами *двор* и *дворянин*?» — «Чувствую, потому что знаю из книг, как это слово возникло». — «Очень

хорошо! Значит, *дворянин* — слово членимое и производное и пойдет в словаре в гнездо с основой ДВОР».

Членение слов на морфемы в [32] нередко оставляет желать лучшего. Например, слово *клевать* членится так: *кл/ева/ть*. В действительности в современном русском языке имеет место чередование корня *клев-* // *клю-*, происхождение которого известно студенту 1 курса, сдавшему экзамен по старославянскому языку. Слово *отворить* членится так: *о/твор/и/ть*, однако никакой смысловой связи между словами *отворить* и *творить*, *творчество*, *творец* нет; исторически это слово образовано от утраченного корня *вор-* ‘засов’; ср. др.-рус. *завора* ‘запор на дверях’, *заворити* ‘запереть’. Исторически правильное членение будет таким: *от/вор/и/ть*. Впоследствии по аналогии со словами с приставкой *о-* и в слове *отворить* народное сознание стало видеть эту приставку; по этой причине возникло как бы незаконное образование *затворить* вместо законного *заворить*.

Отдельный разговор нужно вести о словах, заимствованных из других языков.

В [32] оказываются членимыми слова *авто/бус* и *авто/мобиль*, по-видимому, на том основании, что есть слова *троллейбус*, *электромобиль*, *автодорога* и др. Пусть так. Но почему же тогда оказывается нечленимым слово *автограф*, если есть слово *эпиграф*? Почему не членимо слово *автономия*, если есть слова *агрономия*, *астрономия*? Где здесь системный синхронный подход?

Более корректно поступает И. А. Ширшов: он, в отличие от Тихонова, не делал вид, будто его носитель языка свалился с Луны и ничего не знает о том, что заимствованные слова в языке-источнике членились на части. В его «Толковом словообразовательном словаре русского языка» слово *автограф* членится так: *авто* (греч.) ‘свой, относящийся к себе’ + *граф* ‘пишу’ → *авто/граф*. 1. Собственноручная подпись или надпись. 2. Собственноручный авторский рукописный текст. Слово *автономия* членится так: *авто* ‘свой, относящийся к себе’ + *ном* ‘закон’ → *авто/ном-и-я*. Независимость в управлении, ориентация на свои законы [25, с. 24].

Такое объяснение гораздо содержательнее и лингвистически более корректно, однако не трудно увидеть, что это уже отступление от принципов, чистые ризы синхронии оказались

запятнанными элементами диахронии, которые вводятся тишком, как бы незаметно; слов *графо* ‘пишу’ и *номос* ‘закон’ в русском языке не было и нет, образование слов *автограф* и *автономия* произошло в другом, греческом, языке, и в таком готовом виде они были заимствованы в какой-то момент истории русским языком. Поэтому в русском языке основы слов *автограф*, *автономия* непроеводны. Однако первая часть этих и им подобных слов (*авто-*), отделившись от них, стала участвовать в образовании собственно русских слов, таких, как: *автодорога*, *авторучка*, *автопоилка* и др.; такие слова членимы на морфемы: *авто/руч/к/а*, *авто/дорог/а* и производны. У Ширшова же получается так, что и *автономия*, и *авторучка* — это слова одного плана, созданные на почве русского языка и одинаково членимы и производны.

И в этом случае у Тихонова и Ширшова идеальные субъекты, носители языкового сознания оказываются разные. У Тихонова это наивный человек, этакий симплициссимус, никогда не слыхавший о существовании иных народов и языков; для него все слова — русские; в одних случаях он «чувствует» сложность их морфемного состава и догадывается об их производности; в других случаях он «не чувствует» сложности, воспринимает слова как простые, непроеводные. У Ширшова же это человек культурный, образованный, несколько знакомый с древними и новыми языками и потому не столько чувствующий, сколько знающий, как возникли греческие слова *автономия* и *автограф*, но почему-то приписывающий их членимость и производность русскому языку.

В общем же это значит, что синхронный подход к описанию словообразования неизбежно субъективен, и в этом его неискоренимый недостаток. Иначе говоря, прав был А. И. Афанасьев, когда писал, что статическое описание морфологической структуры слова основывается на субъективном чутье! Я же добавлю: во-первых, объективность синхронного подхода к словообразованию есть фикция; во-вторых, противопоставление статического, или синхронного (якобы объективного), описания этимологической рефлексии является ложным, ибо на основе этимологической рефлексии, то есть чутья, никто и никогда не описывал словообразование русского языка; правильным является противопоставление субъективного синхронного и объективного **исторического** описания.

Приведу еще одну несообразность. В [32] слово *оптика* членится так: *опт/ик/а*, вероятно, на том основании, что в русском языке есть суффикс *-ик-* (остается тогда непонятным, почему в русском слове *свидетель* в [22] не выделяется суффикс *-тель?*); о значении же корня *опт-* читатель волен судить так, как захочет, например, соотнести его со словом *оптом* ‘целиком’, не задумываясь о смысловой связи. На самом деле это слово не членимо, ибо было заимствовано в готовом виде из нем. *Optika* или франц. *optique*, куда попало через лат. *optice* из греч. ὀπτικῆ τέχνη; в греч. слове выделяется корень *-оп-* со значением ‘видимая часть, лицевая поверхность’; от этого корня образованы такие слова, как πρόσωπον ‘лик, лицо, маска, персона’, Εὐρύπτα букв. ‘широколицая’.

Мне кажется, что школьный словообразовательный словарь русского языка должен включать в себя только русские по происхождению слова (точнее, слова, исконно славянские и древние заимствования, вошедшие в наш язык еще в праславянский период), а поздние заимствованные слова нужно поместить в отдельный словарь иностранных слов, сопроводив их этимологическими объяснениями, то есть указав, например, что слово *гладиолус* восходит к лат. *gladius* ‘меч’ (и тогда ученик уже не напишет: *глодеокус*), к нему же восходит и слово *гладиатор*, что слово *сомнамбула* образовано из двух латинских корней: *somnus* ‘сон’ и *ambulo* ‘гуляю’ и что второй корень входит составной частью в такие слова, как *амбулатория* и *преамбула*. Неужели это хуже, чем тривиальное, плоское указание в [32] на то, что от слова *амбулатория* образованы слова *амбулаторный* и *амбулаторно*? Последнее как раз очевидно и только напрасно занимает место в словаре, а первое — не очевидно, сведения об этом расширяют познания учащегося, раздвигают его культурный горизонт. Впрочем, и последнее не очевидно: от *амбулатория* должно быть образовано **амбулаторийный*, а не *амбулаторный*. Конечно, синхронистам ничего не стоит махнуть топором и сказать, что это-де усечение основы, но на самом-то деле, скорее всего, сущ. *амбулатория* — это заимствование из нем. *Ambulatorium*, а *амбулаторный* — заимствование из нем. *ambulatorisch*, так что в русском языке эти два слова не связаны отношениями словопроизводства.

Словарь — это всегда итог, результат определенных лингвистических процедур. Если два однотипных, исходящих из одних и тех же принципов словарей дают столь различные результаты, то истолковать это, на мой взгляд, можно одним способом: неверны сами принципы. Иначе говоря, синхронное словообразование всегда субъективно, следовательно, ненаучно.

Словарь Тихонова отличается особенно разбойным характером: он разбивает все связи, которые только можно разбить, разрывает отношения производности при малейшем намеке на неочевидность смысловой связи слов. Однако наука вообще, как правило, имеет дело с неочевидностью: очевидно, что Солнце вращается вокруг Земли, однако астрономия утверждает прямо противоположное. Лингвистика не исключение: не очевидно, что *бодрый* и *бдеть* слова родственные, однако стоит заглянуть немного в историю, и мы увидим звуковое единство корня: *бѣдръ* — *бѣдѣти*. Не очевидно, что *удобный* и *подобный* — слова родственные, однако стоит напрячь немного воображение, и связь станет понятной: то и другое обозначает нечто подходящее.

К великому прискорбию, надо сказать, что даже те лингвисты, которые вроде бы занимаются проблемами исторического словообразования, находятся в плену у синхронизма. Вот пример: «Слово может вообще утрачивать мотивацию, а вместе с этим и морфемную членимость (морфемное опрощение), при этом морфемы, входившие в это слово, сохраняются в других словах. Ср. *мешок* и *остров/ок*, с одной стороны, и *мешок* и *мех/ов(ой)* — с другой» [86, с. 173]. Это так, если критерием истины и оракулом является Ваня с Пресни, но для истинного историка слово (кроме самых древних) всегда сохраняет свою мотивированность, как для химика вода всегда будет иметь формулу H_2O , даже если упомянутый Ваня ничего об этом не знает. Слово *мешок* исторически мотивировано словом *мех*; после опрощения и утраты деминутивного значения слово *мешок* стало мотивирующим для слова *мешковина* ‘грубая ткань для мешков’, которое семантически уже никак не связано со словом *мех*.

В синхронном словообразовании понятие научности полностью извратилось: если любопытствующий обыватель хочет узнать химический состав воды, он идет к химику и спрашивает его об этом, но никогда любопытствующий химик не пойдет за

ответом на этот вопрос к обывателю; в лингвистике же все наоборот: любопытствующий лингвист идет к обывателю и спрашивает его о морфемном составе слова.

Если цель школьного образования в том, чтобы привить ученику культуру, в том числе и языковую, то Словарь Тихонова — это глубоко антикультурное явление. Подлинная культура всегда уходит в глубины истории и там черпает творческое вдохновение. Как говорил Сальвадор Дали, нет ничего более творческого, чем традиция. Филология вообще движется пафосом гамлетовского вопроса: *Порвалась дней связующая нить, Как мне обрывки их соединить?* Филолог восстанавливает тексты утраченных произведений, пишет комментарии, докапывается до первичного, этимологического значения слов, создает исторические словари, чтобы удержать как можно дольше единство культуры, связать прошлое и настоящее, увидеть в прошлом семена настоящего, а в настоящем — плоды прошлого. Подлинный, то есть исторический словообразовательный словарь может занять свое достойное место среди этих филологических трудов. Однако все это глубоко чуждо синхронистам, ибо их идеал, оракул и идол — манкурт, Иван, не помнящий родства. Поэтому можно сказать, что Словарь Тихонова — это явление и глубоко антипедагогичное.

В самом деле, обратимся к указанным выше трем группам слов. Что касается слов третьей группы, то ученик со здоровой лингвистической интуицией только недоумевает, почему слово *вероятный* не связано отношениями производности со словом *вера*, *всадник* — со словом *сидеть*, *вместо* — со словом *место*, *ступень* — со словом *ступать*, *граница* — со словом *грань*, *громкий* — со словом *гром*, *снегирь* — со словом *снег* и так далее и так далее? Вместо того чтобы подкрепить интуицию знанием, автор [32] как бы говорит своему читателю: «Забудь! Нет тут уже никаких связей, внутренняя форма выветрилась, слова стали внутренне опустошенными пустыми знаками; тебе достаточно знать значение слова, а о большем не задумывайся». Если это не проповедь невежества, то что это?

Что касается слов второй группы, то они представляют собой отличный методический материал для развития языкового чутья, воображения, образного мышления, а также для познания того, как умствовал народ, создавая средства для выражения

новых понятий. В самом деле, если бы в словаре было указано, что слово *беспризорник* восходит к корню *зор-*, слова *доказать*, *показать*, *заказать*, *наказать*, *казнь* восходят к одному корню *каз-*, слово *истязать* происходит от корня *тяг(a)*, то это невольно заставило бы задуматься над путями семантического развития, над теми переносами смысла, благодаря которым возникли новые средства выражения. Но автор [32], разрывая эти связи, как бы говорит: «Не надо развивать воображение и образное мышление. Относись к русским словам как иностранец: запомнил звучание и значение — и хватит с тебя». Если и это не проповедь невежества, то что это?

Наконец, что касается слов первой группы, то словарное указание на то, что слова *бодрый* и *будить*; *выгода*, *годный*, *год* и *негодяй*; *вьюга* и *вить*; *доля* и *делить*; *добрый*, *сдобный*, *удобный* и *преподобный*; *занять* и *понять*; *обет* и *привет*, *изощренный* и *острый* и многие другие являются родственными, поначалу вызовет удивление, которое, по Платону, есть начало познания, а его продолжением станет разъяснение того, какие фонетические и семантические процессы привели к разрыву родственных связей, как получилось, что слова-дети утратили своих отцов. Такие слова могли бы стать материалом для лингвистических игр вроде «Генетическая экспертиза» или «Выхожу тебя искать». Но автор [32], не выявляя эти связи, как бы говорит: «Запрещаю! Не во что тут играть, связи разорвались раз и навсегда, и нечего копаться в прошлом, живи настоящим (синхронным)». А если и это не проповедь невежества, то что это?

Если под педагогикой понимать не только школьное образование, но и просвещение населения, то приходится сказать, что наука в долгу перед обществом. Если ученые лингвисты не могут дать человеку научный ответ на вопрос, как образовано то или иное слово, то тут же явятся лжеученые (так называемые лингвофрики), которые с легкостью необыкновенной расскажут о происхождении всего на свете, в том числе и слов родного языка. Приведу несколько примеров.

«Литературная газета» (№ 47–48; 6148, 2007 г.) целую полосу отдала диалогу двух писателей, Сергея Алексея и Михаила Задорнова, названному так: «Будущее начнётся с родного языка...» Среди прочего писатели взялись беседовать о русском языке, о внутреннем смысле, или, как предпочитают говорить лингвисты, о внутренней форме слов.

«**М. Задорнов.** Человек образованный — это память. А есть еще разумные... Ни в одном языке мира нет слова “разумный”».

С. Алексеев. Разумный — это светлый, солнечный ум. Ра — солнце, свет. То есть освещённый ум. Так вот, у нас основная масса образованных людей не имеет этого освещения».

Стало быть, по мнению Алексеева, слово *разумный* надо поделить на два корня: *Ра* — древнеегипетское имя бога солнца и *ум* — обозначение ментальной способности человека. Правда, куда-то подевался звук *з*, но для наших любителей отечественного языка это такая мелочь, которой можно смело пренебречь. Как и тем, что *Ра* — это слово древнеегипетского языка, который принадлежал к афразийской языковой семье, в то время как русский язык относится к индоевропейской семье.

В действительности, и для того чтобы понять это, нет нужды обращаться к этимологическому словарю, слово *разумный* состоит из приставки *раз-* и корня *ум*; ум — это способность интуитивного постижения сути вещей, разум — это способность к разделению, расчленению, то есть способность к аналитическому, дискурсивному мышлению. Приставка *раз-*, этимологически родственная глаголу *резать*, присутствует в таких словах, как *рассудительный*, *разборчивый*, *раздельный*, *размеренный* и т. п.

Слова *разумный* в других языках, конечно, нет, по той простой причине, что это слово русского языка, но **понятия**, выражаемые по-русски словами *ум* — *разум*, конечно, находят свое выражение и в других языках; например, древнегреческое *nus* — это ум, а *logos* — это разум; латинское *mens* — это «ум», а *ratio* — это «разум»; во французском языке *esprit* — это «ум», а *raison* — это «разум».

Пользуясь методом Алексеева-Задорнова, я тоже сделал множество открытий. Вот одно из них: корень *ра* я нашел еще в слове *дурак*; *ду* в начале слова — это латинское ‘два’, как в слове *дуэт*; значит *дурак* — это дважды сияющий, очевидно, своей глупостью. Какой хороший метод! А то, что в однокоренном как будто бы слове *дурь* никакого *ра* не наблюдается, это ничего, это нам не мешает.

Тот же Задорнов в книжке «Слава роду!» пишет: «И наконец, одно из самых теплых слов русского языка — РОДИТЕЛИ — РОД ТЕЛА! ТЕЛАМИ ПРОДОЛЖАЮЩИЕ РОД!» [64, с. 6, 15,

16]. Конечно, над этим можно только посмеяться или спросить Задорнова: если родитель — тот, кто продолжает род телом, то что делает учитель? Или указать, что в слове *тело* когда-то был другой гласный, который до 1917 года обозначался особой буквой «ятя» — тѣло, а в суффиксе *-тель* никого «ятя» никогда не было, чего, увы, советский школьник Миша Задорнов в советской школе узнать не мог. Но ни Задорнова, ни его читателей и почитателей этим не проймешь, так как они опираются на «очевидность», наука же имеет дело как раз с неочевидностью.

За последние 20 лет «фричество» приняло такие размеры, что уже в Российской академии наук создана комиссия по противодействию лженауке, а в Сети появился сайт, представляющий собой целую энциклопедию современных лженаук всех направлений, — <http://www.freakopedia.ru>

Отчего такая невежественная галиматья получает признание, поддержку в обществе? Да все оттого, что в школе никто не научил настоящему, а не лжеименному словообразованию, не дал в руки подлинный, а не оскопленный словопроизводный словарь русского языка, но с синхронистических позиций никакого другого словаря создать и невозможно.

Научному и педагогическому сообществу давно пора задуматься о создании диахронического, а затем и историко-словообразовательного словаря — хранителя исторической и культурной памяти народа.

§ 2. О понятиях синхронии, диахронии и панхронии

Все сказанное ставит перед нами вопрос о соотношении понятий синхронии, диахронии и панхронии применительно к словообразованию. Статью «Лжеименное словообразование» я закончил следующим выводом: «Термину “словообразование” должен быть возвращен его исконный смысл: он обозначает реальный исторический процесс образования слов и науку, изучающую этот процесс. В качестве лингвистической дисциплины подлинно научным может быть только диахронное, историческое словообразование: “...словообразование в своей сущности исторично” [97, с. 154]». В более поздней статье [68, с. 71–80] я скорректировал этот вывод: теперь я думаю, что синхронное словообразование возможно, но цели

и процедуры синхронного описания понимаю не так, как большинство синхронистов.

Синхронное описание языка по самому смыслу слова *синхронный* есть такое описание, которое исключает категорию времени. Напомню классическое определение синхронии: «Всюду следовало бы различать... 1) *ось одновременности*, касающуюся отношений между сосуществующими явлениями, где исключено всякое вмешательство времени, и 2) *ось последовательности*, на которой нельзя рассматривать больше одной вещи сразу и по которой располагаются все явления первой оси со всеми их изменениями» [96, с. 113]⁴. Синхронное описание на «оси одновременности» — это описание, по Соссюру, «чистых значимостей», то есть это описание чисто смысловых отношений между единицами языка. Так, например, в синхронной фонологии описываются чистые оппозитивные отношения, релевантные для данного языка; в синхронном синтаксисе описываются разнообразные отношения (сочинение, подчинение и пр.); в синхронной лексикологии описываются чистые смысловые отношения (полисемии, синонимии и пр.); всегда в синхронном описании категория времени элиминирована из описания.

Не то в синхронном словообразовании, как мы его знаем сейчас. Дело в том, что сами понятия производящей и производной основ, понятие мотивации имплицитно содержат в себе категорию времени, так как одна основа существовала раньше другой. Чтобы быть синхронным, синхронное словообразование должно отказаться от понятий производящей и производной основ, должно перестать ставить вопрос, что от чего образовано, должно отказаться от оперирования таким понятиями, как словообразовательная модель, способ словообразования, словообразовательное средство, ибо все они в более или менее явном виде содержат в себе категорию времени; в таком стерильном виде словообразование должно отказаться даже от термина «словообразование». Поэтому то синхронное словообразование, какое мы знаем сейчас, в действительности является диахронным, только это диахрония ущербная, ушибленная обывательской языковой амнезией, ибо исключает из поля своего зрения временную глубину историко-словообразовательного процесса.

⁴ Разрядка моя. — А. К.

Если синхронное словообразование является противоречием в терминах, то его следует исключить из номенклатуры лингвистических дисциплин, а его предметную область, на наш взгляд, нужно включить в качестве особого раздела в лексикологию, например, под названием «Лексические гнезда», под которыми с чисто синхронной точки зрения понимаются группы слов, объединенных общностью корня, причем существенно, что эта общность осознается говорящими. Вероятно, как количество гнезд, так и состав каждого из них у разных авторов будет разным, но это лишь свидетельство того, что язык — живой и люди, как его носители, могут по-разному воспринимать то, что в нем живо, а что уже умерло.

Предметом описания должны стать вневременные смысловые отношения между словами в пределах гнезда; при этом неважно, как эти отношения возникли. Так, отношения между словами *учить* — *учитель* детерминированы словообразованием, а между словами *знать* — *гонитель* не детерминированы, однако для синхронного описания это неважно, а важно лишь то, что в обоих случаях имеет место смысловое отношение «действие — деятель». Вопрос о возникновении этих отношений — это уже вопрос диахронного словообразования.

Если синхронное описание должно быть описанием чисто смысловых отношений между словами, объединенными общностью корня вне категории времени; если диахроническое описание должно быть описанием отношений словообразования на оси времени; если историческое описание должно быть описанием того исторического контекста, который обусловил образование того или иного слова, то что может означать понятие панхронии применительно к словообразованию?

Для ответа на этот вопрос нам нужно обратить внимание на одну идею, высказанную Вильгельмом фон Гумбольдтом.

Лингвистическая философия Гумбольдта основана на представлении о языке как живом организме, в котором все взаимосвязано, и в этом смысле «язык можно сравнить с огромной тканью, все нити которой более или менее заметно связаны между собой и каждая — со всей тканью в целом. С какой бы стороны к этому ни подходить, человек всякий раз касается в речи лишь какой-то отдельной нити, но, движимый инстинктом, он постоянно совершает это так, как будто в данный момент ему

открыта вся основа, в которую неизбежно вплетена эта отдельная нить» [60, с. 88]. Из этого с необходимостью следует, что язык существует как целое, предшествующее в логическом порядке частям, а не складывается из ранее существовавших частей: «Язык не может возникнуть иначе как сразу и вдруг, или, точнее говоря, языку в каждый момент его бытия должно быть свойственно все, благодаря чему он становится единым целым» [Там же. С. 308]⁵.

Развивая эту мысль, Гумбольдт указывает, что понимание каждого элемента языка, например слова, зависит от его отношений с другими элементами: «Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу» [Там же. С. 312–313].

В то же время, по видимости противореча себе, Гумбольдт пишет, что «Язык с необходимостью возникает из человека, и, конечно, мало-помалу, но так, что его организм не лежит в виде мертвой массы в потемках души, а в качестве закона обусловливает (bedingt) функции мыслительной силы человека; следовательно, первое слово уже предполагает существование всего языка» [Там же. С. 34]⁶.

Как же разрешить это противоречие между «мало-помалу» и «первое слово уже предполагает существование всего языка», то есть между диахронией и панхронией? Так же, как оно решается в природе. В яблочном семечке нет ни ствола, ни ветвей, ни листьев, ни цветов, ни яблок, и в то же время они все в нем уже есть, но потенциально, в виде возможности, и при надлежащих условиях они станут действительностью. Так и язык: потенциально он существует весь и сразу, то есть панхронично, но действительностью он становится мало-помалу, в диахронии.

Приведу один пример. С точки зрения диахронии, слово *уборщица* образовано от слова *уборщик*, однако исторические

⁵ Разрядка моя. — А. К.

⁶ Разрядка моя. — А. К.

данные показывают, что слово *уборщица* появилось почти на сто лет раньше, чем *уборщик*.

«Я от верных людей слышал, что тогда в Москве была одна только **уборщица** для волосов женских, и ежели к какому празднику когда должны были младые женщины убираться, тогда случалась, что она за трои сутки некоторых убирала и они принуждены были до дня выезду сидя спать, чтобы убору не испортить» (М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. 1786–1787).

«Безобразно раздутый и зловонный труп папы-изверга с великим трудом и площадной бранью едва втиснули в гроб **уборщики** падали, призванные для этой операции с ближайшей живодерни» (П. П. Каратыгин. Временщики и фаворитки 16, 17 и 18 столетий. Книга первая. 1870).

Разумеется, эти исторические данные можно подвергнуть сомнению и сказать, что слово *уборщик* существовало актуально, но только в устном употреблении, а в литературный язык попало поздно. Но можно этим данным доверять, и тогда нужно будет утверждать, что слово *уборщик* потенциально существовало в языке всегда и от этого потенциального слова было образовано актуальное слово *уборщица*, а слово *уборщик* стало актуальным тогда, когда в нем возникла нужда.

В ходе своих исследований я неоднократно убеждался, что без обращения к понятию панхронии, без представления о том, что язык существует в потенции весь и сразу, многие факты словообразования объяснить трудно.

Глава 2

О языке как деятельности, лингвистической типологии и ее значении для словообразования

Понятие словообразования явным образом содержит в себе идею деятельного начала, то есть словообразование следует рассматривать как деятельность по образованию новых слов. Субъектом этой деятельности является сам язык-народ, начиная с ранних стадий своего возникновения и развития; сознательное словотворчество отдельных людей — это, при сравнительно позднем появлении письменности, недавний феномен в жизни языка, зачастую находящийся на его периферии⁷, хотя и оно протекает в заданных языком моделях.

⁷ Существенно иначе обстоит дело в китайском языке. Для китайского литературного языка очень важно установить единообразие написания своих иероглифов и их единообразное толкование, без чего невозможно никакое письменное общение. Для этого с незапамятных времен, почти 5 тысяч лет назад, выработана предельно жесткая система императорского контроля над новыми иероглифами. Фактически весь китайский язык искусственный. Это мозаика разных племенных неродственных друг другу наречий, вошедших в единую империю, своеобразный лингва франка, но очень культурный. Все китайское словообразование (т. е. придумывание новых иероглифов в виде добавления разных новых черточек к старым иероглифам) и символическое придание им звучания (мандаринского, которое сильно варьируется до неузнаваемости по диалектам) — это «словотворчество отдельных людей» — придворных поэтов и ученых. Особенно остро эта проблема стоит в связи с заимствованиями: если исконные китайские слова мотивированы смыслом, то для заимствований производится следующая процедура.

А) Легкий случай. Иноязычное слово односложно. Китайцы прислушиваются к нему и подыскивают свое ближайшее к нему выражение. Своему соответствующему иероглифу они приписывают уже немотивированный новый смысл. Так, для слова «стол» (высокий, на ножках, европейский) берется иероглиф «рыболовная сеть», по созвучию.

Б) Тяжелый случай, но самый распространенный. Многосложное иноязычное слово разбивается на свои слоги, похоже по созвучию на осмысленные китайские слова. Получается некое новое экзотическое словосочетание. При этом подбираются не просто ближайшие по звучанию китайские слова, а из всех ближайших выбирается наиболее подходящее по смысловой мотивации. Например, *танк* по-китайски будет 坦 克 *тан-кэ* (у них нет таких сложных закрытых слогов, как *танк*, поэтому они разбивают это слово на два слога). 坦 *тан* — это «ровный, спокойный, широкий, уверенный» (элементы иероглифа: слева — солдат, воин на карауле, справа квадратик перечеркнутый — солнце, снизу подчеркивание — единица, определенность).

Представление о языке как деятельности обычно связывают с именем Вильгельма фон Гумбольдта: это представление является краеугольным камнем всей его лингвистической философии.

Согласно Гумбольдту, «язык возникает из таких глубин человеческой природы, что в нем никогда нельзя видеть намеренное произведение, создание народов. Ему присуще очевидное для нас, хотя и необъяснимое в своей сути самодеятельное начало (*Selbsttätigkeit*), и в этом плане он вовсе не продукт ничьей деятельности, а произвольная эманация духа, не создание народов, а доставшийся им в удел дар, их внутренняя судьба. Они пользуются им, сами не зная, как они его построили. И все же языки, по-видимому, всегда развиваются одновременно с расцветом народов — их носителей, сотканы из их духовной самобытности, накладывающей на языки некоторые ограничения» [60, с. 49].

Если язык — это в своей сути самодеятельное начало, то его «следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), но как созидающий процесс (*Erzeugung*)» [Там же. С. 69], иначе говоря, «язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energiea*)» [Там же. С. 70].

Смысл этой деятельности, во-первых, заключается в том, чтобы превращать мир объективных вещей с их собственным смыслом, идеей, логосом в мир субъективных мыслей, субъектом которых является сам язык=народ. Это значит, что язык — это некое понимание, истолкование и со-здание мира; «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание» [Там же. С. 80], каждый язык «можно считать особой позицией в видении мира» [Там же]. Между человеком и миром становится язык, поэтому человек «живет с предметами так, как их преподносит ему язык» [Там же]. Так, например, в санскрите «слона называют то дважды пьющим, то двузубым, то одноруким, каждый раз подразумевая один и тот же предмет, тремя словами обозначены три разных понятия. Поистине язык представляет нам не сами предметы, а всегда лишь понятия о них, самодеятельно образованные духом

克 克x — это «справиться, суметь, одержать победу, быть сильным». Таким образом, танк — это что-то спокойное и победоносное. В самой китайской фразеологии эти понятия не сочетаются, но с подачи европейцев они ставят их вместе, передавая новое понятие «танк».

в процессе языкотворчества» [60, с. 103]. Во-вторых, смысл языковой деятельности заключается в том, «чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [Там же. С. 70].

Таким образом, слово представляет собой единство трех сторон:

- 1) указания на вещь с ее собственным логосом,
- 2) истолкование этого внутреннего логоса, смысла вещи в мысли и
- 3) выражение того и другого в комплексе членораздельных звуков (фонем).

Этими тремя сторонами еще не исчерпывается характеристика слова, ибо, помимо обозначения понятия в слове есть еще обозначение применительно к его положению в речи, то есть относительно других слов. Как пишет Гумбольдт, «к самому акту обозначения понятия добавляется еще особая работа духа, переводящая понятие в определенную категорию мышления или речи, и полный смысл слова определяется одновременно понятием выражением и упомянутым модифицирующим обозначением. Но оба эти элемента лежат в совершенно различных сферах. Обозначение понятия относится к области все более объективной практики языкового сознания. Перевод понятия в определенную категорию мышления есть новый акт языкового самосознания, посредством которого единичный случай, индивидуальное слово, соотносится со всей совокупностью возможных случаев в языке или речи» [Там же. С. 118].

В разных языках эта «особая работа духа» производится по-разному, и на этом основано различие трех типов языков: изолирующих, флективных и агглютинативных.

Вообще в звуковом отношении «слово может оформляться только двумя способами: путем внутренней модификации или путем внешних наращений» [Там же. С. 120]. Однако есть языки, например, китайский, которые жестко ограничивают слова корневой формой. Такие языки называют изолирующими. В них невозможны ни внутренняя звуковая модификация, ни внешнее наращение звуков, в силу чего средством категоризации становится сочетание слов и порядок слов в предложении. Тем не менее, даже в изолирующем китайском языке прослеживаются «закрыватели слогов», схожие с нашими суффиксами, распространен также прием образования нового понятия в слове

за счет придания слогу другой интонации. Однако это никак не морфологизировано и не формализовано.

Флективные языки устроены таким образом, что одно и то же внешнее наращение совмещает в себе сразу несколько морфологических категорий, например, рода, числа и падежа, лица и числа и проч. Кроме того, флективные языки могут использоваться для категоризации и внутреннюю модификацию корня: ср. *нести* — *носить*: внутренняя флексия выражает значение определенности — неопределенности действия; или чередование *el/ë сестра* — *сёстры*, *село* — *сёла*: внутренняя флексия выражает значение единственного — множественного числа. Или вот пример арабского языка: *kataba* ‘он писал’, *kutiba* ‘написан’, *kātib* ‘писец’, *kitāb* ‘письмо, книга’; как видим, лексическое значение письма, писания выражается согласными *ktb*, тогда как гласные, которых всего три, модифицируют это значение.

В отличие от флективных языков, в агглютинативных языках, например, в тюркских, внешние наращения, то есть суффиксы, однозначны, а внутренняя модификация корня отсутствует. Например, турецк. *okul* ‘школа’, *okul-lar* ‘школы’, *okul-lar-imir* ‘наши школы’, *okul-lar-imir-da* ‘в наших школах’; суффикс *lar* всегда и везде имеет только одно значение множественного числа, а суффикс *imir* — только значение притяжательности. Из-за этого, по мнению Гумбольдта, агглютинация производит впечатление некоей механичности, в отличие от органичности флексии, что «объясняется слабостью внутреннего организующего языкового сознания» [60, с. 125].

Однако, как бы возражая Гумбольдту, Н. С. Трубецкой считал, что самая устойчивая система — агглютинирующая, поэтому не случайно то, что флективные языки имеют тенденцию к агглютинации.

Русский язык, хотя и относится к типу флективных, широко использует в качестве средства категоризации и агглютинацию; иначе говоря, в нем представлены все три способа категоризации понятия — внутренняя модификация, флексия и агглютинация, причем среди флективных языков (по крайней мере в индоевропейской семье) русский язык занимает особое место по объему использования такого средства, как агглютинация, что, однако, не разрушает впечатления органичности русского слова. Например, *мо-ющ-ие-ся* обои: суфф. *-ющ-*

обозначает настоящее время, *-ся* — обозначает страдательность; это агглютинация.

Внешние наращения могут располагаться как после корня, так и перед ним, однако стоит прислушаться к словам Гумбольдта о том, что наращения перед корнем, то есть приставки, сливаются со словом в меньшей степени, чем суффиксы, и такое слово долго сохраняет характер сложения, о чем свидетельствует орфография; так, еще в XIX веке можно встретить написания наречий типа *въ близи*, *съ начала* вместо современного *вблизи*, *сначала*. Обратные примеры: *вдомъ*, *неспится*.

Для русского исторического словообразования все сказанное означает следующее.

1. Каждый акт словообразования — это акт истолкования действительности, представления действительности в том или ином свете, выявления каких-то новых аспектов этой действительности, со-зидания новой действительности.

2. Флективный строй русского языка означает, что между формо- и словообразованием нет четкой границы, что одна и та же морфема может быть одновременно и словообразующей, и выражать какую-то его конкретную грамматическую форму, то есть быть в одно и то же время и суффиксом, и флексией. Например, слово *раба* образовано от слова *раб* при помощи морфемы *-а*, которая выражает и грамматические значения рода, числа и падежа, и лексическое, точнее — словообразовательное значение женского пола. В этом выражается суть флективного типа языка. Эту тему мы будем более подробно рассматривать в разделе о способах словообразования.

Глава 3

Морфемная структура индоевропейского слова

§ 3. Индоевропейские корни

Индоевропейское слово могло иметь следующую структуру:

- а) *корень + окончание*;
- б) *корень + суффикс основы + окончание*;
- в) *корень + суффикс + суффикс основы + окончание*.

Понятие корня

Корень слова выражает собою некий образ, или представление, однако для общения в некорнеизолирующих языках одних корней мало, так как они, то есть выражаемые ими образы, должны быть поставлены в те или иные отношения в составе высказывания, обмен которыми и составляет коммуникацию. Из духа синтаксиса рождается морфология: корни начинают «расти» — удваиваться или обрастать аффиксами, которые, будучи значимыми единицами, сами изначально были самостоятельными корнями, однако особого рода. Если корни первого рода были знаками образов (представлений), то есть имели номинативную природу, то корни второго рода указывают на отношения к мысли, к говорящему лицу, к лицу слушающего, то есть указывают на логические отношения, следовательно, имеют дейктическую (прономинативную, указательную) природу. Корни первого рода можно назвать знаменательными, корни второго рода — местоименными.

Соединение корней обоих родов образует **основу** слова.

Исходным пунктом словообразования является корень. Это совсем не тривиальное суждение, так как есть лингвисты, которые считают, что корень, в особенности индоевропейский, устанавливаемый посредством реконструкции, — это некая абстракция и его ценность равнозначна любой другой морфеме. Это значит, что о словообразовании можно говорить лишь в тех случаях, когда есть исторически засвидетельствованное производящее слово и исторически засвидетельствованное производное, например, *дом* → *домик*. Согласно иной, противоположной точке зрения, корень есть носитель смысла, благодаря чему он

может быть началом, из которого «растут» производные «ветви»-слова. В этом случае корневая морфема имеет наивысшую ценность, а все прочие морфемы в слове выстраиваются в определенную иерархию.

Обе точки зрения выразил А. Мейе, который, с одной стороны, писал, что «корень не является только абстракцией. У большинства корней были именные и глагольные формы с нулевым суффиксом, постепенно исчезающие по мере развития отдельных диалектов, но представлявшие существенный элемент в общеиндоевропейском; корень, следовательно, сам по себе и без присоединения суффикса выступал как основа, т. е. являлся конкретной реальностью. Таков корень **ed-* в скр. *ad-mi* “ем” или **wekw-* в лат. *uox* “голос”» [83, с. 169]. Но он же, с другой стороны, утверждал: «Мы, однако, будем понимать корень как элемент соотносительный с суффиксом и окончанием, а не как элемент “первоначальный”, из которого слова образовывались бы путем сложения и словопроизводства. Иначе говоря, слово “относится” к тому или иному корню, т. е. входит в совокупность слов, включающих одинаковый комплекс фонем, с которым ассоциируется некий общий смысл, но оно не “производится” и не “возникает” из корня, хотя во многих случаях слово, имеющее в своем составе некий суффикс, присоединенный к корню, и образовалось в действительности прибавлением вторичного суффикса к корневой основе; так, например, такие имена, как гр. ὕδωρ (с суффиксом на *-r-* в им.-вин. п.) “вода”, род. п. ὕδατος (с суффиксом на **-n-* в косвенных падежах) или как др.-сл. **вода**, суть производные от корневой основы **wed-*, **wod-*, **ud-*, от которой есть, с другой стороны, и производное на **-es-*: гр. ὕδαι — дат. п. ед. числа» [Там же. С. 169–170].

Причина этой противоречивости, как нам кажется, кроется в неотрефлексированности самого понятия производства: если нечто производится, то возникает вопрос о том, **кто** является субъектом этого производительного акта и **какой силой** он производится? Обладает ли корень сам по себе производительной силой и сам из себя производит производные слова? В этом случае имеет место полная аналогия с живой природой, на которую наталкивает метафора корня. Или же корень сам по себе производительной творческой силой не обладает, но кто-то иной пользуется корнем и, прилагая свою производительную

силу, производит новые слова; в таком случае возникает вопрос: **кто** же в таком случае является демиургом? В этом случае аналогия с живой природой будет неполная: корень в этом случае подобен материалу, чему-то вроде глины, из которой мастер, используя ее свойства, строит здания из слов. Кто же этот мастер?

Для ответа на этот вопрос обратимся к некоторым идеям А. Ф. Лосева, однако сначала приведем еще одну цитату из книги А. Мейе: «Корень сам по себе выражает действие; в сопровождении глагольных окончаний он обозначает процесс; в сопровождении именных окончаний он обозначает внутреннюю силу, определяющую действие (как, например, лат. *lūx* “свет”, *īox* “голос”); во второй части сложения он обозначает действующее лицо (как, например, вед. *vṛtra-hán* “поражающий Виртру”, лат. *parti-ceps* “имеющий часть”, *au-spex* “наблюдающий птицу”» [83, с. 169]. Из этого следует, что сам по себе корень не есть ни глагол, ни имя, или, что то же самое, «каждый корень был словом как именного, так и глагольного значения, примерно как английское *love*» [Там же. С. 171]; и тем и другим его делает то, что Мейе назвал «окончаниями», то есть теми частями слова, которые следуют за корнем. Откуда же они берутся? Для ответа на этот вопрос полезно обратиться к некоторым мыслям А. Ф. Лосева, изложенным в статье «О коммуникативном значении грамматических категорий».

Язык, для того чтобы выполнить свою основную роль средства общения по поводу той или иной действительности, должен эту самую действительность как-то понять, в силу чего «язык всегда есть некоторого рода интерпретация» [80, с. 179]. Мысль об интерпретативной природе языка не раз была высказана русскими лингвистами — А. С. Шишковым, К. С. Аксаковым, А. А. Потебней, но именно у А. Ф. Лосева она была поставлена в связь с коммуникативной ролью языка, а грамматические категории были рассмотрены как принципы интерпретации действительности.

Из всех грамматических категорий нас в первую очередь интересуют части речи. Всякое живое слово всегда относится к той или иной части речи, а часть речи — это прежде всего лексический класс слов с общим категориальным значением. Это значит, что при образовании слова первым к лексическому

значению корня присоединяется категориальное значение части речи, поэтому уяснение того, что же собой представляет это категориальное значение, имеет первостепенное значение для словообразования.

Части речи связаны с основными логическими категориями субстанции, действия, качества, количества, отношения и др., но не являются их прямым отражением, ибо, в противном случае, языкознание прямо сливалось бы с логикой; они, по определению Лосева, представляют собой «обязательно то или иное понимание того или иного предмета, то есть всякого и любого предмета, в свете данной логической категории» [80, с. 186]. Поясняя это общее положение при помощи примера, Лосев сопоставляет в некотором роде основные части речи — имя и глагол. Глагол *ходить* и имя существительное *хождение* предметно-логически ничем не отличаются друг от друга, так как оба слова обозначают известное действие. Различие между ними заключается в том, что эти слова как части речи по-разному понимают это действие: «В одном случае действие понимается как действие, в другом же случае действие понимается как субстанция» [Там же. С. 187].

Эти идеи были использованы в учебном пособии «Введение в языкознание», написанном мною в соавторстве с Н. А. Николиной, где в разъяснение главной мысли сказано следующее: «Чем отличаются *смех*, *смешной*, *смеяться*, *смешно*? Предметно, логически это одно и то же; различаются эти слова “не логически, а исключительно как акты понимания одного и того же явления” [Там же. С. 316]. В одном случае факт действительности понимается как субстанция, в другом как качество, в третьем как действие, в четвертом как образ действия.

С этой точки зрения существительное есть понимание чего угодно в действительности как субстанции: *трава* — субстанция, понятая как субстанция; *доброта* — качество, понятое как субстанция; *тройка* — количество, понятое как субстанция; *бросок* — действие, понятое как субстанция; *болезнь* — состояние, понятое как субстанция; *любовь* — отношение, понятое как субстанция. Существительное, таким образом, опредмечивает действия, состояния, качественные признаки: *стирка*, *чтение*, *болезнь*, *доброта*, *желтизна*.

Глагол есть понимание чего угодно в действительности как действия: *бежать* — действие, понятое как действие; *поглубеть* — качество, понятое как действие; *удвоить* — количество, понятое как действие; *дурачиться* — субстанция, понятая как действие; *болеть* — состояние, понятое как действие; *любить* — отношение, понятое как действие.

Прилагательное есть понимание чего угодно в действительности как качества: *добрый* — качество, понятое как качество; *больной* — субстанция, понятая как качество; *подвижный* — действие, понятое как качество; *первый* — количество, понятое как качество; *любимый* — отношение, понятое как качество; *грустный* — состояние, понятое как качество.

Наречие есть понимание чего угодно в действительности как образа действия или обстоятельства действия: *красиво* — качество, понятое как образ действия; *грустно* — состояние, понятое как образ действия; *по-барски* — субстанция, понятая как образ действия; *трижды* — количество, понятое как образ действия; *наверху* — субстанция, понятая как обстоятельство.

Грамматическая интерпретация действительности необходима для того, чтобы общаться по поводу этой действительности. Общаться значит сообщать что-то о чем-то: можно ли общаться по поводу доброты, если это качество нельзя представить в виде особого предмета, чтобы он смог стать субъектом-подлежащим каких-нибудь предикатов-сказуемых? Очевидно, нет» [69, с. 130].

Из приведенных примеров видно, что современный русский язык обладает обширным репертуаром словообразовательных средств, при помощи которых образуются слова той или иной части речи и, следовательно, осуществляется та или иная интерпретация некоего предметно-логического значения. Так, суффиксы *-ость*, *-ота*, *-ство* образуют имена существительные от прилагательных и тем самым интерпретируют качество или свойство как предмет, что и позволяет общаться по поводу этого предмета, употребив слова с этими суффиксами в роли подлежащего или дополнения. Вторичные глаголы 4-го класса типа *солить*, *хвалить* образуются при помощи суффикса *-и-*, тем самым интерпретируют субстанцию как действие, что и позволяет составить высказывание, употребив слова с этим суффиксом в роли сказуемого.

Все сказанное в общем-то уже известно и служит лишь введением к тому вопросу, который является пока нерешенным. Сама постановка этого вопроса вытекает, в частности, из чтения «Этимологического словаря славянских языков». При чтении этого словаря можно заметить некие колебания в определении словообразовательных отношений. Вот несколько примеров.

Праслав. имя **bĕgъ* является «отглагольным именем, производным от **bĕgt'i*, **bĕgati*» [34, вып. 2, с. 62].

Праслав. имя **blŏdъ* — «отглагольное имя с *o*-вокализмом, производное от основы гл. **blĕdŏ*, **blĕsti*» [Там же. Вып. 2, с. 127].

Праслав. **bodъ* 'укол' — «имя со старым *o*-вокализмом корня, соотносительное с гл. **bodŏ*, **bosti*» [Там же. С. 154].

Праслав. **borъ* — «имя с вокализмом *o*-, непосредственно соотносительное с гл. **bъrati*» [Там же. С. 218].

Праслав. **gonъ* — это «название действия, соотносительное с **gъnati*, **ženŏ* и **goniti*» [Там же. Вып. 7, с. 27].

Как видим, в одних случаях имя квалифицируется как **производное** от глагола, в других случаях — как **соотносительное** с глаголом. Причина этой непоследовательности, по видимому, кроется в том, что остается неясным, **как именно** имя **bĕgъ* произведено от глагола **bĕgt'i*, или имя **blŏdъ* образовано от основы глагола **blĕdŏ*. Поэтому вместо строго определенного и однозначного понятия производности вводится более осторожное понятие соотносительности, позволяющее обойти вопрос о характере словообразовательных отношений между именем и глаголом. Слабость этого понятия заключается в его теоретической необоснованности. В самом деле — что значит выражение «имя, соотносительное с глаголом»?

На наш взгляд, учение Лосева о грамматических категориях и, в частности, о частях речи как принципах интерпретации действительности позволяет дать убедительный ответ на этот вопрос и обосновать понятие соотносительности.

Общение людей осуществляется при помощи высказываний, всякое высказывание есть сказывание чего-то о чем-то, то есть осуществляется по формуле S есть P. Чтобы коммуникация была успешной, слушающий должен сразу понимать, какое слово обозначает субъект, какое — предикат, а также объект и разные приходящие обстоятельства. Разные типы языков выработали разные способы выражения субъекта и объекта,

в индоевропейских языках флективного типа такими способами стали морфологические средства: это могли быть как видоизменения звуковой формы корня (внутренняя флексия), так и присоединение к корню, выражающему некий отвлеченный смысл, неких маркеров, одни из которых имеют значение имени, которое выступает то как субъект, то как предикат, то как объект, то как обстоятельства, а другие имеют значение глагола, который выступает в роли предиката. Перефразируя название известного сочинения Ф. Ницше, можно сказать: из духа синтаксиса рождается морфология.

Из этого, на наш взгляд, следует, что изначально ни имя не образовывалось от глагола, ни глагол от имени; и то, и другое образовались независимо друг от друга, так сказать параллельно, в составе единого высказывания, которое первично по отношению к морфологическим формам и является их рождающим лоном. В этом и заключается смысл выражения «имя, соотносительное с глаголом»: имя и глагол (например, **bĕg-ъ* и **bĕg-o-m* = *бегу*) одновременно тождественны, так как имеют один и тот же корень, и различны, так как являются разными способами понимания выражаемого корнем смысла: в имени смысл понимается как субстанция, в глаголе — как действие.

Поясим это на примере. По законам мышления в предложении, которое так или иначе является суждением тождества, должны быть показатели того, что и субъект=подлежащее, и объект=сказуемое относятся к одной и той же сущности. Возьмем предложение *Рабы несут воду* и запишем его на индоевропейском языке с расчленением слов на морфемы:

**Orb-o-i nes-o-nt vod-a-m.*

Мы видим, что предметный суффикс **o* есть и в подлежащем, и в сказуемом, именно он отождествляет оба главных члена предложения, относя их к одной сущности, или субстанции, а именно к рабам. Корни **orb-* и **nes-* являются двумя именами этой сущности. Флексия **i* — это суффикс подлежащего, а также показатель множественного числа; флексия **nt* — это показатель настоящего времени, а также множественного числа. Так осуществлялось тождество и различие, что и является необходимым и достаточным условием для нормального суждения.

Понятие соотносительности как раз и выражает это одновременное тождество и различие имени и глагола, а термин

соотносительность ввиду своей краткости и смысловой прозрачности удобен для употребления.

В отношении вопроса о том, кто является субъектом словообразования, можно теперь сказать, что **таким «субъектом» является сама коммуникативная потребность: сами условия общения понуждают язык=народ искать средства разграничения тех или иных синтаксических позиций.** Еще раз повторю: из духа синтаксиса рождается морфология.

P. S. А сами-то корни с их исходным смыслом откуда взялись? Этот вопрос мы считаем метафизическим, то есть выходящим за пределы научного, то есть верифицированного знания. Меня лично вполне удовлетворяет такой ответ на этот метафизический вопрос. Человек как творение Божие наделен даром умозрения, то есть постижения умом смысловой сущности вещей, а также даром облекать эти смыслы в звуковые образы для передачи другому человеку, то есть для живого человеческого общения. Способом постижения смысловой сущности вещей является метафора; это значит, что в своих истоках каждый корень является образом, или представлением, вещи (в самом широком смысле слова).

После этого теоретического введения перейдем к поставленному вопросу об индоевропейских корнях.

Индоевропейское слово для выражения разнообразных лексических, словообразовательных и грамматических значений состояло из корня, суффиксов, образующих основу слова, а также окончаний. В европейской лингвистической литературе основу принято называть темой. Тема может заканчиваться на согласный или гласный. Самым продуктивным оказывается гласный **-o*, поэтому он называется «тематическим гласным». В морфологическом же отношении этот тематический гласный является суффиксом, как и другие гласные — **i*, **u* и пр. Кроме этих структурных элементов, индоевропейское слово обладало такими выразительными способами, как изменение тона и чередование (альтернация) гласных, что и станет темой данного раздела.

Однако прежде укажем на одну важную особенность слоговой структуры индоевропейской основы, которая заключалась в том, что слоги в основе могли быть как открытыми, так и закрытыми, то есть оканчиваться как на слоговые, так

и неслоговые звуки. Большинство гласных были только слоговыми, а большинство согласных — только неслоговыми. Однако сонорные согласные в силу их высокой звучности в зависимости от позиции в слове могли быть как слоговыми, так и неслоговыми; наиболее высокие по подъему гласные (**i*, **u*) также в зависимости от позиции могли быть и слоговыми, и неслоговыми; в дифтонгах второй звук всегда был неслоговым.

Удвоение корня

Самый простой и, вероятно, наиболее древний способ образования основы — это удвоение корня, или редупликация. Этот феномен встречается в языках первобытных народов, в речи детей, в народных говорах. «Индоевропейское удвоение есть грамматический прием, используемый в глаголах, во-первых, для усиления смысла, во-вторых, для указания на повторность или длительность действия и, наконец, для указания на полную его законченность, а в именах — в качестве экспрессивного приема и к тому же почти исключительно в терминах аффективного или технического характера» [83, с. 199]. При удвоении последний звук корня часто отпадает. Примерами удвоения корня могут служить греч. γαρ-γα-ίρω ‘кишу’, ἀλαλάζω ‘громко кричать, издавать боевой клич’. лат. *turtur* ‘горлица’, *tintinnabulum* ‘колокольчик, бубенчик’, *murmuro* ‘бормотать’, праслав. **gol-gol-o-s* > ст.-сл. глаголь (ср. **gol-s-o-s* > ст.-сл. глась, русск. *голос*), праслав. **de-d-jo* > ст.-сл. де-жд-ѣж, русск. *колокол* < **kolkol*-.

Удвоение корня не играло большой роли в индоевропейских языках, поскольку не могло сформировать части речи, то есть части высказывания.

Внутренняя флексия

Выразительной особенностью и.-е. корня было то, что гласный элемент корня мог изменяться; это явление принято называть внутренней флексией (нем. *Ablaut* — термин Якоба Гримма). О природе этих чередований у лингвистов есть разные мнения. Одни лингвисты полагают, что в исходной точке эти чередования были фонетическими и лишь впоследствии приобрели грамматическое значение. Так, Бодуэн де Куртенэ писал,

что «первоначальное побуждение (импульс) к возникновению альтернации имеет всегда чисто фонетическую или чисто антропофоническую природу» [49, т. 1, с. 280]. Другие, напротив, полагают, что чередование «всегда является нам как нечто, относящееся к грамматике и синхронии» [96, с. 148]. На наш взгляд, правы и те и другие — все зависит от конкретного случая. Так, чередование *г // ж* в словах *другъ // дружькъ, дружити > друг // дружок // дружить* изначально имеет фонетическую природу; после окончания действия закона внутрислогового сингармонизма утратились и фонетические условия чередования в словах *друг // дружок*, а *друг- // друж-* стали алломорфами одной морфемы. Чередование же *е // о* в словах *нести // носить*, вероятнее всего, изначально было грамматическим. Во всяком случае, в историческом словообразовании приходится иметь дело с чередованиями обоих типов, однако существенными для словообразования являются семантически значимые чередования. Например, в корнях *мок- // мак- // моч- // мач-* чередование гласных фонем *о // а* семантически значимо, а чередование согласных *к // ч* в словах *лук — лучок*, бывшее некогда фонетическим и ставшее историческим, семантически незначимо. Иначе говоря, чередование гласных фонем *о // а* имеет словообразовательное значение, а чередование согласных *к // ч* такого значения не имеет, оно лишь сопровождает словообразовательный акт в условиях действия закона внутрислогового сингармонизма, а после прекращения действия этого закона чередование происходит по традиции, в соответствии с морфонологическими закономерностями; ср. *лесок-лесочек* и *брелок-брелочек*.

«Следует различать аблаут качественный (или тембровый) и количественный. Под качественным (тембровым) аблаутом понимают чередование гласных различного образования (например, чередование гласных [ĕ : ǫ]: русск. *беру* — *сбор*, *нести* — *носить*; польск. *posiec* — *potok*, *leżeć* — *łoź*). Количественный аблаут представляет чередование гласных, дифференциальным признаком которых является только количество; например [ĕ : ē]» [45, с. 26].

Впервые аблаут был описан на материале санскрита древними индийскими учеными; их приемы описания и термины перешли затем в индоевропейское языкознание. «Так именно древнеиндийские ученые создали учение о ступенях аблаута, различая в нем исходную или низшую ступень, основную

ступень (*guna*) и ступень поднятия (*vyddhi*). Известный казанский лингвист Н. Крушевский свое исследование, посвященное чередованию основной ступени гласных в старославянском языке, так и назвал: “К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма” (1881)» [45, с. 26]. Различные гласные аблаута традиционно до сих пор называются ступенями.

Отвлеченно и несколько упрощенно говоря, структура и.-е. корня с чередованием гласных может быть представлена в следующем виде (буква *t* обозначает любой согласный звук):

**tet*- // **tot*- (основная ступень аблаута)

**tēt*- // **tōt*- // *tət* (*шва примум*) (ступень продления аблаута)

**tīt*- // **tūt*- (ступень редукции аблаута)

**tīt*- // **tūt*- (ступень продления редукции аблаута)

**tt*- (нулевая ступень аблаута).

(Примечание. *Schwa indogermnicum primum* представлял собой степень редукции долгих гласных *ā*, *ē*, *ō* в предударном слоге; например: и.-е. **stōti* // **stajōn* > праслав. **stati* // **stojō* [44, с. 147]. Эти чередования имели изначально грамматическую природу.

Корень с *e*-огласовкой является глагольным, то есть от этого корня образуются глаголы. Корень с *o*-огласовкой является именным, то есть от этого корня образуются имена, а также вторичные, то есть отыменные глаголы.

Корни с другими огласовками участвуют в образовании некоторых специфических семантических и грамматических модификаций, о чем будет сказано ниже.

«При изучении аблаута в отдельных индоевропейских языках следует ясно себе представить, что аблаут дошел в сильно преобразованном виде. Эти преобразования являлись результатом фонетической эволюции, аналогических процессов, генерализации огласовок, утраты отдельных звеньев аблаута, возникновения новых грамматических категорий» [45, с. 28]. Поэтому «в сравнительной грамматике славянских языков целесообразно пользоваться термином *ступень аблаута* только применительно к индоевропейскому языку, т. е. когда славянский языковой материал соотносится с индоевропейским. Применительно к праславянскому вернее говорить не о ступенях, а о различных **огласовках** аблаута. Полагаю, что этот термин предпочтительнее даже в таких случаях количественных чере-

дований, как *sъpati* — *zasypati*, *sъlati* — *posylati*, *bъrati* — *sъbirati*, так как в данном случае мы имеем дело уже не с чередованием на ступени редукции, а с чередованием кратких и долгих гласных (ср. аналогичное чередование в глаголах: *roditi* — *radjati*, *xoditi* — *xadjati*, *voditi* — *vadjati*, *goditi* — *gadjati* и др.) [45, с. 27].

Чередования на основной ступени в праславянском преобразовались так: и.-е. *ě // ѿ >* праслав. *e // o* (*несѣти* — *носѣтъ*).

Чередования на ступени продления в праславянском преобразовались так: и.-е. *ē // ō // ə >* праслав. *ě // a // ō*: **rězati // *razъ* (*прѣзати // раз*), **stōti // *stājōm >* праслав. **stati // *stojō* (*стати // стою*).

Иногда под влиянием соседних звуков чередование *ō // ə* могло получить вид: *a // у* или *a // и*. См., например: **kūōs- // *kūəs-* *> *kvasъ // *kysnōti* (*квас // киснуть*); ср. также *xvatati // хитрый < хытрый, хвала // хулить, хворъ // хиреть*.

Чередования на ступени редукции в праславянском преобразовались так: и.-е. *ĩ // ŷ >* праслав. *ь / ъ*. Распространению огласовок *ь* и *ъ* в праславянском чередовании способствовал прежде всего переход слоговых сонантов *ɾ, ʎ, ŋ, ŋ,* в *ьr, ъr, ъl, ъl, ъm, ъm, ъn, ъn*. Слоговые сонанты в и.-е. языке представляли собою нулевую ступень чередований, а после перехода слоговых сонантов в неслоговые носителями слога стали *ь* или *ъ* (первоначально *ĩ* и *ŷ*). После преобразования нулевой ступени аблаута возник обычный ряд чередований *ě // ѿ // ь // ъ*, например: *mer-ti // mor-ъ // съ-мър-тъ*.

Продление чередований на ступени редукции в индоевропейском привело к возникновению чередований долгих гласных: *ĩ // ŷ > ī // ū*. В праславянском это чередование преобразовалось так: *ī // ū > i // u*.

«В результате в праславянском сформировался следующий ряд чередований [ě : ѿ : ь : ъ : ё : ā : ī : ū]» [45, с. 35]. После утраты долготы и краткости этот ряд примет такой вид: *e : o : ь : ъ : a : u : ы*.

Чередования гласных в пределах корня в и.-е. языке имело смысловоразличительное значение, следы чего сохранились вплоть до настоящего времени.

Так, *e*-огласовка характеризует глагольные основы, *o*-огласовка — именные основы: *велеть* — *воля*, *плести* (**pletiti*) — *плот*, *везти* — *воз*, *бреду* — *брод*, *пеку* — *пот*, *лежу* — *лог*, *гребу* — *гроб*, *несу* — *ноша*, *(в)веду* — *(в)вод*, *теку* — *ток*, *реку* — *рок*, *мету* — *мот*, *чешу* — *коса*,

(со)беру — (с)бор, стелю — стол, стерегу — сторож,
(за)переть — (за)пор.

Этот тип чередования хорошо отражен в соответствующих грамматических категориях греческого языка: λέγω 'говорю' — λόγος 'слово'; πλέκω 'плету' — πλοκή 'плетение'; τρέπω 'поворачиваю' — τρόπος 'поворот'; φέρω 'несу' — φόρος 'налог', φορός 'несущий'; трέμω 'дрожу' — τρόμος 'дрожь, трепет'; трέχω 'бегу' — τροχός 'круговой пробег', τροχός 'колесо'; рέω 'теку' — роή 'поток'; πέκω 'чешу' — πόκη 'шерсть', πόκος 'руно'; νέμω 'пасу' — νομός 'пастбище'; χέω 'лью' — χοή 'возлияние'; πέμπω 'посылаю' — πομπή 'отправление, посылка'; λέπω 'обдираю' — λοπός 'шелуха'; δέμω 'строю' — δόμος 'дом, здание'; φένω 'убиваю' — φονή 'убийство, резня' и много аналогичных примеров [45, с. 40].

В ряде случаев дифференциация презенса и инфинитива (именной формы) выражается при помощи чередования *ь // е*: **начьнж** — **начати** (< **nakъnǝ* — **nakenti*), **мьрж** — **мерети**, **тьрж** — **терети**, **жьмж** — **жати**, **кльнж** — **клати**, **жьрж** — **жрѣти** (< **gerti*), **пньж** — **пати**, **пърж** — **перети**, **имж** (< **jъmǝ*) — **яти** (**jēti*), **цьвтж** — **цьвѣсти** (**kveisti*).

Выстраивается линия последовательного ослабления корневого *-о-*: *о // е, е // ь*. Если рассуждать от личноглагольной формы к именной, то, напротив, получится усиление корневого звука: *ь // е, е // о*.

Возможна и прямо противоположная дифференциация: огласовка *е* в настоящем времени и огласовка *ь*, реже огласовка *ъ* в инфинитиве: **берж** — **бьрати**, **зовоу** — **зьвати**, **плюж** (**reijǝ*) — **пльвати**, **женж** — **гьнати**. Обратим внимание, что инфинитив в этом втором противоположном случае сопровождается суффиксом *-а-*. В случае типа *начьну*: *начати* инфинитив образуется без суффикса. Следовательно, это более древние отношения. И совершенно невозможно отношение **-о-* в личной форме // *-е-* в имени.

Кроме того, для различения глагола и имени использовалось, хотя и редко, чередование [ǝ — ǝ̄]: **крож** — **краи**, **корж** — **кара**, **горж** — **гарь**, **творж** — **тварь**, **словж** — **слава**. Этот последний случай показывает более полную градацию усиления корневого гласного: *-ь-* только в личной форме, иногда позже — в инфинитиве // *-е-* в личной форме // *-о-* в имени, *-а-* в имени (часто собирательном или отвлеченном).

Во вторичных глаголах 4 класса *o*-огласовка выражает значение нецеленаправленного действия, в отличие от *e*-огласовки в глаголах 1 класса: *носить* — *нести*, *возить* — *везти*. Глаголы 4-го класса со значением нецеленаправленного действия вторичны, они отыменные, отсюда их корневое *-o-*. Чередование *й // ī > ъ // ы* в корне **tūk-* // *tūk-* выражает значение однократности — длительности действия: *тѣкнути* — *тыкати* > *ткнуť* — *тыкать*.

Чередование **ō // *ō > o // a* также выражает противопоставление однократности — длительности действия (*родити // раждати*, *гонити // ганяти*, *ломити // ламати*, *скочити // скакати*). В чередовании кратких и долгих гласных маркированным был долгий гласный, выражавший длительность действия: **lōmiti // *lōmati* (каузатив — дуратив). После того как количественные различия уступили место качественным, материальные носители противопоставления изменились, но их содержание осталось прежним: *ō // ō > o // a*; ср. др.-рус. **ломити // ламати** (в дальнейшем орфографическое выравнивание *ламати* → *ломать* стерло это противопоставление для глаза, однако под ударением в длительных глаголах корневой гласный *a* сохранился: *взлāмывать*). Таким образом, чередование гласных в корне (аблаут) по-прежнему остается одним из средств словообразования. См.: **рѣвати // рывати** > *рвать // рывать* (**ī // *ī > ъ // ы > ø // ы*).

Чередование **ě // *ē > e // ě* также выражает противопоставление однократности — длительности действия (*мести // замѣтати*, *плести // заплѣтати*).

Чередование **ī // *ī > ъ // и* выражает противопоставление конкретной и отвеченной длительности действия (*бѣрати // събирати*, *мѣру // умирати*). Однако было бы неправильно видеть в **бѣрати**, **мѣру** ступень редукции, ибо исторически это уже более позднее, собственно славянское чередование. Если в ряду *бѣрати* — *берѣ* — *съборѣ* первый член ряда восходит к ступени редукции, то в ряду *бѣрати* — *събирати* чередование *ь // и* было чередованием кратких и долгих монофтонгов.

Чередование гласных имеет место также и в тематических элементах имен.

В склонении на **ī* ступень редукции представлена в следующих формах:

И. п. ед. ч. — дом-ѣ, В. п. ед. ч. — дом-ѣ, Т. п. ед. ч. дом-ѣ-мь,

Д. п. мн. ч. — дом-ѣ-мь, В. п. мн. ч. — дом-ѣ < *domuns,

Г. п. мн. ч. — дом-ѣ-ми.

Основная ступень представлена в таких формах:

Р. п. ед. ч. — дом-у < *domous, Д. п. ед. ч. — дом-о-ви < *dom-o-ui,

М. п. ед. ч. — дом-у < *dom-o-u.

«Из чередований в аффиксах отметим чередование [ǫ : ǫ] в приставке *po-*. В именах эта приставка под ударением представляла продленную ступень и отражалась в славянских языках в виде приставки *pa-* (ср. русск. *пасынок*, *память*, *памока*; чешск. *pakun*, *paklic*, *palonk*, *pahrbek* и др.). В глаголах и отглагольных именах находим безударную приставку *po-*: *ponositi*, *ponošenje*. Из чередований в суффиксах отметим случаи *et* : *ot* (ср. *trepěť*, но *tropotěť*, *košěť*, но *kokotěť*, *lepěť*, но *lorotěť*). Известны еще варианты *er* : *or*, *ter* : *tor* и др.» [45, с. 44].

Фонетическая форма индоевропейского корня

Как было установлено, индоевропейский корень имел некоторые ограничения своего звукового состава.

1. «Нет корней, которые бы начинались и оканчивались на смычную звонкую не придыхательную» [83, с. 191], то есть в начале и конце корня не могло быть звуков **b*, **d*, **g*; только **b^h*, **d^h*, **g^h*.

2. «Корень, начинающийся на смычную звонкую придыхательную, не оканчивается на глухую, и наоборот» [Там же]; это значит, что существуют **b^heu^hd^h*- и **b^heid-* (смычный звонкий — смычный звонкий), но не существует **b^heut-* (смычный звонкий — смычный глухой) или **teub^h*- (смычный глухой — смычный звонкий).

3. «Корень не начинается и не оканчивается на два сонанта или на две смычные, если не считать того случая, когда между ними выпала чередующаяся гласная» [Там же. С. 192]; это значит, что в начале и конце корня не может быть сочетаний типа **rr*, **rl*, **lr*, **ll*, **rn*, **nr*, **bb*, **bd*, **db*, **gb*, **bg*, **rd* и подобные им.

4. «Ни один односложный корень не оканчивается на собственно гласную **e*, **o*, нуль: корень может иметь вид **ei-*, **teu-*, **pek^w*- и т. д., но не **e-*, **te-*, **pe-* и т. д.» [Там же].

Таким образом, в индоевропейском языке возможны следующие типы корней:

1. Согласная или сонант + *е, или *о, или нуль + согласная или сонант.

2. Согласная или сонант + *е, или *о, или нуль + сонант + согласная.

3. Согласная + сонант + *е, или *о, или нуль + согласная или сонант.

4. Согласная + сонант + *е, или *о, или нуль + сонант + согласная.

В эти 4 пункта входят только возможные закрытые слоги; открытыми могли быть любые слоги.

Корневые основы

корень + внешняя флексия

В и.-е. праязыке существовало немало имен и глаголов, у которых основа состояла из одного корня; вероятно, это был древнейший вид основы. Как пишет А. Мейе, бессуффиксные слова с корневой основой обозначали «самое действие, выражаемое данным корнем, и в древнейшее время, по-видимому, саму внутреннюю силу, присущую этому действию; такого рода слова могли, следовательно, иметь культовую значимость. Ввиду того, что эта сила разумелась как наделенная признаком самки, имена эти часто бывают женского рода: так, скр. *vák* ‘слово’ и лат. *uōx*, лат. *lūx* ‘свет’ и т. п. Здесь вскрывается самое существо индоевропейских корней, которые прежде всего обозначали действия. Реже, чем действия, этими именами могли также обозначаться действующие лица: это наблюдается в таких архаичных терминах, как, например, лат. *gēs* ‘царь’ и вед. *gāt* (основа *gaj-*), лат. *dux* ‘вождь’ и т. п.; если их смысл таков, то имена с нулевым суффиксом оказываются в таком случае мужского рода» [83, с. 268].

Примерами имен с основой, равной корню, являются греч. *κῆρ* ‘сердце’, *χθών* ‘земля’, *βοῦς* ‘бык’, *θήρ* ‘зверь’, лат. *mūs* ‘мышь’, *tubi-cen* ‘трубач’ при *cano* ‘пою’;

Корневые атематические основы характеризуют очень древнее состояние языка, в историческую эпоху они быстро исчезают, сменяясь тематическим типом.

§ 4. Префиксация

В индоевропейском языке не существовало такого способа образования основы, как **префиксация**. Как писал А. Мейе, «индоевропейский язык не знает префиксов; единственный префикс, который можно было бы признать, это так называемое приращение (аугмент): скр. a-bharat “он нес”, гр. ἔ-φερε, арм. e-ber; но приращение, как мы увидим, не составляло необходимой составной части глагольной формы» [83, с. 171]. Из этого следует, что префикс как часть основы — это феномен, развившийся в отдельных языках уже после распада индоевропейской языковой общности. По происхождению префиксы — это предлоги, то есть самостоятельные слова, поэтому можно сказать, что префиксация в своих истоках и по многим важным признакам приставочных производных слов в дальнейшем — это не что иное, как словосложение. Академик А. А. Шахматов хорошо представлял себе это и предлагал выделить в русском языке особую часть речи — **префикс**.

§ 5. Индоевропейские суффиксы

Основным способом словообразования в индоевропейском языке был суффиксальный способ, однако роль и значение суффиксов в составе слова различна. Одни суффиксы имеют более узкое, особенное значение, например, значение уменьшительное или увеличительное, ласкательное или презрительное и т. д.; другие суффиксы имеют широкое, категориальное значение, образуя имена или глаголы. Само различие имен и глаголов является фундаментальным для индоевропейского языка, однако вопрос о том, что появилось раньше — имя или глагол, — трудноразрешим. «Трудно сказать, какую стороною природа и жизнь раньше и сильнѣе дѣйствовали на человѣческую душу: формами ли и свойствами своихъ тѣль, или энергіей своихъ силъ, отношеніями ли тѣль въ пространствѣ, или измѣненіями явленій во времени? Вслѣдствіе того вопросъ о первенствѣ имени или глагола является неразрѣшимымъ. Несомнѣнно только, что дуализмъ матеріи и силы, пространства и времени, долженъ былъ такъ или иначе отразиться на содержаніи и формахъ языка, что и выразилось въ различеніи именъ и глаголовъ, формъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ» [52, с. 23].

Лишь умозрительно можно сказать, что имена предшествовали глаголам: глаголы в высказывании играют роль предикатов, но для того чтобы сказываться о вещи, эта вещь должна наличествовать в сознании в виде имени. Имена предшествуют глаголам лишь в логическом порядке, но не временном. В реальной речевой деятельности им обоим предшествует высказывание, которое и является их рождающим лоном. Можно предположить, что первой формой высказывания были высказывания тождества двух имен по схеме N_1 есть N_2 : *Брат (есть) врач*. Из таких высказываний родились так называемые приложения *дочь-красавица, сестра-хозяйка, барышня-крестьянка*. Позднее от имен, обозначавших действие, силу, энергию, были образованы глаголы. Но все это — чистое умозрение, и для эпохи развитого индоевропейского языка это уже седая древность, если только она действительно была. В эту эпоху имена и глаголы были уже оформлены при помощи специальных суффиксов; иначе говоря, в эту эпоху различались суффиксы именных основ и суффиксы глагольных основ.

Наконец, третьи суффиксы выражали значения рода, числа, падежа у имен и значения наклонения, времени, лица у глаголов. Эти суффиксы сейчас принято называть флексиями, или окончаниями.

Если падежные окончания имен или личные окончания глаголов присоединяются непосредственно к корню, то основы такого типа называются атематическими; если же они присоединяются не к корню, а к суффиксу основы, то основы второго вида называют тематическими; если же таким суффиксом основы выступает **o // e*, то такие основы называют тематизированными, а сам гласный **o // e* — тематическим.

Таким образом, основы *фэре-*, *фэро-* в греч. *фэре-те* ‘несете’, *фэро-μεν* ‘несем’ — тематизированные, наоборот, основа *фэр-* в гомер. *фэр-те* — атематическая; *фэро-ς* ‘пóдать’ имеет тематизированную основу, а *фóр* ‘вор’ — атематическую. «Индоевропейские языки стремятся заменять тематическими формами более древние атематические формы» [83, с. 200].

Сначала рассмотрим суффиксы именных основ; эти суффиксы могли быть как вокальными, так и консонантными.

Вокальные суффиксы

Суффикс *ǫ (*jǫ). В индоевропейском языке с помощью суффикса *ǫ образовывались существительные мужского и среднего рода, которые обозначали предметы, отвлеченные действия и деятелей, при этом слова, обозначающие действие, имели ударение на корне, а слова, обозначающие производителя действия или его результат, имели ударение на тематической гласной, например: греч. τόμος ‘разрез’, τομός ‘режущий’. В глагольных основах эта тематическая гласная появляется в формах настоящего времени; ср.: *tok-o-s // *tek-o-m > токъ // теку; φόρος ‘налог’ // φέρω ‘несу’; λόγος ‘слово’ // λέγω ‘говорю’.

Трудно сказать что-либо определенное о значении суффикса *ǫ. «Ни в одном из известных языков она (тематическая гласная. — А. К.) не сохранила своего значения, и так, по видимому, было и в реконструируемую эпоху. Поэтому ее нельзя считать суффиксом. Но и в состав корня тематическая гласная не входила, потому что она четко выделялась в слове и оказывала решающее влияние на структуру основы. Выделение ее подчеркивалось тем, что был ряд имен, у которых тематическая основа образована от сосуществующей атематической, напр., скр. *padám* ‘шаг, след’, греч. *πέδον* ‘почва’, хетт. *pedan* ‘место’ при **ped* ‘нога’; лит. *sniėgas*, слав. **снѣгъ**, гот. *snaiws* при *(s)*nigh* (лат. *nix*, греч. акк. ед. ч. *νίφ-α*)» [95, с. 174].

Суффикс *ǫ̆, в косвенных падежах **eu* // **ou*. В индоевропейском языке при помощи суффикса *ǫ̆ // **ou* образовывались имена всех трех родов, но в праславянском известны только слова мужского рода. При склонении имело место чередование *ǫ̆ // **ou*: И. п. ед. ч. **domǫ̆s* // Р. п. ед. ч. **domou̯s* // Д. п. мн. ч. **domou̯i* > домъ // дому // домови, то есть в номинативе этот суффикс всегда бывает в редуцированном виде *ǫ̆. Количество слов с суффиксом *ǫ̆ весьма невелико; достоверно это можно сказать о словах *сын, дом, мед, верх, вол, пол*; есть также веские основания относить к этому типу склонения такие слова, как: *бобр, бор, ил, терн, чин* [45, с. 247–249]. Есть основания полагать, что корни со значением действия также оформляются с этим суффиксом: *бег, ход, мах* (ср. *на бегу, на ходу, с маху; беговой, ходовой, маховый*). Р. Эккерт, специально занимавшийся такими основами, насчитывает их несколько десятков [106, с. 3–133].

В и.-е. языках этот суффикс образует некоторые существительные, и прилагательные, преимущественно мужского рода, например: лат. *pecus* ‘скот’, лат. *domus* — слав. **домъ**, греч. γένυς — гот. *kinnus* ‘явление, знак’; греч. πλατύς ‘широкий’, βαρύς ‘тяжелый’, πολύς ‘многий’. «Свою семантику этот суффикс утратил, и основы, характеризовавшиеся им, стали смешиваться с корневыми основами на *-*u* среднего рода, у которых не было суффикса *-*eu* // *ou*, а конечное -*u* было распространением, напр., скр. *mádhu* ‘мед, сладость’ — греч. μέθυ ‘хмельной напиток’ — слав. **медь**, скр. *dáru* ‘дерево’ — греч. δόρυ — гот. *triu*, скр. *jánu* ‘колени’ — греч. γόνυ — лат. *geni* — гот. *knü*. В результате смешения некоторые имена приобрели признаки и одного, и другого типа, срв. сущ. муж. рода **pekus* ‘скот’ (скр. *paçúh*, лат. *pecus*) и сред. рода **peku* с тем же значением (скр. *rácu*, лат. *pecu*, гот. *faihu* ‘имущество, деньги’). Различать эти два типа трудно, и только по чередованию гласных в основе и окончании генитива ед. ч., сохранившемуся у отдельных имен, преимущественно в санскрите, Э. Бенвенист обнаружил, что эти основы по происхождению не имеют ничего общего между собой» [95, с. 176]. Объединившись в один тип, эти слова в разных и.-е. языках, в том числе праславянском, приобрели некоторые особенности склонения.

Суффикс прилагательных **ов(ъ)** — **ов(ый)** происходит из именного суффикса ***й**, который в косвенных падежах чередовался с ***ou**: И. п. ед. ч. **trǵū-* // Р. п. ед. ч. **trǵōū-*; эта форма подверглась вторичной тематизации: **trǵ-ōū -ō-s* > *trǵ-ov-ъ*, **trǵ-ōū -ā* > *trǵ-ov-a*, в полной форме *торговый*, *торговая*. В форме Р. п. ед. ч. суффикс **ов** изначально имел значение притяжательности: ‘принадлежащий тому, что названо производящей основой’: *отец* — *отцов*; *Иван* — *Иванов*. Благодаря вторичной тематизации у суффикса **ов** появляется значение ‘имеющий отношение к тому, что названо производящей основой’, ‘являющийся тем, что названо производящей основой’: *бобровый*, *столовый*, *садовый*, *ходовый* [45, с. 250–251].

Таким образом, этот суффикс изначально представлен в известных существительных и переосмыслился в них в окончания (из них хорошо сохранились варианты на -у Р. и М. падежей ед. ч.) и приосновные элементы окончаний, иногда участвует даже в образовании специализированной основы (*сын-ов-ья*), широко

представлен в прилагательных как *-ов-* и основах настоящего времени глаголов на *-ую* как *-у-* (при инфинитивах на *-овать*).

Суффикс *ї. К и.-е. основе с суффиксом *ї принадлежит довольно большое количество слов. В и.-е. языке они принадлежали ко всем трем родам, в праславянском в основном к женскому роду и, отчасти, к мужскому, из-за чего впоследствии наблюдается переход слов из одного рода в другой, а также различия в родовой принадлежности слова в разных славянских языках и даже в разных диалектах одного языка (например, русск. литературное *путь* и диалектное *путя*). Тематически слова этого типа склонения относятся к разным группам; это: а) термины родства — *тесть, зять, деверь, челядь, дети*; б) анатомические термины — *кость, гортань, ноготь, ноздри, локоть, ладонь, горсть, кисть, пясть, грудь, челюсть, сердце, печень, голень, пасть*; в) названия животных — *зверь, медведь, вебрь, рысь, лось, мышь, выть, неясуть, гусь, кокошь, голубь, моль, лосось, язь, карась* (впрочем, и органы тела сравнивали с животными, ср. *селезенка, но селезень*); г) названия растений — *груздь, рожь, желудь, озимь*; д) названия минералов и металлов — *соль, уголь, медь, ртуть*; е) названия построек и их частей — *дверь, жердь, клеть, гвоздь, ось, сеть, нить*; ж) отвлеченная лексика, особенно с суфф. *-зн-* и *-ост'* — *болезнь, боязнь, жизнь, хитрость*. К этой основе примкнули и некоторые заимствования праславянского периода: *деготь, сельдь*.

Основообразующий суффикс *ї в некоторых грамматических позициях чередовался с алломорфом *ei: И. п. ед. ч. **kostis* > *кость* — Р. п. ед. ч. **kóstei* > *кóсти*. Почти все слова мужского рода склонения на *ї перешли в склонение на *jǫ; слово м. р. *путь* лишь частично перешло в склонение на *jǫ: ср.: *путь, пути, но путем, а не *путью*; в школьных учебниках это слово называют разносклоняемым. Некоторые слова с суфф. *ї утратились, а их корень сохранился лишь в деминутивах: **sъrdь* (*сердце*), **ovь* (*овца*), **borь* (*борьба*). Большинство слов склонения на *ї образованы от корней, обозначающих вещи, но есть слова, образованные от корней, обозначающих действие, то есть глагольных основ (*да-н-ь, мочь // мощь* < **mog-t-ь, ложь, та-т-ь* < *таить* — во многих из этих слов перед суффиксом *ї имеется еще другой суффикс), и слова, соотносимые с прилагательными (*голь*).

Суффикс *ī образует глаголы 4-го класса; так как к этому суффиксу присоединялся суффикс глаголов 1-го класса, то глаголы 4-го класса называются вторичными: **mol-ī-o-n* > *moljon* > ст.-сл. **мољж**, др.-рус. **молю**. Глаголы 4-го класса довольно четко делятся на две группы [84, с. 190–191]: 1) глаголы, обозначающие состояние; нередко они имели в праслав. языке нулевой вокализм: **смръдить**, **мьнить**, **сѣдить**, **бѣдить**, **рѣдить**, **дръжить**, **мльчить**, **тръпить**, **зрьить**; (с инфинитивом на *-гѣти*: **смръдѣти** и пр.); **сѣпить** (с инфинитивом на *-ати*); 2) глаголы повторяющегося и разнонаправленного действия (итеративы — *носит*, *возит*, *ходит*, *водит*), а также глаголы-каузативы, вызывающие другое действие или состояние (*садит*, *морит*, *славит*, *плавит*, *поит*).

Суффикс *ī. Индоевропейская основа имен с суффиксом *ī хорошо сохранилась в праславянском, где закономерно *ī* > *y* // *ъv*. К этой основе относились праславянские слова, в которых значение темы вырисовывается более или менее ясно: это идея женского начала (*свекры*, *любы*, *смокы*, ст.-сл. *неплоды*). После того как формы Им. п. были утрачены, вытесненные формами Вин. п., этот суффикс приобрел вид *-ов* < *ъv*: *люб-ов-ь*, *свекр-ов-ь*, а сами существительные перешли в склонение на *ī, кроме слов *брюк-в-а*, *тык-в-а*, *бук-в-а*, перешедших в склонение на *ā. К этому же типу основ принадлежали некоторые древние праславянские заимствования из германских языков (*церкы*). К этой же основе принадлежали слова типа *рабыни* (< **orbyni*), в которых суффикс *-ыни* представляет собой соединение суффикса *ī* и суффикса женского рода *-ni* [45, с. 221].

Суффикс *ā (*jā). Основы с суффиксом *ā «сформировались в поздний период истории индоевропейского праязыка, в период, когда род стал активным фактором грамматической системы» [45, с. 303]. В индоевропейском праязыке с помощью суффикса *ā (*jā) образовывались существительные женского рода, в результате этого прилагательные с тематическим гласным **-e-* // **-o-* могли быть только мужского и среднего рода, а форма женского рода образовывалась путем замены тематического гласного суффиксом *ā (напр., греч. *λευκός*, *λευκόν* — *λευκή*, лат. *albus*, *album* — *alba*, слав. **бѣль**, **бѣло** — **бѣла**).

Первоначально суффикс *ā имел собирательное значение, и поэтому у существительных и местоимений среднего рода

он стал окончанием множественного числа именительного-винительного падежа: **села, окна, вься**.

Изначально все имена существительные склонения на **ǫ* принадлежали к женскому роду, лишь впоследствии некоторые слова перешли в мужской род; возможно, это было связано с тем, что эти слова обозначали лиц мужского пола: *воевода, слуга, юноша, старейшина, убийца*; некоторые слова являются словами общего рода: *пияница, сирота*. Этот тип склонения пополнялся за счет развития имен отвлеченного действия и отвлеченного качества, а также имен существительных общего рода, большинство из которых обладает повышенной экспрессивностью (*обжора, тихоня, непоседа*).

«На ступени редукции основообразующий элемент закономерно представлял *-ī*, который был известен в праславянском в основах на *-yn ī (blagyn ī)*, в образованиях женского рода типа *oldī, tьlnī*, в аналогичных по структуре именах мужского рода типа *sođī*, в причастиях женского рода, в числительном *tysętjęī*. Кроме того, *-ī* было известно в основах *nomina attributiva* жен. р. — *vьlčī* ‘терзающая’ позже ‘волчица’, *děvī* ‘кормящая грудью’ позже ‘дева’, *čьrnī, jagoda, lěvī roka* и т. д.» [45, с. 303]. Мягкая разновидность этого типа склонения формировалась двумя путями. Частью это было индоевропейское наследие (*pritiŭkjā > притьча*). Частью это был переход слов из склонения на **ī* в склонение на **ā* (**zemīs > *zemīā > *zemjā > земля*). Этим объясняется наличие таких дублетов, как *ложь* и простореч. *лжа*, ст.-сл. *жизнь* и диал. *жизня*, *вонь* и цел. *воня, песня* и устар. *пъснь, сушь* и *суша, мысль* и простореч. *мысля*.

Консонантные суффиксы основ

Суффикс основ **n // *men*. Праславянская основа с суффиксом **n // *men* продолжает и.-е. суфф. **men // *mn // *m*, о значении которого Бенвенист писал, что «слова с этим суффиксом относятся к сфере субъекта и обозначают действие, в котором участвует данное лицо, состояние, в котором это лицо находится, процесс, с которым оно связано; эти слова обнаруживают особое свойство хорошо выражать понятия “медиально-го” характера» [43, с. 149].

И.-е. имена с основой на **n // *men* имели в праславянском разную судьбу: одни продолжили существование в этом типе склонения, другие перешли в иные типы склонения и, напротив,

многие имена из других типов могли получить суффикс **n* // **men* по аналогии в более позднее, уже не праславянское время [45, с. 166–167]. Поэтому установление принадлежности имен к праславянскому типу на **n* // **men* представляет значительные сложности. «В своем подавляющем большинстве праславянские основы на *-n* (*-men*) не имеют индоевропейских соответствий. Они создавались на праславянской почве, а некоторые из них уже после распада праславянского языка» [Там же. С. 189].

Согласно Бернштейну, древние и.-е. основы на **n* пережили следующую эволюцию:

- а) **katon-ø* (И. п. ед. ч. с нулевой флексией) >
- б) **katun-ø* (лабиализация *o > u*) >
- в) **katun-s* (появление флексии И. п. ед. ч. *-s* под влиянием склонений на **ō, *ū, *ī* м. р.) >
- д) **katūns* (развитие вторичной долготы *u > ū*) >
- е) *kamy* = **камы** (в праславянскую эпоху вследствие действия закона восходящей звучности конечные согласные отпадают, а *ū > y*).

Суффикс **-men-* в основах среднего рода представлен в русском языке десятью словами: *бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя*. Суффикс в огласовке *-ьн-* образует имена прилагательные типа *красьнь, свободьнь*, в которых он, по Бенвенисту, выражает состояние, в котором лицо или предмет находится.

Суффикс **er* > *-ep-* // *-p-*. Основы с и.-е. суффиксом **er* образует имена — термины родства. В и.-е. языке эти основы могли быть женского, мужского и среднего рода, причем в именах среднего рода при склонении **r* менялся на **n*, то есть эти имена относились к особому гетероклитическому⁸ типу склонения, как то: греч. *μάτηρ*, лат. *pater*, др.-рус. **мати** (Р. п. **матере**), **дъчи** (< **dъkti*; Р. п. **дъчере**), **сестра** (Р. п. **сестерь**), **братрь**, **дъверь**.

Суффикс **es* // **os*. Суффикс **es* // **os* образует основы имен среднего рода с абстрактным значением. Корень имеет ударную огласовку **e*, например: **kleu-os-* — греч. *κλέος* ‘молва, слух’, слав. *слово* (Р. п. *словесе*, *o* в корне возникло по причине ассимиляции с последующим *vo*); **gen-os* — греч. *γένος*

⁸ *Гетероклитический* (от греч. *ἕτερος* ‘другой’ и *κλίσις* букв. ‘сгибание’ > ‘морфологическое изменение слова’) — греч. *ἑτερόκλιτος* — ‘разносклоняемый’, ‘разноспрягаемый’; этим термином называют склонение или спряжение, в котором меняется основа.

‘род’, лат. *genus*; **nebh-os-* — скр. *nabhaḥ* ‘небо’, греч. νέφος ‘облако’, слав. *небо* (Р. п. *небесе*);

Кроме того, с этим суффиксом бывают образованы и прилагательные, но у них ударение падает на суффикс: греч. ψευδής ‘лживый’ при ψεύδος ‘ложь’ — «явление, напоминающее противопоставление τόμος ‘отрезок’ и τομήος ‘режущий’» [83, с. 271]. Ср. также *слово* — *словесный*.

Этот тип малопродуктивен. Основы на **es* // *os* в литературном языке часто несут «повышенную экспрессивную окраску, употребляются в ироническом смысле, выполняют функцию увеличительных суффиксов и т. д. В этом отношении достаточно сослаться на русск. *слова* или *тела*» [45, с. 163].

Суффикс *d. Суффикс **d* образует имена прилагательные от глаголов: *твердый* от *творить* [88, с. 113; 45, с. 250; 61, с. 92]. Суффикс **d* был некогда продуктивен, но после установления корреляции по глухости — звонкости продуктивность утратил, уступив место суффиксу **t*, и ныне во многих случаях уже не выделяется: *кладъ, плодъ, врьдъ, стадо, задъ, подъ, стыдъ, родъ, смородъ, стадо, чудо, чадо, бразда, груда, мзда* и др.

Суффикс *g. Суффикс **g* образует имена существительные со значением лица или предмета-орудия действия, например: **slou-g-ā* > *слу-г-а, роз-г-а, стру-г-ь, плу-г-ь* < **pleu-*, **plou-* ‘течь, лить(ся), тащить’ (согласно другой версии, *плуг* — заимствовано из германского, ср. д.-в.-н. *pfliug* ‘плуг’).

Суффикс *jь // *ьjь. Суффикс **-jь* образовывал в праслав. языке относительные и притяжательные прилагательные от имен существительных. В силу действия закона внутрислогового сингармонизма многие конечные согласные основ в сочетании с этим суффиксом подвергались йтовой или первой палатализации, следы чего присутствуют в современном русском языке. Например: **knęg-jь* > *княжь (мужь), княжь + и* > *княжи* > *княжий*, **vorg-jь* > *вражь, вражь + и* > *вражи* > *вражий*, **govęd-jь* > *говажь, говажь + и* > *говажии* > *говяжи* > *говяжий*, *человѣк-jь* > *человѣчь, человѣчь + и* > *человѣчии* > *человечий*, **ръtik-jь* > *рътичь, рѣтичь + и* > *рътичи* > *птичий*, *Ярослав-jь* > *Ярославль, раб-ьjь* > *рабии*. Суффикс *-jь* / *-ьjь* образовывал также имена существительные от основ глаголов, в том числе в составе сложений (*красной, растрепай*).

Суффикс *k₁. Суффикс *k₁, представлявший собой дейктическую частицу со значением ‘here and now’ (‘здесь и сейчас’) [109], образует: а) имена со значением предметности непосредственно от корня или от основ глаголов, например: *зна-ти* — *зна-к₁-ъ*, *ты-ти* ‘наполняться, жиреть’ — *ту- к₁-ъ* ‘жир’; б) глаголы от междометий, например: *тяв- к₁-а-ть*, *гав- к₁-а-ть*, *мяу- к₁-а-ть*, *хихи- к₁-а-ть*, *ой- к₁-а-ть*, *бала- к₁-а-ть*.

Суффикс *m- Суффикс *m образует прилагательные: греч. ἔτν-μο-ς ‘действительный’, ‘истинный’, θερ-μό-ς ‘горячий’, лат. *formus* ‘горячий’, лат. *primus* ‘первый’. Этот же суффикс образует существительные: греч. δρυ-μ-ά ‘лес’; русск. *ды-м-ъ*, *соло-м-а* [83, с. 276], *глу-м-ъ*, *кос-м-а*, *кър-м-а*, *ра-м-о*. Этот же суффикс образует глаголы: *дъ-м-у* — *ду-ти* < дѣти < **dъm-ti*. Суффикс *m обозначает нечто существующее само по себе: собственные свойства или действия, присущие вещам по их природе. Так, *знамо* изначально — это имя, выражающее состояние знающего субъекта, *письмо* — имя, выражающее действие, процесс, выполняемый субъектом и как-то его идентифицирующий (по письму, то есть по почерку), а потом, метонимически, результат этого действия. Впоследствии, уже в истории русского языка, конкуренция *знамо* и *знание* привела к тому, что выражение этого состояния закрепилось за словом *знание* из-за регулярности образования и типичности модели, а *знамо* стало прилагательным, но также выражающим состояние, свойство известности о чем-то субъекту.

Суффикс *n. Суффикс *n по происхождению является суффиксом причастия среднего залога, то есть образует слова, обозначающие нечто, «причастное» тому действию, которое названо производящим глаголом, то есть нечто существующее и действующее само по себе, обладающее собственным данным качеством по действию.

Он служит для образования производных от имен и от глаголов. Отыменных производных с суффиксом *n немного: лат. *aenus* (< **ayes-no-s*) ‘медный’ от *aes* ‘медь’, *ebur-n-us* ‘из слоновой кости’ от *ebur* ‘слоновая кость’; греч. ἀλγει-ν-ός (< **ἀλγεσ-vo-ς*) ‘тяжкий’ от ἄλγος ‘боль’; λύχνος ‘светильник’, лат. *lux* ‘свет’, слав. *луна* < **leuks-no-*; греч. ποινή ‘пень’, слав. **цѣна** < **k^woi-n-ā*; однако не забудем, что *свет*, *боль* — это имена действия или страдания, а не вещей.

Отглагольных образований намного больше, что и неудивительно для суффикса причастия: например, греч. ὕπ-vo-ς, слав. сънъ < *sъrpъ от съпати, станъ от стати, терн < тьрнъ от тьрти, пьян от пити, сукно от сучити, тынъ от тыти, брань от брати < *borti, мазня < мазати и т. п.; см. еще плънъ, дьрнъ, воронъ, окно, руно, зьрно, лоно, звъно, десна, глина, охрана, мъна, слина, страна, весна, вълна, рана, дънь, огонь, брань, длань, сьнь, грань, дрянь, пристань и др. Эти «причастные» имена впоследствии превратились в имена существительные или прилагательные.

Будучи присоединен к тематической глагольной основе, суффикс *n принимает вид *en в славянских причастиях типа ст.-сл. вльч-ен-ъ от глагола влъкъ, везенъ, веденъ, забъвенъ (< *za-buu-e-no < *za-by-e-no), чьтенъ.

Суффикс *r. Суффикс *r служит для образования прилагательных и существительных, например, греч. крат-ύς ‘сила’ и крат-ερός ‘сильный’, λυγυ-ρός ‘звонкий, звучный’, φοβε-ρός ‘страшный, трусливый’ и т. д.; если он присоединяется к корням непосредственно, тогда огласовка корня бывает *o или нуль. При образовании от глаголов суффикс *r имеет значение ‘предмет или свойство, ставшие результатом действия, выраженного производящим словом’: *dati → *darъ, *žiti → *žirъ, *poiti → *pirъ, *dobiti → *dobrъ. См. также: кур, мир, ветр, одр, венр, зубр, говор, сьвер, стожар, мъра, въра, выдра, игра (< jьgra), искра (< jьskra), съра, дьбрь, ноздрь, угрь, ядро, ведро, ребро, озеро, сребро, утро, бодр, быстр, мудр, мокр, пьстр, щедр, хоробр, яр, остр, сьр, сир, стар, хитр.

Суффикс *s. Суффикс *s образует отглагольные имена существительные и прилагательные, такие, как: голо-с-ъ < *gol-s-ō-s, воло-с-ъ, бѣ-с-ъ < *bѣd-s-, ча-с-ъ, лы-с-ъ < *luk-s- (сюда же луна, луч), рысь < *rud-s-, плак-с-а.

В определенных фонетических условиях («по правилу ruki») в раннепраславянском языке *s > *ch, то есть изначально суффикс *ch был аллофоном суффикса *s, однако уже в позднем праславянском, а тем более в русском языке *ch стал самостоятельным суффиксом, что видно из того, что он употребляется и в таких словах, где не было условий для перехода *s > *ch.

Суффикс *ch. Суффикс *ch образует от глаголов имена существительные со значением отвлеченного действия или

лица-производителя действия: *спѣ-х-ѣ*, *слу-х-ѣ*, *ду-х-ѣ*, *смѣ-х-ѣ*, *вѣр-х-ѣ*, *воро-х-ѣ*, *поро-х-ѣ*, *выви-х-ѣ*, *грѣ-х-ѣ*, *жмы-х-ѣ*, *вѣ-х-а*, *жени-х-ѣ* (по закону «руки»), *пря-х-а*, *растеря-х-а*, *сва-х-а* (по аналогии).

Суффикс *š. Суффикс *š исторически является аллофоном суффикса *s: он возник вследствие палатализации перед *j: *kru-s-ja > *кры-ш-а*. В русском языке *ш* стал самостоятельным суффиксом, что видно из того, что он употребляется и в таких словах, где не было условий для смягчения *s: *лѣвшиа*, *правшиа*, *Машиа*, *докторшиа*.

Суффикс *t. Суффикс *t образует отглагольные прилагательные, некоторые из них стали страдательными причастиями: *шитъ* < *sjy-tŭ, *крытъ*, *битъ*, *мытъ*, *рытъ*. Так же, по видимому, образованы прилагательные *частъ*, *густъ*, *лютъ*, *сытъ*, *святъ*, *тѣлстъ*, *жѣлтъ* и существительные *молотъ*, *мостъ*, *пѣрстъ*, *щитъ*, *долото*, *жито*, *путо*, *мѣсто*, *золото*, *лѣто*, *уста*, *ворота*, *сито*, *мыто*, *вѣрста*, *невѣста*, *пята*, *тра-та*, *память*, *смерть*, *мѣсть*, *лѣсть*, *пасть*, *путь*, *страсть*, *вѣсть*, *завистъ*, *пажить* и др.

При помощи этого суффикса образованы также отыменные прилагательные со значением обладания: греч. *κοντώτός* ‘снабженный багром’ (*κοντός* ‘багор’), *καρπώτός* ‘орехообразный’ (*κάριον* ‘орех’); лат. *scelestus* ‘преступный’ (*scelus* ‘преступление’), *onustus* ‘нагруженный’ (*onus* ‘груз’), *barbatus* ‘бородатый’ (*barba* ‘борода’).

Этот же суффикс *t образует от основ глагола форму *супина*. Супин унаследован из индоевропейского праязыка; он представлял собой имя, образованное от глагольной основы при помощи суффикса *t > -m-, ср. лат. *dele-t-um* ‘чтобы уничтожить’. Это имя склонялось по типу основ на *ŭ, однако еще в дописьменную эпоху утратило словоизменение, так как из всех падежных форм осталась в употреблении одна форма винительного падежа (поэтому можно сказать, что супин — это застывшая форма винительного падежа отглагольного имени). Это произошло вследствие того, что это имя употреблялось исключительно в позиции прямого дополнения при глаголах движения для указания на цель движения; супин требовал дополнения в родительном падеже: **Вышедь видѣтъ възлежацихъ. Приде видѣтъ гроба** (Мар.). **Иде рыбь ловитъ** (Зогр.). **Посылавъ и умытъ са** (Син. тр.). Уже в поздних старославянских текстах супин стал заменяться инфинитивом: **идж уготовати мѣсто**.

Супин как форма глагола был в разное время утрачен всеми славянскими языками (в сербском — еще в дописьменную эпоху, в русском — к XIV в., в чешском — к XVI в.), сохранившись только в словенском и нижнелужицком языках.

Этот же суффикс **t* образует от основ глагола форму инфинитива. Инфинитив — праславянское новообразование; некогда он представлял собой имя, образованное от глагольной основы, которую теперь называют инфинитивной, при помощи суффикса **t*; это имя, в отличие от супина, склонялось по типу основ на **ī*. Впоследствии, еще в дописьменную эпоху, оно утратило изменение, так как из всех падежных форм осталась в употреблении одна форма дательного падежа (поэтому можно сказать, что по происхождению инфинитив — это застывшая форма дательного падежа). Это произошло вследствие того, что это имя употреблялось исключительно в синтаксической позиции косвенного дополнения при глаголе или существительном в форме дательного падежа. Утратив словоизменение, инфинитив перестал быть именем и перешел в систему глагола, получив в ней значение неопределенного наклонения, то есть формы глагола в отвлечении от его спряжения. Вследствие этого он может употребляться в самых разных синтаксических функциях: части составного глагольного сказуемого, дополнения, определения, подлежащего. Именным происхождением инфинитива объясняется омонимия форм: слова *течь*, *печь*, *стать*, *знать*, *пасть*, *мочь* являются и существительными и инфинитивами. Алломорф *чи*, *-чь* возник из сочетаний **kti*, **gti*: **pekti* > *печи* > *печь*, **mogti* > *мочи* > *мочь*, **volkti* > *волочи* > *волочь*, *влечь*. Таких слов немного: *беречь*, *жечь*, *запрячь*, *лечь*, *обречь*, *пренебречь*, *сечь*, *стеречь*, *стричь*, *течь*, *толочь*. Таким образом, *ч'* соединяет в себе последний звук корня и первый звук суффикса: *кт* или *гт*.

Суффикс **v* > *v₁* образует от глагольных основ имена существительные с предметным значением, со значением отвлеченного действия, состояния, свойства и, метонимически, со значением предметности (*норов*, *гнев*, *устав*), прилагательные со значением качества, состояния по действию (*мерть*, *первый*, *левый*, *кривой*); от некоторых из этих имен образуются вторичные глаголы-каузативы *норовить*, *гневить*, *установить*, *кривить*, *мертвить* и пр. От именных основ образуются существительные с собирательным значением (*лист-в-а*); см. также *яз-в-а*, *лих-в-а*,

тьр-в-о. В некоторых словах с этим суффиксом имеет место опрощение: *первый, левый, правый*.

Суффикс **ūs* > *в₂* // -*ви*- — это суффикс причастия прошедшего времени: *да-ть* — *да-в-ъ*, *дръ-ть* — *дръ-в-ъ*, *пи-ть* — *пи-в-ъ*; он происходит от праслав. суффикса **-ūs* / **-iūs* < и.-е. **wes* на нулевой ступени.

В основах на согласный употреблялся суфф. **-iūs*, например: **šьdīūs* > *шьдъ*; в косвенных падежах и в ж. р. к этому суффиксу присоединяется *j*, из-за чего *sj* > *š*: *шьдъша*, *шьдъшу* и пр., в ж. р. *шьдъши* (см. [84, с. 208]); после падения редуцированных в устаревших деепричастиях типа *пришед* алломорфом этого суффикса является \emptyset .

В основах на гласный употреблялся алломорф **iūs*, например: **pīiūs* > *ривъ*. Некоторые из этих причастий, утратив глагольные категории времени и залога, превратились в прилагательные (*жи-ть* — *жи-в-ъ*, *живой*, *служ-и-ть* — *служ-и-в-ъ* > *служивый*) или существительные с предметным значением (*пи-ть* — *пи-в-ъ* > *пиво*, *жн-и-ть* — *жн-и-въ* > *жниво*).

Наряду с суффиксами в структуре индоевропейского слова, помимо корня и суффиксов, выделяют еще расширители (определители, детерминативы).

Расширители (детерминативы)

Из сравнения лат. *plec-t-o* ‘плету’, ст.-сл. **плетж** < **plektō* и греч. *плэк-ω* ‘плету’ видим, что латинский и праславянский корни осложнены неким расширителем *-t-*, в отличие от греческого языка, так как корень не может оканчиваться на две смычные, как и на два сонанта. Такие расширители называются еще детерминативами, но что они определяют, часто от нас ускользает или едва брезжит. «Так, например, по-гречески употребление *трéω* или *трéω* не является вполне безразличным. Настоящее время *трéω* указывает только, что человек испытывает дрожь, тогда как *трéω* указывает, что этой дрожи не предвидится конца. С другой стороны, от *трéω* нет ни аориста, ни перфекта, между тем как *трéω* образует аорист гом. *ἔτρεσσα*» [83, с. 194]. Ср. ст.-сл. **трасти** < **tremsti*. «Эти определители вносят неточность в область этимологии, ибо равным образом невозможно и пренебречь ими и составить полную их теорию» [Там же. С. 196].

Глава 4

О способах словообразования в русском языке

О способах словообразования студентам многое известно из курса современного русского языка (см., например, [87]), мы остановимся лишь на некоторых особенных моментах.

Так как способы словообразования представляют разные типовые способы выражения словообразовательного значения, то и разговор о них следует предварить уяснением того, что такое словообразовательное значение и чем оно отличается от лексического значения слова.

§ 6. Понятие словообразовательного значения

Согласно русской философии языка, его сущность — антропо-космическая; это значит, что язык рождается из взаимодействия соборного народного Разума, или Сознания, и Мира. Чтобы высечь искру, необходимо столкновение, удар кремня о камень; чтобы высечь искру нового слова, также необходима встреча Разума и Мира — природного, социального, Божественного. Рождение нового слова, то есть именование, со стороны Разума есть акт познания «вещи» мира, со стороны «вещи» — это ее смысловое явление.

В акте именовании, как правило, используются два мыслительных приема. Если между подлежащей именованию «вещью» X и уже именованной «вещью» Y сознание усматривает какое-то сходство, подобие в каком-то отношении, то имя «вещи» Y может быть перенесено на «вещь» X. Так, *рукав* рубахи становится именем для притока реки или для пожарного шланга: *рукав Волги, пожарный рукав*. Это принцип метафоры.

Второй прием состоит в следующем. Если между подлежащей именованию «вещью» X и уже именованной «вещью» Y сознание усматривает какую-то существенную связь, то имя «вещи» Y подвергается усложнению, и такое усложненное имя становится именем «вещи» X. Так, имя *школьник* возникло путем усложнения имени *школа* (точнее, — его основы); имя *черника* возникло путем усложняющей трансформации имени *черный*. На этом основании слова *школа, черный* называются

производящими, а *школьник*, *черника* — производными. Назовем это принципом метаморфозы, или трансформации.

В любом случае — и в случае метафоры, и в случае метаморфозы — значение имени Y является формой, в какой является значение имени X; значение имени Y — это способ, образ понимания вещи X. Этот заключенный в слове образ понимания принято со времен А. А. Потебни называть внутренней формой слова. Внутренняя форма слова — это значение, ставшее формой выражения другого значения, это то, в свете чего, какого мотива понимается данная вещь, как она представлена, будь то предмет, действие или качество.

При образовании таких слов, как *школьник* или *черника* народное сознание оперирует не только усмотрением связи между школой и учеником, учащимся в школе, между ягодой и ее цветом; оно опирается также на некую аналогию: слово *школьник* по своей структуре аналогично таким словам, как *штабник*, *травник*, *церковник*, *взрывник* и др.; слово *черника* по своей структуре аналогично таким словам, как *голубика*, *ежевика*, *поленика*, *косяника* и др. Следовательно, есть что-то общее в значении каждого ряда этих слов: *школьник*, *штабник*, *травник*, *церковник*, *взрывник* — все эти слова обозначают лицо через отношение к тому, что названо производящей основой; *черника*, *голубика*, *ежевика*, *косяника* — все эти слова обозначают ягоды по существенному для них признаку или цвета, или колючести (*ежевика* — букв. ‘ежовая’) и пр. Вот это общее и есть словообразовательное значение слова.

Словообразовательное значение — это некая отвлеченная от конкретной вещи схема понимания, а совокупность таких схем представляет собой некую сеть, уловляющую мир действительности, причем человек творчески пользуется этими схемами-образами понимания мира. Вспомним словообразовательные неологизмы Салтыкова-Щедрина (*головотяп*, *головотяпство*, *благоглупость*), Достоевского (*стушеваться*, *лимонничать*), Северянина (*самолет*, *бездарь*), Хлебникова (*летчик*, *изнеможенный*, *смехач*), Маяковского (*молоткастый*) или детские словечки, собранные К. Чуковским в книге «От двух до пяти» (*копатка*, *полуклиника* и проч.).

Дефиниция словообразовательного значения, будучи его смысловым эквивалентом на метаязыке описания, никогда не

может заменить его в реальной речи. Предложение *Ребята принесли из лесу целую корзину того, что находится под тем, что названо производящей основой* не заменяет собой предложения *Ребята принесли из лесу целую корзину подберезовиков и подосиновиков*.

Из предыдущего уже становится более или менее понятным, что словообразовательное значение формируется на пересечении трех отношений, на чем следует теперь остановить наше внимание. Возьмем два глагола *погулять* и *поразвлечь* в типичных для них контекстах употребления:

Иди, погуляй немного.

Мать решила ее немного поразвлечь и полезла к ней на печь.

Глагол *погулять* значит 'гулять непродолжительное время', то есть приставка *по-* имеет ограничительное значение; глагол *поразвлечь* значит 'развлечь в небольшой степени', то есть приставка *по-* имеет смягчительное значение. Итак, одна и та же приставка имеет разные, хотя и близкие по смыслу, значения. Как же они сформировались?

Во-первых приставка *по-* сочетается с корневой морфемой и тем самым вступает с ней в отношения, которые можно назвать **синтагматическими**, от греч. *σύνταγμα* 'строй, устройство'. Во-вторых, само слово *погулять* вступает в отношения со своим производящим глаголом *гулять* и тем самым вступает с ним отношения, которые можно назвать **деривационными**, от лат. *derivatio* 'отведение, отклонение'. В-третьих, глагол *погулять* входит в ряд аналогичных образований типа *попеть*, *пошить*, *поиграть* и проч. и тем самым вступает с ними в отношения, которые можно назвать **парадигматическими**, от греч. *παράδειγμα* 'образец, модель', так как все они образованы по одному образцу, или модели, и имеют одно и то же значение.

Синтагматические отношения являются разновидностью синтаксических отношений, суть которых заключается в пропозиции. «Термин "пропозиция" восходит к лат. *propositio*, первоначально означавшему в логике суждение, а в лингвистике — предложение (ср. англ., франц. *proposition*), т. е. некоторую целостную единицу»⁹. В современной лингвистике термин «пропозиция» обозначает ту часть высказывания, которая утверждает или отрицает нечто как истинно существующее, в отличие от

⁹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 401.

модальности, обозначающей субъективное отношение говорящего к тому, о чем он говорит. Так, в словосочетании *маленький дом* имплицитно содержится суждение «Дом — маленький»; та же пропозиция содержится в слове *домик*, в котором о корне *дом-* говорится, что обозначаемая им вещь — маленькая; корень *дом-* — это как бы «подлежащее», а суффикс *-ик-* — как бы «сказуемое» этой пропозиции: *дом-ик-*. В примерах с рассматриваемыми глаголами приставка *по-* — это то, что сказывается о корне. Поэтому производное слово представляет собой как бы свернутое предложение.

Деривационные отношения — это отношения, связывающие производное слово с его производящим. Глагол *гулять* в неявном виде содержит идею того, что данное действие может продолжаться какое-то время, может занимать какой-то промежуток времени; ср. *Мы гуляли около часа* и *Мы гуляли весь день с утра до ночи*. Приставка *по-* вносит временное ограничение: *погулять* значит гулять в течение небольшого промежутка времени, о чем в приведенном примере говорит также наречие *немного*. Глагол *развлечь* в своей семантике не содержит идеи времени, но содержит идею интенсивности, о чем свидетельствуют такие словосочетания, как *развлечь как следует*, *развлечь по-настоящему*. Приставка *по-* в данном случае вносит идею ограничения по силе проявления действия: *поразвлечь* значит развлечь слегка, не в полной мере.

Это значит, что значение словообразующей морфемы определяется как синтагматическими отношениями внутри слова, так и деривационными отношениями между производным и производящим словами.

По своему формальному выражению деривационные отношения часто совпадают со словообразовательными отношениями. Но бывают случаи обратного словообразования, когда деривационные отношения противоречат или прямо противоположны словообразовательным. Так, в словообразовательной цепи *призвать* > *призван* > *призвание* словообразовательные и деривационные отношения совпадают. Слово *вызов* образовано от имени *зов* и сохраняет его корневую гласную, но вступило во вторичные ассоциативные отношения с глаголом *вызывать*. Слово *призыв* образовано обратным образом от глагола *призывать*, поскольку сохраняет его корневой гласный, но вступает

в прямые деривационные отношения по общей современной модели для синтаксических трансформаций «глагол → имя».

Парадигматические отношения связывают разные слова, образованные по одному образцу, по одной модели. Знание языка — это среди прочего знание его парадигматических правил и существующих моделей, которые служат основой как для образования новых слов говорящими, так и для их понимания слушающими. Так, вошедшее в русский язык в середине 90-х годов прошлого века сущ. *бюджетник* — эвфемистическое название государственных крепостных — образовано по тому же образцу, что и слова *баимачник*, *булочник*, *вестник*, *пакостник* и под. и составляет с ними одну словообразовательную парадигму.

В научной литературе имеется иное, отличное от изложенного понимание того, что представляет собой словообразовательная парадигма. Это понимание основано на аналогии между словоизменением и словообразованием. Словоизменятельные парадигмы — это реальные единицы, члены которых связаны отношениями, которые могут менять материальные средства выражения, но остаются в целом неизменными. Насколько плодотворно перенесение понятия парадигмы из морфологии в словообразование?

«Словообразовательную парадигму, — пишет Г. А. Николаев, — мы понимаем как систему параллельно производных образований при одном производящем, отстоящих от него на один деривационный шаг» [86, с. 51]. Несомненно, ключевым в этом определении является слово «система». Хорошо известно, что не всякая совокупность элементов является системой, для этого она должна обладать как минимум двумя признаками. Совокупность элементов является системой, если эти элементы связаны отношениями и значение каждого отдельного элемента определяется его отношениями с другими элементами; появление или исчезновение элемента из системы изменяет отношения между остальными членами системы. Так, в древнерусском языке категория числа была системно организована таким образом:

ед. ч. *столь* — дв. ч. *стола* — мн. ч. *столи* (потом *столы*).

В этой системе форма мн. ч. имела значение ‘больше двух’. После утраты дв. ч. система приобрела такой вид:

ед. ч. *столь* — мн. ч. *столы*.

В этой системе форма мн. ч. имеет значение ‘больше одного’.

Этот элементарный пример хорошо показывает, как нужно пользоваться понятием системы и в описательной, и в исторической грамматике.

Воспользуемся приведенным выше определением словообразовательной парадигмы и посмотрим, обладает ли полученная совокупность производных слов признаками системности.

лѣсь

лѣс-ар-ь ‘лесовод’
 лѣс-ова-ти ‘охотиться’
 лѣс-ыц-ь ‘уменьшит. к лѣсь’
 лѣс-ык-ь > лесок
 лѣс-ищ-е
 лѣсь-ник-ь > лесник
 лѣс-ов-ой
 лѣс-ист-ый
 по-лѣс’-ј-е
 лѣс-ин-а ‘одно дерево’

Представляется очевидным, что значение слова *лесище* определяется не его отношениями со словами *лѣсарь*, *лѣсовати*, *лѣсовой* и др., а, во-первых, синтагматическими отношениями внутри слова, во-вторых, деривационными отношениями с производящим словом *лѣсь* и, во-третьих, его включением в определенную словообразовательную парадигму, или модель: *зубище*, *дождище*, *гвоздище*, *холодище*, *сапожище*, *глазище*, *домище* и т. п. Утрата языком слов *лѣсарь*, *лѣсовати*, *лѣсьць* никоим образом не повлияла на значения остальных: ни *лесник*, ни *лесистый* не изменили своего значения. Нельзя исключить, что в литературный язык когда-нибудь войдут диалектные слова *лесачить* ‘находиться в лесу с какой-то целью’, *лесеть* ‘дичать’, *лесковка* ‘лесная яблоня’, но их вхождение не изменит значения уже существующих слов *лесник*, *лесистый*. Таким образом, слова *лѣсарь*, *лѣсовати*, *лѣсьць*, *лѣсьный* (*лесной*), *лѣськъ* (*лесок*), *лѣсище*, *лѣсникъ*, *лѣсовой*, *лѣсистый*, *полѣсье*, *лѣсина* если и связаны какими-то отношениями, то не в указанном Николаевым смысле¹⁰, это не реальная единица, а абстрактная совокупность, объединенная на основе отвлеченного признака — общности корня. Понимание парадигматических отношений, предложенное Г. А. Николаевым, представляется неприемлемым.

¹⁰ О нашем понимании сущности этих отношений в словообразовании см. ниже в гл. 8.

Три указанные типа отношений формируют значение словообразующей морфемы и словообразовательное значение производного слова в целом. Словообразовательное значение — это значение всего словообразовательного образца, которое несет на себе каждое слово, образованное по данной модели.

Роль парадигматических отношений не просто возрастает, а становится определяющей в случае слов с пустыми или опущенными основами. Что имеется в виду?

Это явление было отмечено еще Бодуэном де Куртенэ, который писал, что «иногда центр тяжести известного корня может постепенно перейти с корня на сочетающийся с ним префикс, предлог и т. п.»; по этой причине «прежний корень лишается своего господствующего, преобладающего значения, начинает играть совершенно второстепенную, подчиненную служебную роль; в его же права вступает его подчиненный, т. е. сочетающийся с ним префикс или представка» [48, с. 46]¹¹. Это явление наблюдается в таких словах, как *вы-ну-ть* из *вын-я-ть*, *об-у-ть*, *раз-у-ть*, *при-вык-ну-ть*, *от-вык-ну-ть*. Это явление характеризует не только исторический процесс «выветривания» лексического значения корня, но и современное состояние словообразовательной системы.

Возьмем ряд глаголов-сатуративов со значением ‘сильно напиться’: *надраться*, *налимониться*, *надрызгаться*, *наюзиться*, *настегаться*, *нализаться*, *наканифолиться*. В свое время М. М. Покровский давал им социологическую интерпретацию: «В некоторых подобных случаях бросается прямо в глаза способность социологической наблюдательности; таковы в русском языке оценочные определения, относящиеся к разным категориям пьющих людей: портной *настегался* или *наутюжился*, сапожник *настукался*, музыкант *наканифолился*, барин *налимонился*, лакей *нализался*, солдат — *употребил*» [91, с. 39]. Зададимся вопросом: как образованы эти глаголы? Гл. *драть* сам по себе не имеет значения ‘пить (спиртное)’, поэтому семантически не может мотивировать гл. *надраться*, иначе говоря, *драть* не может быть внутренней формой, или представлением мысли о сильном опьянении. Глагола *лимонить* вообще нет, а сущ. *лимон* также не может быть внутренней

¹¹ Глоттологические (лингвистические) заметки. Воронеж. С. 46 (отдельный оттиск из филол. записок), вып. I. 1877.

формой гл. *налимониться* ‘сильно напиться’. В то же время не приходится сомневаться в реальном употреблении в русском языке этих глаголов-сатуративов, причем далеко не всегда в отношении лиц только того социального или профессионального круга, на которые указывал М. М. Покровский.

«Но ассессор скоро свалился и был отнесен в баню. — **Надрался**, чадо неразумное, — подмигнул трезвый поп Иван своему другу Ваньке Бурнову» [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3 (1939–1945)].

«— А ты, кроме сивухи, ничего больше, чай, и в рот не брал? Чай, и теперь **налимонился**? Увидя, что речь повернула вона в какую сторону, Петрушка закрутил только носом. Хотел он было сказать, что даже и не пробовал, да уж как-то и самому стало стыдно» [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

«Я пил мало. Но бабы, случились за обедом, качали крепко: под конец стола **настегались** так, — заду не поднимают» [Н. В. Успенский. Грушка (1858)].

«А староста успел **наюзиться** переж всех: тычет палочкой в землю, себе бормочет: «Живы будем, сыты будем...» [Н. В. Успенский. Хорошее житье (1858)].

«В чем весь и позор. Спасибо еще, что пацаны не знают этих дел: Васька так **нахрюкался**, что мог только подтвердить сам факт наезда, да и то после хорошего пинка» [Сергей Таранов. Мстители (1999)].

«В волнении расставив руки, он прошелся по комнате и прибавил: — Ну хочешь напиться — ну **нажрись** дома: никто тебе не мешает! Всему есть мера и граница, а то... реформы... и как стелька!» [Г. И. Успенский. Тише воды, ниже травы / Из цикла «Разоренье» (1870)].

Как же образованы эти слова?

Совершенно очевидно, что смысл данных глаголов мотивирован не их «основой», потому что глаголы *драть*, *жрать*, *хрюкать*, *стегать* сами по себе не имеют значения ‘употреблять спиртные напитки’, а глаголов **лимонить* и **юзить* вовсе не существует. Приходится признать, что реальной опорой для понимания значения глаголов *налимониться* и проч. служит, во-первых, «прототипический» глагол *напиться* ‘сильно опьянеть’, ставший родоначальником модели, по которой были образованы, кроме уже упомянутых, такие глаголы, как *наспиртоваться*,

наклюкаться, надрызгаться, нахлестаться, набраться, нагрузиться, нарезатьаться, накваситься, насандалиться; во-вторых, «пьяный» контекст их употребления.

Что касается материальных фонетических «основ» этих глаголов, то для них был создан немецким лингвистом Й. Реке специальный термин «семантический джокер». Комментируя этот термин, М. А. Кронгауз писал: «Действительно, функционально карточный джокер близок к основам этих типов: изначально и по определению пустой, он получает конкретное наполнение в конкретном употреблении. Так же и эти основы, семантически пустые, “наполняются” определенным значением, втягиваясь в приставочную модель» [Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998. С. 28]. Отметим, что различие между пустыми и опустошенными «основами» заключается в том, что первые были семантически пустыми изначально, вторые пережили десемантизацию в ходе исторического процесса.

М. А. Кронгауз приводит еще целый ряд глаголов с семантическим джокером, значение которых мотивировано не «основой», а той или иной моделью: *стырить* ‘своровать’, *втюриться* ‘влюбить’, *отволохат* ‘избить’, *ухайдакат* ‘уничтожить’, *обмишулится* ‘ошибиться’, *скомстролит* ‘сделать, смастерить’, *насобачится* ‘стать специалистом’, *присобачит* ‘прикрепить’.

Таким образом, в случае с глаголами типа *налимониться* производящей силой выступает не «основа», а сам конфикс *на-...-ся*. Этот конфикс, будучи идеальной смысловой силой, вбирает в себя фонетическую материю и заставляет ее служить себе, как и фонема, будучи идеальной силой, заставляет служить себе то одну, то другую звуковую материю. Как карточный джокер может быть любой картой, так и семантический может значить то, что заставит его значить идеальная сила конфикса.

Если все сказанное верно, то как все это описать в словообразовательном словаре? В какое древо вставить гл. *налимониться, надраться*? В древо «Лимон», «Драть»? Но *лимон* и *драть* по смыслу не мотивируют гл. *налимониться, надраться*; *лимон* и *драть* в них — смысловые пустышки, подставные джокеры. Однако еще более неверным было бы помещение их

в статью «Пить», так как это усложнило бы пользование словарем. Поэтому все же более рационально решить проблему так: исходить из формального принципа *лимон* → *налимониться*, *хрюкать* → *нахрюкаться* и др., а в примечании соответствующим образом прокомментировать.

Исторический процесс сложения словообразовательной системы русского языка (равно как и других) шел, по-видимому, от свободных синтагматических отношений через деривационные к парадигматическим, но этот процесс с трудом поддается объективному научному исследованию, так как даже праиндоевропейский язык уже имел развитую систему словообразования, существенная часть которой унаследована славянами.

В словообразовании, в пределах словообразовательного древа существует еще один тип отношений, о котором мы будем говорить в 8 главе, теперь же обратимся к способам словообразования, но прежде сделаем одну оговорку.

В отечественном языкознании со времен Ф. Ф. Фортунатова принято различать в структуре слова две части: основу и окончание, например, *бабушк/а*, *добр/ый*, *вез/у*. Производное слово может быть образовано как от основы производящего, так и от производящего слова в целом. Эти два случая необходимо различать.

Рассмотрим пример первого случая — «от основы». Слово *писатель* означает человека, который пишет, следовательно, оно по смыслу мотивировано глаголом *писать*. Формы этого глагола образуются от двух основ — инфинитива и настоящего времени: *писа-* и *пиш-*. Сопоставляя эти основы со словом *писатель*, мы видим, что **формальный** материал для образования этого слова взят от основы *писа-*, а не *пиш-*. Отсюда делаем вывод: слово *писатель* образовано не от слова *писать* в целом, как это кажется при полном презрении к формальной стороне вопроса, а от основы *писа-*.

Рассмотрим пример второго случая — «от слова». Глагол *переписать* значит ‘писать заново’, следовательно, мотивирован глаголом *писать*; при этом словоизменительные парадигмы производящего *пишу*, *пишет*, *писал*, *писавший* и др. и производного *перепишу*, *перепишет*, *переписал*, *переписавший* и др. совпадают, за исключением некоторых форм, обусловленных морфологическими свойствами глагола *переписать*, в частности, значением будущего времени, что исключает образование

формы причастия настоящего времени. Значит, слово *переписать* образовано от слова же *писать*: здесь нет ни перехода в другую часть речи, ни радикального изменения морфологических свойств слова.

В случаях типа *столлик* от *стол*, *красненький* от *красный* образование происходит от основ *стол-*, *красн-*, так как, хотя морфологические свойства производных слов не меняются, словообразующие суффиксы *-ик-*, *-еньк-* присоединяются именно к основе, а не к целому слову во всей совокупности его словоформ.

Последнее замечание касается соотношения понятий лексического и словообразовательного значения слова. Отталкиваясь от известного семантического треугольника, можно утверждать, что словообразовательное значение является частью лексического и всегда относится к его сигнификату; это всегда образ понимания, интерпретации чего-либо в свете определенной внутренней формы. Так, словообразовательное значения слова *зубчатка*, производного от прил. *зубчатый*, — ‘нечто зубчатое’, а денотатом этого слова могут быть самые разные обладающие зубцами, зубчатые предметы: в механике это зубчатое колесо в различных механизмах: «**Зубча́тка** ... || Зубчатое колесо, въ мельницѣ, машинѣ» [5, т. 1, с. 1736]; в зоологии это название раковины: «**ЗУБЧА́ТКА**, и, с. ж. Dentalium, порода раковины» [23, т. 2, с. 97]; в ботанике это название растения: «**Зубча́тка** — *Veronica Chamaedrys*» [Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878. С. 377].

§ 7. Суффиксальный способ словообразования

В праславянском языке продолжали функционировать первичные суффиксы, унаследованные из индоевропейского праязыка. К ним присоединились первичные суффиксы, возникшие уже на праславянской почве.

Суффикс *ent. Основы с суффиксом **ent* > **et* не восходят к и.-е. языку, они образовались на праславянской почве, чем объясняется тот факт, что они не сформировали своей особой словоизменительной парадигмы и примыкают в этом отношении к основам на **n* или **s*. Условием принадлежности слова к данной группе является «не происхождение, даже не структура, а семантический признак». «Основы на *-et* представляют собою расширение старых основ на *-en* детерминативом *t*, который

в данном случае выполнял функции уменьшительного суффикса» [45, с. 198]. Суффикс *-t* индоевропейского происхождения обнаруживается во многих именных образованиях: *высота, лопата, живот, перст, копыто* и др. На базе «уменьшительно-го значения основы на *-et* приобрели специальное значение: они стали служить для названий детенышей домашних и диких животных, птенцов, детей, для несовершеннолетних членов коллектива» [Там же. С. 199]. Основы на *-et* устойчивы в формах мн. ч.: *телята, жеребята, ослята, поросята*. В др.-русск. языке число образований с основой *-et* уже весьма велико: *ягня, близня, козья, къянжя, курия, лися, пся, овья, осьля, свиня, теля, утя* и мн. др. Однако с XVI века они быстро вытесняются образованиями с суффиксом *-онок* — *-онка*. Этот праславянский суффикс имел разговорную окраску, поэтому еще в XVIII веке в высоком стиле употреблялись образования с суфф. *-et*: *жръбѧ*. Суфф. *-онок* был хорошо известен с древнейших времен на русском Севере, откуда распространился на весь русский язык.

Суффикс *l. Суффикс **l* также представляет собой праславянское новообразование, а не наследие индоевропейского языка. Этот суффикс образовывал так называемые «элевые» причастия, которые являлись именной частью таких временных форм, как перфект и плюсквамперфект. Многие из таких причастий перешли в прилагательные, в которых этот суффикс имеет значение ‘состояние, возникшее в результате действия, выраженного производящим глаголом’ (*пожилой, захудалый, блеклый, горелый*). Как правило, производные прилагательные на *л(ый)* образуются от приставочных глаголов (*бывалый, талый, теплый < топить, гнилой < гнить, зрелый < зреть* — редкие исключения). Этому переходу причастия на *л* в прилагательное способствует непереходность глагола, переходные глаголы не развивают таких прилагательных.

В родстве с этими причастиями находятся такие прилагательные и существительные, как: *ут-л-ь, круг-л-ь, под-л-ь, удъ-л-ь, би-л-о, дъ-л-о, гър-л-о, кры-л-о, ры-л-о, са-л-о < *sad-l-о, тъ-л-о, на-ча-л-о, жа-л-о, чис-л-о, съд-л-о, ду-л-о, мъг-л-а, жи-л-а, ску-л-а, иг-л-а, стръ-л-а, об-гъд-а-л-а, за-пъ-ва-л-а, зър-ц-а-л-о и зър-к-а-л-о, кад-и-л-о, мър-и-л-о, чърн-и-л-о, свѣт-и-л-о, точ-и-л-о, свир-гъ-л-ь, соп-гъ-л-ь.*

Суффиксы глагольных основ. Система индоевропейского глагола подверглась наиболее сильным изменениям в истории отдельных языков, поэтому и сама эта система реконструируется с большим трудом на основе сопоставления данных живых и мертвых языков. Ввиду этого в контексте русского исторического словообразования более целесообразно отталкиваться «от печки» праславянской глагольной системы, а не индоевропейской.

Праславянский глагол характеризовался противопоставлением двух основ — презенса и аориста, которые как простые временные формы противопоставлялись аналитическим формам перфекта и плюсквамперфекта, которые выражали не столько время, сколько состояние, явившееся результатом какого-либо действия. Важным является то, что основы презенса и аориста были независимы друг от друга.

Суффиксы основ настоящего времени. В праславянском языке глагольные основы настоящего времени разделялись на классы в зависимости от суффикса.

1-й класс — с суффиксом **e* // **o*: **nes-o-m* // **nes-e-ši* > ст.-сл. **несѣ** // *несеши*, др.-рус. **несу** // **несеши** > русск. *несу* // *несешь*.

2-й класс — с суффиксом **ne* // **no*: **sŭch-no-m* // **sŭch-ne-ši* > ст.-сл. **сѣхнѣ** // **сѣхнеши** др.-рус. **сѣхну** // **сѣхнеши**; > русск. *сохну* // *сохнешь*. Более древним значением этого суффикса было инхоативное, то есть значение перехода от более интенсивного состояния к менее интенсивному или наоборот (ср. *сохнуть* — *мокнуть*); позднее он приобрел значение однократного способа действия (*двину*, *плюну*, *толкну*). В положении перед гласным суфф. **no* чередуется с **nou*: **ot-rei-no-m* — **ot-rei-nou-en-ъ* > **отринѣ** > *отрину* — *отриновенъ*, где *en* — суффикс страдательного причастия прошедшего времени.

3-й класс — с суффиксом **je* / **jo*: **zna-jo-m* / **zna-je-ši* > ст.-сл. **знаѣ** / **знаеши**, др.-рус. **знаю** / **знаеши** > русск. *знаю* / *знаешь*; эти глаголы выражали длительное действие: *знаю*, *пишу*, *стреляю*, *пускаю* и т. п.

Кроме этих трех классов обычно выделяется еще 4-й класс так называемых вторичных глаголов. Они образуются от именных основ при помощи суффикса **i*, к которому присоединялся суффикс первого класса: **mol-i-o-m* > *moljom* > ст.-сл. **молю**,

др.-рус. **молю**. Глаголы 4 класса довольно четко делятся на две группы [84, с. 190–191]:

1) глаголы, обозначающие состояние; нередко они имели в праслав. языке нулевой вокализм: **смръдить, мьнить, сѣдить, бѣдить, рѣдить, дрѣжить, мльчить, трѣпить, зрьить**; (с инфинитивом на *-ѣти*: **смръдѣти** и пр.); **съпить** (с инфинитивом на *-ати*);

2) глаголы собирательно-длительного способа действия (*носит, возит, ходит, водит*), а также глаголы-каузативы, вызывающие другое действие или состояние (*садит, морит, славит, плавит, поит, солил*).

Суффиксы аориста — инфинитива. В системе глагола суффикс **a* — это и.-е. наследие, древний «аористный» суффикс, с помощью которого образовывались разные славянские формы прошедшего времени — аорист, имперфект, перфект, причастие прошедшего времени, а также инфинитив, что понятно: если инфинитив — это отглагольное имя, то он обозначает «застывшее» действие, дело, вещь, эргон.

В праславянском языке суфф. **a* имел значение отвлеченно-длительного способа действия: сравним **let-ъ-ti* и **lѣt-a-ti* и заметим, что значение неопределенного отвлеченно-длительного способа действия выражается не только суффиксом, но и продлением гласного корня: «Суффикс **-a-* заключается в обычных славянских образованиях многократного вида с долгой корневой гласной: др.-сл. **-гнѣтати** ‘давить’ при **гнетѣж**» [83, с. 225]. Эта группа глагольных форм была совершенно независима от форм презенса. Соотносимые с ними формы презенса могли образовываться от разных основ: от основы 1-го класса — при *зѣва-ти* — *зову, зовещи, зовуть*; от основы 3-го класса — при *писа-ти* — *пишу, пишещи, пишутъ*; от основы 4-го класса — при *съпа-ти* — *съплю, съпиши, съпить*.

В историческую эпоху с этим суффиксом сблизился и функционально с ним объединился суффикс *a* после переразложения в формах имперфекта. Например, *тин-ахъ, тин-аше* — это формы др.-русск. имперфекта, в которых изначально значение отвлеченно-длительного способа действия выражалось долгой корневой гласной: **rīnaachъ > rīnachъ = тинахъ*. В связи с развитием категории способов глагольного действия имперфект

как таковой утрачивается, а в его основе происходит переразложение: *пин-ахъ* > *пина-хъ*; основа *пина-* переосмысливается как основа, суффикс которой *-а-* также выражает значение отвлеченно-длительного способа действия; к этой основе присоединяется регулярный суфф. основы настоящего времени 3-го класса **je/*jo*: так возникают новые формы презенса *пинаю*, *-еши* с инфинитивом *пинати*; к этой же новой основе *пина-* присоединяется суфф. причастия прошедшего времени *пина-ль*. Теперь суфф. *-а-* представлен уже не только в формах прошедшего, но и в формах настоящего времени. Тема исторических судеб суффикса *-а-* будет продолжена ниже в разделе об инфиксальном способе словообразования (см. § 9).

Суффикс аориста — инфинитива **ě* обозначал 1) обладание (*имѣть*), 2) однонаправленное действие (*летѣть*), 3) состояние, охваченность действием (*търпѣть*, *болѣть*, *смотрѣть*), 4) переход от менее интенсивного к более интенсивному состоянию, то есть был суффиксом инхоативного способа действия (*теплѣть*, *желтѣть*, *тяжелѣть*). После заднеязычных согласных, подвергшихся первой палатализации, **ě* > *a*: **krik-ě-ti* > **krič-ě-ti* > *кричати* > *кричатъ*, **běg-ě-ti* > **běž-ě-ti* > *бѣжати* > *бежатъ*. Этот суффикс обозначается символом *a₂*, так как он является аллофоном суффикса **ě* в позиции после шипящих согласных. Этой основе аориста — инфинитива обычно соответствует основа настоящего времени на *i*: *мьн-ѣ-ти* — *мьн-и-ть*, *бѣд-ѣ-ти* — *бѣд-и-ть*, *смьрд-ѣ-ти* — *смьрд-и-ть*.

Дальнейшее развитие суффиксальной системы русского языка шло по линии контаминации суффиксов и их опрощения, благодаря чему расширялся репертуар суффиксов и их выразительные семантические и стилистические возможности. Например, в результате объединения суффикса именной основы **й* и предметного и.-е. суффикса **k* получился суффикс *ѣк*, который после падения редуцированных представлен в виде двух алломорфов — *-ок-* // *-к-*; в зависимости от синтагматического окружения он выражает такие значения, как: а) ‘лицо — субъект действия’ (*стрелок* // *стрелка*), б) ‘животное — субъект действия’ (*наседка*), в) ‘орудие действия’ (*терка*), г) ‘результат действия’ (*записка*), д) ‘отвлеченное действие’ (*чистка*), е) ‘лицо — носитель признака’ (*невидимка*), ж) ‘животное — носитель признака’ (*сивка*), з) ‘помещение’ (*кочегарка*),

и) ‘часть целого’ (*четвертка*), к) ‘предмет’ (*футболка, рогатка, овсянка, керосинка, ветрянка*), л) ‘лицо женского пола’ (*пассажирка*), м) ‘единичность’ (*шоколадка, морковка*), н) ‘уменьшительность’ (*шубка, березка, сиротка*). Таким образом, в русском языке существует около 15 омонимичных суффиксов *-ок-* // *-к-*.

Также путем объединения и опрощения возникли суффиксы *ав(ый) // яв(ый), ак // як, ан // ян, анин // янин, анк(а) // янк(а), атина // ятина, ат(ый), аст(ый), енн(ый), еск(уй) // ск(уй), ит(ый), ист(ый), лив(ый), ник, оват(ый), овит(ый), ок, очн(ый), чик, шк(а)* и многие другие. Рассказ о происхождении каждого отдельного суффикса и его алломорфов, его семантике и стилистике задача настолько объемная, что не вмещается в рамки учебного пособия; всех интересующихся отсылаем к разделу «Словарь морфем» на сайте www.drevoslov.ru, а также к таким источникам, как [7, 10].

§ 8. Суффлексація как способ словообразования

К суффиксальному способу словообразования тесно примыкает такой, для обозначения которого целесообразно создать новый термин, — **суффлексальный**. Выше я уже говорил о том, что граница между формообразованием и словообразованием не является абсолютной; нет слов, которые были бы грамматически не оформлены, поэтому само образование грамматической формы является одновременно и средством словообразования. Так, от корня **bēg-*, выражающего идею быстрого движения при помощи ног, в праславянском языке образовалось и сущ. **bēg-o-s* > *бѣгъ* > *бег*, и глагол в личных формах, например, **bēg-o-t* > **bēg-ŕ* (= ст.-сл. **бѣгж**) > *бѣгу* > *бегу*, и инфинитив **bēg-ti* > **бѣчи** > *бечь*.

Нельзя забывать, что словоизменение исторически в целом складывается после и на фоне словообразования. После того как древние основообразующие элементы имен существительных утратили свое исконное значение, в языке возникли «различные парадигматические и деривационные модели, которые и служили образцами для именных новообразований» [45, с. 140]. Это значит, что бывшие суффиксы **ā, *ō, *ī* и др., превратившись в окончания, не утратили своей роли словообразовательного средства. Об этом писал еще Ф. И. Буслаев: «Иногда суффикс совпадает с флексиєю; напр., в словах лом-ь, вод-а

звуки *ъ* и *а* — суффиксы имен существительных, один муж. р., другой жен. р., — и вместе — флексия имен. пад. ед. ч.» [53, с. 92]. Вслед за ним о том же писал Н. М. Шанский: «Однако в некоторых словообразовательных типах имен окончание выступает не как формообразующий элемент, а как синкретическая, словоформообразующая морфема, являясь, собственно, не только окончанием, но и суффиксом, участвующим в образовании слова» [101, с. 109]. К такому типу Н. М. Шанский относит слова «*крановщица, колхозница, кума, супруга, раба, инфанта, кузина* и т. п., в которых окончания не только выражают синтаксические свойства слова, но и указывают на пол обозначенного словом действующего лица (ср. *крановщик, колхозник, кум, супруг, раб, инфант, кузен* и др.)» [Там же. С. 110]; *-а* в *кум-а* и проч. не просто суффикс и не просто окончание, а сложная единица, выражающая как грамматические значения рода, числа и падежа, так и словообразовательное значение 'лицо женского пола'. Исторический *-а* — это праслав. суффикс именной основы **ā*; считается, что после переразложения основ **ā* превратился в окончание, но это такое окончание, которое по-прежнему играет словообразующую роль, и не случайно Н. М. Шанский назвал его **словоформообразующей морфемой**, а не ***формословообразующей**. Эта словоформообразующая морфема имеет место не только в таких ясных случаях, как *кум — кума, раб — раба*, но и в таких, как *кладовщик — кладовщица, отличник — отличница*; в словах *кладовщиц-а, отличниц-а* словообразовательным формантом со значением 'лицо женского пола' будет не *-щиц-* или *-иц-*, а именно *-а*. (Переход *к > ц* в таких новообразованиях, как *крановщица*, произошел не по причине 3-ей палатализации, а по аналогии с такими древними образованиями, как *пророчица, вѣщица* 'колдунья' и проч.).

Границы феномена, обозначаемого терминами *суффлекс, суффлексация*, будут уточняться в процессе работы над Словарем, пока же можно выделить такие разновидности суффлекса:

- а) *кум-ъ > кум-ā, Александр > Александр-а*
- б) *отличник > отличница*;
- в) *портн-ой > портн-их-а*; суффикс *-их-* имеет значение лица, ср. *женых*; *-а* — суффлекс со значением женского пола; значит, способ образования — суффиксально-суффлексальный.

В Словаре «Русский древослов», как уже сказано, предлагаются такие словоформообразующие морфемы называть суффлек-

сами, а способ образования — суффиксальным; термин *суффикс* образован путем сокращения составного слова «суффикс-флексия» и удобен тем, что он, помимо краткости, сохраняет родство с суффиксом и показывает его способность в современном русском языке оформлять еще и внешнюю флексию.

§ 9. Инфиксальный способ словообразования¹²

В словообразовании русского языка остается нерешенным вопрос словопроизводства словоформ типа *улавливать*. Он формулируется так: от какого глагола, каким способом и при помощи какого словообразовательного средства был образован этот глагол и сотни ему подобных на *-ивать*? При этом сразу следует отказаться от решения, предлагаемого в словообразовательном словаре современного русского языка, а именно: от глагола *уловить* независимо друг от друга образованы глаголы *уловл-я-ть* и *ула́вл-ива-ть* [22, т. 1, с. 555]. Это решение неприемлемо по той причине, что только образование *уловить* > *уловлять* удовлетворяет требованиям исторической фонетики русского языка, тогда как образование *уловить* > *улавливать* необъяснимо исторически, так как, в частности, встречает непреодолимые морфонологические трудности: в этом случае нет условий для появления чередования *в // вл*. Производным глаголом непосредственно от *уловить* должен был бы стать **улавивать*. Такие условия возникают, если принять во внимание еще один член словообразовательной цепи: *уловить* > *уловлять* > *улавливать*. Однако тут возникает новый вопрос: как объяснить «исчезновение» суффикса *-а-* (орфографически — *-я-*); почему есть глагол *ула́вл-ива-ть* вместо, казалось бы, закономерного **уловл-я-ива-ть*? Кроме того, с синхронных позиций остаются никак не объясненными ни изменение качества гласного корня (*о // а*), ни перенос ударения с суффикса на корень. Следует при этом напомнить, что мы категорически не приемлем такого понятия, как усечение основы — этой «палочки-выручалочки» специалистов по синхронному словообразованию, ибо в истории языка усечения основ никогда не было.

¹² Данный параграф представляет собой сокращенное изложение статьи: [62].

Представляется очевидной мысль о том, что формальное словообразование неотделимо от семантики рассматриваемых глаголов, ибо в истории языка не столько форма выражает смысл, сколько смысл оформляется, то есть находит себе воплощение в звуках и формах. Как показывает история отечественного языкознания, русских языковедов в первую очередь интересовали семантические проблемы русского глагола, а формальная сторона отходила на второй план. Поэтому и нам целесообразно сначала обратиться к изучению опыта предшественников, размышлявших о семантике русского глагола, чтобы затем в свете этого опыта попытаться решить и формально-словообразовательные вопросы, о которых говорилось выше.

Важнейшим событием истории русского глагола является возникновение категории глагольного вида, которая привела к коренной перестройке временной системы. Однако теоретическое осознание новой языковой реальности произошло далеко не сразу. Так, Ломоносов описывал глагол как систему из десяти временных форм [77, § 263]. В дальнейшем русские языковеды начали преодолевать эту славяно-латинскую в своей основе систему, во-первых, уменьшая количество временных форм глагола и, во-вторых, увеличивая число его «видов».

Основоположителем современного учения о видах глагола можно считать А. А. Потебню. Рассматривая труды своих предшественников — С. Н. Шафранова, А. В. Болдырева, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, А. Ф. Гильфердинга и, в особенности, Г. П. Павского, — Потебня увидел в них один общий недостаток, а именно: смешение понятий совершенности / несовершенности и степеней длительности действия: «Мы утверждаем, что совершенность и несовершенство, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различных порядка наслоений в языке» [93, с. 35]. Именно на этом размежевании «двух различных порядков наслоений» и покоится современная теория видов, отличная от теории качественно-количественных характеристик способов глагольного действия. Это значит, что одну и ту же совокупность образованных от одной основы глаголов можно описать и в терминах категории вида, и в терминах способа глагольного действия.

Так, упомянутая группа глаголов *ловить* — *уловить* — *уловлять* — *улавливать* на языке категории вида представляет собой цепочку НСВ → СВ → НСВ → НСВ. Наиболее проблематичной в этой цепочке словопроизводства является образование глагола НСВ *улавливать* от глагола НСВ *уловлять*.

Та же группа в терминах способов глагольного действия выглядит иначе (воспользуемся в данном случае терминами Потебни): собирательно-длительное действие (*ловить*) → результативное действие (*уловить*) → отвлеченно-длительное действие (*уловлять*) → отвлеченно-длительное (*улавливать*). В этой цепочке также наиболее проблематичным оказывается производство одного отвлеченно-длительного глагола от другого отвлеченно-длительного.

Решение обеих проблем находится в истории языка. Из слов Потебни о «двух различных порядках наслоений» вытекает такой вопрос: что на что наслаивается? Иначе говоря, что было исторически первичным, а что вторичным: видовые корреляции наслаиваются на корреляции по способу действия или наоборот? В. В. Виноградов, анализируя взгляды Потебни, указывает, что «образование разных степеней длительности предшествовало возникновению категорий совершенности и несовершенности» [55, с. 401]. Изначально «совершенство и несовершенство вовсе не обозначались, как теперь, например, в немецком, в котором “das werde ich tun” значит и “буду делать” и “сделаю”» [93, с. 25]. Стало быть, категория вида возникла на основе более ранней качественно-количественной характеристики способа действия. Потебня приводит такой пример: «Действие, обозначенное глаголом *нести*, *несу*, есть то, которое выделяется мыслью непосредственно из чувственного воззрения, между тем как формы *носить*, *нашивать*, если устраним различие в их значении, имеют то общее, что обозначает действие, как продукт большого отвлечения. Чтобы употребить выражение *ношу* в обыкновенном его смысле, нужно обнять несколько моментальных действий, порознь добытых из чувственного воззрения, и представлять эти действия одним протяжением. Из этого уже видно, что язык, прибавляя к формам, как *нести*, такие, как *носить*, *нашивать*, между прочим, стремится к своеобразной отвлеченности мысли» [Там же. С. 51].

Вооружившись этими воззрениями, вернемся к нашему материалу, используя в качестве источников исторические словари русского языка и данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12].

Глагол *ловить*, по данным [18], известен в литературном употреблении с 1057 г.; глагол *уловить* — также с XI в., глагол *улавлять* — с 1073 г. Таким образом, в др.-русск. языке изначально существовала «классическая» триада глаголов, выражавших основные способы действия: конкретно-длительное — результативное — отвлеченно-длительное. В XIX в. появляется новый отвлеченно-длительный глагол *улавливать*, который вытесняет из употребления своего «родителя»: по данным НКРЯ, с 1718 по настоящее время глагол *улавлять* (после орфографического выравнивания — также *уловлять*) был употреблен всего 156 раз, тогда как глагол *улавливать*, впервые употребленный в 1852 г., с этого момента и по настоящее время употреблен 1703 раза.

Более показателен случай с глаголом 4-го класса *просить*. Классическую триаду образуют глаголы *просить* — *спросить* — *спрашивать*. Глагол *спросить*, по данным [18], известен с XIV в., однако ясно, что он существовал еще в дописьменную эпоху, поскольку только от него мог быть образован глагол *спрашивать*, известный с 1073 г.; глагол *спрошать*, известный с XVI в., по данным НКРЯ, с 1750 г. по 1874 г. был употреблен всего 11 раз, будучи вытеснен глаголом *спрашивать*, известным с XVI в. и с 1682 г. по настоящее время употребленным 61260 раз.

Таким образом, триады *ловить* — *уловить* — *улавлять* и *просить* — *спросить* — *спрашивать* заменились «квадригами» *ловить* — *уловить* — *уловлять* — *улавливать* и *просить* — *спросить* — *спрашивать* — *спрашивать*; эти квадриги имеют тенденцию к упрощению до классического вида триады, так как такие члены, как *уловлять* или *спрашивать* или сокращаются, или вовсе утрачиваются в употреблении. При этом необходимо заметить, что глаголы *уловить*, *улавливать* и *спросить*, *спрашивать* не связаны отношениями словопроизводства, — тут действуют другие правила, о которых мы будем говорить ниже. Сейчас же остановимся на вопросах о том, что послужило причиной упрощения квадриг до классического вида триад, и о том, как возникли триады без промежуточного звена с суфф. *-а-* типа *винтить* — *завинтить* — *завинчивать*?

Такой причиной могло послужить аналогическое воздействие триад глаголов 3-го класса. Глаголы *ковать* — *заковать* — *заковывать* образуют классическую триаду конкретно-длительного — результативного — отвлеченно-длительного способов действия. Столь же классической является триада глаголов *писать* — *списать* — *списывать*, *читать* — *прочитать* — *прочитывать* и под. К этим глаголам надо добавить еще глаголы 4-го класса с суффиксом *-ě- > -гь-, которые также образуют триаду: *смотреть* — *рассмотреть* — *рассматривать*, *глядеть* — *подглядеть* — *подглядывать*. Однако лексическая семантика глаголов может оказывать сопротивление образованию триад.

Если глагол *улавливать* образован от глагола *улавлять*, то как объяснить «исчезновение» суффикса *-а-*?

В праславянском языке суфф. *-ā- имел значение отвлеченно-длительного способа действия: сравним **let-ē-ti* и **lēt-ā-ti* и заметим, что значение неопределенного отвлеченно-длительного способа действия выражается не только суффиксом, но и продлением гласного корня: «Суффикс *-а- заключается в обычных славянских образованиях многократного вида с долгой корневой гласной: др.-сл.- **гнѣтати** ‘давить’ при **гнетѣж**» [83, с. 225]. См. еще *умьру* — *умирати*, *убьрати* — *убирати* и под. Этот суффикс образовал основы форм аориста, причастий прошедшего времени и инфинитива.

В историческую эпоху, как уже говорилось выше, с этим суффиксом сблизился и функционально с ним объединился другой суфф. *-а-* из форм древнерусского имперфекта (см. выше).

Алломорфом суффикса *-а-* является суфф. *-ва-*, происхождение которого не вполне ясно. В науке было предложено три версии.

1) Суфф. *-ва-* возник вследствие **переразложения** в глаголах *бывать*, *давать*. Изложение этой точки зрения находим в статье В. Р. Шмальштига [108, с. 255–259]. В случае с **бывати** и **мывати** мы имеем дело с итеративно-дуративными формами глагола, которые вполне можно считать подобными морфологическим формам других итеративно-дуративных глаголов, таких как **у-мирати**, **на-рицати**, **при-зывать** и т. д., то есть с продленной ступенью корневого гласного глаголов с суффиксом *-а-*.

В этих случаях продление корневого гласного, по всей вероятности, является полностью аналогичным в славянском языке таким словам, как **у-мирати**, в котором *-u-* является продленной ступенью **-ī-*, восходящего к сочетанию **-īr-* из и.-е. **j-*.

В глаголах типа **бывати** мы можем представить такие последовательные стадии:

(1) **bhūH+C*

(2) **bū+C*

Вокальный суффикс	Консонантный суффикс
----------------------	-------------------------

(3a) **bъv+a* (3b) **bū+tei*

(4a) *быв+a* (4b) *бы+mi*

От ступени (1) к ступени (2) Шмальштиг предполагает фонологический переход, то есть продление гласного после утраты ларингала. Когда */ū/* оказывается перед вокальным суффиксом, он приобретает вид *-ъv-*, что мы видим на ступени (3a). В общем, ступени (3a) и (3b) — одновременны; это же верно и для ступеней (4a) и (4b). Переход от (3b) к (4b) приносит ожидаемый фонологический результат, но и переход от (3a) к (4a) аналогичен, то есть продление корневого гласного *ъ > ы* оказывается морфологическим маркером итеративности–дуративности глаголов.

Начиная с этого случая установившегося чередования между **(за)быти** и **(за)бывати**, носители праславянского видят здесь суффикс *-va* вместо *-a-*.

Второй источник суффикса *-va-* — это неапофоническое чередование с фонемой */o/* в индоевропейском. Это чередование имеет источником различные рефлексy сочетания **-eHw*: */o/* перед согласным, *aw* перед гласным. В терминах компонентного анализа, ларингал */Hw/* оставляет след в виде лабиализации в фонеме */ō/* и в фонеме */v/* в *-āw*. В обоих случаях предшествующий гласный был продленным и ларингал терял свою фонематическую сущность.

Можно предполагать, что старославянский глагол **давати** происходит из и.-е. корня **deHw*. Когда к нему присоединился консонантный суффикс, мы имели **dō-C* как закономерный фонологический результат; когда же присоединился вокальный суффикс, возникало **dāv-V*. На данном этапе чередование фонемы */ō/* с сочетанием *-aw-* может восприниматься как позиционно обусловленное. Однако позже, когда фонемы **/ā/* и **/ō/*

совпадут в славянской фонеме /a/, возникает морфологическая оппозиция **дати** : **давати** и в морфемном отношении слова членились так: **да+ти** и **да+ва+ти**.

Эти периоды можно выразить в такой схеме:

Вокальный Консонантный

суффикс суффикс

(1) **deHw-eH* **deHw-tei*

(2) **dāw-ā* **dō-tei*

(3) *dāv-ā* (*dā-vā*) *dā-ti*.

После переразложения **бы-ва-ти**, **да-ва-ти**, сопровождавшегося продлением корневого гласного как маркера дуративно-сти-итеративности, суффикс *-ва-* по аналогии стал действовать при образовании дуративов от основ на гласный: **дѣ-ва-ти**, (**въ**)**ста-ва-ти**, (**за**)**доу-ва-ти** и пр., тогда как от основ на согласный — суффикс *-а-*: **пад-а-ти**, **зъв-а-ти**, **плев-а-ти** и пр. Таким образом, имеет место дополнительное распределение алломорфов *-а-* и *-ва-*.

2) Суффикс *-ва-* возник вследствие **опрошения** из «сумы» двух суффиксов: причастия — *-в-*¹³ и дуратива — *-а-*: **дати**, **да-въ** > **да-в-а-ти** → **да-ва-ти**. Сильная сторона этой гипотезы в том, что этот процесс захватывает все глаголы с основой на гласный, но в этом же заключается и ее уязвимость: согласно этой версии, словообразование, например, от глагола *бить* шло так: **би-ти** > **би-в-ъ** > **би-в-а-ти** > **в-би-ва-ти**, **вы-би-ва-ти**, **раз-би-ва-ти**, **оу-би-ва-ти** и др. приставочные. Однако тут часто бывает хронологическая нестыковка. Так, ожидаемый бесприставочный итератив **крывати* в текстах отсутствует, а известны лишь производные от приставочных глаголов типа *раскрыть* > *раскрывать*; поэтому логичнее видеть здесь другую словообразовательную модель: *крыть* > *раскрыть* > *раскрывать* с тем самым суффиксом *-ва-*, который происходит из *бы-ва-ти*. Новые элевые формы многократного давнопрошедшего действия типа *кры-ва-л-ъ* появляются после приставочных. Причастия *крывъ*, *раскрывъ* в эпоху сложившихся парадигматических отношений в составе единого глагольного слова уже не были способны стать производящими для итеративов *крывать*,

¹³ «Предположение о связи элемента *-v-* с суфф. действ-ного прич. прош. **-цѣs-* см.: A. Vammesberger. “Language”. 1974, т. 50, с. 692» [34, вып. 3, с. 158].

раскрывать. В связи с этим приставочные производные и формы нового русского давнопрошедшего (типа *живаль*, *криваль*) не могут объяснить происхождения суффикса *-ва-* и доказательной силы не имеют. И в тех, и в других формах действует готовый, уже сложившийся суффт. *-ва-*.

3) Звук *-в-*, согласно точке зрения О. Н. Трубачева, является чисто фонетической протезой¹⁴, то есть «играет роль элемента, устраняющего зияние (**by-ati*), и к корню не относится (в противном случае ожидалось бы *-у-* > *ъу* в гетеросиллабической позиции)». По мнению О. Н. Трубачева, «вряд ли верно считать **byvati* удлинением закономерного **bŭv-* в глаголе на *-ati*» ([32, с. 3, 158], как полагал В. Р. Шмальштиг (см. выше п. 1).

Как бы то ни было, суффт. *-ва-* получил значение отвлеченно-длительного способа действия в глаголах с основой на гласный: *дѣ-ть* > *дѣ-ва-ть*, *би-ть* > *би-ва-ть*, *претерп-ѣ-ть* > *претерп-ѣ-ва-ть*, ст.-сл. **коньч-а-ти** > **коньч-а-ва-ти**, *откры-ть* > *откры-ва-ть*, *обезлѣс-и-ть* — *обезлѣс-и-ва-ть*; в последнем случае последовательно действуют два суффикса: *-и-* и *-ва-*. Как мы полагаем, дальнейший процесс переразложения идет все так же в пользу морфемы справа, в нашем случае — в пользу суффикса: *бы-ва-ть* > *б-ыва-ть*, *би-ва-ть* > *б-ива-ть*, *откры-ва-ть* > *откр-ыва-ть*.

Есть соблазн считать, что глаголы НСВ образуются от приставочных глаголов СВ при помощи суффиксов *-ва-* или *-ива-* // *-ыва-*. Именно это утверждает В. В. Виноградов: «В современном языке живым и продуктивным является способ образования форм несовершенного вида от предложных (или приставочных) глаголов совершенного вида с помощью суффикса *-ыва-*, *-ива-* (при соответствующем чередовании согласных основы), например: *выкрасить* — *выкрашивать*; *закрутить* — *закручивать*; *расцветить* — *расцветчивать*; *накопить* — *накашивать* и т. п. Процесс образования этих форм обычно сопровождается изменением звука *о* основы в *а* («внутренняя флексия»), например: *приготовить* — *приготавливать*; *обусловить* — *обулавливать*; *вздвогнуть* — *вздогивать*; *задобрить* — *задабривать*; *заготовить* — *заготавливать*; *успокоить* — *успокаивать*; *оспорить* — *оспаривать*; *облагоро-*

¹⁴ Об эвфонической природе *в* писал уже М. Н. Катков; см.: [72, с. 129]; цитату см. ниже.

дить — *облагораживать*; *выработать* — *вырабатывать*; *заподозрить* — *заподозривать* и т. п.» [55, с. 417]. В последнем примере вторичный аналогический характер изменения *o > a* особенно ясен, так как происходит не в корне, а в приставке.

Слова о «соответствующем чередовании согласных основы», при допущении непосредственного образования глаголов НСВ от приставочных глаголов СВ, противоречат законам исторической фонетики русского языка, так как нет условия для чередований *с//ш*, *т//ч*, *д//ж*, *в//вл*. Если бы это было так, то существовали бы глаголы **уловивать*, **запросивать*, **укоротивать*, но таких глаголов нет. Глаголы с рефлексимами с *j*-ового смягчения типа *улавливать*, *запрашивать*, *укорачивать* показывают, что модель была другой — от глаголов *улавлять*, *запрашивать*, *укорачивать*. Таким же путем образовались и глаголы с корнями на сонанты, хотя рефлексимы сочетаний с йотом в них неотличимы от вторично смягченных полумягких: *засаливать* — *засаливать*, *заваливать* — *заваливать*, *отмеривать* — *отмеривать*.

Для объяснения того, как образован глагол *улавливать* и ему подобные, можно предложить две гипотезы.

а) Аналогическое воздействие глаголов типа *бивати*, в которых произошло переразложение в пользу суффикса: *би-ва-ти > б-ива-ти*. Так объясняет происхождение суффикса *-ива-* (и, соответственно, *-ыва-* при переразложении типа *быть > бывать*) П. С. Кузнецов: «Рассматривая историю грамматического вида на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, необходимо обратить внимание на развитие одного нового образования, также относящегося к области видов, но занимающего подчиненное положение по отношению к основному противопоставлению совершенного и несовершенного видов. Именно уже на протяжении этих эпох получают широкое распространение т. н. многократные основы с суффиксом *-ива-*, *-ыва-*, выражающие повторяемость действия и представляющие собой известную разновидность несовершенного вида. Исходную точку для этого суффикса образует глагол *бивати* со старым суффиксом *-ва-*, имевшим также и итеративное значение (т. е. значение повторения действия). В результате переразложения у (*ы*), принадлежавшее первоначально корню вспомогательного глагола (ср. *быти*), было отнесено к суффиксу и распространено затем на другие глаголы,

причем гласный этот являлся в виде у (*ы*), если следовал за твердым согласным, *i*, если следовал за мягким согласным (ср. современное *подбрасывать* — *подсматривать*)» [76, с. 261–262]¹⁵.

Развивая эту мысль, О. Г. Щеглова пишет: «Суфф. *-ива-/-ыва-* очень быстро получил широкое распространение, так как он удовлетворял всем сформулированным выше условиям. Его неоднородность обеспечила ему высокую информативность, четкость и простоту строения, а также возможность выступать во всей глагольной парадигме в непробразованном виде. Это обстоятельство обусловило и универсальность его применения: он присоединялся к глагольным основам любого строения. Наконец, само его возникновение как специализированного средства имперфективации обеспечило ему монофункциональность, по крайней мере на первых порах его развития» [105, с. 174].

Эта версия объясняет происхождение суффиксов *-ива-* и *-ыва-*, но не объясняет, куда исчез суфф. *-а-* (*я*) в *уловл-я-*, *раскид-а-* (при образовании *раскидывать*), *-е-* в *подгляд-е-* (при образовании *подглядывать*), *-и-* в *подброс-и-* (при образовании *подбрасывать*), если только не использовать отвергнутую нами версию усечения основы.

б) С появлением суффикса *-ива-* возникла синонимия старых глаголов типа *улавляти* и новых типа *улавливати* и, соответственно, их конкуренция. «В ст.-рус. период (XVI–XVII вв.) суфф. *-ива-* входит в “стадию максимальной продуктивности”, что поставило его в центр развивавшейся видовой системы. Для функционирования суфф. *-ива-* в этот период характерно общее расширение сферы действия: суффикс *-ива-* проникает в основы, которые не были охвачены ранее существовавшими суффиксами по морфонологическим причинам, а также в те области, которые обслуживались этими более древними суффиксами. Применительно к этой эпохе можно говорить о том, что образование слов с данным суффиксом становится грамматикализованным процессом, т. е. имперфектив на *-ива-* мог быть образован в это время практически от любого глагола. Таким образом, суфф. *-ива-* становится регулярным грамматическим средством имперфективации» [105, с. 175]. Старые глаголы с суфф. *-я-(-а-)* вытесняются новыми на *-ива-*, но этот процесс не

¹⁵ Аналогическое воздействие корневых глаголов на *-ыв-а-ть* видно в судьбе глагола *плыву*, изменившим даже корневую согласную на *-ы-*: *плыву*. То же с приставками: *выплыву*. В НСВ вместо ожидаемого **выплаваю* — *выплываю*.

дошел до конца; более того, старые глаголы вытеснили из нормативного русского литературного употребления возникшие было новые глаголы, такие, как *възбранивати, исправливати, поостривати*, вместо которых продолжают употребляться старые глаголы *возбранять, исправлять, поощрять* и т. п. На основании этого факта О. Г. Щеглова делает резонный вывод: «То обстоятельство, что норма литературного языка <...> сохранила старые образования и отбросила возникшие было варианты на *-ива-*, в современном русском литературном языке лишило этот суффикс регулярности, а вместе с тем и статуса грамматического средства имперфективации. Тем самым была пресечена тенденция к становлению категории вида в русском языке как словоизменительной, поскольку в современном русском языке выбор той или иной модели имперфективации осуществляется не на грамматическом, а на лексическом уровне» [105, с. 175].

Таким образом, оппозиция глаголов на *-ять* — *-ивать* носит не грамматический, а лексико-словообразовательный характер. Что касается лексики, то еще П. Я. Черных отметил, что глаголы с суффиксом *-ива-* — это «особенность народного русского языка. Старославянскому и, следовательно, книжному древнерусскому языку они совершенно чужды» [100, с. 273]. Напротив, в народных говорах, особенно северно-великорусских, они употребляются несравненно шире, чем в литературном языке; П. Я. Черных приводит такие приставочные и бесприставочные примеры, как: *купливать, сказывливать, доставливать*¹⁶. Это значит, что литературному языку как сложноорганизованной стилистической системе было важно сохранить те смысловые и стилистические оттенки, которые несли славянизмы с суффиксом *-я-(-а-)*, такие, как: *укрощать* (русск. *укорачивать*), *возвращать, возмущать, запрещать, защищать, обещать, обобщать, ощущать, посвящать, посещать, награждать, освобождать, побеждать, подтверждать, убеждать, утверждать*.

Зато есть множество русизмов с чередованиями *т//ч* и *д//ж* и суффиксом *-ива-*: *оборачивать, высвечивать, укорачивать, зарешечивать, ввинчивать, прочерчивать, откручивать, вышучивать, выпроваживать* (ср. *сопровождать*), *изгаживать*,

¹⁶ То же самое касается глаголов на *-ывать*: *посыливать, бирывать, умирывать, торгивать*.

наглаживать, омолаживать, облагораживать, всаживать, обхаживать, обезвреживать, выцеживать, обнадеживать, выезживать, высиживать, затверживать, подзуживать, обезоруживать, подсуживать, застуживать, переряживать и др.

Следовательно, пары словообразовательных синонимов типа *уловлять* > *улавливать* — это не умозрительная схема, а реальный факт исторической лексикологии. В результате конкуренции словообразовательных синонимов промежуточное звено словообразовательной цепи может выпадать. В нашем случае это глаголы на *-ять*. Это налагает особые обязательства на исследователя — необходимость сделать вывод о механизме этого процесса. Оба глагола, и производящий, и производный, имеют тождественное морфологическое оформление: *-ять, -яю, -яешь*. Словообразовательный акт не меняет внешнего оформления. **Приходится поэтому усматривать в таких случаях действие особой морфемы *-ив-*, которая вычленяется путем процесса, противоположного опрощению, а именно расщепления сложного опрощенного суффикса *-ива-* на инфикс *-ив-* и суффикс *-а-*; причем следствием этого оказывается новый морфемный шов: *...и-+ва-* > *-ива-* > *-ив-+а-*. Такое образование инфикса подтверждает высказанное еще Ф. Ф. Фортунатовым общетеоретическое положение о том, что «инфиксы вообще являлись лишь в словах, уже имевших формы, образовавшиеся другими аффиксами, и возникали из других аффиксов» [99, т. 1, с. 151].**

Сопоставление глаголов *улавлять* — *улавливать* показывает, что значение отвлеченно-длительного способа действия в глаголе *улавлять* сильно ослаблено или даже стерто, поэтому возникает новое средство восстановления и интенсификации значения отвлеченно-длительного способа действия при помощи инфикса *-ив-*.

Здесь, думается, будет уместно вспомнить о полузабытой идее М. Н. Каткова «о звуковом “символизме” видов русского глагола, о соответствии между расширенной формой глагола и “расширенным кругом самого действия”» [55, с. 399]: «Действие *ощутимое* (определенное) любит форму краткую, спряжение быстрое, и потому глагол для его означения сокращает свою этимологическую форму; наоборот, для означения действия мысленного (неопределенного) глагол расширяет свою форму и переходит в класс, где образовательный характер сильнее. Этот

оригинальный символизм проходит через всю систему глаголов и пользуется всеми возможными средствами» [72, с. 127]. «Для выражения отдаленности или давности действия язык прибегает к характеру *a* (*ae*), самому сильному, — и приставляет его вновь к характеру данного глагола, так что образование выходит двойное. Глагол *дать*, распространяясь, принимает *a* — выходит *даять* и *давать* (эвфонич. вместо *да-ать*), расширяясь далее, для означения действия давнего, он принимает снова характер *a*, и выходит форма *давывал* (= *дававал*); *был*, *бывал*, *бывывал*. В чешском языке ощущается иногда потребность нового усиления, и еще раз принимается *a*; отсюда возможна не только форма *bywawal*, соответствующая нашей *бывывал*, но и более распространенная форма *bywawawal*.

В подобных формах новый вес сообщается глаголу продолжением коренного слога, т. е. переходом ударения с конца к началу. Не довольствуясь этим, гений языка для усугубления веса глагола изменяет коренную гласную *o* на сильнейшую *a*. *Ходить* — *хаживал*, *носить* — *нашивал*» [Там же. С. 129–130].

Мысль об усиленном характере длительности глаголов на *-ивать* и *-ывать* затем неоднократно подчеркивалась в русской научной литературе К. С. Аксаковым, Г. П. Павским, Н. П. Некрасовым, А. А. Потемной; А. А. Шахматов удачно назвал это свойство глаголов на *-ивать* «интенсивной длительностью» [55, с. 417].

Инфикс *-ив-* есть тот элемент, который «усиливает вес» суффикса *-а-*, благодаря ему суфф. *-а-* как бы обретает «вторую молодость», то есть значение интенсивного отвлеченно-длительного способа действия. Если обратиться к примерам из [12], то можно заметить, как суфф. *-а-* в глаголе *улавлять* (*уловлять*) теряет былое значение отвлеченно-длительного способа действия и тот становится глаголом с конкретно-длительным значением.

«Оправдание фарисейское, еже есть видом святости чванится, лицемерием *уловляти* очеса человеческая» [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о власти и чести царской... (1718)].

«Кто все обѣщает тотъ ничего не даетъ, а обѣты глупыхъ *уловляютъ*» [С. С. Волчков. Придворной челоуѣкъ [пер. книги Грациана с французского] (1742)].

«При сем примечать должно, что хотя богатство и достаток всегда бывают источником достоинств и чинов, однако они

не с равномерным успехом действуют во всех веках и у всех народов, поелику не всякое богатство не всяких людей *уловляет сердца*» [С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции (1768)].

Из этих примеров ясно видно, что глагол *уловлять* не имеет значения интенсивно-длительного способа действия, но обозначает только действие простое. Этому часто помогает возврат к корневому гласному *о*, однако исконный вариант с корневым *а* устойчиво сохраняется и в наши дни, например:

«В книжке написано так: для начала нужно выставить ток (рекомендуют 0,1 от ёмкости АКБ), далее по мере зарядки автоматика сама **улавляет** ток, и как напряжение достигнет 15 В, автоматика убавляет ток, начало уменьшения силы выставленного тока говорит о достижении батареей 75–95 % заряда» (<http://www.lkforum.ru/showthread.php?t=14639&page=411>. Дата обращения — 07.08.2018);

«*Федька*: Нахожусь в деревне, так скать в гуще народной жизни, интернет тута плохо фурычит, токмо въ подпечье волну **улавляет** гад!» (<http://wap.staroverly.unoforum.pro/?1-11-0-00000047-000-0-0>. Дата обращения — 07.08.2018).

Таким образом, суфф. *-а-* никуда не исчезал, он остался на прежнем месте с прежним значением, но увеличил свой «символический вес» благодаря инфиксу *-ив-*. Отвечая на поставленный в начале вопрос, можно сказать, что глагол *улавливать* образован от глагола *улавлять* **инфиксальным способом**; семантическое отношение между производящим и производным глаголами можно описать как «отвлеченно-длительный — интенсивно-длительный» способы действия.

Однако этот ответ еще не решает всех проблем. Если глаголы *ловить* — *уловить* — *улавлять* (*уловлять*) — *улавливать* являются исторически достоверными фактами языка, зафиксированными в письменных источниках, то как решать вопрос о происхождении глаголов типа *вылавливать*, *налавливать*, *подлавливать*, *перелавливать* при отсутствии реальных производящих **вылавлять*, **налавлять*, **подлавлять*, **перелавлять*?

Как нам представляется, есть два возможных решения.

1) Так как новые производные типа *отлавливать*, *откармливать* и др. под. уже не имеют реальных производящих звеньев типа **отлавлять*, **откармлять*, то словообразователь-

ным средством выступает суффикс *-ива-*, а производящими основами выступают формы 1 л. наст. вр. *отловл-*, *откормл-* с их морфонологической особенностью *в//вл*, *м//мл*, в которых, кроме того, происходит «символическое увеличение веса» за счет более «тяжелой» гласной */а/* в корне.

2) Второе решение основывается на гумбольдтовской идее языковой панхронии, согласно которой язык дан весь и сразу: «Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу» [60, с. 312–313]. Однако весь и сразу язык дан лишь в возможности, то есть в панхронической потенциальности языка существует полная триада словообразовательных отношений *откормить* > *откормлять* > *откармливать*, но в историческом воплощении существуют лишь крайние члены этой триады, что обусловлено потребностями мысли и общения.

Принято считать, что в современном русском языке морфемы *-ива-* и *-ыва-* представляют собой одну морфему, то есть вступают в отношения дополнительного морфонологического распределения. Но с диахронической точки зрения, между ними имеется существенное различие. Если инфикс *-ив-* был средством усиления длительного способа действия, оставляя глагол в области НСВ, то инфикс *-ыв-* имеет собственно видовое значение НСВ и непосредственно образует имперфективные члены в видовых парах типа *раскид-а-ть* : *раскид-ыв-а-ть*, *рассказ-а-ть* : *рассказ-ыв-а-ть*. Это и послужило тому, что такие готовые пары стали источником аналогии для пар с *-ива-* типа *отловить* : *отлавливать* — уже без среднего звена **отлавлять*.

В случае если соотносимыми по виду оказываются глаголы не на *-ать*, действуют полные опрошенные суффиксы *-ыва-* и *-ива-*, как в парах *подгляд-е-ть* : *подгляд-ыва-ть*, *подброс-и-ть* : *подбрас-ыва-ть*, *отлов-и-ть* : *отлавл-ива-ть*. Производящими основами в этих случаях являются основы настоящего времени, то есть основы типа *подгляж(у)* — *подгляд(ит)*,

подброш(у) — подброс(ит), отловл(ю) — отлов(ит) с возвратом к ее исконному виду на твердый согласный.

Итак, наиболее вероятная гипотеза происхождения глагольного суффикса *-ва-* сводится к переразложению корней в глаголах с основой на гласный *быв-а-ти, дав-а-ти* в пользу суффиксов: *бы-ва-ти, да-ва-ти*. Дальнейший процесс переразложения привел к сложным суффиксам с двумя гласными: *бы-ва-ти > б-ыва-ти, би-ва-ти > б-ива-ти*. При производящих глаголах не на *-ать* действует основа настоящего времени, а формантом выступает полный суффикс *-ыва-*: *подглядеть, подгляжу, подгляд-ит > подгляд-ыва-ет* с возвратом к исконной основе на твердый согласный. При производящих глаголах со значением предельного способа действия на *-ать* выделяется особый инфикс *-ыв-* со значением многократности: *раскидать > раскид-ыв-ать*. Эта словообразовательная модель аналогически повлияла на более сложную судьбу глаголов на *-ивать*. Они, как правило, образованы с помощью инфикса *-ив-* от глаголов отвлеченно-длительного способа действия на *-ять*, которые, в свою очередь, образованы от приставочных глаголов IV класса со значением результативного способа действия; этим объясняется йотовое смягчение; кроме того, значение интенсивно-длительного способа действия выражается продлением корневого гласного: *уловить > улавлять > улавл-ив-ать*.

После упрощения квадриг и возникновения новых сокращенных триад типа *просить — спросить — спрашивать* эти триады стали моделью для образования многочисленных триад, в которых действует сложный суфф. *-ива-* при трехчленной панхронической цепи *-ить > *-ять > -ивать*, объясняющей историческое чередование в основе: *винтить — завинтить — *завинчать — завинчивать*. Это же историческое чередование объясняет, почему невозможно считать производящей основу инфинитива.

Перспективным направлением дальнейших исследований в данной области является рассмотрение частных случаев словообразования глаголов с инфиксами *-ив-* и *-ыв-* и суффиксами *-ива-* и *-ыва-* (в том числе в составе конфиксов) с учетом лексических, семантических и стилистических особенностей и ограничений.

§ 10. Префиксальный способ словообразования

Как было сказано выше, в индоевропейском языке не существовало такого способа образования основы, как наращение основы слева, или **префиксация**. Этот способ словообразования получил развитие в отдельных языках уже после распада индоевропейской языковой общности. По происхождению префиксы — это имена существительные или предлоги, то есть самостоятельные слова, поэтому можно сказать что в префиксация в своих истоках и по многим важным признакам приставочных производных слов в дальнейшем — это не что иное, как словосложение. Единственная русская приставка, которая не была предлогом, это приставка *вы-*, происходящая из и.-е. наречия **ǵd-* ‘вверх’.

Из-за различных фонетических процессов многие приставки в русском языке представлены рядом алломорфов: *без-//безо-//бес-* < **bez-*; *воз-//возо-//вос-//вз-//вс-* < *vǵz-*; *из-//изо-//изу-//ис-* < **iz-*; *над-//надо-* < **nadǵ-*; *низ-//низо-//нис-* < *nizǵ-*; *об-//обо-//оби-* < **ob-*; *под-//подо-* < **podǵ-*; *раз-//разо-//рас-//роз-//рос-* < **orzǵ-*; *с-//со-//су-* < *sǵ-*.

Так как основное назначение предлогов состоит в том, чтобы выражать прежде всего пространственные отношения между вещами и действиями, то и приставки выражают пространственные отношения, в частности, приставочные глаголы движения обозначают направление этого движения. В переносном смысле предлоги выражают временные отношения; точно так же и приставки выражают временные отношения; в частности, приставочные глаголы обозначают, как протекает действие во времени; подробнее об этом см. в § 23 «О способах глагольного действия».

При префиксальном способе словообразования приставка присоединяется к целому слову, не меняя ни его принадлежности к части речи, ни его словоизменительных характеристик.

§ 11. Конфиксальный способ словообразования

Конфиксальный способ словообразования является сравнительно молодым, сложившимся в истории русского языка, но приобретшим чрезвычайно широкое применение при образовании новых слов. Термин «конфиксальный» нельзя считать

синонимом термина «приставочно-суффиксальный», чем грешат не только учебники, но и [39], на что было недвусмысленно указано В. М. Марковым [81, с. 104–109]. Если в слове *нарукавник* выделить префикс *на-*, то о его значении в данном слове едва ли можно сказать что-то определенное, так как он не может соотнести данное слово с несуществующим словом **рукавник*; точно так же о значении суффикса *-ник* нельзя сказать ничего определенного, так как он не может соотнести *нарукавник* с несуществующим словом **нарукав*. Аналогичным образом нельзя сказать ничего определенного о приставке *за-* в глаголе *заслушаться*, так как этот глагол не соотносится по смыслу с глаголом *слушаться*. Существительное *нарукавник* соотносится по смыслу со словом *рукав*, а глагол *заслушаться* — с глаголом *слушать*, а средством соотнесения являются целостные морфемы *на-...-ник* и *за-...-ся*. Целостность этих морфем, несмотря на их внешне прерывистый характер, обеспечивается единством их значения, не сводимым к сумме значений, их составляющих. Глагольная приставка *за-* может иметь пространственное значение направления действия за пределы чего-либо (*засунуть за ремень*), значение начинательного способа действия (*запеть*), значение результативного способа действия (*заморозить*), тогда как конфикс *за-...-ся* имеет значение чрезмерно-длительного способа действия, которого нет ни у приставки *за-*, ни тем более у частицы *-ся*; ср. аналогичные образования *засмотреться*, *заглядеться*, *задуматься*. Таким образом, конфиксом «называется дваффиксная морфема, выполняющая те же функции, что и суффикс и префикс, т. е. служащая материалом единичного акта морфологического словопроизводства» [Там же. С. 104–105].

Исторической основой, на которой формировался конфиксальный способ словообразования, были предложно-падежные сочетания, мотивирующие соответствующие образования, однако решить однозначно, что является мотивирующей основой, в каждом конкретном случае оказывается затруднительным. Так, прилагательное *безвинный* ‘невиновный’ может быть мотивировано и словосочетанием *без вины* («без вины пролия кровь правьдную сию» — [17, т. 1, с. 427], и прилагательным *винный* ‘виновный’ («А 10-ти человекомъ головы отсѣкли и в ров вметаша, и виннымъ и неповиннымъ» — [18, вып. 2, с. 182], и существительным *вина* ‘грех, проступок’ («Слышавъ же

о братѣ яко въ тьмьници есть вины не вѣдѣше — [18, вып. 2, с. 179]. Решение затруднено также из-за того, что само слово *вина* является многозначным. Для поисков убедительного решения надо исследовать употребление слова *безвинный* и его антонима *винный*. Судя по данным исторических словарей, прил. *винный* означало ‘причинный’, ‘грешный’, ‘виновный’; прил. *безвинный* означало ‘беспричинный’, ‘невиновный’. Наличие антонимического отношения позволяет утверждать, что прил. *безвинный* образовано от прил. *винный* как его отрицание.

Прилагательное *безвѣстный* ‘неведомый, неизвестный’, ‘пропавший без вести’, ‘неосведомленный’ может быть мотивировано и словосочетанием *без вѣсти*, и прилагательным *вѣстный* ‘известный’, ‘поставленный в известность’, и существительным *вѣсть* ‘известие’, ‘сведенье’, ‘новость’, ‘сигнал’. В данном случае правильным будет утверждать существование двух омонимов: прил. *безвѣстный*¹ образовано от прил. *вѣстный*; ср. *безвѣстная мѣста* — *вѣстная мѣста*, *безвѣстный воръ* — *вѣстный воръ*; прил. *безвѣстный*² образовано от словосочетания *безъ вѣсти*; показательный пример находим в словаре: «Учинился у меня въ ту пору **безъ вѣсти** человекъ мой крѣпостной ... и нынѣшняго 120-го году ... тот мой **безвѣстной** человекъ Ермачко ко мнѣ въ Новгородъ пришло» [18, вып. 1, с. 96].

Таким образом, хотя конфиксальный способ словообразования является очень продуктивным, однако решение конкретных случаев словообразования требует внимательного изучения и анализа лексикографических и текстовых источников.

§ 12. Словосложение

Наиболее древним видом словосложения можно считать **удвоение корня**. При удвоении последний звук корня часто отпадает. Примером удвоения корня может служить удвоение звукоподражательных корней: *тараторить* < *тороторить* < **tor-tor-i-ti*, *кукушка*, *кукуреку*, *кокот*, *колокол* < **kolkol*-. В русских словах *прапрадед*, *праправнук* удвоение выражает временную ретроспективу или перспективу. Примерами удвоенных суффиксов являются *-ечек-* < *-ькѣк* (*денечек*) с удвоенной уменьшительностью или двойной притяжательный суффикс в слове *медвежий* < **vĕdmed-jь-jь*.

Особый случай словосложения представляют собой глаголы, в описательной грамматике называемые возвратными. Это название они получили оттого, что образующая их частица *-ся* восходит к возвратному местоимению *себе*.

Частица *ся* — *сь* по происхождению является формой В. п. возвратного местоимения *себе* — *са*. При глаголе стало развиваться безударное (энклитическое) употребление формы *са*, в то время как одушевленная форма В. п. *себе* стала восприниматься как ударная.

Сочетание глагола с клитической формой В. п. возвратного местоимения *са* в начальный период существования древнерусского языка было свободным синтаксическим сочетанием, о чем свидетельствует тот факт, что клитическая форма могла находиться как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к глаголу: **сь воры са емоу не водити** — *с ворами ему не водиться*.

История этих сочетаний заключается в постепенном объединении возвратного энклитического местоимения *са* с глаголом в одно слово. Хотя препозиция клитики в литературном языке наблюдается вплоть до XVII века, однако ведущей тенденцией была ее постпозиция; эта тенденция нарастала от века к веку, особенно быстро в церковнославянских текстах, и к XVIII веку постпозиция стала единственно возможной. Это значит, что процесс агглютинации, то есть объединения двух слов в одно, окончательно завершился; это, в свою очередь, означало, что возвратное местоимение перестало быть членом местоименной парадигмы *себе* и вошло в класс частиц речи с комплексом среднезалоговых значений, которые традиционно обозначаются термином «возвратность».

При этом произошел ряд фонетических изменений: 1) в части говоров и литературном языке конечный гласный частицы редуцировался до нуля звука, если перед ней был гласный звук, ср.: *умылся* — *умылась*; но в некоторых говорах редукции не произошло и там произносят *умылася*, *разбилася*, *купалася* и т. п.; 2) в части говоров, в том числе и московском, имело место отверждение конечного согласного: [умылас, купалас, разбилас]; лишь в XX веке, под влиянием орфографии, нормой произношения становится мягкий согласный.

Лингвистический статус возвратных глаголов и, соответственно, частицы *ся* является двойственным. С одной стороны, возвратность признается грамматической категорией и рассмат-

ривается в разделе морфологии; это значит, что *умыть* и *умыться* — это формы одного глагола, а частица *ся* оказывается в таком случае формообразующей. С другой стороны, в толковых словарях невозвратные и возвратные глаголы помещаются в отдельных словарных статьях; это значит, что *умыть* и *умыться* — разные слова, а связанная частица *ся* оказывается словообразующей. Теоретически к данному случаю применим принцип дополнительности, когда оба подхода к описанию возвратности верны и целесообразны.

Исходя из признания принципиальной двойственности категории возвратности, а также из того, что наш предмет — это историческое словообразование, мы будем придерживаться такого правила. К сфере словообразования не относятся возвратные глаголы с собственно возвратным и взаимно-возвратным значением, то есть слова типа *умываться*, *купаться*, *обниматься*, *целоваться*, когда субъект или субъекты действия обращают его на самого или самих себя. Возвратные глаголы, употребляемые в конструкциях страдательного залога типа *Задача решается учениками*, которые противопоставлены конструкциям активного залога типа *Ученики решают задачу*, описываются только в грамматиках и не описываются в словарях; они обычно не меняют лексического значения глагола, поэтому, как и возвратные глаголы с собственно возвратным и взаимно-возвратным значением, также не относятся к области словообразования.

Напротив того, к сфере словообразования относятся возвратные глаголы со значением средне-возвратного залога, когда частица *-ся* «выражает значение обращенности действия к самому носителю его — субъекту», когда он «указывает на сосредоточенность, замкнутость действия в самом субъекте» [38, т. 1, с. 415]. Сравним такие глаголы, как *обрадовать* и *обрадоваться*: их лексическое значение весьма существенно различается, то есть частица *ся* является в данном случае безусловно словообразующим элементом, так как помимо значения возвратности он еще выражает значение замкнутости, сосредоточенности действия в самом субъекте.

Глаголы средне-возвратного залога разделяются на несколько семантических разновидностей.

1. Глаголы, образованные от переходных глаголов.

1.1. Глаголы общевозвратного значения, когда частица *-ся* «придает глаголу значение сосредоточенности, замкнутости действия в самом его производителе» [38, т. 1, с. 419]: *радоваться, останавливаться, возвращаться, кататься, веселиться, печалиться, сердиться* и т. п.

1.2. Глаголы косвенно-возвратного значения, когда частица *-ся* указывает на то, что действие совершается «производителем для самого себя, в своих интересах» [Там же. С. 421]: *запасаться, собираться, укладываться*.

1.3. Глаголы активно-безобъектного значения, когда частица *-ся* указывает на действия «или вне отношения к объекту или как характеризующие производителя» [Там же]: *корова бодается, крапива жжется, собака кусается*.

1.4. Глаголы пассивно-качественного значения, когда частица *-ся* выражает «способность предмета подвергаться какому-либо действию» [Там же]: *нитки рвутся, проволока гнется, фарфор бьется*.

1.5. Глаголы пассивно-возвратного значения, когда частица *-ся* указывает на пассивное восприятие, причем субъект восприятия «выступает в качестве косвенного объекта в дательном падеже» [Там же]: *вспоминаться, представляться, припоминаться*.

1.6. Глаголы побочно-возвратного значения, когда частица *-ся* называет «действие как соприкосновение с объектом, причем объект своим наличием как бы стимулирует, порождает само это действие, делает его возможным» [39, § 1469]: *держаться за перила, взяться за ручку двери, цепляться за руку, стукнуться, удариться об угол*.

2. Глаголы, образованные от непереходных глаголов.

2.1. Глаголы с усилительно-возвратным значением, когда частица *-ся* «подчеркивает сосредоточенность действия в самом производителе» [38, т. 1, с. 423]: *грозиться, стучаться, плакаться*.

2.2. Глаголы со значением обнаружения признака, когда частица *-ся* «придает этим глаголам значение обнаружения признака» [38, т. 1, с. 423]: *белеться, зеленеться, краснеться*.

2.3. Глаголы с безличным значением, когда частица *-ся* обозначает состояние, «переживаемое субъектом помимо его воли» [39, § 1470]: *хочется, не спится, кажется, не работается*.

Способом словосложения образованы частицы, наречия и союзы *только > только, тоже, уже, так, также, есть ли > были > если, куда, где, тогда, идеже* и под.; имена прилагательные типа *светло-серый* и имена существительные, такие как *верхогляд, лесоруб, пустобрех*.

§ 13. Сращение

От словосложения надо отличать **сращение**, когда новое слово возникает вследствие превращения предложно-падежной формы или словосочетания в одно слово, нередко сопровождающееся переходом в другую часть речи, например:

существительное в форме Р. п. с предлогом *съ* *верху* > нареч. *сверху*;

словосочетание местоимения и существительного в Р. п. *сега дня* > наречие *сегодня*;

словосочетания предлога, существительного в Р. п. и причастия прошедшего времени *съ ума съшедший* > *сумасшедший*.

Нередко сращение переходит в сложение вследствие аналогического воздействия: *крови пролитие* > *кровипролитие* > *кровопролитие*. Академик В. В. Виноградов называл такой способ словообразования лексико-синтаксическим.

Проблемным в этом способе словообразования является образование наречий типа *добела, слева, засветло* и др. под. В сознании рядового носителя языка эти наречия соотносятся с прилагательными *белый, левый, светлый*, и в основанном на этом сознании синхронном словообразовании эти наречия считаются образованными от кратких прилагательных *бело, лево, светло* посредством сращения их с предлогами *до, с, за*. Однако, как справедливо было отмечено В. М. Марковым, сущность предлога заключается в том, что предлоги служили выражению предметных отношений и, следовательно, не могли употребляться при зависимых, определяющих предмет именах» [81, с. 145–146]; проще говоря, словосочетаний предлогов с прилагательными никогда не существовало, поэтому и сращения этих сочетаний в одно слово быть не могло. Решение этой проблемы

Марков видит в том, чтобы признать, что в истории русского языка исконно функционировали существительные среднего рода типа *бѣло, чисто, право, лево, мало, ровно* и проч., которые, естественно, могли сочетаться с предлогами, а эти сочетания путем сращения превратились в наречия.

Историческое существование таких имен «без особого труда может быть обнаружено в диалектно-фольклорной речи и в древнерусских документах» [81, с. 144]. К фактам этого рода исследователь относит выражение *Не знает, где право, где лево*, пословицу *От красна до черна недалече*, предложение *Молодо — зелено*, данные памятников письменности: съ **маломъ** же дружины возъвратися желая больша имѣнья (Лаврентьевская летопись); а от Чини до Кытаа итьти **сухом** 6 месяць (Хождение Афанасия Никитина); как подъячей с **черна** начисто перепишет дело (Судебник 1550 г.); ему же позревшу на монастырь и виде **светло** яко пожар (Сказание Авраамия Палицина); подобает... орати, коли уже земля приидеть в мѣру, меж **сухомъ** и мокротою (Назиратель); и хотяше [царица] искусити Соломана и рече: что есть четыре статьи: **сухо**, горече, мокро, студено, имиже весь мирь состоится? Отвѣщавъ Соломанъ: **сухо** — весна, горяще — лѣто, мокро — осень, студено — зима (Сказание о царе Соломоне).

Еще одним доказательством того, что эти слова были именами существительными, служит то, что они, как и другие существительные, испытали воздействие имен склонения на **й*, откуда и проистекает вариантность формы наречий: *смолода* и *смолоду*, *сослепа* и *сослепу*, *спроста* и *спросту*.

Лексикографирование таких наречий в историко-словообразовательном словаре, думается, должно быть таким.

До/бел/а нареч. От основы *бел/о*. СО — сращение древнего существительного ср. р. *бѣло* в Р. п. с предлогом *до*: *до бѣла* > *добела*. Ср.: «*бѣло средн. в роли с*: и нарече ввомоу зелено, ввомоу же **бѣло**, ввомоу же червлено, ввомов же сине. (λευκόν) Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе XIII–XIV вв. С. 246» [17, т. 1, с. 363].

«**ДОБЕЛА**», нареч. 1. До белого каления. *Раскалить добела*. 2. Чисто, до белизны. *Черного кобеля не отмоешь добела*. Пословица» [27, т. 1].

«Гнев пробегал меня дрожью; я кусал губы чуть не до крови, я бледнел как железо, раскаленное **добела**» [А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)].

На/сух/о нареч. От основы *сух/о*. СО — сращение древнего существительного ср. р. *сухо* в В. п. с предлогом *на*: *на сухо* > *насухо*.

«**НАСУХО**, нар. До сухости» [23, т. 2, с. 411].

«В знач. сущ. **Сухо**, с. *Суша, сухое место, земля, материк*. <...> Извлѣкъше корабля **на сухо** и оставивъше все, въ слѣдъ Его идоша (ἐπὶ τὴν γῆν). (Лк. V, 11) Юр. ев., 1119–1128 гг. И вечеру бывъшу, бѣ корабль посредѣ моря, а Сь единъ **на сусѣ** (ἐπὶ τῆς γῆς). (Мк. VI, 47). Там же, 81 об. Море ся егда възмутитъ, как ти начнетъ вълны издрѣяти **на сухо** (εἰς τοὺς αἰγιαλοὺς). Ж. Нифонта, 1222 г.» [18, вып. 29, с. 73].

«Сие учредя и воду извнутри **насухо** вылив, выломали го-ру порохом и снастьми, також и запоры поставили, которыя ныне стоят» [В. Н. Татищев. Выписка из поденного журнала об осмотре им арбугского канала и портовых сооружений в Карлскруне (1725)].

По/сух/у нареч. От основы *сух/о*. СО — сращение древнего существительного ср. р. *сухо* в М. п. с предлогом *по*: *по сухо* > *посуху*.

«**ПОСУХУ**, нар. По сухому пути» [23, т. 3, с. 397].

«В знач. сущ. **Сухо**, с. *Суша, сухое место, земля, материк*. <...> И отвергышеся [иудеи] Ба, Моисѣемъ присѣтившаго ихъ въ скорби ихъ... Чермьнаго моря раздѣлениемъ... раздѣлившему и проведъшему посрѣди воды, яко **по суху** (ὡς διὰ ξηρᾶς). Хрон. Г. Амарт. С. 294. XIV в. ~ XI в.» [18, вып. 29, с. 73].

«А после намерены продолжать наш возвратный путь **посуху**» [А. М. Шумлянскій. Письмо Ф. М. Катрановскому (1785)].

§ 14. Конверсия

От сращения, в свою очередь, надо отличать **конверсию**, когда новое слово возникает вследствие «застывания» одной грамматической формы слова и его перехода в другую часть речи (*зимой* — застывшая форма Т. п., перешедшая в наречие). По Виноградову, это морфолого-синтаксический способ словообразования.

Мы исходим из того, что исконно «падеж» — это словообразовательная модель с суффиксами объекта, адресата, орудия, принадлежности, исходной точки движения, места и др. Лишь после обобщения, охватившего все имена, эти модели превратились в падежи, ибо КАЖДОЕ имя может входить

в КАЖДУЮ из этих моделей, что и означает появление того, что мы теперь называем склонением, с превращением суффиксов в окончания. Причиной «застывания» стали, видимо, метонимические сдвиги и метафорические переносы, что позволило расширить синтаксическую сочетаемость имен с глаголами. Все более широкая сочетаемость имен с глаголами и привела к адвербиализации, в буквальном смысле этого слова, имен; ср. *положить на зубок* — *выучить назубок*, во втором случае слово *назубок* уже нельзя считать именем существительным в форме В. п., в синтаксическом отношении это уже не дополнение, а обстоятельство образа действия, то есть чистое «приглаголие», или наречие. В этом смысле можно говорить, что *назубок* — это застывшая форма В. п. с предлогом, ибо она «вывалилась» из объектной словообразовательной модели (= вин. падежа) и стала до некоторой степени автономной, так как теперь относительно свободно сочетается с такими глаголами, в которых уже не обозначает объекта: *знать назубок*, *выучить назубок*, то есть стала отдельным словом — наречием. В примере *работать вечером* слово *вечером* употребляется во вторичном, наречном значении, если сравнивать это сочетание с таким, как *работать топором*; в словосочетании *работать вечером* какая-то инструментальность еще мерцает, но она уже заслонена обстоятельственным значением. Таким образом, на базе инструментального значения развивается обстоятельственное значение, поэтому *вечером* в приведенном примере — это уже не имя существительное, а наречие: оно «выпало» из инструментальной словообразовательной модели (=Т. п.) и стало, благодаря новым синтаксическим связям, употребляться для выражения обстоятельственного значения: *ухать вечером*, *отдыхать вечером* и т. п. Поэтому и в данном случае вполне исторично говорить, что наречие *вечером* — это застывшая форма Т. п., если только сам Т. п. понимать как некую древнюю словообразовательную модель. Среди таких «застывших» форм особое внимание нужно уделить так называемым причастодетям, но о них мы будем говорить во второй части (см. § 24).

§ 15. Перенос ударения

Новое слово может образоваться при помощи **переноса ударения** с одного слога на другой как способа различения двух словоформ. Это способ словообразования обычно не принима-

ется во внимание в описательных грамматиках русского языка, однако в истории он играет весьма существенную роль, в чем мы не раз будем убеждаться в следующих разделах, а пока я ограничусь одним примером: *перебьга́ть* (отвлеченно-длительный способ действия) > *перебьга́ть* (распределительный способ действия).

§ 16. Универбация

В разговорной речи, особенно в сленге, широко распространен способ словообразования, в описательных грамматиках обозначаемый термином **универбация**¹⁷ с суффиксацией. Этот термин применяется в тех случаях, когда новое слово по смыслу мотивировано словосочетанием, а с формальной стороны в качестве производящей основы выступает только одно слово, например: *передовая статья* > *передовица*; *железная дорога* > *железка*, *зарубежная литература* > *зарубежка*. При этом способе словообразования производящая основа используется не полностью, а частично: в производном сохраняется лишь ее смысловое ядро, достаточное для понимания смысла, так как такие слова создаются в ограниченных социальных группах и понятны прежде всего их членам: слово *передовица* возникло в профессиональном жаргоне газетчиков, *зарубежка* — в среде студентов-филологов, *Пражка* — среди москвичей, живущих или работающих недалеко от метро «Пражская».

По-видимому, издревле такие образования возникли в народной разговорной речи для краткого обозначения топонимов, которые впоследствии стали официальными; так, на карте Москвы мы находим такие топонимы, как *Солянка*, *Знаменка*, *Остоженка*, *Воздвиженка*, *Ильинка*, *Бутырка*, *Якиманка*, *Петровка*, *Ходынка*, *Лубянка*, *Сретенка*, *Ленивка*, *Ордынка*, *Покровка*, *Варварка*, *Рождественка*, *Масловка* и др.

Образованию таких «однословов» способствуют все возрастающий темп жизни, потребность в коротких обозначениях понятий и явлений; буквально на наших глазах возникли такие универбы, как *платка* ‘платное шоссе Москва — Санкт-Петербург’, *Поклонка* ‘Поклонная гора’, *операционка* ‘операционная система’, *электронка* ‘электронная почта’, *уголовка*

¹⁷ От лат. *unum verbum* — ‘одно слово’.

‘уголовное преступление’, *началка* ‘начальная школа’, *социалка* ‘социальное обеспечение’, *счетка* ‘счетная палата’, *двусторонка* ‘двустороннее шоссе’, *личка* ‘личное сообщение для конкретного пользователя в Сети’, *Болотка* ‘Болотная площадь в Москве’.

Средством словообразования чаще всего выступает предметный суффикс *-к₂*-, изредка — другие суффиксы, например, *-иц(a)*.

§ 17. Обратное словообразование

Традиционно обратное словообразование считается нерегулярным способом образования слов, так как лишь немногие слова исторически были образованы таким путем. Классическим примером обратного словообразования (редеривации) является образование слова *зонт*. В XIX в. из голландского языка в русский язык вошло слово *zondek* — буквально ‘навес от солнца’; в русской орфографии — *зонтик*, которое по аналогии со словами *ключик*, *мячик*, *домик* было переосмыслено как уменьшительное с суффиксом *-ик*, якобы образованное от несуществующего сущ. **зонт*, которое вот таким образом и вошло в русский язык. «Специфика обратного словообразования — в сравнении, например, с аффиксацией — заключается в том, что с помощью этого способа словопроизводства заполняется не четвертая (ср. *стратосфера* : *стратонавт* = *космос* : *космонавт*), а третья клетка словообразовательного квадрата (ср. *дом* : *домик* — *зонт* : *зонтик*), то есть происходит не деривация последнего члена квадрата на базе заданного предпоследнего по модели со вторым и первым, а выделение неизвестного предпоследнего члена из последнего по аналогии с первым и вторым, причем структура последнего члена “народноэтимологически” приравнивается к структуре второго. Чаще всего при обратном словообразовании происходит идентификация конечного звукового отрезка производящего слова с суффиксом понимаемого как аналогичное по структуре слова, выступающего в качестве второго члена словообразовательного квадрата» [101, с. 291]. Таким же образом возникли слова *заведомый* от *заведомо*, *дояр* от *доярка*, *трудоустроить* от *трудоустройство* и некоторые другие.

В теоретическом словообразовании существует проблема того, как интерпретировать словообразовательные отношения

между словами *нагарать* и *нагар*, *отжимать* и *отжим*, *припевать* и *припев*, *отзывать* и *отзыв* и т. п.

Некоторые ученые полагают, что во всех подобных случаях имеет место особый способ словообразования имен от глаголов, который они называют безаффиксным. Так, Н. М. Шанский дает такое определение этого способа: «Безаффиксный способ словообразования можно определить как такой способ производства слов, при котором образующая основа без добавления каких-либо аффиксов становится основой имени существительного» [101, с. 284]. С частью этого определения можно согласиться, а именно с тем, что именно глагол мотивирует образование имени, а не наоборот; однако в этом определении нет ответа на вопрос, как именно основа глагола становится основой существительного: отсутствие аффикса — это следствие, само по себе отсутствие аффикса не может быть материальной причиной образования имени, да и сам термин «безаффиксный способ» является оксюмороном.

Другое решение предложили специалисты по синхронному словообразованию: с их точки зрения, имена-девербативы типа *прогул* образованы при помощи так называемого нулевого суффикса: «Нулевая суффиксация является разновидностью суффиксального способа словообразования. Она распространена в сфере образования имен существительных — девербативов (отглагольных отвлеченных имен), деадъективов (отвлеченных существительных, мотивированных прилагательными) и оценочных существительных со значением лица: *пробегѡ*, *заменѡ*, *прогулѡ*, *зеленьѡ*, *новѡ*, *подлизѡ*, *задирѡ*. Наиболее продуктивны девербативы, состав которых активно пополняется в современной речи, см., например, зафиксированные словарями новообразования: *набрызг*, *просверк*, *защѣлк*, *взбрык*, *загад*. Кроме того, нулевая суффиксация характерна для ряда прилагательных: *золото* → *золотѡй*, *плевать* → *плевѡый*. Однако такие примеры немногочисленны» [87, с. 98]. Авторы учебного пособия следуют традиции, заложенной Е. А. Земской и реализованной в академической «Русской грамматике» 1980 г.

В 2014 г. мы с И. Г. Добродомовым обосновали мнение о том, что «нулевой суффикс» — это мнимая единица словообразования, фантом, возникший на почве некорректного перенесения на словообразование понятий и терминов, возникших при

исследовании и описании парадигм склонения [63]. Наши аргументы в кратком изложении таковы.

Возьмем ряд словоформ: *бас*, *какаду*, *зинерит*, *шасла* и задумаемся над такими вопросами. Что может думать иностранец, знающий, что *нас* — это форма м. р. ед. ч. прошедшего времени глагола *насти*, и впервые встретивший словоформу *бас*? Что это тоже форма м. р. ед. ч. глагола *бассти*? Он *бас*, она *басла*, они *басли*? Или что может думать русский ребенок, никогда не слышавший слова *какаду*? Что я — *какаду*, ты — *какадѣшь*, он — *какадѣт*, мы *какадѣм* и т. д.? Что делать с незнакомым словом *зинерит*: склонять его (*зинерит* — *зинерита* — *зинериту*) или спрягать (*зинерю* — *зинеришь* — *зинерит*)? Как квалифицировать слово *шасла*, если мы его слышим впервые? Он *шас* — она *шасла* — мы *шасли*? Или *шасла* — *шаслы* — *шаслу* — *шаслой*? Только узнав, что это — имя, означающее ‘сорт винограда’, мы будем его склонять, причем без всякого сомнения, по типу склонения на **а̄*. Почему мы ничтоже сумняшеся считаем *кино* словом среднего рода? Разве в этом слове есть нулевой суффикс со значением среднего рода?

Что мы хотим сказать этими примерами? То, что форма слова может быть интерпретирована по-разному.

Если мы уверены, что высказывание *Васильев сегодня не какадѣт* является построенным по правилам русского языка, то мы будем интересоваться лексическим значением глагола, а не принадлежностью этого слова к какой-то части речи: сам синтаксис подсказал нам, что *какадѣт* — это глагол. В свете этого знания совершенно определенным образом истолковывается его форма *какаду* как форма 1-го л. ед. ч. настоящего времени. Если же мы услышим, что *Васильев зачем-то сдуру купил какаду*, мы тут же поймем, что *какаду* — это имя, и тогда его форма будет осмысляться иначе. Целое определяет его части, или из духа синтаксиса рождается морфология!

Все это означает, что нельзя отрывать словообразование от синтаксиса и морфологии, от такого понятия, как часть речи. Само включение слова в часть речи уже есть акт словообразования. Иначе говоря, не нужно абсолютизировать противопоставление словообразования и формообразования. Если мы знаем, что *зинерит*, *какаду* и *бас* — это имена, а не глаголы, мы не будем спрягать эти слова. Если мы знаем, что *кино* — это имя, то мы по

одной его форме квалифицируем его как слово среднего рода. Если мы знаем, что в слове *прилет* само его оформление такое же, как в словах *дом, плод, сын, стол* и еще бесчисленное множество подобных, а также то, что это слово обозначает действие, но это значение оформлено грамматически как имя, то есть в отвлечении от лица или лиц, его производящих, времени, когда оно совершается, и т. д., то все вместе это и есть словообразовательное средство, формирующее представление об этом слове как существительным с отвлеченным значением действия.

И наоборот, отрыв словообразования от лексики и морфологии приводит к появлению таких фикций, как нулевой суффикс. Подобные фикции возникают, на наш взгляд, из-за слишком прямолинейного понимания языкового изоморфизма между уровнями языка и недолжного перенесения понятий и терминов, возникших при исследовании и описании одного уровня, на другой. Такой недолжный перенос находим в статье В. В. Лопатина: «Основной принцип такого выделения нулевого аффиксального элемента — тот же, что и при выделении нулевых флексий в словоизменительных парадигмах: если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно в большинстве случаев выражается определенной морфемой (суффиксом, флексией), то при отсутствии такой морфемы и каких-либо иных формальных средств выражения этого значения можно выделять нулевую морфему, несущую то же значение» [79, с. 78]. При этом включение образования в другую парадигму Лопатин, без должных на то оснований, считает лишь дополнительным, зависимым от словообразования: наличие нулевого суффикса изменяет принадлежность слова к части речи и включение его в новые парадигматические отношения. На наш взгляд, более правы В. Вондрак, писавший о том, что роль словообразовательного аффикса в праславянском выполнял тематический показатель парадигматического класса [110, с. 644], и М. Докулил, считавший нецелесообразным применение понятия нулевого аффикса, так как образование нового слова происходит путем конверсии, то есть путем изменения морфологической характеристики (парадигмы) слова [107, с. 59]; Н. А. Крылов также считает, что «наличие нулевого аффикса нельзя вывести тем же способом, что и наличие нулевой флексии» [75, с. 24].

В начале XX века два крупных русских лингвиста заметили, что отсутствие окончаний в словах словоизменительной

парадигмы связано с определенными грамматическими категориями и что это отсутствие окончаний само может быть приравнено к окончаниям. Ф. Ф. Фортунатов назвал это отсутствие «отрицательным окончанием» [99, с. 137], И. А. Бодуэн де Куртенэ назвал это явление «нулевой морфемой», и этот термин вошел в общее употребление: «Кроме морфем, состоящих из определенной произносительно-слуховой единицы, мы должны принять непременно также морфемы “нулевые”, т. е. лишенные всякого произносительно-слухового состава, и тем не менее ассоциируемые с известными семасиологическими и морфологическими представлениями» [49, т. 2, с. 282].

Фортунатов полагал, что «отрицательное окончание» можно выявить лишь через отношение с другими формами того же слова, то есть, как сейчас принято говорить, в составе словоизменительной парадигмы. Действительно, в морфологии понятие нулевого окончания и нулевого формообразующего аффикса вполне продуктивно, так как парадигмы склонения или спряжения являются реально существующими языковыми величинами, организованными системно, то есть в них значимость каждого элемента определяется его отношениями с другими элементами системы. Выделение нулевой флексии обусловлено парадигматическими отношениями дом-*∅* — дом-*a* — дом-*y* — дом-*ом* — дом-*e*; здесь «нуль звука» является функционально значимым. Признать наличие нулевого суффикса в слове *обжиг* можно только тогда, когда будет обнаружена некая парадигма, в которой противопоставленные элементы будут характеризоваться наличием и отсутствием материально выраженного носителя значения.

В случае «нулевой суффиксации» в одном ряду оказываются исторически разные образования. Еще Н. М. Шанский проницательно заметил: «Поскольку безаффиксный способ образования сформировался на базе суффиксального производства существительных посредством тематических суффиксов **ī*, **ō*, **ī*, **a* (> *ь*, *ъ*), а в общеславянском языке лишь после процессов отпадения конечных согласных и монофтонгизации дифтонгов (что вызывало переразложение основы и превращение прежних суффиксов в окончания), от подлинных безаффиксных существительных необходимо отличать древние суффиксальные имена, ставшие осознаваться как безаффиксные (ср. *воз*, *высь*, *сушь*, *ложь*, *новь*, *бой*, *мор*, *дом*, *ток* ‘течение’ и др.). Особенно

важную роль здесь играет учет хронологических факторов и данных других индоевропейских языков» [101, с. 286].

Существенное различие между нулевым окончанием и «нулевым суффиксом» заключается в том, что нулевое окончание — это исторически закономерная трансформация реально звучавшего суффикса, превратившегося в окончание, некогда столь же реально звучавшее, но утратившее звуковое выражение в силу известного фонетического процесса падения редуцированных; образно говоря, нулевое окончание — это немое эхо исторически реального звука. В этой связи уместно вспомнить слова А. А. Потебни: «...если, при сохранении грамматической категории, звукъ, бывший ея поддержкою, теряется, то это значить не то, что въ языкѣ ослабѣло творчество, а то, что мысль не нуждается болѣе въ этой внѣшней опорѣ, что она довольно сильна и без нея, что она пользуется для распознаванія формы другимъ, болѣе тонкимъ средствомъ, именно знаніемъ мѣста, которое занимаетъ слово въ цѣломъ, будетъ ли это цѣлою рѣчью или схемою формъ» [92, с. 58]. «Схемою формъ» Потебня называл то, что сейчас принято называть парадигмой склонения или спряжения.

В отличие от нулевого окончания, возникшего по фонетическим причинам на месте некогда произносившегося редуцированного, «нулевой суффикс» — это умозрительный конструкт, якобы тождественный по значению суффиксам отвлеченного действия или состояния (*-uj-*, *-nuj-*, *-enuj-*, *-k-*): «Если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно выражается в системе языка аффиксом (флекссией, суффиксом) или входит в ряд противопоставленных друг другу грамматических значений, выражаемых аффиксами, то при отсутствии такого аффикса и каких-либо иных формальных средств отмечается значимое отсутствие аффикса, т. е. данное значение выражено нулевым аффиксальным морфом» [39, § 187]. Если парадигма склонения действительно представляет собой систему, в которой каждый элемент определяется отношениями с другими, то в словообразовании понятие парадигмы имеет существенно иное значение, нежели в морфологии, о чем у нас шла речь выше (см. § 6).

Наше решение об образовании указанных имен существительных заключается в следующем.

Все внешне похожие имена следует разделить на две группы. В первую группу войдут древние, еще праславянской эпохи, бесприставочные имена, образованные суффиксальным способом при помощи древних именных суффиксов *ĭ, *ǫ, *ĭ, *a, в настоящее время превратившиеся в окончания: *ходъ, зовъ, бръгъ*. От некоторых из них могут быть образованы вторичные отыменные глаголы: *ходъ* → *ходить*.

Во вторую группу войдут приставочные имена — новообразования, семантически мотивированные глаголами и исторически возникшие после глаголов. Что касается способа, каким произведены эти имена, то наиболее удачным термином, выражающим именно идею способа, представляется термин «обратное словообразование». В языке издавна существует отношение «имя — глагол». При «прямом» словопорождении это отношение выражается в виде двух моделей: первая модель действует в направлении «имя → глагол», например, *ходъ* → *ходить*; вторая модель действует уже в направлении «глагол → имя», например, *входить* → *вхождение*. Однако возможно и иное направление мотивационных отношений, которое логично назвать обратным: «имя ← глагол». Обратное словообразование — это воспроизведение какого-либо уже сложившегося в языке отношения при условии, что мотивирующим выступает производное слово, а формально более простое по своей структуре слово производится так, как будто бы оно существовало в языке раньше мотивирующего. Иначе говоря, в этом случае имеет место «словообразовательный квадрат» Шанского:

Побудительным мотивом образования имен типа *выгул, отжим, нагар* и проч. является коммуникативная потребность. Язык — это средство общения, а в общении бывает необходимым сделать предметом, темой беседы, то есть речи, разного рода отвлеченности, которые в составе целостного высказывания должны занять позиции подлежащего или дополнения. Эта причина и вызывает к жизни такие образования («синтаксические дериваты»), как *крас-от-а, бел-изн-а, писа-ниѳ-е*. Таким образом, действующая причина порождения имен типа *выгул, отжим, нагар* — это необходимость того, чтобы смысл, выражаемый

глаголами *выгуливать*, *отжимать*, *нагарать*, мог занять синтаксическую позицию подлежащего или дополнения.

В подтверждение мыслей об обратном словообразовании можно привести следующее рассуждение А. А. Потебни. На вопрос о том, откуда нам известно, что санскритские слова *gir* 'речь', *двishi* 'враг' являются грамматически сложными, то есть являются именами в определенной грамматической форме, Потебня отвечает, что их грамматическая определенность является «отражениемъ болѣе наглядной сложности другихъ словъ. Потому *двishi* понималось как имя, что рядомъ съ нимъ было сложное *двѣш-ми* (или другая болѣе древняя форма этого рода), имѣвшее функцию глагола» [92, с. 10]. То есть *припев* потому имя, что есть глагол *припевать*. В этом «закон и пророки» обратного словообразования.

Важной особенностью обратного образования имен от глаголов является то, что производящий глагол сам является производным; иначе говоря, производящим глаголом обязательно является производный производящий. Этот факт был уже отмечен Н. М. Шанским, который, правда, считал, что имена от них произведены безаффиксным способом: «Большинство слов, образованных безаффиксным способом словообразования, имеют в своем составе префиксы. Однако эти приставки имелись уже в образующей основе глагола или прилагательного. Слова *проход*, *подвоз*, *вывих*, *возврат*, *нечисть* и т. п. образовались не при помощи приставок *про-*, *под-*, *воз-*, *не-* от слов *ход*, *воз*, *вих*, *врат*, *чисть*, а являются безаффиксными образованиями от слов *проходить*, *подвозить*, *вывихнуть*, *возвратить*, *нечистый*, содержащих в своей основе приставки. Те затруднения, которые могут возникать при определении способа образования подобного рода слов (*осмотр*, *разбег* и т. п.) — безаффиксные или это образования от слов с приставками (от *осмотреть*, *разбегаться* и т. п.), или это префиксальные образования (от слов *смотр*, *бег* и др.), то есть слова, образованные при помощи приставки, почти всегда вполне разрешимы при учете соотносительности производной и производящей основ и сферы действия и продуктивности префиксального и безаффиксного способов словообразования. <...>

В известной степени действенным безаффиксный способ словообразования в современном русском языке выступает

лишь в производстве существительных мужского рода от префиксальных глаголов, не являющихся явно отыменными (ср. *разбег* от *разбежаться*, *присед* от *приседать*, *обжиг* от *обжигать*, *взрыв* от *взрывать*, *прогул* от *прогулять*, *обогрев* от *обогревать*, *настриг* от *настригать*, *отлов* от *отловить*, *заплыв* от *заплывать*, *накал* от *накаливать*, *отстрел* от *отстреливать*, *прицеп* от *прицепить* и т. д.).

От бесприставочных глаголов существительные этим способом сейчас не образуются. А от глаголов явно отыменного происхождения они не образовывались и раньше» [101, с. 285–286].

К этим верным наблюдениям нужно сделать два уточнения: 1) все указанные имена образованы не безаффиксным способом, а путем обратного словообразования. Однако в каждом отдельном случае, предупреждает Шанский, важно сообразоваться с историей, то есть прежде всего различать прямое и обратное словообразование; 2) в связи с отыменным характером глаголов 2-го спряжения пример с глаголом *прицепить* как раз характерен для отыменных глаголов: *прицеп* > *прицепить*, как *пылесос* > *пылесосить*. Следовательно, его надо исключить из «безаффиксного», по Шанскому, или обратного, по излагаемой здесь концепции, словообразования. Это обычное прямое образование по модели «имя → глагол».

Более поздние модели прямого словообразования по модели «глагол → имя» вроде *входить* → *вхождение* сформировали ложное представление о единственно возможном направлении словообразования, несмотря даже на некоторую продолжающуюся продуктивность модели «имя → глагол» (*пылесос* → *пылесосить*, *пиар* → *пиарить*, *бездельник* → *бездельничать*). Она, как видим, представлена более широко старыми связями, которые не исчезли бесследно, а послужили образцом для обратного словообразования многочисленных образований типа *наплыв*, *срыв*, *заскок*.

Следует также сказать, что модель обратного словообразования действует не только в отношении «имя ← глагол», но и в отношении «имя ← прилагательное», например, *нечисть* < *нечистый*, и в отношении «имя ← имя», например: *лепеха* > *лепешка*, но *картоха* < *картошка*.

Разновидностью обратного словообразования является способ, который можно назвать обратным словообразованием с суффиксацией; имеются в виду такие слова, как *подстилка* <

подстилать, стирка < стирать, заминка < заминать, ужимка < ужиматься, придирка < придираться и проч.

Интересный случай обратного словообразования был описан В. В. Виноградовым. Это глагол *вдохновить*. Этот глагол возник «незаконным» образом от основы *вдохновени/е* при помощи суффикса глаголов 4-го класса *-и-* с каузативным значением. Дело в том, что слово *вдохновение*, закономерное образование от причастия глагола *вдохнуть*, в своих переносных значениях стало семантически все более отдаляться от своего производящего с его слишком физическим и физиологическим смыслом. Особенно это стало заметно в романтическую эпоху, когда *вдохновение* стало пониматься как творческое возбуждение, поэтический экстаз. Тогда и потребовался глагол-каузатив, который обозначал бы действие некоего субъекта (Бога, великого предшественника, возлюбленной), осуществляющего *вдохновение*. Таким глаголом-каузативом и стало слово *вдохновить*, образованное обратным способом по аналогии с такими образованиями, как *заразить > заражен > заражение, просветить > просвещен > просвещение*; если *просвещение* от *просветить*, значит, и *вдохновение* от *вдохновить*.

Вот что писал по этому поводу В. В. Виноградов.

«Слово *вдохновить* — *вдохновлять* — новообразование 20-х годов XIX в.

В своей автобиографии «Взгляд на мою жизнь» сподвижник Карамзина поэт И. И. Дмитриев относил этот глагол к числу «нововведенных слов» разночинно-демократической литературы 20-х годов XIX в. Изобретателем этого слова И. И. Дмитриев считает Н. А. Полевого, а местом его зарождения — журнал «Московский телеграф». Слово *вдохновить* — *вдохновлять* было образовано взамен «старых» глаголов *вдыхать, одушевлять*, постепенно утративших способность выражать оттенки значений, соединявшихся со словами *вдохновение, вдохновенный*.

Так, в языке Державина слово *вдыхать* употребляется в значении, которое свойственно в современном языке глаголу *вдохновлять*:

И нас коль Гении *вдыхают*,
От сна с зарею возбуждают, —
Не стыдно ль негу обнимать?
Пойдем Сатурна побеждать.

(«Оленину», 1804)

В стихотворении “Памятник герою” (1791):

О! строгого Кунгдзая муза?
Которая его *вдыхала*...

Но между глаголом *вдыхать* — *вдохнуть* (в значениях: 1) ‘пробуждать, развивать’ и 2) ‘воодушевлять’) и словами *вдохновение* — *вдохновенный* семантическая и стилистическая грань становится к началу XIX в. все глубже и резче. На помощь призываются слова *одушевлять*, *воодушевлять*. Однако они были окутаны другими смысловыми и экспрессивными оттенками, и их посредство тоже не спасло положения. Этому семантическому разрыву содействовала быстрая смысловая эволюция слова *вдохновение*: «Наряду со значением, имевшим религиозно-мистическую окраску (‘ниспосланная кому свыше особливая сила, дар, благодать духа к чему’...), слово *вдохновение* <...> все теснее связывается с представлением о творческом наитии, о “расположении души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий” (Пушкин). А глагол *вдыхать* — *вдохнуть*, требовавший объектных определений и распространений (*вдыхать* — *вдохнуть* что в кого, *вдыхать* кого с инфинитивом), был отягчен конкретными, бытовыми ассоциациями. Он не поспевает двигаться вслед за словом *вдохновенье*. Он отстает от него в своем семантическом развитии. И от этого глагола все дальше отходит причастие-прилагательное *вдохновенный*. Дело в том, что *вдохновенный* легко воспринимало и впитывало в себя все новые семантические оттенки, открывавшиеся в слове *вдохновение*. Страдательное значение в форме *вдохновенный* ослабевает. <...> В этой семантической обстановке начинает все острее ощущаться необходимость образования таких производных слов, которые могли бы выражать разные активные значения, связанные со словом *вдохновение*: *внушать вдохновенье*, *виновник вдохновенья*, *вызывающий вдохновенье* и т. п. Можно думать, что в 20-х годах XIX в. этот процесс развивается сразу по разным направлениям. В контраст пассивным значениям слова *вдохновенный* возникает *вдохновительный* с его активными значениями (по аналогии с такими семантическими рядами, как *восхищенный* — *восхитительный*, *упоенный* — *упоительный*, *обольщенный* — *обольстительный*, *очарованный* — *очаровательный* и др.). Рядом с прилагательным *вдохновительный*

становятся названия действующих лиц — *вдохновитель* — *вдохновительница*. <...>

Любопытно, что глагол *вдохновить*, широко применяемый писателями 30-х годов из разночинно-демократических групп, например, Н. А. Полевым, Н. И. Надеждиным, затем О. И. Сенковским, не пользовался признанием у писателей пушкинской плеяды.

В языке Пушкина, однако, встречается слово *вдохновительный*, — правда, с иронической окраской. В “Евгении Онегине” читаем:

И все дышало в тишине,
При *вдохновительной* луне. <...>

Однако все эти слова — *вдохновитель*, *вдохновительница*, *вдохновительный* и особенно глагол *вдохновить* — долгое время игнорировались составителями толковых словарей как неправильности литературной речи. Некоторые филологи 30–40-х годов, например Н. И. Греч, готовы были видеть в них незакономерные галлицизмы, неудачные кальки французских *inspirateur*, *inspirer*. Нельзя найти этих слов ни в словаре П. Соколова (1834), ни в словаре 1847 г. Только Даль включил их в свой “Толковый словарь”. Понятно, что пуристы 30-х годов XIX в. решительно ополчились против слова *вдохновить*. <...>

Сын Н. И. Греча, А. Н. Греч, в своей книге “Справочное место русского слова” (с. 15) заявлял: “*Вдохновлять*. Многие пишут: “Поэта *вдохновил* вид природы”. Слов *вдохновить* и *вдохновлять* нет в русском языке. Они встречаются только у писателей, которые не обращают внимания на произведение слов, употребляемых ими”.

В 60-х годах XIX в. акад. Я. К. Грот в “Записке о Толковом словаре Даля” писал: “Еще безобразнее и неправильнее (чем слово *упоминовение*. — В. В.) не старое слово *вдохновлять*”. И делал примечание: “От гл. *вдохнуть* произошло причастие *вдохновенный* (как от *обыкнуть* — *обыкновенный*), а от причастия, уже совершенно наперекор грамматике и логике, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, как будто это то же, что *благословить* — *благословенный*”.

Однако история русского языка оправдала эти слова, явочным порядком вступившие в литературный словарь 20–30-х годов

XIX в. Они живы и поныне. Круг значений и употребления слов *вдохновить* — *вдохновлять* и *вдохновитель* (*вдохновительница*) несколько расширился. Глагол *вдохновить*, кроме своего основного значения ('пробудить вдохновение в ком-нибудь, воодушевить'), с 60–70-х гг. XIX в. стал применяться также в расширенном смысле: 'побудить, подстрекнуть к какому-нибудь не вполне обычному действию' (*вдохновить* кого на подвиг, на преступление)» [56, с. 72–76].

После Словаря Даля глагол *вдохновить* был описан в Словаре под редакцией Ушакова: «**Вдохновить**, влю́, ви́шь, сов. (к вдохновлять), кого-что (книжн.). 1. Пробудить вдохновение в ком-н., воодушевить. *Греческая революция вдохновила Байрона.* 2. на что. Побудить, подстрекнуть к какому-н. действию. *Вдохновить кого-н. на преступление, на подвиг*» [27, т. 1, с. 237]. «Ты поэт, **вдохновленный** небом, — говори!» [Н. А. Полевой. Повесть о Симеоне суздальском князе (1828)].

От глагола *вдохновить* был образован многократный глагол *вдохновлять*, существительное *вдохновитель*, от которого *вдохновительница*, причастодетие *вдохновительно*, от которого прилагательное *вдохновительный*.

«Чрезвычайно стройная, с русыми, в длинные локоны завитыми волосами, в белом платье, Адельгейда казалась духом той поэзии, который **вдохновлял** Шиллера, когда он описывал свою Теклу, и Гете, когда он изображал свою Миньону» [Н. А. Полевой. Блаженство безумия (1833)].

«— Великодушное сердце — лучший **вдохновитель** разума, — сказал я» [А. А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек (1831)].

«Свободная, пламенная муза, **вдохновительница** Пушкина, приводит в отчаяние диктаторов нашего Парнаса и оседлых критиков нашей словесности» [Н. А. Полевой. «Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина (1825)].

«До этого было, впрочем, в 51-м году еще довольно далеко; но я помню очень твердо, что в то лето явилась у меня впервые ясная, сознательная мысль о том, что и с ними, с этими братьями, хорошо бы как можно реже видаться и что их отсутствие действует на меня очень приятно и даже **вдохновительно**» [К. Н. Леонтьев. Воспоминания (1880–1888)].

«**Вдохновительное** письмо ваше, почтенный Николай Иванович нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи, оно обрадовало

и тронуло меня до глубины сердца — благодарю за воспоминание, за дружбы, за хвалу, за упреки, за формат этого письма — все показываешь участие, которое принимает живая душа ваша, во всем что касается до меня» [А. С. Пушкин. Письмо Н. И. Гнедичу (1821.03.24)].

Таким образом, исторически словообразовательная цепочка выглядит так:

вдохнуть > *вдохновен* > *вдохновение* > *вдохновить* > *вдохновитель* и проч. Общий вывод из частной истории одного слова можно сделать такой: нельзя словообразование отрывать от истории слова, равно как и историю слова от словообразования.

В синхронном словообразовательном словаре Тихонова направление словообразование иное:

вдохновить > *вдохновлять*

вдохновение

вдохновитель

вдохновительный

вдохновенный

вдохновленный [27, т. 1, с. 149].

В таком случае остается необъясненным, почему от *удивить* — *удивление* с историческим чередованием *в // вл*, а от *вдохновить* — *вдохновение* без этого чередования? Почему от *вдохновить* есть два причастия — *вдохновенный* и *вдохновленный*?

§ 18. Калькирование

В описательных грамматиках в качестве способа словообразования обычно не указывается такой способ, как **калькирование**. Однако в истории русского языка этот способ образования слов играл существенную роль, особенно в книжных стилях речи.

На заре славянского литературного языка сами модели словообразования складывались после калькирования. Механизм калькирования заключается в словообразовательной и семантической межъязыковой индукции.

Кальки обычно делят на семантические и словообразовательные. Семантические кальки являются следствием усвоения необычной сочетаемости, свойственной чужому языку. Так, если глагол *просветить* — *просвещать*, который имел исконные значения ‘засветить’, ‘зажечь’, приобрел новое значение

‘сообщить знания’, то это произошло потому, что он стал употребляться не только с наименованиями источников лучистой энергии (свеча, лучина и т. п.), но и с такими существительными, как *лицо, очи, сердце, душа*. Эта сочетаемость заимствована у греческого глагола φωτίζω ‘освещать, озарять’, ‘просвещать’, который, как и русский *просвещать*, образован от корня со значением ‘свет’ — φός. Значение ‘мера, мерило, образец, норма, устав’ у слова *правило* (ср. др.-рус. **правѣло** ‘руль, кормило’, ‘брусок’) является семантической калькой греч. κανών ‘прут, брусок’, ‘правило, отвес’, ‘правило, норма’, ‘мера, образец, мерило’. К семантическим калькам, когда происходит семантическое приспособление русских слов для выражения значения соответствующих французских слов, относятся *влияние* (influence), *упиться* (senivter ‘насладиться чем-либо’), *черта* (trait в выражениях *черта характера, черты лица*), *тонкий* (fin в выражениях *тонкий вкус, тонкий намек, тонкий ум*), *трогательный* (touchant). Таким образом, под влиянием иных языков развивается переносное употребление русских слов.

Словообразовательные кальки воспроизводят полностью или частично словообразовательную структуру иноязычного слова, иначе говоря, появляются в результате поморфемного его перевода. К словообразовательным калькам французских слов относятся *расположение* (disposition), *сосредоточить* (concentrer), *наклонность* (inclination) и др.

Среди калек особого внимания заслуживают кальки типа *светоносный* и *чудотворный*. Первая является калькой греч. φωσφόρος ‘светоносный, лучезарный, сияющий’. Вторая — калькой греч. τερατοῦρος ‘чудотворный’. Вторая часть русских слов-калек *-носный* и *-творный* отделяется от первой и становится средством образования новых слов уже на русской почве без всякого влияния греческого или иного языка, например, *молниеносный, броненосный, тошнотворный, снотворный, смехотворный* и др. Вопрос о том, являются ли подобные слова кальками или собственно русскими образованиями, нужно решать в каждом случае отдельно. Так, *боговидный* и *богообразный* являются кальками греч. θεοειδής ‘богоподобный’, а *зверовидный* и *зверообразный* — русскими образованиями.

§ 19. Семантический способ словообразования

В классификации неморфологических способов словообразования В. В. Виноградова есть способ, который назван им лексико-семантическим и который мы будем называть просто семантическим. Вопрос о семантическом способе словообразования имеет давнюю историю. С максимальной теоретической ясностью его поставил А. А. Потебня, который писал, что «слово въ рѣчи каждый разъ соотвѣтствуетъ одному акту мысли, а не нѣсколькимъ, т. е. каждый разъ, какъ произносится или понимается, имѣетъ не болѣе одного значенія» [92, с. 4]. На этом основании Потебня отвергает понятие полисемии, полагая, что на деле имеет место лишь «однозвучность различныхъ словъ, то есть то свойство, что различныя слова могутъ имѣть одни и тѣ же звуки» [Там же. С. 4].

После Потебни на этой мысли очень настаивал Л. В. Щерба: «Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений (так и печаталось, между прочим, в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений). Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях» [105, с. 290–291].

Приобретение словом нового значения означает рождение нового слова, то есть это акт словообразования; по отношению к своему производящему оно является омонимом.

Лингвисты, не разделявшие точку зрения Потебни и Щербы, а таковых большинство, признают полисемию неотъемлемым свойством семантической структуры слова, весьма полезным для языка, так как благодаря этому свойству язык может обходиться ограниченным количеством знаков для обозначения в принципе бесконечного количества смыслов. При таком подходе появление нового значения описывается не как акт словообразования, а как процесс «развития» исходного значения. Казалось бы, все просто и ясно, но тут на поверхность всплывает неприятная проблема омонимии. Существование омонимов — это языковой факт, и без объяснения этого факта теория не может считаться удовлетворяющей требованиям научности.

Попытку решения этой проблемы находим в известной статье В. В. Виноградова «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (1952 г.).

Словообразование представляет собой языковую деятельность по образованию новых слов, по обогащению словарного состава языка, но в этой деятельности необходимо, по мнению Виноградова, различать два существенно различных процесса: «По-видимому, целесообразнее всего было бы различать словопроизводство (т. е. образование производных слов с помощью морфологических средств) и собственно словообразование (т. е. образование новых слов путем комбинаций уже существующих слов или путем переосмысления их форм)» [54, с. 212]. К последнему в таком случае относятся морфологосинтаксический (переход слова из одной части речи в другую), лексико-морфологический (образование нового слова на основе одной из его морфологических форм), лексико-семантический способы словообразования. Нас интересует последний из них.

Недостатки теоретического осмысления этого способа словообразования «самым плачевным образом» сказываются в практике лексикографии: «Смешение омонимов — типичный недостаток большей части наших толковых словарей» [Там же. С. 214]. Виноградов приводит целый ряд омонимичных глаголов, которые, однако, зачастую описываются в словарях как многозначные; это глаголы *осадить*, *настроить*, *найти*, *затянуться*.

Действительно, если в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова глагол *осадить* описан как многозначный с пятью значениями 1. ‘подвергнуть осаде, окружить войсками’; 2. ‘остановить на всем скаку, заставить замедлить ход’; 3. ‘заставить кого-н. умерить свои порывы в чем-н. или излишнее увлечение чем-н.; оборвать резким замечанием’; 4. ‘выделить составную часть раствора, заставить опуститься на дно сосуда в виде осадка’; 5. ‘поселить где-н., из кочующих сделать оседлыми’ [27, т. 2, с. 855–856], то в [11] описаны три омонимичных глагола: *осадить*¹ 1. ‘подвергнуть осаде’; 2. ‘обратить к кому-л., направить в большом количестве вопросы, просьбы, требования и т. п.; засыпать, закидать’; *осадить*² ‘заставить опуститься вниз’; *осадить*³ 1. ‘заставить (лошадь) остановиться на всем скаку, резко замедлить ход’; 2. ‘заставить кого-л., потерявшего в чем-л. чувство меры и т. п. изменить тон, замолчать; одернуть’ [11, т. 2, с. 641].

В «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова два глагола-омонима: *найти*¹ с одиннадцатью значениями и *найти*² с пятью значениями. Виноградов же полагает, что в современном русском языке есть три глагола-омонима:

*найти*¹ — найти, без дополнения: ‘прийти, собраться в большом количестве; сойтись, скопиться в одном месте’ (*Нашло много народу; дым нашел в комнату*);

*найти*² — найти на кого-что: 1) ‘набрести, неожиданно встретить, подойти вплотную к кому-нибудь’ (*Бродя по лесу, я нашел на выводок*); 2) ‘наскочить, натолкнуться’ (*Пароход нашел на мель; нашла коса на камень*); ‘надвинувшись, закрыть собой’ (*Туча нашла на солнце*); 3) ‘охватить, неожиданно постигнуть, овладеть’ (*Нашла на него тоска; столбняк нашел; стих нашел*);

*найти*³ — ‘найти кого-что’: 1) ‘неожиданно заметить, обнаружить, отыскать’ (*Найти гриб. Найти потерянную вещь*); ‘добыть в результате поисков’ (*Найти нужную книгу*); 2) ‘застать, увидеть где-нибудь или в каком-нибудь состоянии’ (*Вернувшись из поездки, нашел жену помолодевшей*); ‘признать, счесть’ (*Подсудимый найден виновным. Доктор нашел его здоровым*).

Все три омонима, указывает Виноградов, «ответвились от одного слова» [54, с. 215], то есть получились вследствие распада значений многозначного слова, однако, как видно из приведенных примеров, о факте распада в каждом конкретном случае мнения лингвистов расходятся; да и вообще что можно сказать о науке, если она оперирует только «мнениями»?

И тем не менее мнение о распаде полисемии как причине появления в языке омонимов стало общим местом в отечественном языкознании и вошло в справочную литературу, например: «Лексические омонимы... возникают вследствие звукового совпадения различных по происхождению слов, напр.: *рысь* (бег) и *рысь* (животное), *вал* (насыпь) и *вал* (волна), или в результате семантического разрыва значений многозначного слова, напр.: *свет* (лучистая энергия) и *свет* (мир, Вселенная), *пороть* (разрезать по швам) и *пороть* (сечь). Однако разрыв, расхождение значений многозначного слова (т. е. утрата этими значениями общих семантических элементов) может осуществляться постепенно, поэтому существует целый ряд значений,

которые расцениваются учёными (напр., подаются в разных словарях) по-разному: или как значения самостоятельных слов-омонимов, или же как значения, принадлежащие одному и тому же слову. Ср., напр., квалификацию таких значений, как *угодить* (куда, в кого) и *угодить* (кому), *топить* (нагревать) и *топить* (расплавлять), *ярый* (яростный, страстный) и *ярый* (светлый), *журавль* (птица) и *журавль* (шест у колодца), *колени* (ноги) и *колени* (в пении) в разных толковых словарях совр. рус. языка. Трудность точного разграничения многозначности и О<монимии>, возникающая в ряде случаев, приводит нек-рых лингвистов к мысли, что омонимами следует считать только значения, относящиеся к словам, различным по происхождению. Принятие этой точки зрения отодвинуло бы понятие “О<монимии>” в область исторической лексикологии, между тем несомненно, что именно для совр. языка приходится разграничивать значения, связанные друг с другом, и значения, к-рые, хотя и относятся к словам, звучащим одинаково, не имеют ничего общего (ср.: *растворить окно* и *растворить порошок в воде*, *мешать работать* и *мешать кашу* и т. п.)¹⁸.

Распад полисемии, как видно из приведенных слов, — это весьма шаткое основание для решения проблемы различения полисемии — омонимии, ибо оно в конечном счете опирается на субъективную волю лексиколога и лексикографа. Это, конечно, не означает, что лексикографы, стоя на позициях признания полисемии, всегда ошибаются. Естественное владение языком, живое знание того, когда и как употребляются слова, широкая начитанность в литературных текстах позволяют им в каждом отдельном случае более или менее точно находить границы между полисемией и омонимией, но мы сейчас говорим о теоретических основаниях, а не о лексикографической практике.

Возвращаясь к вопросу о том, существует ли в русском языке семантический способ словообразования, нужно сказать следующее. Те лингвисты, которые вслед за Виноградовым считают, что омонимы возникают по причине распада полисемии, нехотя признают и семантический способ словообразования, однако, не имея объективных оснований в каждом конкретном случае для суждения о том, произошел уже разрыв

¹⁸ Энциклопедия «Русский язык». 1997. С. 285–286.

семантических связей или же они еще чувствуются, — они или выводят этот способ за пределы словообразования, считая его предметом лексикологии, или признают его принадлежностью диахронического словообразования. Вот характерное признание: «В современной дериватологии эта классификация способов словообразования может быть отнесена только к диахроническому словообразованию: выделенные В. В. Виноградовым способы (прежде всего неморфологические) позволяют дать ответ на вопрос, с помощью каких средств было образовано то или иное конкретное слово. <...> Классификация способов, разработанная В. В. Виноградовым, должна, таким образом, учитываться при историческом словообразовательном анализе слов» [87, с. 96–97].

Так как наш предмет — это именно историческое словообразование, то мы должны одновременно признать наличие в русском языке семантического способа словообразования и, отказавшись от субъективистского понимания омонимии, найти объективные основания для решения этой проблемы. Как уже говорилось выше, такие основания были найдены Потемней и его последователями. Для объяснения того, как в языке возникают омонимы, Потемня создает глубокое и оригинальное учение о внутренней форме слова.

Если в языке столько слов, сколько значений, то очевидно, что слова-значения однозвучных слов соотносятся между собой как предыдущие и последующие: «Остановившаяся на генетической связи однозвучныхъ словъ, мы видимъ, что слова эти относятся другъ къ другу, какъ предыдущія и послѣдующія. Безъ первыхъ не были бы возможны послѣднія. Обыкновенно это называютъ развитіемъ значеній слова изъ одного основнаго значенія, но, согласно со сказаннымъ выше, собственно это можно назвать только появленіемъ цѣлаго слова, т. е. соединенія членораздѣльнаго звука и одного значенія, изъ предыдущаго» [92, с. 5]. Таким образом, то, что обычно описывается как «развитие» значения слова, согласно точке зрения Потемни, представляет собой акт словообразования, акт рождения нового слова из предыдущего. В чем же конкретно заключается этот акт словообразования?

Возьмем слово *медведь*. Обычно оно описывается как многозначное слово: «**МЕДВѢДЬ**, я (я неправ.), м. 1. Большой

хищный всеядный зверь с длинной шерстью. *Бурый медведь*. *Белый медведь* (полярный, с белой шерстью). 2. *перен.* Неуклюжий, неповоротливый человек (разг. шутол.)» [27, т. 2, с. 169]. С точки зрения Потебни, в русском языке есть два слова: *медведь*¹ ‘большой хищный зверь’ и *медведь*² ‘неуклюжий человек’. Этимологически *медведь*¹ происходит из *вьдмедь* — букв. ‘ведающий, знающий мед’; ‘ведающий мед’ — это значение, являющееся представителем этого зверя в русском народноязыковом сознании; это то, как русский человек представляет себе этого зверя, в свете чего понимает его; возможно, что это табуированное название зверя, грозного хозяина леса.

В слове *медведь*² нет уже и следа от значения ‘ведающий мед’, здесь в основание для сравнения берется другой признак зверя — его внешний вид, повадка, в свете которого понимается человек. Для рождения слова *медведь*² необходимо значение предыдущего слова, которое является означившим другого значения — ‘неуклюжий человек’. Это представление Потебня называет также внутренней формой слова. Как показывает рассмотренный пример, представление, или внутреннюю форму слова, нельзя отождествлять с этимологическим значением слова. Этимологическое значение — это то представление, до которого может прийти научная мысль в ходе палеолингвистического исследования. Этимон может стать представлением для образования многих слов, но затем какие-нибудь значения этих слов могут стать внутренней формой для образования новых слов при помощи семантического словообразования. Как пишет Потебня, «представление, какъ тождественное съ основаніемъ сравненія въ словѣ, или знакомъ, составляетъ непремѣнную стихію возникающаго слова; но для дальнѣйшей жизни слова оно не необходимо» [92, с. 9]. Само слово может дэтимологизироваться, но какие-то его значения могут стать внутренней формой для образования новых слов. Потебня приводит такой пример в подтверждение этой мысли: внутренней формой слова *початок*¹ ‘веретено пряжи’ является идея начала нити, но в производном от него *початок*² ‘колос кукурузы’ «представления перваго слова нѣтъ и слѣда, а отъ значенія (веретено пряжи) остался одинъ слѣдъ въ томъ, что колось кукурузы представлень имѣющимъ очертаніе веретена съ пряжею» [Там же. С. 22].

Развитие идей семантического словообразования находим у В. М. Маркова. Прежде всего отметим, что Марков, в чем мы с ним солидарны, не считает словообразование особой дисциплиной, а относит ее проблематику к ведению лексикологии, так как оно «исследует процессы, порождающие новые слова» [81, с. 121].

Семантическое словообразование во взаимодействии с морфологическими способами является «важнейшим фактором развития словарного состава» [Там же], однако представление об этом способе как постепенном распадении полисемии, отщеплении, обособлении одного из лексико-семантических вариантов слова является неприемлемым из-за неопределенности границы между самостоятельным словом и вариантом слова. Выход из тупика Марков находит в идеях Потебни и Щербы: «появление нового значения — это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта» [Там же. С. 125]. В чем же сущность этого акта?

Появление омонимов вследствие распада полисемии с неизбежностью означает деэтимологизацию производного слова. Но если произошла деэтимологизация, то на каком основании можно говорить о распаде полисемии? На каком основании мы можем утверждать, что *коса*¹ ‘волосы на голове, сплетенные вместе’, *коса*² ‘сельскохозяйственное орудие для кошения травы’ и *коса*³ ‘длинная узкая отмель, идущая от берега’, — это бывшие значения одного слова, которые стали отдельными словами? Иначе говоря, тут имеет место логическое противоречие: если семантической связи уже нет, у нас нет оснований утверждать былое единство значений в составе одного многозначного слова; если утверждается былое семантическое единство, значит, окончательного разрыва семантических связей еще не произошло и это не омонимы, а все еще значения одного слова.

Стоя на позициях Потебни и Щербы, Марков утверждает, что при семантическом словообразовании связь между производящим словом и производным не только не исчезает, напротив, она есть основание для самого акта словопроизводства, ибо внутренней формой производного слова является один из признаков «вещи», обозначенной производящим словом; как это было показано выше, внутренней формой слова *початок*² был

признак внешней формы веретена, обозначенного словом *початок*¹. Новое слово, возникшее путем семантического словообразования, как и любое производное, сохраняет связь со своим производящим. Если же эта связь разрывается, то в таком случае лишь на основе этимологического анализа, и то не всегда, можно установить отношения словопроизводства при помощи семантического способа словообразования, как это имеет место в случае с тремя омонимами *коса* (см. [34, вып. 11, с. 131–135; 33, вып. 8, с. 344]). Однако важно подчеркнуть следующее. Омонимия как семантическое отношение пронизывает всю историческую толщу языка — от образования самых древних слов до возникновения новейших слов-омонимов в нашей самой жгучей современности. Заслуга Маркова заключается в том, что он особенно отчетливо артикулировал мысль о том, что омонимия — это не только палеолингвистическое отложение, но и живое отношение, что семантическое словообразование слов-омонимов происходит на наших глазах.

После этих предварительных замечаний приведем данное Марковым определение семантического способа словообразования: «Семантическое словообразование, как известно, осуществляется путем включения слова в иной лексический разряд, в результате чего образуются омонимы, то есть равнозвучные производные лексемы, которые, в категориальном отношении, подобны лексемам, образованным с помощью морфем» [81, с. 121]. В этом определении, на наш взгляд, чрезвычайно важными являются слова о том, что при семантическом словопроизводстве производное слово относится к иному лексико-семантическому полю, чем производящее, или, говоря языком логики, обозначает нечто (предмет, действие) из иного множества с иным родовым понятием.

Поясним это на примерах.

Слово *кошка* традиционно в словарях описывается как полисемантическое, по крайней мере с двумя значениями: 1) ‘домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс; самка кота’; 2) ‘приспособление в виде небольшого якоря с тремя лапами, применяемое для подъема со дна затонувших предметов’ (см.: [11, т. 2, с. 118]). С нашей точки зрения, это два слова-омонима:

КОШКА¹ ‘домашнее животное с повадками хищника, истребляющее мышей и крыс; самка кота’;

КОШКА² ‘приспособление в виде небольшого якоря с тремя лапами, применяемое для подъема со дна затонувших предметов’.

*Кошка*¹ — производящее слово, *кошка*² — производное; его внутренняя форма — это один из признаков производящего, а именно признак цепкости кошачьих лап. *Кошка*¹ относится к классу, разряду, множеству «животные»; *кошка*² относится к иному разряду, или множеству — классу «орудия»; именно это и делает их разными словами-омонимами. Важно отметить, что эти омонимы различаются также грамматическими признаками: *кошка*¹ — одушевленное существительное, *кошка*² — неодушевленное.

Слово *дворник* традиционно также описывается как полисемантическое: 1) ‘работник при доме, обязанный охранять дом, поддерживать чистоту и порядок во дворе и на улице перед домом’; 2) ‘стрелка, устройство для механического вытирания смотрового стекла автомашины от снега, влаги, пыли’ (см. [11, т. 1, с. 370]).

С нашей точки зрения, это два омонима: *дворник*¹ — производящее слово, *дворник*² — производное, внутренней формой которого является один из признаков производящего, а именно функция поддержания чистоты, общая для обоих дворников. *Дворник*¹ относится к классу, разряду, множеству «деятель по профессии»; *дворник*² относится к иному разряду — «орудий», при этом *дворник*¹ — одушевленное существительное, *дворник*² — неодушевленное.

Принадлежность к разным семантическим разрядам обуславливает различные словообразовательные потенции слов-омонимов. Так, прил. *кулачный* мотивировано сущ. *кулак*¹; ‘кисть руки, сжатая для удара’, а прил. *кулацкий* — сущ. *кулак*² ‘богатый крестьянин-мироед’.

От прил. *прямой*¹ ‘ровно вытянутый, без изгибов’ образуется сущ. *прямызна*; от прил. *прямой*² ‘откровенный, правдивый’ — сущ. *прямота*.

По аналогии с известным «критерием Маслова» для определения того, образуют ли два глагола видовую пару, это можно назвать «критерием Маркова»: при семантическом словообразовании производное слово обозначает «вещь» иного логического класса, нежели производящее.

Таким образом, семантический способ словообразования в русском языке существует, но обосновать его можно, только стоя

на твердых принципах, исповедуемых Потебней, Щербой, Марковым. При этом мы не можем согласиться с авторами цитированного учебника, которые утверждали, что семантический способ словообразования находит свое место только в историческом словообразовании. В синхронном «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова последний пример описан так: *прям(ой)* → *прям-изн-а*, *прям(ой)* → *прям-от-а* [22, т. 1, с. 843]. Это предельно формалистическое описание, не отражающее смысловых отношений между производящим и его производными даже на синхронном уровне.

Концепция омонимии, созданная Потебней, развитая Щербой и Марковым, является единственно приемлемой, так как только с ее помощью можно обосновать семантический способ словообразования, без которого немислимо полноценное, всеобъемлющее описание какого-либо словообразовательного древа в историко-словообразовательном словаре русского языка.

Теперь перейдем от теоретических вопросов к практической реализации данной концепции в историко-словообразовательном словаре.

Положительные стороны этой концепции достаточно очевидны. В схематическом представлении отношения между производящим и производным оказываются более наглядными, а в содержательном отношении становится ясным и понятным происхождение новых слов при помощи семантического способа словообразования.

→ *птичник*¹ ‘гадательная книга по полету птиц’
птица → *птичник*² ‘лицо по профессии, связанной с птицами’
→ *птичник*³ ‘место содержания птиц’
*кулак*¹ ‘сжатые пальцы’ → *кулачный*
→ *кулак*² ‘мирод’ → *кулацкий*

Отрицательный момент заключается в том, что схематическое изображение словообразовательных связей становится несколько более громоздким, однако главная проблема состоит не в этом. Поставим вопрос в самой острой форме: обязаны ли мы все те значения многозначного слова, которые указаны в толковых словарях, считать теперь отдельными словами-омонимами? На наш взгляд, нет: мы вовсе не обязаны **все** зна-

чения многозначного слова, какие есть в толковых словарях, механически переводить в омонимы.

Во-первых, в лексикографии принято различать значения и «оттенки» значений, при этом вопрос о том, что считать уже отдельным значением, а что еще его «оттенком», решается по-разному в разных толковых словарях.

Во-вторых, всем хорошо известно, что ни один словарь, при теоретическом признании полисемии, не может отразить **всех** значений многозначного слова, ибо семантическое словообразование происходит на наших глазах и словарь всегда отстает от жизни. Вот интересный факт: в [11] многозначными являются слова *медведь* — 1) ‘животное’, 2) ‘неуклюжий человек’; *осел* — 1) ‘животное’, 2) ‘упрямый человек’; *заяц* — 1) ‘животное’, 2) ‘безбилетный пассажир’; а вот *баран* ‘животное’ есть, а ‘человека’ нет. Однако в «Толковом словаре русской разговорной речи» зафиксировано такое значение: «**БАРАН**. DEF: о глупом, плохо соображающем мужчине. *Что с этим бараном разговаривать?; Понадеялся на Витьку / а он / баран / ничего в технике не смыслит!; А что / на таких баранах свет что ли клином сошелся; Других работников найдем!* (Записи устной речи, 2001–2006)» [24, т. 1, с. 80]. Точно так же у слова *козел* только в словаре сленга зафиксированы такие значения: ‘мотоцикл’ (рога козла = руль мотоцикла), ‘нехороший человек (доносчик, гомосексуалист в тюремном жаргоне), хам’. Значение слова *козел* ‘плохой человек, хам’ еще не попало в нормативные словари, но это же явный живой языковой процесс метафоризации и рождения нового слова-омонима: «Я сроду ни на какие гранты не подавал. А Сороса всегда **козлом** считал» [Запись LiveJournal (2004)]; «— А Семеновы твои — **козлы**. — Они не мои» [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)].

Если исходить из принципиальной неполноты любого словаря, то и историко-словообразовательный словарь не обязан поспевать за всеми семантическими новообразованиями. Надо во всем проявить разумную меру и идти ощупью, ничего не предрешая и ни от чего заранее не отказываясь. В конце концов, лексикография — это творчество, и каждый автор словарной статьи может иметь свои представления о границах и объеме словарной статьи, лишь бы это представление было обоснованным. В то же время электронная форма словаря позволяет

подходить к этой проблеме гибко, так как всегда есть возможность дополнений и сокращений.

В заключение темы о способах словообразования следует сказать несколько слов о таком «способе», как **усечение**, под которым понимают сокращение фонетического состава слова без изменения его семантики; имеются в виду такие образования, как *универ* = *университет*, *зам* = *заместитель*, *коммерс* = *коммерсант*, *стипа* = *стипендия*, *комп* = *компьютер*, *пенс* = *пенсионер* и т. п. Вопрос о том, считать ли усечение особым способом словообразования, не так однозначен, как кажется. С одной стороны, словообразование — это языковая деятельность по образованию новых лексических единиц с особым лексическим значением; с этой точки зрения, усечение не является способом словообразования, так как лексическое значение «производного» не меняется, поэтому *универ* и т. п. это не новое слово, а фонетический вариант слова *университет*, его фонетическая компрессия. С другой стороны, нельзя не заметить, что эти варианты отличаются от своих «родителей» «стилистической окраской (обычно сниженной) и соответственно особой экспрессивностью в речи» [87, с. 103]. С этой точки зрения, такие образования можно считать не «огрызками» слов, а полноценными словами.

Таким образом, вопрос стоит так: что является более весомым в оценке лингвистического статуса этих образований — семантика или стилистика? С моей точки зрения, наиболее важным в словообразовании является семантический критерий, поэтому я не считаю усечение особым способом словообразования, а возникающие путем фонетической компрессии образования считаю вариантами слова с особыми стилистическими и социолингвистическими характеристиками, также, как никто не считает отдельными словами такие морфологические варианты, как *весной* — *весною*, *нести* — *несть*, *свести* — *свесть*¹⁹, которые тоже обладают особыми стилистическими свойствами.

¹⁹ «Но Ленский, не имев, конечно, Охоты узы брака *несть*, С Онегиным желал сердечно Знакомство покороче *свесть*» (Пушкин. Евгений Онегин. II, XIII).

Глава 5

Исторические изменения морфемной структуры слова

Звуковые изменения и процессы словопроизводства приводят к изменениям в морфемной структуре слова. Истоки учения об исторической изменчивости морфемной структуры слова находятся в трудах лингвистов казанской школы И. А. Бодуэна де Куртенэ и его последователей Н. В. Крушевского и В. А. Богородицкого.

И. А. Бодуэн де Куртенэ в статье памяти рано ушедшего из жизни Крушевского писал, что еретическая для того времени мысль о подвижности структуры слова пришла ему в голову, когда он занимался историей индоевропейского и, в частности, славянского склонения. Он писал, что древние темы, то есть основы на гласные, «с течением времени сократились, а их конечные гласные перешли в начало окончаний, в дальнейшем же либо сохранились до сегодняшнего дня как составные части окончания, либо исчезли. Хотя тогда я сам этого не заметил и не мог надлежащим образом оценить, мысль эта оживила мертвые, неподвижные, как будто каменные системы склонения, ввела в трактовку форм склонения принцип развития, принцип исторических изменений, а из самой упорядоченности этих форм делала не какой-нибудь искусственный мнемотехнический центр, а выражение действительного языкового сознания индивидуумов данного народа в отношении к собственному языку. Эту мысль, сформулированную мною как “сокращение темы в пользу окончаний”, первоначально я применил главным образом к склонению, а в дальнейшем применял и к другим частям морфологии, постоянно опираясь на это в своих лекциях по разным разделам морфологии ариоевропейских языков вообще и славянских в частности. На каждом шагу я замечал нарастание флексии за счет предшествующих морфем, либо других суффиксов, либо даже корня, каждый раз за счет темы, нарастание последующих суффиксов за счет предшествующих или же за счет корня, нарастание корня за счет префикса и т. д.» [49, т. 1, с. 159–160]²⁰.

²⁰ Кроме лекций, эта мысль была выражена и обоснована в таких работах Бодуэна, как *Rozbiór gramatyki polskiej ksindza Malinowskiego*, Warszawa, 1875, в разборе книги А. Лескина *Handbuch der altbulgarischen Sprache* (в «Журнале Мин. нар. проев.», 1876), в «Глоттологических (лингвистических) заметках», Воронеж, 1877, в «Подробной программе лекций в 1876–77 уч. г.», Казань и Варшава, 1878.

Дальнейшая разработка этой плодотворной идеи была продолжена в работах Н. В. Крушевского и В. А. Богородицкого.

Н. В. Крушевский в «Очерке науки о языке» [74, с. 96–222] указывает на случаи **прироста** корня за счет префикса в таких словах, как *наход/ить*, *подозрев/ать*, *призрев/ать*, *подушк/а*, *сверст/ник*, *образ/ъ* и в особенности таких, как *затева/ть*, *исчез/ать*, *намек/ать*, *опаса/ться*, *разор/ять*. Основанием для этого вывода является то, что основа слов *затева/ть*, *исчеза/ть*, *намекать*, *опаса/ться*, то есть **тева/ть*, **чеза/ть*, **мекать*, **паса/ться*, в свободном виде вообще не существуют, а слова *ходить* и *находить*, *узреть* и *подозревать*, *призреть*, *ух* и *подушка*, *верста* и *сверстник*, *резать* и *образ* «имеют значение совершенно разное и родственными не чувствуются или слабо чувствуются. <...> Мы должны признать самостоятельные в теперешнем языке корни: *подозр*, *призр*, *рез*, *образ*, *ух*, *подушк* и т. п.» [Там же. С. 153–154]. Обращаю внимание на слова «в теперешнем языке» и «чувствуются»: они указывают на то, что прирост корня за счет префикса — это феномен современного русского языка и что он имеет субъективную природу, хотя бы даже 100 % живых носителей языка были согласны с Крушевским.

Прирост корня возможен и за счет суффикса. Так, в словах *сердце*, *солнце* уменьшительный суффикс уже не выделяется, так как нет слов **сердо*, **солно*, хотя в других словах это суффикс легко выделяется: *оконце*, *суконце*. «Рассмотренное явление служит источником *новых корней*, корней богатых звуками и имеющих обыкновенно узкое, ясно определенное значение (ср. *сердце* и *середина*)» [Там же. С. 156].

Наконец, возможен прирост суффикса за счет суффикса и префикса за счет префикса. По поводу первого прироста Крушевский пишет: «Достаточно рассмотреть несколько десятков слов, чтобы заметить особое свойство суффиксов: это чрезвычайная их способность сочетаться друг с другом и образовать один сложный суффикс» [Там же. С. 157].

Примерами интеграции суффиксов в один сложный являются вариации и.-е. суффикса **k* с предшествующими ему суффиксами именных основ: $\bar{a} + k = ak$ (*пустяк*), $\bar{o} + k = ok$ (*ходок*), $\bar{y} + k = \bar{y}k > ok / k$ (*глазок / глазка*), $\bar{y} + k = \bar{y}k > ek / k$ (*дьянькь / дьянька > денек / денька*), $i + k = ik$ (*ключик*). Новый

прирост происходит из сочетания *н + ик = ник*. Из сочетания *ец + ик = чик*, например: *конькъ > конец, *конькикъ > коньчикъ > кончик; новый суффикс *чик* образует слова типа *рябчик*, *кладчик*, *доносчик*, *извозчик*. Из сочетания *ск + ик = щик*: *ям-ск-ой* → *ям-ск-икъ > ямщик; новый суффикс *щик* образует слова от слов, в которых суффикса *ск* не было: *тюрем-щик*, *барабан-щик* и т. п. Из сочетания *ов + щик = овщик*: ср. *час* → *час-ов-ой* (мастер) → *час-ов-щик*, но *кран* → *кран-овщик*. Относительно полный список сложных суффиксов приведен в «Словаре морфем» на сайте www.drevoslov.ru.

В отличие от суффиксов, префиксы не отличаются способностью сочетаться друг с другом и образовывать новый сложный префикс. *Недо-делать*, *поза-прошлый*, *впри-сядку обез-оружить*, *испод-лобья* и еще десяток-другой слов можно припомнить, в которых произошло объединение двух приставок в одну с собственным значением.

Правда, следует обратить внимание на производные предлоги-приставки архаического праславянского образования: приставки на *-дъ* (*подъ*, *надъ*, *пред/передъ*), на *-з* (*низ*, *раз*, *без*, *въз*, *из*), на **-н* (*въ(н)*, *къ(н)*, *съ(н)*). Такие приставки суть соединение двух частиц: основной и суффиксальной. Особенно хорошо это видно, когда сохранилась и производящая приставка: *на-* и *надъ-*, *по-* и *подъ-*, *п(е)ре-* и *п(е)редъ-*.

Таким образом, «генезис морфологических элементов объясняется процессом переинтеграции» [74, с. 180]. У Богородицкого вместо термина *переинтеграция* используется термин *переразложение*.

Учение о подвижности морфемной структуры слова у Богородицкого приобрело целостный вид как в понятийном, так и терминологическом аспектах. Два сходных, но тем не менее различных исторических процесса получили у него названия **переразложения** и **опрощения**. Начнем с первого понятия.

§ 20. Переразложение и ретимологизация

По Богородицкому, этот процесс заключается в том, что «слова въ умахъ индивидуумовъ извѣстнаго времени ассоціируются не тѣми сходными частями, которыми они ассоціировались въ умахъ индивидуумовъ прежняго времени».

Начнемъ съ переразложенія между *освовой* и *окончаніемъ*. Примѣромъ переразложенія такого рода могутъ служить формы *женамъ*, *женами*, *женахъ*, которыя первоначально разлагались на основу и окончаніе не такъ, какъ теперь, а именно въ нихъ *a* принадлежало къ основѣ: жена-мъ, жена-ми, жена-хъ²¹. Но такъ какъ этотъ гласный повторялся передъ окончаніями и всѣхъ другихъ словъ того же склоненія (рыба-мъ, рука-мъ и т. п.), то онъ сталъ чувствоваться принадлежностью флексіи, и потому первоначальныя основы, кончавшіяся гласными, стали уже оканчиваться согласнымъ звукомъ, т. е. напр. жен-амъ, жен-ами, жен-ахъ. Закрѣпленію такого морфологическаго дѣленія могло способствовать то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ первоначальный тематическій гласный, сливаясь съ окончаніемъ, измѣнился до неузнаваемости (срв. *жену*, гдѣ *у* = ст.-сл. *ж* и восходитъ къ ае. **-ām*), а потому его какъ бы не стало въ основѣ. Что дѣйствительно такое переразложеніе наступило, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя окончанія *-амъ*, *-ами*, и *-ахъ* въ русскомъ языкѣ распространились по аналогіи и на всѣ прочія склоненія (срв. въ муж. р. *рабахъ* || ст.-сл. **раб-ѣхъ**, въ ср. р. *дѣлахъ* || ст.-слав. **дѣл-ѣхъ** и пр.)» [46, с. 116–117]. Эта тема должна быть хорошо известна изучавшимъ старославянскій языкъ и историческую грамматику русского языка; ее обычное название «История склоненія именъ существительныхъ». Напомню логику событий, то есть какъ выстраивается цепочка причинно-следственныхъ связей:

1) следствиемъ дѣйствія фонетическихъ законовъ было переразложеніе основ, кроме основ на **-согласные*;

2) следствиемъ переразложенія основъ была унификація однотипныхъ основъ на согласный;

3) следствиемъ возникновенія однотипныхъ основъ на согласный было новое объединеніе именъ существительныхъ въ типы склоненія на основѣ грамматическаго рода и общности окончаній;

4) следствиемъ новаго объединенія было смешеніе древнихъ типовъ склоненія на **-гласный*.

Эти 4 пункта следуетъ ограничить только формами единственнаго числа, такъ какъ во множественномъ числѣ, въ Дат., Тв.

²¹ Такіе гласные, первоначально оканчивавшіе собою основу или *тему*, называются въ сравнительной грамматикѣ *тематическими*; въ склоненіи муж. рода (напр., срв. Твор. ед. «рабомъ»), такимъ тематическимъ гласнымъ былъ *o*, и т. п.

и М. падежах, род не участвовал и все склонения обобщились. В Им. п. мн. ч. мужской род тяготел к среднему, откуда окончание *-а* (сѣла — города); в Род. п. мн. ч. на первое место вообще вышел особый признак — чисто формальный, а именно мягкость основы, откуда *ножей, карандашей, царей, как лошадей*. Средний же род здесь совпал с женским, но только в твердой разновидности, потому что сохранилось *мест, жен*, но в мужском роде практически абсолютно, за исключением ряда слов типа *грузин, чулок, туфель*, распространилось окончание *-ов* из вымершего мужского склонения на **й*.

«Подобное же сокращение основъ въ пользу окончаній произошло и въ наст. времени глаголовъ; напр. *несеть, несемъ* первоначально морфологически разлагались на *несе-тъ, несе-мъ*, а впоследствии тематической гласный отошелъ къ окончанію, т. е. *нес-еть, нес-емъ*» [46, с. 117]. Переразложение затронуло лишь основы настоящего времени; в основах прошедшего времени переразложения не было.

Для исторического словообразования крайне важным является факт переразложения, или переинтеграции, среди суффиксов: «Процессъ переразложения наблюдается также въ области суффиксовъ при производствѣ словъ, при чемъ звуки, которые въ производящемъ словѣ заканчивали основу, отходятъ къ вновь прибавляемому суффиксу; напр., когда отъ прилагательныхъ на *-ный* образуются существительныя на *-икъ*, то всѣ эти производныя слова, имѣя передъ своимъ суффиксомъ согласный *н*, ассоціируются между собою уже по сходству новаго суффикса *-никъ* (напр. *озор-н-ой* < *озор-никъ*, *охот-ный* < *охот-никъ*); подобнымъ же путемъ развились новыя суффиксы *-щикъ, -ильникъ, -альщикъ, -овщикъ* и т. п., могущіе затѣмъ получать особые отгѣнки значенія и употребляться независимо отъ первоначальныхъ условій возникновенія. Болѣе разросшіеся суффиксы, естественно, образовались въ языкѣ позже по сравненію съ болѣе простыми» [Там же]. Как видим, в данном случае Богородицкий лишь резюмирует то, что писал по этому поводу Крушевский. Различие между Крушевским и Богородицким заключается в разном понимании причин переинтеграции, или переразложения, или морфологической абсорбции — еще одного термина Богородицкого. Если Крушевский полагал, что главная причина переинтеграции заключается в фонетических

изменениях словоформ, то Богородицкий приводит примеры переразложения, в которых фонетический фактор, казалось бы, не играл никакой роли: это суффиксы *ник*, *чик*, *щик* и др., хотя во всех трех суффиксах спереди был слабый редуцированный, «падение» которого и помогло переразложению, поэтому нельзя говорить «никакой роли». Он писал: «Теперь мы остановимся на разъяснении вопроса, почему обычно окончания и суффиксы отрывают звуки своей предшествующей (материальной) морфемы, а не наоборот. Такое направление зависит от большей повторяемости в речи формальных элементов по сравнению с материальной частью слова. В самом деле, какое-нибудь слово *κοῦφος* в повседневной речи грека гораздо реже произносилось, чем, например, окончания *-ος*, *-ου* и др. от слов второго склонения вообще. Эта большая частота употребления формальных элементов слова — окончаний и суффиксов — и была причиной того, что они, имея в массе случаев известный звук или комплекс звуков впереди себя, стали ассоциироваться между собой по сходству уже совместно так часто повторяющимся перед ними звуком или комплексом звуков. При сокращении основ в пользу окончаний, как было уже сказано, фонетические изменения не имеют значения причины; они служат закрепляющим моментом для сокращенного вида основы: в самом деле, с возникновением такого произношения форм, как греч. *κοῦφου* (*-ῖ*) или лат. *equi-ī*, пропадает в них уже всякий след прежнего тематического гласного» [47, с. 196–197].

Ответить на вопрос, когда из суффиксов *-н-* < *-ьн-* и *-ик-* возник новый суффикс *-ник-*, наверное, невозможно, но можно сказать с большой долей уверенности, в каком слове еще два суффикса *-н-* и *-ик-*, а в каком уже один суффикс *-ник-*. В слове *грешник* еще два суффикса: *грѣх-ьн-ъ* (*мужь*) > *грѣш-ьн-ик-ъ*, а в слове *вестник* уже один: *вѣст-ьник-ъ* > *вест-ник-ъ*, потому что прилагательное *вѣстьныи* значило ‘известный’ («**Вѣстный** вѣмь и знаемый ворь, чернецъ, бывший сынъ боярский, по реклу Отрепьевъ, бѣжавъ въ Ляхи, назвался царевичемъ Дмитриемъ» — [18, вып. 2, с. 118]), тогда как существительное *вѣстьникъ* значило ‘приносящий вѣсть’ («Аггел — **вѣстникъ**, по гречески бо всякъ челоуѣкъ и жена и дѣвица, приходящая съ вѣстію... небесныя же силы аггели нарицаются, сирѣчь вѣстницы, понеже возвѣщаютъ божия хотѣния челоуѣкомъ» — там

же). Грешник — это грешный человек, здесь имя существительное *грешник* мотивировано именем прилагательным *грешный*; вестник — это человек, приносящий вести, здесь имя существительное *вестник* мотивировано другим именем существительным — *весть*.

Еще пример. В слове *название* выделяются два суффикса: *назва-н-иѣ-е*, так как это имя мотивировано причастием *назван*, а в слове *восклицание* один суффикс со значением отвлеченного действия *вос-клиц-а-ниѣ-е*, так как причастия **восклицан* никогда не существовало.

Будем называть суффиксы вроде *-ник-*, *-ниѣ-* слитными, или сложными.

«Переразложение между предлогами (или префиксами) и корнемъ встрѣчается сравнительно рѣдко. Сюда надо отнести возникновение *н* въ формахъ мѣстоименія 3-го лица: его || него, ему || нему и пр.; начальное *н* вторыхъ формъ первоначально принадлежало тремъ предлогамъ — *съ*, *въ*, *къ*, которые оканчивались имъ; но такъ какъ это *н* удерживалось только въ положеніи передъ начальными гласными или *ѣ* слѣдующаго слова, передъ согласными же не сохранялось, то постоянною частью нашихъ предлоговъ стали комплексы безъ *н*, т. е. *въ*, *съ* и *къ*, съ которыми и ассоціировалось значеніе, свойственное этимъ предлогамъ, конечное же *н* въ тѣхъ случаяхъ, когда удерживалось, стало чувствоваться принадлежащимъ слѣдующей мѣстоименной формѣ; путемъ же аналогіи формы съ начальнымъ *н* стали употребляться и послѣ всѣхъ прочихъ предлоговъ, напр. *о немъ* и т. п. Отдѣленіе *н* отъ предлога произошло также при существительныхъ — *нутрь*, *нутро* (срв. *утроба*), *снѣдь* (срв. *ѣда*). Аналогичнаго происхожденія *н* въ глаголахъ *внушить*, *внимать* (а путемъ аналогіи — *понимать* и пр.), *снѣдать* (срв. *сѣдять*). Такимъ образомъ старое объясненіе разсматриваемаго *н* благозвучіемъ оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ это *н* имѣетъ этимологическое основаніе» [46, с. 116–118].

Существенный корректив в понятие переразложения внес Н. М. Шанский, который указал, что при переразложении слово остается членимым, морфологически сложным, производным, меняется лишь граница между морфемами.

Можно согласиться с Шанским и тогда, когда он не соглашается с Богородицким по вопросу о причинах переразложения:

«Факт большей частотности в речи служебных морфем по сравнению с производной основой, указанный В. А. Богородицким как причина наблюдающегося перераспределения морфемного материала, на самом деле таковой не является: ведь более употребительными, чем корень, оказываются аффиксы и в тех случаях, когда переразложения не происходит. <...> Основные причины переразложения остались “казанцами” не вскрыты» [101, с. 214–215]. Каковы же эти причины?

Наиболее частой причиной переразложения основы, по Шанскому, является выход из употребления соответствующего производящего слова. «Так, глагол *обессилеть* членится в настоящее время на морфемы *обес-сил-е(ть)* и воспринимается как суффиксально-префиксальное образование от существительного *сила*. Однако такое строение у этого слова является следствием переразложения, которое произошло в нем в силу исчезновения производящего глагола *бессилеть* ‘слабеть, изнемогать, лишаться сил’» [Там же. С. 215]. В самом деле, в др.-рус. языке был этот глагол: «**Бессилѣти. Делаться бессильным, слабым**» [18, вып. 1, с. 168]. Так появилась в русском языке приставка *обез-/обес-: обеззараживать, обеспечивать, обездвизить* и пр.

Так же прилагательное *крохотный* первоначально делилось на *крох-от-н-ый* и было образовано от имени *крохоть* ‘хлебная крошка’, ‘незначительная доля, малость’ [20, вып. 15, с. 287]. Это слово не вошло в литературный язык, в отличие от производного *крохотный*.

В результате утраты производящих слов переразложение произошло в словах *лентяй* (от *лента* ‘лентяй’), *косынка* (от *косыня* ‘косынка’), *бесноваться* (от *бесный* ‘бешеный, бесноватый’), *кустарник* (от *кустарь* ‘кустарник’), *молчаливый* (от *молчаль* ‘молчание’), *властелин* (от *властель* ‘господин’), *беличий* (от *белица* ‘белка’) [101, с. 215]²².

Вот еще несколько примеров из книги Шанского.

²² В отношении последнего слова можно не согласиться: *бел/ич/ий* (=беличий) — < *бел/оч/ий*, от основы *белк/а* — *белок/ь*; способ образования — суффиксальный, суфф. *-йь-* со значением принадлежности; переход *белочий* > *беличий* вызван или межслоговой ассимиляцией (*о — и > и — и*), или влиянием аналогии (ср. *птичий*), или тем и другим одновременно. Слово *белица* имело совсем другое значение — ‘женщина, живущая в монастыре, но не постриженная еще в монахини’ [18, т. 1, с. 133].

В словах типа *аскетический, аристократический* слились иноязычный суффикс *-ик-*, восходящий к фр. *-ique* < греч. *ικος* (ср. *aristocratique*) и славянский адъективный суффикс *-еск*; после переразложения возник собственно русский суффикс *-ическ-*, при помощи которого уже в русском языке образовались русские прилагательные *формалистический, империалистический, яфетический, нигилистический, авантюристический* и т. д.

Слово *вож-ат-ый* пережило переразложение вследствие аналогии со словами типа *брюхатый, хвостатый, рогатый*. Исторически оно было образовано так: **vod-i-ataj > *vodjataj > вож-атай-ø* (ср. *ходатай, оратай, соглядатай*). В исконной форме оно было известно еще в XIX веке: «Уж ангел предо мной, **вожатай** оных мест» (Батюшков); «Белинский следовал покорно за своими **вожатаями**, но, видимо, смотрел на это как на исполнение долга, как на нечто схожее с праздничными визитами по начальству» (П. В. Анненков). Это ясный пример влияния фонетических процессов на переразложение: безударный гласный в *-тай*.

Переразложение имело место в слове *зодчий*. Оно образовано от корня *зѣд-* 'глина' при помощи суффикса *-ъчии* (ср. *кормъчии, ловъчии, кравъчии*) и склонялось как судии: *зѣдчия, зѣдчию*. По аналогии с прилагательными типа *синий* в слове *зодчии* произошло переразложение: часть суффикса отошла к основе, которая пережила опрощение, а часть стала окончанием: *зодч-ии, зодч-его, зодч-ему* и т. д. Так же *кормчий* от др.-рус. *кърмити* 'управлять кораблем'. На основе переразложения суффикса тюркского происхождения сложилась целая модель наименований старинных придворных и государственных чинов атрибутивного типа: *сокольничий, постельничий*, а также наименования профессий *возничий, лесничий*. Как видим, здесь действуют результаты дальнейшего переразложения за счет существующих образцов на *-ник*, то есть к производным на *-чий* стали добавляться производные на *-ичий* и *-ничий*: *соколь-ник+ий > соколь-нич-ий > соколь-ничий*.

Переразложение на стыке префикса и основы пережил глагол *отворить*. Он был образован с помощью приставки *от-* от глагола *ворити* (производного от той же основы, что и *ворота*, др.-русск. *ворь, вора* 'ограда, забор') и членился на морфемы так: *от-вор-и-ти*; антонимичный глагол имел приставку

за- — *за-вор-и-ти*. В результате аналогического воздействия глаголов с приставкой *о-* и народно-этимологического сближения с глаголом *творить* произошла переинтеграция и он стал члениваться так: *о-твор-и-ти*. По аналогии с ним возникли глаголы *затворить*, *притворить*, *растворить* (двери).

Глагол 1-го спряжения *создать* < *съ-зъд-а-ти* (ср. *зодчий*, *здание*) — *созижду*, *созиждешь*, *созиждет*, *созиждут* пережил процесс переразложения вследствие аналогического воздействия на него глагола *дать*: *со-с-да-ть* — и стал спрягаться по образцу этого нетематического глагола: *создам*, *создашь*, *создаст*. Уже после переразложения, по аналогии со словообразовательной парой *сдать* : *сдавать* сложилась пара *создать* : *создавать*.

От слова *разбой* образовано слово *разбой-ник*, от которого в свою очередь образовано слово *разбой-нич-а-ть*; аналогично образованы слова *плот-нич-а-ть*, *ябед-нич-а-ть*, *озор-нич-а-ть* и др. Постепенно граница между суффиксами *-нич-* и *-а-* стерлась, и это сочетание суффиксов превратилось в один суффикс *-нича-*, который стал словообразовательным средством образования таких слов, как *осторожничать*, *бродяжничать*, *слесарничать*, так как исторически никогда не существовало слов **осторожник*, **бродяжник*, **слесарник*.

Вследствие переразложения и поглощения (абсорбции) одной морфемы другой происходит опрощение новых слитных суффиксов и приставок, которые получают даже большую продуктивность, чем те, на основе которых они возникли. «Тем самым переинтеграция, возникшая в слове вследствие архаизации производящей основы, имеет большое значение в развитии словообразовательной системы: благодаря ей язык получает возможность обогащаться новыми исконно русскими моделями образования слов, в первую очередь новыми исконно русскими суффиксами» [101, с. 217].

§ 21. Опрощение

Теперь обратимся к понятию опрощения. Определение Богородицкого таково: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово с сложным морфологическим составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. Так, напр., слова *вкусъ* (срв. *кус-ать*, *кус-*

окъ), *забыть* и т. п. имѣють только цѣлостное значеніе и морфологическій составъ этихъ словъ (в-кусь, за-быть и т. п.) уже не чувствуется» [46, с. 113–114]. Примеры Богородицкаго неубедительны. В прямомъ значеніи слова *вкусъ* (еды) совершенно ясна соотносительность с глаголами *вкусить* / *вкушать*, в которыхъ *в-* означаетъ движеніе (пищи) внутрь (рта). В значеніи глагола *забыть* указывается на бытіе некоей информации за пределами нашей памяти. Хорошіе примеры опрощенія — *конура*, *здоровь*, можетъ быть, *задорь*, *заборь* и под. Но существо дела отъ этого не меняется, а заключается оно в томъ, что опрощеніе представляетъ собой разрывъ связи слова с исконно родственными ему словами, который можетъ быть обусловленъ весьма разнообразными причинами. Богородицкій указываетъ на следующие.

Во-первыхъ, историческіе измененія в звуковомъ облике слова бывають настолько существенными, что оно становится разительно непохожимъ на своихъ «родственниковъ», или, какъ пишетъ Богородицкій, «въ словѣ могутъ произойти звуковыя измѣненія, вслѣдствіе которыхъ оно можетъ такъ разойтись съ родственными словами, что уже не можетъ ассоціироваться съ ними (срв. *оскомина* || *щемить*, *конецъ* || *начало* и т. п.)» [Тамъ же. С. 114]. Добавлю къ этому такіе примеры: *путь* и *пятка*, *уха* и *подушка*²³, *запад* и *падать*, *восток* и *течь*, *воздух* и *дух*, *вместе* и *место*, *забота* и *зоб*.

Какъ удачно замечено Богородицкимъ в другой книгѣ, «благодаря звуковымъ измененіямъ слово можетъ такъ разойтись с родственными словами, что, будучи воспринято, не интегрируется с ними» [47, с. 153].

Во-вторыхъ, «могутъ выйти изъ употребленія родственныя слова, вслѣдствіе чего данное слово становится одинокимъ и уже не разлагается (срв. *кольцо*, первоначально уменьшительное для слова *коло*, которое вышло изъ употребленія)» [46, с. 114–115].

Морфологическое опрощеніе, по мнѣнію Богородицкаго, является положительнымъ процессомъ, такъ какъ оно «ведетъ къ возникновенію въ языкѣ новыхъ корней на почвѣ прежнихъ

²³ В случае если *подушка* связано с *дух*, то реконструируется приставка *по-*, но есть этимология А. И. Корнева: *под-ушка* — это то, что извозчики подкладывают на облучок (см.: [73]). Если это первоначальное членение слова, то в процессе бытования вещи и слова произошло не опрощение, а переразложение в связи с переосмыслением мотивации. Слово *подушка* — прекрасный пример нерешенности проблемы на уровне конкретного слова. Это не такой уж редкий случай.

префикса и корня (напр. по-долъ, по-суда, по-ясь, в-кусъ, за-дача, за-быть и т. п.), или же корня и суффикса (кольц-о, палк-а, пешк-омъ и т. п.); вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ соответствующая перемѣна въ чутьѣ морфологическаго состава словъ²⁴. Слова, въ которыхъ произошло опрощеніе, могутъ распространяться новыми префиксами и суффиксами, напр. забыть < пере-забыть, вкусъ < вкусный и т. п. То, что генетическое значеніе уступаетъ свое мѣсто реальному значенію слова, представляетъ огромную экономію и важность для мысли; если бы рядомъ съ реальнымъ значеніемъ слова въ нашемъ умѣ всякій разъ являлось и генетическое, то это служило бы невообразимымъ тормазомъ мышленія» [46, с. 115–116]. Последняя мысль представляется мне довольно спорной, ибо из-за опрощения слово становится пустым, немотивированнымъ знакомъ понятія; напротив, если бы слова *вкус*, *искушенный* еще ассоциировались съ глаголомъ *кусить* ‘испытывать, пробовать’, тогда мы понимали бы, что вкусъ потому и называется *вкусомъ*, что онъ есть способность испытывать, тогда мы лучше понимали бы стихи Баратынского:

Сначала мысль, воплощена
 В поэму сжатую поэта,
 Какъ дева юная, темна
 Для невнимательнаго света;
 Потомъ, осмелившись, она
 Уже увѣртлива, речиста,
 Со всехъ сторонъ своихъ видна,
 Какъ **искушённая** жена
 В свободной прозе романиста;
 Болтуня старая, затемъ,
 Она, подъемля крикъ нахальный,
 Плодитъ в полемикѣ журнальной
 Давно ужъ ведомое всемъ.

²⁴ «Какъ значительна можетъ быть такая перемѣна въ морфологическомъ чутьѣ, покажемъ на нѣсколькихъ примѣрахъ. Въ словѣ *пріятель* первоначальнымъ корнемъ было звукосочетаніе *при-*, какъ это видно изъ сравненія съ санскритомъ (скт. *priyás* ‘другъ’), теперь же это сочетаніе для непосредственнаго чутья представляется скорѣе префиксомъ, подобно слову *прі-ят-ный*, съ которымъ слово *пріятель* ошибочно чувствуется даже какъ будто въ родствѣ; другимъ примѣромъ можетъ служить слово *поясь*: здѣсь, наоборотъ, первоначальнымъ корнемъ является вторая половина слова — *jac-* (срв. зд. *yasta-* ‘опоясанный’ = греч. ζῶστός; тогда какъ теперешнее морфологическое чутье склонно искать корень въ начальномъ сочетаніи этого слова, т. е. *poj*[ясъ]; въ словѣ *сутки* корень — *тк* (ст.-сл. *тък*), а *су* — префиксъ; и др.» [46, с. 115].

Интересна, но также неоспорна мысль Богородицкого о трех степенях, или ступенях, опрощения. «Первую ступень опрощения представляют слова с прозрачным морфологическим составом, от которого, однако, реальное значение более или менее удалилось, например, *забыть, намерение, голик* и т. п.» [47, с. 193]. На этой ступени структурно ясное слово *за-бы-ть* семантически уже не связано с глаголом *быть*, слово *на-мер-ен-ие* — со словом *мера*, слово *гол-ик* ‘веник с обитыми листьями, голые прутья, связанные в пук’ (Даль) — со словом *голый*. Все три примера, особенно последний, можно подвергнуть справедливой критике. В. И. Даль слово, мотивирующее слово *голик*, берет прямо из производящего прилагательного! Следовательно, для Даля опрощение еще не началось, для Богородицкого — есть его 1-я ступень.

«Следующую ступень занимают такие слова, как *захолустье*. Хотя в этом слове и выделяется спереди префикс, указывающий на нахождение предмета за чем-либо, но к префиксу примыкает корень, который не ясен и не выделяется; сюда же относятся такие случаи как *обуть* и *разуть*, где префикс выступает яснее вследствие чередования двух префиксов для выражения противоположных направлений действия» [Там же]. К этой же ступени относятся слова *облако* < *облако*, в которой опрощению содействует изменение звукового облика слова, вследствие которого корень (то ли *бла*, то ли *ла*) становится семантически темным.

На третьей ступени полного опрощения слово становится действительно простым, то есть не только немотивированным, но и нечленимым символом представления. «В пример последнего можно привести слово *сутки*. Если бы мы вздумали попросту разложить это слово на морфологические части, то вероятно разложили бы на *сут-ки*, приняв *сут* за корень, а *ки* за суффикс с окончанием: такое деление получилось бы с точки зрения чутья современного языка. Между тем, приняв в соображение этимологические указания, мы должны разложить это слово так: *су-тк-и*, где корень *тк* = *тък* (ср. *ткнуть*)» [Там же. С. 194].

Идея степеней опрощения противоречит определению этого феномена: слово или является уже простым, нечленимым знаком понятия, или не является. Разные степени членимости слова, выделение в нем префиксов и суффиксов, при его

очевидной немотивированности, вводят в понятие опрощения новый аспект — смысловую немотивированность. Возникает вопрос: что главное в понятии опрощения — структурная простота, нечленимость основы и, соответственно, ее непроемкость или отсутствие смысловой мотивированности, отсутствие живой связи производного с производящим, хотя бы слово и членилось на морфемы?

Для ответа на этот вопрос сравним три слова: *дым*, *забыть*, *запад*. Слово *дым* — нечленимое и непроемкое; только этимологический анализ позволяет вскрыть его морфемную сложность и производность (из и.-е. **d^hū-mo-*); опрощение произошло, вероятно, еще в дописьменный период, то есть в праславянском языке. Второе слово *забыть*, выражающее идею беспамятности, уже не мотивировано глаголом *быть*; приставка *за-*, безусловно, в русском языке существует, но есть ли она в глаголе *забыть*? Не впадаем ли мы в какой-то безбожный формализм, выделяя эту приставку в слове *забыть*? Может быть, следует думать, что в современном русском языке это слово не только не непроемкое, но и нечленимое, то есть пережившее процесс опрощения? Нет, так думать нельзя, ибо слово *забыть* естественным образом сопоставляется со словами *выбыть*, *прибыть*, *пробыть*, *убыть*, то есть членился, следовательно, является производным, значит и неопрощенным. В третьем слове *запад* даже при небольшом усилии ума мы видим, что это слово и членимо, и мотивировано: это место **за** которое **падает** солнце, также как **восток** — место, где оно **востекает** = поднимается по небосклону.

Таким образом, феномен опрощения имеет место в тех словах, которые не членимы, поэтому непроемкие и поэтому нередко и немотивированные. Если же слово членимо, то есть в нем формально можно выделить префиксы или суффиксы, то оно производно, значит, в нем не произошло опрощения. При этом степень его мотивированности может быть очень разной: у одних людей этимологическое чувство развито сильнее, у других слабее, следовательно, понятие мотивированности является слишком субъективным, чтобы на нем основывать понятие опрощения. Именно формальная членимость слова наводит на мысль о его производности и понуждает думать о его происхождении, искать, как и чем оно по смыслу мотивировано.

Поэтому, во избежание двусмысленностей, лучше считать опрощенными только слова третьей, по Богородицкому, ступени — ступени полного опрощения.

Такое строгое понимание опрощения находим у Н. М. Шанского, который прямо связывает понятия членимости и производности: членяемая основа является производной, но при этом может быть немотивированной, например: *ножик, искать, утка, упрекать*. Такие основы являются неопрощенными. «Отсюда предлагаемая дефиниция разбираемого явления: под опрощением понимается такое изменение в морфологической структуре слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на морфемы, становится производной, нечленимой» [101, с. 189]. Естественно, что при таком понимании опрощенная основа является и немотивированной. Следовательно, первые две ступени опрощения Богородицкого не имеют отношения к этому феномену, несмотря на полную и тем более слабую немотивированность основ, входящих в эти ступени.

Опрощение, как правило, сопровождается деэтимологизацией, то есть разрывом родственных связей слова с кругом его бывших родственников, однако, как обоснованно пишет Н. М. Шанский, это бывает не всегда.

С одной стороны, есть такие слова, как *ножик, искать, утка, скудный, упрекать*, которые являются членимыми, значит, производными, значит, неопрощенными, однако пережившими деэтимологизацию, так как выступают абсолютно немотивированными наименования предметов и действий. С другой стороны, есть такие слова, как *гуца, жижа*, которые являются нечленимыми, значит, производными, значит, опрощенными, и в то же время мотивированными, то есть не пережившими деэтимологизацию: *гуца* от *густой*, *жижа* от *жидкий* [Там же. С. 190].

Шанский справедливо упрекает Богородицкого за субъективизм в оценке того, к какой ступени опрощения — первой или второй — относится то или иное слово, но и сам не свободен от этого упрека. Вслед за Богородицким он считает возможным говорить о полном и неполном опрощении. Если с полным все более или менее ясно, то его примеры неполного опрощения вызывают вопросы. Вот его примеры неполного опрощения: *закадычный, порицать, стервятник*. Их членимость, а значит, и производность очевидны, а понимание их мотивированности

зависит от субъективного фактора — языкового чутья, жизненного опыта и культурного кругозора. Поэтому упрек Шанского Богородицкому можно вернуть ему самому.

Для справки: *закадычный* — от выражения *залить за кадык* ‘выпить водки’; *закадычный друг* — ‘собутыльник’ → ‘задушевный, искренний друг’; *порицать* — от *речь* (ср. *отрицать*); *стервятник* — от *стерво* ‘падаль’, это слово есть в Библии (Иер. 19: 7), в новой литературе, например: «Мясо лошадиное казалось лакомством: ели собак, кошек, **стерво**, всякую нечистоту» [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 11 (1823)]; «Затем содрали с него шкуру, а **стерво** вывезли в болото, где к утру его расклевали хищные птицы» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Медведь на воеводстве (1869–1886)].

В дальнейших рассуждениях Шанский снова проявляет колебания в выборе главного признака опрощения — произвольности и немотивированности. Так, он считает опрощенными слова *вздор*, *колеть*, *обои*, *окно*, *ловкий*, *бодрый*, *хитрый*, *старый* (от *стать*), *престол*, *смазливый* на том основании, что они утратили связь с родственными словами, что они пережили деэтимологизацию [101, с. 195]. Однако все они (может быть, за исключением слов *окно*, *бодрый*, *хитрый*, *старый*) членимы (*вздор-ъ*, *кол-е-ть*, *о-бои-и*, *лов-к-ий*, *пре-стол*, *с-маз-лив-ый*), значит, производны, а вот оценка их немотивированности зависит от субъективного фактора. Одним людям ясно, что *вздор* связано с *вздирать*²⁵, *драть*, *задор*; *колеть* — с *кол*²⁶; *обои* — с *бить*, *обивать*; *ловкий* — с *ловить*; *престол* — со *стол* в старом значении ‘трон’; *смазливый* — с *мазать* (ср. диал. *мазёна* ‘девушка, которая пользуется неумеренно румянами и белилами’, ‘красивая девушка, женщина’ — [20, вып. 17, с. 295], но это не обязаны знать носители иных диалектов), *окно* — с *око*, а другие этого не видят.

Более интересны случаи, когда исторически производящее слово утратило те значения, которые лежали в основе производных. Так, слово *гребень* стало опрощенным, потому что его производящее *грести* < **grebti* утратило значение ‘чесать’. Ср. еще

²⁵ Хотя образ столяра, снимающего рубанком с доски мелкую стружку, то есть *вздор*, не каждому придет в голову.

²⁶ Шанский приводит очень выразительное высказывание из диалектной речи: «Надо покойника обмыть, пока не **околел**» [101, с. 195].

наречие, черепок, клетка [101, с. 197–199]²⁷. Однако членимость этих слов вполне очевидна, значит, об опрощении этих слов говорить нельзя.

В качестве общего правила, по мнению Шанского, проблема опрощения заключается «в наличии или отсутствии соотносительных по семантике родственных слов: если они есть, слово продолжает члениться; если их уже нет, оно превращается в неделимое целое» [Там же. С. 201]. Слова *поднос, хват, удав, укор, насморк* неопрощенные, потому что они соотносительны со словами *носить, хватать, давить, корить, сморкаться*. А вот слова *разор, запрет, защита, пропаша, оборона* — опрощенные. Если слово *разор* и правда опрощенное, так как глагол *орить, орю* ‘разрушать’ вышел из употребления, то можно ли считать таковыми слова *запрет*, соотносительное с *запереть, запру, претить*; *защита*, соотносительное со словом *щит*; *пропаша*, соотносительное со словом *пропадать*; *оборона*, соотносительное со словом *боронить* ‘защищать’ (Ср.: «А бояр и воевод княжеских нет. Сами будем **боронить** Москву-матушку! Защитники проявили стойкость, принялись чинить кремлевские стены и ворота» [С. М. Голицын. Сказания о земле Московской (1968–1988)]. Так может мыслить иностранец, но не русский человек. Опять мы сталкиваемся с субъективным подходом в определении опрощенности отдельного слова.

Примеры опрощения, приводимые Шанским, я разделяю на две группы: 1) *ресница, неряха, батог, ящик, обабок, овца, бульжник, огромный, суслик, папоротник, сила, драндулет*; 2) *зычный, доблесть, уклеика, строптивый, будка, туловище, перепонка, ложка, шелудивый, выпренний, окорок, соблазн, лукошко, шкатулка, линейка ‘экипаж’, губка, маргаритка*. Слова второй группы, в отличие от первой, у меня вызывают несогласие в отношении их опрощенности. Предлагаю читателям согласиться или оспорить это утверждение.

Что касается такой причины опрощения, как изменение фонетического облика слова, на которую указывал и Богородицкий, то Шанский верно замечает: «Чтобы в результате фонетической модификации слова произошло опрощение, необходимо

²⁷ Слово *наречие* — калька с лат. *adverbium*. Однако такое калькирование было возможным потому, что слово *речь* имело значение ‘глагол’. *Черепок* — от *череп* ‘осколок’. *Клетка* — от *кльта* ‘тюрьма’, а не от *кльть*.

очень серьезное изменение его звукового облика, которое стирало бы границы между морфемами даже в том случае, если оно происходит не на стыке корневой и служебных морфем, а внутри непроемной основы» [101, с. 205]. Примеры: *чан* < *дьщань*, *хорь* < *дьхорь* от *дьхати* ‘пахнуть’, *жбан* < *чьбань*, родственное слову *кубок*; *шмель* < *чьмель* < **кьтель*, родственное слову *комар*; *черен* < **кернь*, родственное слову *корень*; *зга* < *стьга*; *щетина*, родственное слову *скот*; в словах *суша* (ср. *засуха*), *сеча* (диал. *сека*), *жижа* (диал. *жидель*), *лужа* (диал. *калуга*, латышек, *луга* ‘трясина’), *стужа* (*простуда*, др.-русс. **студь**), *лыжа* (диал. *лызнуть* ‘убежать, скрыться’, диал. *лызок* ‘бегство, уход’), *грыжа* (укр. *гриза*, сербохорв. *гризица*), *пряжа* (др.-русс. **пращиво**, *прядь*), *нужда* (укр. *нуда*, чешск. *nuda* ‘скука’), *жажда* (болг. *жеда*), *свеча* (др.-русс. **светочь** ‘свеча, факел’), *моча*, *куча*, *круча* (диал. *круть*), *ноша*, *душа* (дух, сербохорв. *духа* ‘запах’, *теща* (*тесть*), *пища* (др.-русс. **пита** ‘хлеб, пища’), *толица* (*толстый*), *гуца* (*густота*), *парша* (диал. *парх* ‘парша’), *ложе* (лог, логово), *вече* (др.-русс. **вѣть** ‘совет’), *заря* (др.-русс. **зара**), *тоня* (*затон*), *пря* (*спор*), *нож* (др.-русс. **нъзити** ‘пронзать’), *сторож* (*стеречь*), *ключ* (*клюка*, чешск. *klika* ‘клюк, защелка’, сербохорв. *кљука* ‘шеколда, крючок’), *прыщ* (диал. *прыск*), *хвоиц* (*хвост*) и т. п. Во многих из этих случаев произошло опрощение структуры, не сопровождавшееся дестимологизацией.

В результате опрощения многие древние суффиксы еще и.-е. происхождения в русском языке утратились: **mo*, **tro*, **do*, **vo*, **ga* (*ум*, *шум*, *дым*; *утро*, *вѣтръ*; *стадо*, *чадо*; *гневъ*, *норовъ*; *слуга*) [Там же. С. 213].

До сих пор мы, вслед за Богородицким и Шанским, рассматривали понятие опрощения, по существу, с синхронных позиций, то есть с точки зрения современного языкового сознания. Теперь поставим вопрос о том, какое значение понятия опрощения имеет для исторического словообразования? Ответить на этот вопрос значит ответить на другой: в какой момент истории данное слово стало структурно простым, то есть нечленимым и непроемным? Общего ответа на этот вопрос в литературе, насколько нам это известно, пока нет, поэтому я ограничусь некоторыми предварительными соображениями.

Если причиной опрощения является изменение фонетического облика слова, то об опрощении можно говорить в связи

с крупными трансформациями самой фонологической системы языка. В применении к русскому языку таких преобразований звуковой системы было два.

Первое связано с действием законов открытого слога и внутрислогового сингармонизма. Именно в связи с действием этих законов опростились структура таких слов, как *гуща, чаща, свеча, цена, слово, стужа, облако, обод, обет* и др. Здесь стоит разграничить два случая. В первом случае в той или иной морфеме, как правило, в суффиксе, происходит сокращение линейной цепи фонем до нуля, например, во всех примерах это суфф. *j: *гуща, чаща, свеча, стужа*; во втором случае известная и привычная морфема, как правило, корневая, сокращается до непривычного и трудновыделяемого морфа: *це-на, об-лак-о, об-од, об-ет*; как видим, корни «выживают», но преобразуются до неузнаваемости.

Второе преобразование связано с падением редуцированных. Именно с этим связано опрощение структуры таких слов, как *сон, кто, Брянск, гончар, сутки* и др.

Если опрощение связано с утратой производящего слова, то следует ответить на вопрос, когда это производящее вышло из употребления? На основании письменных источников сделать это можно чаще всего лишь предположительно. Так, по данным [18], глагол **орити** ‘разрушать’ был в употреблении до XV в., а сущ. **оритель** ‘разрушитель’ — до XIII века. Значит, только после XV века в слове *разор* произошло опрощение.

Если опрощение связано с утратой смысловых связей некогда производного слова с кругом родственных слов, с его, так сказать, экзистенциальным одиночеством, то ответить на вопрос, когда это произошло, труднее всего, а может быть, и невозможно вовсе. Вот слово *подушка*. По Богородицкому, это простое слово, утратившее связь со словом *дух*. Когда произошла эта утрата? Где найти достоверный критерий для определения какой бы то ни было даты? А кто-то скажет, что и до сих пор эта связь не утратилась.

Таким образом, после сделанных разъяснений понятие опрощения приобрело большую ясность, хотя и теперь пользоваться им надо с осторожностью; во избежание ошибок и двусмысленностей лучше пользоваться строгим определением этого понятия: опрощение имеет место там, где основа слова утратила

членимость и производность. В историческом словообразовании об опрощении следует говорить лишь в связи с резкими изменениями звукового облика слова и с утратой производящей основы.

Как уже сказано, следствием опрощения является деэтимологизация, которая означает утрату производным словом связи с производящим; но эта связь утрачена лишь в сознании ныне живущих людей, а в действительности она сохраняется, подобно тому как сохраняется генетическая связь человека с его прадедами, даже если сам он ничего не знает ни об одном из них. Задача исторического словообразования заключается в том, чтобы вновь сделать явными все те связи, которые соединяют современное слово со всеми его предками в словообразовательной («генетической») цепи независимо от того, осознаются или не осознаются они современными носителями языка.

В свою очередь, следствием деэтимологизации является реэтимологизация, то есть установление новой, по существу своему ложной, народно-этимологической связи слова. Таких случаев очень немного, но все же они есть. Например: в древнерусском языке было слово **ворь** ‘запор, засов, загородка’; от него были образованы глаголы **заворити** ‘закрыть, перегородить’, **отворити** ‘открыть, отпереть’; глагол **отворити** в народном сознании деэтимологизировался и был поставлен в новую связь с глаголом **творити**, вследствие чего произошло переразложение: *от-ворити* > *о-творити*; вследствие реэтимологизации вместо глагола *заворити* появился глагол *затворити*, а также сущ. **сътворька** > *створка* вместо закономерного ***съворька**. Судя по всему, этот процесс произошел еще чуть ли не в дописьменную эпоху: в памятниках письменности глагол **заворити** почти не употребляется, вместо него почти всюду является глагол **затворити**. Вместе с тем глагол *творить* семантически никак не может мотивировать глагол *затворить*, в нем по-прежнему сохраняется в не осознаваемом нами виде семантика корня *вор-*; тем не менее слова *затворить*, *притворить*, *створка* приходится рассматривать со всеми необходимыми комментариями в словарной статье «Творить», считая реэтимологизацию одним из способов словообразования.

Некоторые заимствованные слова были настолько непонятны, что народ изменил их звучание и наполнил новым содержанием, имеющим мало общего с исконным. Так,

куролесить — это отыменной глагол от сущ. *куролес* ‘озорство’ < ‘нарушение благочиния’ < ‘беспорядочное, нестройное пение в храме’, возникшее из греч. словосочетания *Κύριε ἐλέησον* ‘Господи, помилуй’ — один из самых частых возгласов во время церковной службы [29, т. 1, с. 457].

Сходного происхождения сущ. *катавасия*. Исконно это греч. *καταβάσιον* собственно ‘схождение вниз, спуск’, в литургическом обиходе ‘церковное пение во время утренней службы, при котором оба хора сходятся вместе на середину церкви’, отсюда семинаризм ‘неразбериха, путаница, суматоха’ [Там же. С. 385].

Слова во вроде *куролесить* и *катавасия* являются предметом не словообразовательного, а только этимологического словаря.

Народно-этимологические образования, которые не стали общенародными и не вошли в толковые словари, но которые можно часто услышать в народной речи, точнее, в речи малообразованных людей, а также увидеть в текстах художественной литературы как речевую характеристику персонажа, можно проиллюстрировать следующими примерами:

близир < франц. *плезир*, сближение с *близкий*; «Я видал, как пляшут актерки в театрах, да что все это, тьфу, все равно что офицерский конь без фантазии на параде для одного **близиру** манежится, невесть чего ерихонится, а огня-жизни нет» [Н. С. Лесков. Очарованный странник (1873)];

спинжак < *пиджак*, сближение со *спина*; «Теперь, ежели эти сапоги, толстый **спинжак** и бархатный картуз, я выхожу наподобие как англичанин при машине; такая уж честь, и всякий понимает» [А. Н. Островский. Бешеные деньги (1869)];

крылос < из греч. *клирос*, сближение с *крыло*; «Отец Павел, если припомнишь, гораздо был смешлив, и если случилось ему во время богослужения видеть что либо смешное, то забыв важность своего действия, начинал смеяться, как то случилось ему в Лейпциге, увидев одного из нас, а именно Князя Трубецкого, поющего на **крылосе** изкривив лицо для високаго напева» [А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобретением некоторых его сочинений (1789)].

наперстник < *наперсник*, сближение с *перст*; «В один миг наполнился тогда весь помост множеством палачей, узников и к ним приставов, ибо все наилучшие его **наперстники** и друзья

долженствовали жизнь свою кончить вместе с ним на эшафоте, почему и приготовлены уже были на всех углах и сторонах оного плахи с топорами» [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Казнь Пугачева] (1800)];

скапуститься < *скапутиться* (от лат. *caput* ‘голова’) через сближение с *капуста*. «Приехал пенсионер доживать старость в домик с садиком, так и тут скоро **скапустится**» [Михаил Веллер. А вот те шиш! (1983)];

нервпатолог < *невропатолог*, сближение с *нерв*; «Могу порекомендовать врача из клиники детских болезней, выезжает на дом, консультирует по телефону, советует специалистов — **нервпатолога**, ортопеда и т. д.» [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)];

нервоз < *невроз*, сближение с *нерв*; «Важный и сумрачный, он выступает вперед: — Это у него **нервоз**. — Невроз, — поправляю я чуть слышно» [И. И. Катаев. Сердце (1928)]; ср., однако, вполне литературные *нервозный*, *нервозность*;

перетрубация < *пертурбация* (от лат. *perturbatio* ‘расстройство, замешательство, потрясение, смятение’) через сближение с *пере-* и *труба*; «Это **перетрубация** в ролях и — больше ничего» [В. Я. Шишков. Спектакль в селе Огрызове (1923)];

взаимобразно < *заимобразно* через сближение с *взаимы*; «В доказательствах надобно беречься, чтоб не учинить погрешности, называемой круг, которая состоит в том, когда из двух предложений каждое доказывается одно другим **взаимобразно**; например, ежели доказывать, что человек есть разумное животное тем, что он рассуждать может, и что он рассуждать может — тем, что он есть разумное животное, то это будет круг в доказательстве» [Я. П. Козельский. Философические предложения (1768)].

Более «свежими» примерами рэтимологизации являются употребление глагола *довлеть* в значении ‘преобладать’, ‘тяготеть над кем-либо’, например: «Мощный прилив эротики, в свое время подпитавший классическую русскую прозу, неизбежно **довлест** над авторами, работающими в той же тематике» [О. Г. Рогов. Сны с открытыми глазами // «Волга», 2008]. Такое употребление стало возможным из-за народно-этимологического сближения глаголов *довлеть* и *давить*. Нормативным же значе-

нием глагола *довлеть* является ‘быть достаточным для кого-чего-либо, удовлетворять’, например: «Даждь же ему великий град Псков, сказал юродивый Фома. И се **довлеет** ему на пропитание. Посадник не произнес ни слова, ибо он не мог отдать Арсению целый город» [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)].

Еще один «свежий» пример — употребление глагола *апробировать* в значении ‘опробовать, испытать’, например: «Сама экскурсия сначала была **апробирована** с учителями округа» [З. Б. Минина. Творческие мастерские // «Первое сентября», 2003]. Такое употребление стало возможным из-за народно-этимологического сближения глаголов *апробировать* и *пробовать*. Нормативным же значением глагола *апробировать* является ‘официально одобрять’, например: «Для этой цели была создана и **апробирована** методика с условным названием “Портрет”» [Е. П. Крупник. Экспериментальное исследование механизмов целостного восприятия // «Вопросы психологии», 2003].

Таким образом, реэтимологизация оказывается реальным актом словообразования, если новое значение на основе народно-этимологического переосмысления становится фактом всеобщего, общенародного языка, как это имело место в случае с глаголами *затворить*, *притворить*; иначе говоря, эти глаголы следует рассматривать в словарной статье «Творить». Если же этого не произошло, то об акте словообразования говорить по меньшей мере преждевременно, то есть слова типа *перетрубация*, *спинжак*, *наперстник* едва ли имеют право быть помещенными в словарные статьи «Труба», «Спина», «Перст», хотя в комментариях эти факты народной реэтимологизации могут быть отмечены.

Глава 6

О соотношении понятий глагольного вида и способа глагольного действия

§ 22. О категории глагольного вида

Вид признается грамматической категорией глагола на том основании, что все глаголы русского языка относятся к одному из двух видов — несовершенному и совершенному. Однако не всегда два однокоренных глагола, один из которых является глаголом совершенного вида, а другой — несовершенного, образуют видовую пару, например, глаголы *любить* и *полюбить*. Для определения того, какие глаголы образуют видовую пару, надо пользоваться «критерием Маслова»²⁸: два глагола образуют видовую пару, если глагол совершенного вида можно без изменения смысла перевести в план *praesens historicum*. Возьмем предложение «В 2010 году Васильев закончил Московский университет, уехал в Саратов, устроился на работу в школу, *полюбил* там Машу Иванову и *женится* на ней» и переведем его в «настоящее историческое»: «В 2010 году Васильев *заканчивает* Московский университет, *уезжает* в Саратов, *устраивается* на работу в школу, *любит* там Машу Иванову и *женится* на ней». Из этого примера видно, что глаголы *закончить* — *заканчивать*, *уехать* — *уезжать*, *устроиться* — *устраиваться* образуют видовую пару, глагол *жениться* является двувидовым, а вот глагол НСВ *любить* и СВ *полюбить* видовой пары не образуют. Логическим следствием того, что не все глаголы СВ и НСВ образуют видовую пару, а также того, что в русском языке существуют двувидовые глаголы, является то, что вид не есть словоизменительная категория: если бы глаголы изменялись по видам, то у всякого глагола несовершенного вида был бы парный коррелят совершенного вида и наоборот, а двувидовых глаголов просто не было бы, как, например, нет одновременно словоформ 1-го и 2-го л. В таком случае не остается ничего другого, как отнести вид глагола к разряду классифицирующих грамматических категорий.

²⁸ Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316. Переизд.: Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. — М., 2004. С. 71–90.

Ниже мы еще раз вернемся к этому вопросу, а сейчас обратимся к истории формирования категории вида, но сначала надо договориться о содержании термина «вид». Мы будем придерживаться традиции, восходящей к С. Агреллю и различающей Aspect ‘аспект, вид’ и Aktionsart ‘тип, способ действия’, и употреблять термин «вид» только в отношении противопоставления «совершенный — несовершенный», а в отношении других характеристик качества действия (определенный — неопределенный, предельный — неопределенный, однократный — многократный и т. д.) употреблять термины «способ глагольного действия», или просто «способ действия», и «характер действия».

Понимание грамматической категории вида, которая выражается через противопоставление глаголов совершенного — несовершенного вида, означает теснейшую связь категории вида и категории времени; эта связь сформировалась уже в историческую эпоху существования русского языка. Праиндоевропейская категория вида, на почве которой стали развиваться категории русского вида и времени, старше категории времени; иначе говоря, видовые значения (в широком плане) старше временных значений.

Есть основания полагать [76, с. 209–226], что в раннем индоевропейском языке исходным противопоставлением в системе глагола было противопоставление **действия** и **состояния**, явившегося результатом данного действия. Впоследствии из формы состояния стала формироваться форма перфекта, которая обозначала такое действие в прошлом, результаты которого присутствуют в настоящем. На основе формы действия формируется новое противопоставление — противопоставление мгновенного и длительного способов действия. Средством выражения этого нового противопоставления способов действия было чередование гласных, прежде всего *e//o*, в корне (аблаут), следы чего сохранились до сих пор в разных языках: русск. *вести* (< **ведти*) — *водить*, *нести* — *носить*, *везти* — *возить*; глаголы с *e* в корне обозначают действие как единое, осуществляющееся в одном направлении, а глаголы с *o* в корне обозначают действие многократное, повторяющееся или осуществляемое в разных направлениях. Могли чередоваться также краткие и долгие гласные, например: *ě//ē*: *летѣть* — *лѣтати*.

Средством выражения этого противопоставления способов действия могли быть и показатели глагольных классов, следы чего также сохранились в русском языке. Глаголы III класса с показателем **j* выражали длительное действие: *знаю, пишу, стреляю, пускаю* и т. п. Глаголы II класса с показателем **n* разделяются на две противоположных группы. Одна группа глаголов выражает длительный, постепенный переход от одного состояния к другому: *сохнуть, вянуть, вязнуть*. Другая группа глаголов обозначает мгновенное действие: *толкнуть, двинуть, прыгнуть*. Первая группа глаголов является более древней, на что указывает ее непродуктивность. Вторая группа является более молодой, возникшей тогда, когда значение, объединяющее первую группу, стало выражаться при помощи инхоативного суффикса **ĕ > ѣ* (*старѣти* и проч.). Сам суффикс **ĕ > ѣ* по происхождению является суффиксом сравнительной степени: когда говорится, что А старѣе Б, то ясно, что имеет место нарастание признака, усиление качества. Вероятно, глаголы со значением 'становиться более каким-то' производны не от основы в положительной, а от основы в форме сравнительной степени прилагательных. О сравнительной молодости второй группы говорит также ее продуктивность.

Глаголы 2-й группы не дают производных отвлеченно-длительного способа действия наподобие *дать > давать, договорить > договаривать*. Глаголы, составляющие противопоставление длительного и однократного способов действия *толкать — толкнуть* образованы независимо друг от друга, следовательно, сам однократный глагол *толкнуть* и подобные ему вторичен.

Глаголы IV класса с показателем **i* довольно разнообразны, но все же в них преобладают глаголы повторяющегося и разнонаправленного действия (*носить, возить, ходить, водить*), а также глаголы-каузативы, вызывающие другое действие или состояние: *сидеть — каузатив, сидеть — состояние, морить — каузатив, мереть — состояние, поить — пить*. Ничего определенного нельзя сказать о глаголах I класса.

Еще одним средством выражения вида был инфикс **n*: **sĕdon > *sĕdŏ > сяду*. Сейчас это форма 1-го лица простого будущего времени, но в то же время эти глаголы имеют начальное значение: *сяду* значит начну сидеть, *лягу* значит начну

лежать, *буду* значит начну быть, *стану* почти утратил лексическое значение и превратился во вспомогательный глагол со значением начинательности. Это значение способа действия является более древним, чем временное.

На почве этого старого противопоставления способов действия начинает формироваться грамматическая категория времени. На основе мгновенного способа действия формируются формы аориста, выражавшего действие как совершившийся, мгновенный, нерасчлененный акт. На основе длительного способа действия формируются формы презенса и имперфекта, выражавшие длительное действие в настоящем или прошлом. Процесс формирования новых временных противопоставлений на почве старых противопоставлений способов действия начался еще в эпоху индоевропейского единства, а закончился в отдельных индоевропейских языках, о чем свидетельствует различие в системе временных форм в разных языках при общей основе.

Возникновение категории времени является важным событием в истории индоевропейских языков. Отношения способов действия были отношениями словообразовательного характера, глаголы разных способов действия представляли собой по сути разные слова, образованные от одного корня. Различия же времени относятся к области словоизменения, то есть являются в собственном смысле грамматическими. Различия способов действия характеризуют само действие, характер его протекания. Временные различия характеризуют не само действие, а его отношение к моменту речи. Сравним: *я гляжу* — *я глядел* — действие в обоих случаях одинаково, различие же заключается в отношении к моменту речи: одновременное с моментом речи в одном случае и предшествующее моменту речи — в другом; *я глядел* — *я глянул* — отношение к моменту речи одно и то же, различие же заключается в способе действия — длительном и мгновенном. Грамматическая категория времени является более абстрактной, чем категория способа действия, в ней происходит отвлечение от способа действия, которое ставится лишь в одно отношение — к моменту речи.

Возникновение грамматической категории времени является общеиндоевропейским процессом, однако в развитии этой категории разные языки пошли разными путями. Одни языки

пошли по пути все большей дифференциации форм времени и утраты отношений способов действия; это древнегреческий, латинский и возникшие на его основе романские языки, санскрит, германские языки. Славянские же языки сначала развивались в общем русле, а потом, после своего окончательного обособления, уже в сравнительно поздний исторический период совершили некий «зигзаг», развив новые различия собственно видового характера, которые принято называть противопоставлением совершенного и несовершенного вида. Каждый глагол русского языка (то же и в других славянских языках) относится к одному из этих двух видов, кроме двувидовых глаголов.

Противопоставление двух видов заключается в том, что несовершенный вид обозначает действие безотносительно к ограничению во времени, тогда как совершенный вид обозначает действие относительно такого ограничителя: *играл* — *заиграл* (отношение к началу действия), *доиграл* (отношение к концу действия). Противопоставление совершенного и несовершенного видов нельзя считать воспроизведением старого противопоставления мгновенного и длительного способов действия. Мгновенность и длительность — это признаки самого действия, а различие глаголов совершенного и несовершенного видов указывает лишь на наличие или отсутствие границы во времени. Таким образом, происходит не воспроизведение, а переосмысление старого противопоставления способов действия в новой грамматической системе.

Первоначальную базу для нового противопоставления совершенного и несовершенного вида составили старые глаголы мгновенного — длительного способов действия типа *толкать* — *толкнуть*. Их противопоставление стало переосмысляться в связи с категорией времени. Древнее значение длительности переосмысляется как значение несовершенного вида (не имеющее временной границы), древнее значение мгновенности переосмысляется как значение совершенного вида (имеющее временную границу), поэтому, может быть, лучшими терминами, чем совершенный — несовершенный виды, были бы термины определенный — неопределенный виды глагола: глаголы определенного вида называют действие относительно какого-то временного предела, а глаголы неопределенного вида такого отношения к временному пределу не имеют.

Затем новым средством корреляции стали приставочные глаголы. По происхождению приставки представляют собой пространственные наречия, которые, если не употреблялись в роли предлогов, стали постепенно сливаться с глаголом слева. Этот процесс стадияльно был примерно таким: 1) *хожу домъ въ(н)*, 2) *хожу въ домъ*, 3) *въхожу домъ*, 4) *въхожу въ домъ*, 5) *въхожу через дверь*. Слившиеся с глаголом наречия принято называть приставками. Соединяясь с глаголом, приставки вносили в глагольную основу те значения, которые были свойственны соответствующим наречиям; большинство же наречий имело пространственное значение: *в* ‘внутри’, *на* ‘наверху’, *под* ‘снизу’, *по* ‘по поверхности’ и т. д. На основе метафорического переноса наречия обозначали и временные значения: *в* ‘в пределах временного периода’ (*в следующем месяце*), *на* ‘начало’ (*на пятом году жизни*), *по* — ‘завершение события’ (*по прибытии = после прибытия*). Соединяясь с глаголами, такие временные наречия-приставки не только выражали тот или иной способ действия, но и вносили значение некоей границы во времени: *поехать*, *найти*, *дописать* и т. п. При обобщении эти приставки и сформировали отвлеченное грамматическое значение совершенного вида — значение границы во времени. Приставочные глаголы все больше отходят к глаголам совершенного вида, а бесприставочные глаголы в большинстве своем получили значение несовершенного вида, но в некоторой части относятся к совершенному в силу своего лексического значения: *купить*, *решишь*, *пленишь*, *дашь*.

О том, что приставочные глаголы образовали совершенный вид не сразу, свидетельствуют памятники письменности. Если приставки имели исключительно пространственное значение, то их присоединение к глаголу не делало этот глагол глаголом совершенного вида. Например: **рѣчки ради, яже втечетъ въ двинуу, именовъ полотна, отъ сея прозвашася полочане**; глагол *втечетъ* в этом контексте явно, как мы бы посчитали, глядя из современности, несовершенного вида, а приставка *въ* имеет пространственное значение; еще пример: **по ловоти внити вылмень озеро великое. из негоже озера потечеть волховъ и втечетъ в озеро великое ново** [9]; глаголы *потечеть* и *втечетъ* здесь также кажутся с нынешней точки зрения глаголами несовершенного вида, а приставки

имеют пространственное значение. В более поздних списках летописи, Радзивилловском и Академическом, имеет место замена этих глаголов на *течь*.

Тем не менее приставочные глаголы все больше и больше тяготели к совершенному виду. Это хорошо заметно по редактированию старых переводов. В списках евангельских текстов X–XI веков еще употребляются бесприставочные глаголы со значением законченного действия, а в новой редакции Нового завета, выполненной митрополитом Алексием во 2-ой половине XIV века, бесприставочные глаголы заменяются приставочными: *идоша* — *послѣдоваша*, *ида* — *вслѣдоую*, *гради* — *въслѣдоуи*, *рекоуть* — *възлагають*, *красите* — *оукрашаите*. Эти примеры показывают, что роль приставочных образований, имеющих видовое значение, к XIV веку возросла.

Присоединение приставки не только стало менять принадлежность глагола к виду, но и, как правило, изменяло (и изменяет) лексическое значение слова, ср.: *учить* — *подучить*, *писать* — *переписать*. Поэтому отношения, которые впоследствии стали видовыми, в начальный период древнерусского языка были еще словообразовательными, а не грамматическими. Приближаться к грамматическим они стали лишь после того, как появилось средство образования глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида. Таким регулярным средством имперфективации могли стать суффиксы *ива* // *ва* и инфикс *-ыв-*, о которых мы писали в предыдущей главе. На вопрос, стало ли это средство грамматическим в собственном смысле слова, пришлось, вслед за О. Г. Щегловой, ответить отрицательно: сохранение в литературном языке старых славянских образований типа *укрощать* (русск. *укорачивать*), *возвращать*, *возмущать*, *запрещать*, *защищать*, *обещать*, *обобщать*, *ощущать*, *посвящать*, *посещать*, *награждать*, *освобождать*, *побеждать*, *подтверждать*, *убеждать*, *утверждать* и отсечение возникших было собственно русских глаголов на *-ыва-/-ива-* вроде *посылывать*, *бирывать*, *торговать*, *купливать*, *умирывать*, *сказывливать*, *доставливать* «лишило этот суффикс регулярности, а вместе с тем и статуса грамматического средства имперфективации. Тем самым была пресечена тенденция к становлению категории вида в русском языке как словоизменительной, поскольку в современном русском языке выбор той или иной модели имперфекти-

вации осуществляется не на грамматическом, а на лексическом уровне» [104, с. 175]. Пресечение тенденции к полной грамматикализации вида — это частный случай активного воздействия славянской стихии на русский литературный язык, проявление его славяно-русской природы.

Благодаря такому средству имперфективации, как суффиксы *ва//ива//ыва* и инфикс *ыв*, многие глаголы стали парными по виду, то есть удовлетворять «критерию Маслова», но значит ли это, что они стали формами одного глагольного слова? Являются ли, например, глаголы *допить* — *допивать* формами одного слова или разными словами, образующими видовую пару? Этот вопрос остается до сих пор дискуссионным. Современные исследователи глагольного вида приводят аргументы в пользу той и другой точки зрения (излагаю с сокращениями).

В пользу словоизменительной трактовки категории вида выдвигаются следующие аргументы:

1. Бывают глаголы совершенного и несовершенного вида, имеющие практически тождественное лексическое значение, например *отдать* и *отдавать*.

2. Ни глаголы совершенного вида, ни глаголы несовершенного вида сами по себе не обладают полным набором грамматических форм: у глаголов совершенного вида отсутствует форма настоящего времени, у глаголов несовершенного вида — форма простого будущего. Между тем одним из основополагающих принципов морфологического описания является принцип унификации парадигм, который при признании вида классифицирующей категорией оказывается нарушен.

Против словоизменительной трактовки вида и, соответственно, в пользу отнесения этой категории к числу классифицирующих имеются следующие аргументы.

1. Морфологическим средством образования видов являются суффиксы и приставки, а не флексии, как это обычно бывает при формообразовании. Суффиксы и приставки, как правило, служат для образования новых слов, а не для словоизменения.

2. Для многих глаголов несовершенного вида нельзя указать соответствующих форм совершенного вида (*знать*, *находиться*, *стоять*, *соответствовать*, *противоречить* и т. д.); С другой стороны, существуют глаголы совершенного вида,

не имеющие соотносительных форм несовершенного вида (*очнуться, хлынуть, состояться* и некоторые другие). Признавая вид словоизменительной категорией, мы должны были бы допустить слишком большое количество дефектных парадигм.

3. В основе понятия словоизменения лежит идея, что результат формообразования определяется однозначно (с точностью до морфологической дублетности типа *стеной — стеною*). Между тем многим глаголам несовершенного вида можно противопоставить целый ряд глаголов совершенного вида, образованных присоединением различных приставок, детализирующих более широкое значение исходного глагола, ср.: *резать — отрезать, порезать, разрезать*. Вопрос о том, какой из этих глаголов является формой совершенного вида исходного глагола, не может быть решен в рамках морфологии. С другой стороны, существуют глаголы совершенного вида, для которых можно найти два близких по смыслу глагола несовершенного вида, так что на первый взгляд неясно, который из них является его видовым коррелятом: речь идет о так называемых «видовых тройках» *есть — съест — съесть, бить — разбить — разбивать*.

4. Для каждой отдельно взятой лексической единицы принято выделять одну и только одну начальную форму. Начальной формой глагола принято считать форму инфинитива. При признании вида словоизменительной категорией у многих глаголов окажется сразу две начальных формы: инфинитив совершенного вида и инфинитив несовершенного вида, а для таких пар, как *толкнуть — толкать*, задача определения «начальной» формы вообще неразрешима.

5. Каждая лексическая единица имеет собственное лексическое значение. Однако, как показали исследования в области глагольной семантики, глаголу совершенного и несовершенного вида не может быть дано единое толкование.

«Как мы видим, имеются достаточно веские аргументы в пользу как словоизменительной, так и словоклассифицирующей трактовки вида. По-видимому, этот вопрос вообще не имеет однозначного решения (в том смысле, что ни то, ни другое решение не может быть проведено последовательно) — что отражает реально двойственную природу категории вида в русском языке» [65, с. 21].

6. Парадигма спряжения русского глагола, описываемая в грамматиках, по существу, не составляет единой морфологи-

ческой парадигмы, так как не выполняется основное требование к такой парадигме, а именно, чтобы все ее члены были носителями значений одних и тех же грамматических категорий. Формами *солю*, *солишь* и *под.*, кроме времени, выражается еще и категория лица; формами *солил*, *солила*, *солило* выражается еще и категория рода, то есть возникает ситуация, совершенно исключенная для морфологической парадигмы. Следовательно, парадигмы типа *буду читать — читаю — читал* или *прочитаю — прочитал* суть лексические, как и в случае *иду — шел*, или словообразовательные, как в большинстве других случаев, парадигмы.

Нам кажется, что можно усилить вторую позицию, взглянув на категорию вида с коммуникативной и исторической точки зрения. Для этого рассмотрим категорию вида в свете Аристотелева учения о четырех причинах — материальной, действующей, формальной и целевой. Поясню это таким примером. Вот передо мной стоит чашка. Материальной причиной ее появления на свет является глина. Действующей причиной — гончар. Формальной причиной — представление о «чашковости». Целевой причиной — назначение этого сосуда. Все эти причины должны действовать одновременно, чтобы возникла чашка. Так и с видом: материальной причиной появления категории вида является строевой материал — аффиксы; действующей причиной — общающиеся между собой люди; формальной причиной — передаваемый смысл, информация; целевой причиной — успешность коммуникации, то есть оформление передаваемой информации по правилам родного языка со стороны говорящего и адекватное понимание информации со стороны слушающего.

Рассмотрим такой пример:

Васильев построил график распределения трудовых усилий на оси времени и побежал на обед.

Оба выделенных глагола являются глаголами совершенного вида, но первый глагол является глаголом результативного способа действия, а второй — начинательного способа действия; в обоих случаях это значение выражено омонимичной приставкой *по-*. Из этого следует, что грамматическая категория вида является иррелевантной для данного высказывания, а коммуникативно значимой оказывается словообразовательная

категория способа действия. При этом другие грамматические категории — лица, числа, времени, наклонения, залога коммуникативно значимы.

Отвечая на поставленный выше вопрос, мы можем сказать следующее. Категория вида является грамматической в том и только в том смысле, что она является всеобщей, так как каждый глагол относится к одному из видов — совершенному или несовершенному, за исключением двувидовых. Однако даже в том случае, когда глаголы образуют видовую пару, они не становятся формами глагольного слова, они остаются разными глаголами, так как образованы при помощи разных словообразовательных средств; сравним *допить* — *допивать* и *делать* — *сделать*. В большом же количестве случаев присоединение приставки не только меняет вид, но изменяет и лексическое значение слова, значит, это не формы одного слова, а разные слова. В таких случаях имеет место акт не видообразования, а словообразования, а изменение вида является побочным результатом, нередко безразличным в коммуникативном отношении.

Исходя из сказанного, категорию вида можно охарактеризовать как грамматическую дистрибутивную категорию: глаголы не изменяются, а распределяются по видам. В этом отношении категория вида подобна грамматической категории рода имен существительных. Сама же принадлежность глагола в тому или иному виду определяется тем способом действия, который выражается данным глаголом. Это побуждает нас поставить общий вопрос о том, что это такое — способы глагольного действия.

§ 23. О способах глагольного действия

С семантической точки зрения, понятие способа действия означает, как действие протекает во времени; в отличие от вида, который всего лишь означает наличие отношения действия к какой-то точке на временной оси (СВ) или отсутствие этого отношения (НСВ), способ действия — это характеристика самого действия, это более конкретное и более содержательное понятие, но в то же время, по законам логики, и меньшее по объему, чем категория вида. Ключевое слово в приведенном определении — это слово «как», т. е. вопрос о способах дей-

ствия — это вопрос о его качестве. Что же следует понимать под качественностью действия? Кто и когда в науке поставил вопрос о качественности русского глагола?

Грамматисты XVIII в., следуя славяно-греко-латинским принципам описания грамматики, не обращали внимания на качественность русского глагола. Положение изменилось в эпоху романтизма, когда впервые был поставлен вопрос о национальной своеобразии каждой культуры, ее истории, литературы и языка, когда само понимание сущности вещей прониклось духом историзма: познать вещь значит познать ее происхождение.

В русской грамматической традиции вопрос о качественности русского глагола вызревал постепенно в работах Г. П. Павского, М. Н. Каткова, К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, А. А. Потебни, Г. К. Ульянова, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, С. И. Карцевского, пока не обрел в трудах В. В. Виноградова, Ю. С. Маслова, А. В. Исаченко, А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина, Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева и других лингвистов относительной определенности в учении о способах глагольного действия.

Взгляды Г. П. Павского

В русском языкознании одним из первых, кто обратил внимание на качественность русского глагола и описал ее с удивительной для того времени обстоятельностью, был о. Герасим Павский. Главный труд Павского по русистике — это «Филологические наблюдения над составом русского языка». Первое рассуждение «О простых и сложных звуках» (1841). Второе рассуждение «Об именах существительных» (1842). Третье рассуждение «О глаголе» (1842). Этот труд был удостоен Демидовской премии.

Павский исходит из очевидного: если само действие может быть разным как в пространственном отношении, так и временном, то и язык должен это разнообразие как-то отразить. «Чтобы отмѣтить все это, гений нашего языка приискалъ различные знаки, по которым грамматика может разставить глаголы на нѣсколько степеней» [89, с. 3]. В отношении времени их шесть: мгновенная (*мелькнуть*), продолжительная неопределенная (*мелькать*), продолжительная дальняя (*читывать*), продолжительная прерывистая (*почитывать*), начинательная (*сохнуть*), окончательная (*кончить*). В отношении пространства

их три: однообразная (*летѣть*), разнообразная неопределенная (*летать*), разнообразная дальняя (*хаживать*). Так как в языке пространство и время тесно связаны и пространственные отношения служат выражению временных, то все эти степени можно слить в три основных:

1) однократная (мгновенные, окончательные и однообразные глаголы),

2) многократная неопределенная (продолжительные неопределенные, прерывистые и разнообразные глаголы),

3) многократная дальняя (продолжительные дальние и разнообразные дальние глаголы).

Главный недостаток этой классификации, на который указал Потебня, заключался в смешении разноплановых категорий. По Павскому, однократными являются и глаголы типа *топнуть*, *толкнуть*, и глаголы типа *решить*, *кончить*. Совершенный вид последних глаголов не является доказательством их принадлежности к однократному способу действия. Потебня аргументирует это важнейшее положение, во-первых, тем, что от настоящих однократных глаголов не образуются глаголы отвлеченно-длительного и многократного способов действия, а от бесприставочных глаголов совершенного вида — образуются: *решить* → *решать* → *решивать*. Во-вторых, непосредственное чутье языка подсказывает нам разницу в значениях: «представляем ли в *дам* ту же мгновенность действия, что в *крикну*, *свистну*?» [93, с. 105]. Вывод Потебни следующий: «Однократность составляет степень длительности, но не потому, что глаголы однократные суть совершенные, а независимо от этого. Для меня очевидно, что однократность и совершенность понятия нетождественные, так как последнее гораздо обширнее первого, и есть множество глаголов совершенных, но не однократных; категории эти для пользы разумения языка следует разделять, а не смешивать, так как и по времени происхождения они различны» [Там же. С. 108].

Взгляды М. Н. Каткова

М. Н. Катков не создал системы грамматики, но высказал ряд пронизательных замечаний, не утративших своей остроты и сейчас. В качественном отношении русские глаголы делятся на два большие отдела: глаголы первого отдела обозначают действие как мыслимое, глаголы второго отдела обозначают дей-

ствие как чувственно воспринимаемое: «Наш язык обратил особенно зоркое внимание на следующее важное различие в глаголах: действие, ими означаемое, представляется ли возможным только или происходящим в данной крате времени. Другими словами: подлежит ли действие мысли (представлению, воспоминанию) или подлежит ощущению. Мысли представляется действие (движение), составляющее природу предмета или обычай, вторую природу; ощущению дается действие как особое явление» [72, с. 126–127]. Действие осязаемое Катков называет также определенным, действие мысленное — неопределенным. К определенному и неопределенному способу действия «примыкают» представления однократности и многократности, или, «лучше, отдаленности действия» [Там же. С. 127].

Способом выражения действия осязаемого = определенного = однократного является «характер» *-н-*: *ки-н-у* < **кид-н-у*, ср. *кидать*. На наш взгляд, здесь кроется противоречие: однократное действие не может быть осязаемым «в данной крате времени», потому что однократные глаголы относятся или к плану прошлого (*кинул*) и тогда присутствуют не как ощущение, а как воспоминание в мысли, или в плане будущего, и тогда присутствуют в мысли как представление (*кину*).

Способом выражения действия мысленного = неопределенного = многократного = отдаленного = давнего русский язык прибегает к «характеру» *-а-*: «Глагол *дать*, распространяясь, принимает *а* — выходит *даять* и *давать* (эвфонич. в. да-ать); расширяясь далее, для означения действия давнего он принимает снова характер *а*, и выходит форма *давиваль* (= *дававаль*); *быль*, *бывль*, *бывываль*» [Там же. С. 129]. Но и этого мало: значение длительности действия усиливается перенесением ударения: «В подобных формах новый вес сообщается глаголу продолжением коренного слога, т. е. переходом ударения с конца к началу» [Там же. С. 130], например: *давать* — *да́вывать*. Но и этого русскому языку мало: значение длительности усиливается еще и продлением самого гласного корня: «Не довольствуясь этим, гений языка для усугубления веса глагола изменяет коренную гласную *о* на сильнейшую *а*. *Ходить* — *хаживаль*, *носить* — *нашиваль*» [Там же]. Катков проницательно замечает, что сам «характер» *а* возник из форм древнерусского имперфекта, то есть из форм *ходи-аахъ* > *хожд-аахъ* > *хожд-ахъ* > *хожд-а-хъ*.

«Изменение коренной гласной (а равно и переход ударения на нее) потому для нас важно, что в нем уцелело одно из исконных свойств глагольных форм; ибо это изменение в самом корне глагола представляет собою явление аналогическое усилению вокализма глаголов в других языках. Отсюда мы видим, что славянский язык не вовсе утратил, как полагают (напр., Grimm, Deut. Gram., стр. 1057. Т. I), способность органическим изменением самого корня отвечать на требование глагола; мы видим еще, что он пошел далее и в это изменение внес логический смысл. Усиляется нашим языком вокализм глагола для того, чтобы символически изобразить расширенную форму глагола расширенный круг самого действия» [72, с. 130–131].

В этих рассуждениях очень точно описаны средства выражения действия в отвлечении от непосредственного ощущения и в то же время длительного, интенсивно-длительного или многократного. Глаголы, выражающие такое действие, можно назвать глаголами отвлеченно-длительного способа действия. Этот термин — глаголы отвлеченно-длительного способа действия — будет введен Потемной (см. ниже).

«Новый богатый источник для обозначения типов действия и бытия представляют предлоги» [Там же. С. 132]. Эти предлоги, соединившиеся с корнем, Катков называет также префиксами. Среди них он выделяет префикс *у-*, которому наш язык дал «общее значение совершительного действия» [Там же. С. 133]. Этот тип, или способ, действия может относиться как плану прошлого (*услышал*), так и к плану будущего (*услышу*). «Это оттого, что нашему языку вовсе не важно различение времен, и от форм будущего времени наш язык отказался еще в допамятную пору» [Там же. С. 233]. Эту мысль о важности для русского языка различать качества действия при отсутствии внимания к формам времени будут затем развивать К. С. Аксаков и Н. П. Некрасов (см. ниже).

Взгляды К. С. Аксакова

То, что у Каткова было дано намеком, то у К. Аксакова стало предметом рефлексии: есть ли в русском языке **формы** времени? Речь идет именно о глагольных формах, а не об отнесении высказывания к реальному прошлому, настоящему или будущему: разумеется, такое отнесение осуществляется и в русском языке, но только, в отличие от классических языков или

современных западноевропейских вроде французского, оно осуществляется не при помощи специализированных грамматических форм, — вот в чем заключается мысль Аксакова.

Свое рассуждение о глаголе он прямо начинает с утверждения о том, что в нашем языке нет форм времени. Формы прошедшего времени нет потому, что «вмѣсто формы глагола въ прошедшемъ времени, встрѣчается у насъ отглагольное прилагательное или причастіе прошедшее, переходящее, какъ извѣстно, въ чистое прилагательное: *быль* — *былой*, *служиль* — *служилый*», а это и значит, что «формы прошедшего времени у насъ нѣтъ» [40, с. 184]. Иначе говоря, употребление отглагольного прилагательного на *-л-* для отнесения высказывания к плану прошлого у нас *есть*, а грамматической формы прошедшего времени у нас *нет*. Почему же эти формы на *-л-* нельзя считать формами прошедшего времени? Потому, отвечает Аксаков, что глагол вообще обозначает действие, а прилагательное обозначает не действие, а свойство, состояние чего бы то ни было.

Еще очевиднее отсутствие в русском языке формы будущего времени: *читаю*, *напишу* — эти глаголы по форме ничем не отличаются от форм настоящего *читаю*, *пишу*. Отнесение к плану реального будущего достигается за счет того, что это глаголы совершенного вида; оксюморонное сочетание формы настоящего и совершенного вида и создает эффект отнесения к будущему. Что касается аналитического способа выражения будущего при помощи глагола *буду*, *будет* и проч., то значение будущего является лексическим значением этого глагола, а не грамматическим; по форме *буду*, *будем* ничем не отличаются от глаголов настоящего времени.

«Какое же время есть въ Русскомъ глаголь? Одно настоящее? Но настоящее одно, безъ понятія прошедшаго и будущаго, не есть уже время: это безконечность. ... Слѣдовательно и т. н. настоящее Русскаго глагола — *независимо отъ времени*, высказываетъ не время, а нѣчто другое. ... Но между тѣмъ, что-нибудь да выражаетъ же Русской глаголь своими формами и, какъ-нибудь, да даетъ же знать о времени. Что же онъ выражаетъ?» [Там же. С. 185].

Для ответа на поставленный им самим вопрос Аксаков рассматривает глаголы: *двигать*, *двинуть* и *двигивать* и находит,

что эти «формы выражают не время, но качество дѣйствія» [40, с. 186]. То, что эти формы выражают качество действия, безусловно верно, но вопрос в другом: это три формы **одного** глагола или три **разных** глагола? Аксаков вполне определенно утверждает, что «всѣ эти формы — формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества дѣйствія» [Там же. С. 189]. Нам трудно с этим согласиться. Понятие формы означает, что каждый глагол может иметь эти формы (за небольшим исключением так называемых недостаточных глаголов), т. е. образует парадигму словоизменения, однако даже беглый взгляд убеждает в том, что далеко не каждый русский глагол имеет три указанные Аксаковым формы: например, глаголы типа *белеть*, *терпеть* не имеют второй и третьей формы, значит, *двигать*, *двинуть* и *двигивать* — это не формы одного глагола, а три разных глагола. Приняв это во внимание, обратимся к тому, как Аксаков описывает качество действия этих глаголов.

Двигать — обозначает действие как общее, неопределенное; *двинуть* — обозначает действие как момент, действие в минуту своего осуществления; *двигивать* — обозначает действие как моменты, как неопределенный ряд определенных осуществлений, или моментов. «Такимъ образомъ, Русской глаголь имѣеть *три степени*, выражающія различныя опредѣленія (моменты) самаго дѣйствія, въ его существенномъ значеніи: *степень неопредѣленная*, *степень однократная*, *степень многократная*» [Там же. С. 190].

Вместе с тем Аксаков утверждает, что разнообразие способов действия русского глагола таково, что «съ перваго взгляда Русскіе глаголы представляютъ совершенный произволь, нестройную путаницу, безконечныя противорѣчія, невозможность порядка. Всякой, или почти всякой, глаголь имѣеть свой обычай, управляется и дѣйствуетъ по-своему, и отсюда какъ будто происходитъ общая разница. Для того чтобы понять смыслъ этой области Русскаго слова, нужно обратиться къ каждому глаголу, къ его личности, такъ сказать, найти законное объясненіе употребленія каждаго, — и тогда возникнетъ стройность и порядокъ. <...> Такой трудъ возможенъ и полезенъ, но онъ уже не входитъ въ область грамматики, какъ науки; онъ составитъ или родъ словаря, или отдѣльное разсужденіе о дѣйствіи въ его частныхъ проявленіяхъ, на сколько оно выражается въ языкѣ» [Там же. С. 189–190].

Конкретизируя свое учение о степенях действия, Аксаков пишет следующее. Глаголы неопределенной степени обозначают действие вообще: «Сюда собственно относятся дѣйствія произвольныя, необходимо вытекающія изъ своей причины, дѣйствія естественныя, дѣйствія природы, напр. *вода течеть, огонь горитъ, птица летитъ, рыба плаваетъ*. Здѣсь дѣйствіе схвачено, какъ состояніе, вытекающее изъ существа предмета. — Сюда относятся также дѣйствія, хотя не выражающія состоянія, хотя и произвольныя, но длительныя или общія по смыслу своему, напр. *люблю, вѣрю* и проч.» [40, с. 192]. От этих глаголов неопределенного действия следует отличать по качеству действия глаголы типа *паду, сяду*: они по своему смыслу означают не длительное действие, а «переходъ изъ одного состоянія въ другое» [Там же. С. 193], вследствие чего относятся к глаголам однократной степени.

Используя Гегелеву диалектику развертывания понятия и даже ее язык, Аксаков верно выделяет еще один способ действия и столь же верно указывает способ его выражения — суффикс *-а-*: «Дѣйствіе неопредѣленное, при дальнѣйшемъ ходѣ мысли, понимается отвлеченно, какъ сила, какъ возможность, какъ понятіе. Такъ неопредѣленное дѣйствіе, понятое стороною къ самому себѣ, или лучше: *неопредѣленное дѣйствіе въ самомъ себѣ*, есть уже новое представленье дѣйствія, еще въ неопредѣленной сферѣ, новый его видъ. Такой видъ дѣйствія выражается въ языкѣ чрезъ приставку гласной: *а* къ тематической формѣ, за которой слѣдуетъ глагольное окончаніе, напр. *плав-а-ю, лет-а-ю* и проч. Примѣры уясняютъ еще болѣе нашу мысль: птица *летитъ*, потому что *летаеть*; рыба *плыветъ*, потому что *плаваетъ*. Здѣсь дѣйствіе является, какъ сила, какъ возможность» [Там же]. Не у каждого глагола отвлеченного качества есть его коррелят неопределенного качества; так, у глагола *читаю* когда-то был коррелят *чту* — буквально ‘складываю, сочетаю буквы’, но «такъ какъ въ *чтеніи* превозмогаетъ внутренняя умственная сторона чтенія, — то и форма отвлеченная *читаю* превозмогла надъ формою *существенной*; постоянно употребляется первая, тогда какъ вторая оставлена» [Там же. С. 194].

К этому же типу отвлеченных глаголов примыкают отыменные глаголы с суффиксом *-ов- / -у*, например такие, как: *пир* → *пировать / пирую, тоска* → *тосковать / тоскую, царство* → *царствовать / царствую*. Отличительной семантической

особенностью этих глаголов от других той же степени, согласно Аксакову, является то, что «глаголы отыменные выражают произволь; дѣйствіе является въ нихъ не необходимымъ слѣдствіемъ жизни, а какъ бы произвольнымъ; оно не отвлеченно, какъ въ глаголахъ на *аю*, но и не имѣетъ видимой осязательности. Это какъ бы что-то среднее между глаголами неопредѣленной степени существенными и отвлеченными» [40, с. 195].

Раскрывая далее по стопам Гегеля диалектику действия, Аксаков указывает, что действие, отчуждая самоѳ себя, перешедшее в мир явлений, «предстаѳ какъ живой, конкретный моментъ» [Там же. С. 196] во времени, то естѳ становится определенным. «Дѣйствіе опредѣленное, какъ моментъ, естѳ самое живое конкретное проявление, до котораго дѣйствіе достигаѳ, но которое за то является только какъ наступающее мгновение и длится, какъ мгновение. — Этотъ новый видъ дѣйствія на пути его осуществленія естѳ дѣйствіе опредѣленное, *однократное*» [Там же]. Способом выражения этого способа действия является суффикс *-н- / -ну-*: *стук-н-у / стук-ну-ть, крик-н-у / крик-ну-ть*. Не все глаголы, в силу особенностей, или характера, обозначаемого действия, могут имѳть однократную степень.

Так как один момент с логической необходимостью предполагает неограниченное множество моментов, то определенное действие образует новый вид, или способ: «Дѣйствіе въ этомъ своемъ видѣ естѳ дѣйствіе опредѣленное *многократное*» [Там же. С. 197]. Средством выражения этого нового способа действия являются «окончания» «*ыв* или *ив*, или даже просто *в*, если тема оканчивается на гласную букву; за этою приставкою слѣдуетъ окончаніе отглагольнаго: *аль*» [Там же]. Как и Катков, Аксаков пронципально отмечает, что средством выражения многократности может быть также и продление гласного темы, то естѳ корня: «Иногда измѣненіе совершается внутри самаго слова чрезъ вставку или усиленіе гласной» [Там же].

Общим недостатком концепции Аксакова является то, что он, с одной стороны, говорит о качестве русского глагола, а с другой стороны, говорит о степенях длительности, а длительность — понятие количественное, так как его мерой является время. Кроме того, гегелевская логика развертывания понятия чрезъ отрицание и отрицание отрицания привела Аксакова к довольно грубой ошибке. Понятие многократности только

формально-логически является противоположным однократности, в отношении же определенности однократность и многократность вовсе не образуют одного класса, потому что по своему существу многократность есть особого рода длительность, особенность которой заключается в ее дробности, расчлененности на в принципе бесконечный ряд актов. В высказывании *Хватит меня подталкивать к выходу!* содержится требование прекратить длительное (и надоевшее) действие подталкивания, хотя бы оно и было расчленено на множество актов. Терминологически «многократность» указывает на множественность дифференциальных актов, но по существу эта множественность понимается языком интегрально как дробная длительность. Не случайно глаголы *подтолкнуть* — *подталкивать* не связаны словопроизводными отношениями и не случайно многократные глаголы являются глаголами несовершенного вида.

Так как Аксаков считал эти четыре степени формами **одного** глагола, то он не мог не заметить, что далеко не все глаголы имеют эти формы.

Так, глаголы, обозначающие конкретные природные процессы, не могут иметь ни однократной, ни многократной степени: *расту, теку, цвѣту, горю*.

Глагол *курить* в значении ‘гнать смолу, вино’ не может иметь однократной степени, а в значении ‘курить папиросы’ — может: *курнуть* значит ‘сделать одну затяжку’.

Глаголы отвлеченной степени действия *играю, думаю, мечтаю* по природе вещей не могут иметь однократной степени, и только некоторые могут иметь многократную степень: можно сказать *думывал, игрывал*, но нельзя сказать **мечтывал*.

Глаголы *сохну, вяну, мокну, льну, липну* хотя и образованы с помощью суффикса однократности *-н-*, в силу своего лексического значения, то есть характера самого физического действия являются глаголами длительными: «Эти глаголы показывают постоянное нарощеніе дѣйствія, его увеличеніе, его движеніе далѣе и далѣе. Такимъ образомъ, здѣсь дѣйствіе, усиливаясь и безпрестанно прибавляясь, является постоянно, не какъ такой же, но какъ новый, съ новою силою наступающій моментъ, все сильнѣе и сильнѣе; потому глаголь, выражая съ одной стороны дѣйствіе какъ наступающій моментъ, получаетъ

форму однократную; но такъ какъ онъ съ другой стороны высказываетъ, что каждый моментъ сильнѣе другаго, высказываетъ мысль постоянного перехода, самое *наступаніе*, и притомъ сильнѣйшаго момента, высказываетъ *постепенность*, — мысль уже *общую*, слѣдовательно неопредѣленное понятіе, — то онъ принимаетъ неопредѣленное и притомъ существенное значеніе и употребляется въ настоящемъ» [40, с. 200]. Аксаковъ проницательно отмечает, что эти глаголы вместе с глаголами на *-тью / -аю* (*бѣлѣю, дорожаю*) представляютъ собой разновидность длительного способа действия, который позднее будетъ названъ инхоативным²⁹ способомъ. Эти глаголы в силу природы того действия, который они обозначаютъ, не могутъ имѣть ни многократной, ни однократной степени.

Наконецъ, верны замечанія Аксакова относительно того, что присоединеніе «предлоговъ», то есть приставокъ, к глаголамъ можетъ самымъ существеннымъ образомъ изменять качество действия. Иначе говоря, все разнообразіе физическихъ, психическихъ, интеллектуальныхъ действий, процессовъ и состояній находитъ свое выраженіе в русскомъ языкѣ при помощи разнообразныхъ способовъ действия, едва ли не главнымъ средствомъ которыхъ являются префиксы. Именно на эту сторону русского языка следовало обратить особое вниманіе, однако Аксаковъ, стесненный своимъ представленіемъ о томъ, что степени действия суть формы одного глагола, сделать этого не смогъ, хотя и привелъ выразительные примеры воздействия приставокъ на глаголы.

На нашъ же взглядъ, все эти справедливыя замечанія лучше всего опровергаютъ мысль Аксакова о томъ, что степени глагола, то есть способы действия, суть формы одного глагола, и, напротивъ, утверждаютъ насъ в мысли, что однокоренныя глаголы разныхъ способовъ действия — это разные слова. Поэтому сами способы действия не являются предметомъ грамматики, они — предметъ одного изъ разделовъ лексикологии — словообразованія.

Взгляды Н. П. Некрасова

Николай Петровичъ Некрасовъ (1828–1914), профессоръ Петербургскаго историко-филологическаго института и членъ-корреспондентъ Петербургской Академіи наукъ, изложилъ свои

²⁹ От лат. *inchoatus* ‘неоконченный, незавершенный, неполный’ — перфектное причастіе гл. *inchoo* ‘начинать’.

взгляды в книге «О значении форм русского глагола» (1865). В уяснении своеобразия русского глагола, в отличие от глагола в классических и новоевропейских языках, Некрасов был продолжателем Аксакова. Он прямо писал, что «западные языки осмыслили дѣйствіе подь условіемъ времени въ глаголѣ. Совсѣмъ другое явленіе представляет языкъ русскій» [85, с. 117]. В русском языке категория времени — это вопрос употребления, а не формы. В отличие от новоевропейских языков, «русскій языкъ осмыслилъ дѣйствіе не какъ отвлеченное движеніе во времени, а какъ реальную проявляемость свойствъ предмета. Дѣйствіе, выражаемое русскими глаголомъ, имѣеть, такъ сказать, плоть и кровь, и потому остается равнодушнымъ къ развитію такихъ формъ, которыми выражается отвлеченное условіе времени. вмѣсто нихъ онъ развилъ формы степеней, въ которыхъ выражается существенное его свойство — продолжительность» [Там же. С. 137].

Как ни странно, согласно Некрасову, понятие продолжительности не измеряется временем, это не количественное, а качественное понятие: «Быстрота, краткость, продолжительность, кратность проявленія дѣйствія не нуждаются во времени и имъ не измѣряются. Продолжительность проявленія есть сила, душа, жизнь самого дѣйствія. Дѣйствіе, проявляющееся подь условіемъ времени, отвлеченно, формально, дѣйствіе же, проявляющееся подь условіемъ продолжительности (энергіи) — жизненно» [Там же. С. 139]. Каждый автор имеет право придавать термину какое ему угодно значение, поэтому, чтобы правильно понять мысль Некрасова, надо исходить из его представления о продолжительности как силе действия, мощи его проявления. По Некрасову, русский язык выражает своим глаголом представление о том, **как** мощно выражается действие. Но понятие силы, мощности — тоже количественное, но измеряемое не временем, а килограммами, динами, ньютонами, ваттами, лошадиными силами. Таким образом, Некрасов предлагает ввести новое основание для классификации способов действия: силу, или интенсивность, проявления действия. Вопрос стоит так: достаточно ли одного понятия силы действия (обозначаемой термином «продолжительность») для описания своеобразия русского глагола? Достаточно ли «лошадиных сил» для измерения качеств русского глагола?

Некрасов критически оценивает усилия Аксакова постичь качество русского глагола, потому что последний, хотя и отрицает формы времени у глагола, в противоречии с этим измеряет качество опять-таки при помощи времени, так как понятия определенности/неопределенности, однократности/многократности основаны на времени: «Выраженія: *дѣйствіе, какъ моментъ* и *дѣйствіе, какъ моменты* указываютъ скорѣе на *количественное обозначение времени дѣйствиємъ, чѣмъ на качественное значеніе дѣйствія*. И формы: *двигать, двинуть, двигивать* должны были бы обозначать собою опредѣленное и неопредѣленное количество моментовъ, но не качество дѣйствія. <...> Не значить ли это доказывать, что времена существуютъ въ русскомъ глаголѣ подъ маскою видовъ, или степеней дѣйствія? Къ чему же отрицать категорію времени?» [85, с. 143–144].

Какое же решение этого вопроса о качестве глагола предлагает сам Некрасов?

Решение Некрасова я бы назвал наивно-поэтическим. Он, как и Аксаков, полагает, что *сѣс-ть* — *сидѣ-ть* — *сиж-и-ва-ть* — это формы одного глагола, и при этом отмечает, что «русскій глаголѣ можетъ сжимать и растягивать свою форму» [Там же. С. 148]; под формой здесь разумеется, так сказать, количество звуковой материи, которое то увеличивается, то уменьшается, в чем и выражается присутствие некоего живого начала³⁰. Этим живым началом является человеческая мысль, от которой и зависит качество формы: «Если качественность формы заключается въ свойствѣ ея сжиматься и расширяться по требованію смысла выражаемаго ею дѣйствія; то качественность дѣйствія заключается въ свойствѣ его проявляться кратко, или быстро, и медленно, или продолжительно» [Там же. С. 149]. Из этих слов с логической необходимостью следует, что краткость, быстрота, медленность, продолжительность действия должна измеряться временем, а не силой, но Некрасов вопреки логике пишет, что

³⁰ «Сравнивая формы всѣхъ трехъ степеней дѣйствія, мы замѣчаемъ, что крайнія степени (т. е. *краткая* и *кратная*) рѣзко отличаются между собою по количеству звуковъ, входящихъ въ ихъ образованіе: краткая степень всегда короче по формѣ, бѣднѣе по количеству звуковъ, въ сравненіи съ кратной; например: *бы-ть* и *бы-вы-ва-ть*; *да-ть* и *да-вы-вать*; *нес-ть* и *наш-и-ва-ть*; *дви-ну-ть* и *дви-ги-ва-ть*; *ле-чь* и *леж-и-ва-ть* и пр.» [85, с. 165]. Никакого представления о морфеме, выражающей то или иное качество действия, мы здесь не находим.

«качественность дѣйствія, выражаемаго русскимъ глаголомъ, есть ничто иное, какъ его *продолжительность*» [85, с. 151]. Некрасов устанавливает какие-то сомнительные пропорциональные зависимости между силой и временем действия: чем действие слабее, тем оно короче, и тем короче в своем звуковом составе выражающий его глагол; и наоборот, чем действие сильнее, тем оно продолжительнее, и тем длиннее в своем звуковом составе обозначающий его глагол. Все это явно противоречит обыкновенному здравому смыслу и обыденному опыту: возьмем однократный глагол *стукнуть*; разве в нем самом хоть как-то выражается идея интенсивности, если стукнуть можно и легонько, и со всего размаху, изо всей силы?

Однако Некрасову не откажешь в остроте взгляда, когда он разбирает употребление глаголов, которые обычно описываются как глаголы многократного способа действия. Например, по поводу басни Крылова «Синица»:

Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самый тороватый
Не *давываль* секретарямъ —

он пронизательно пишет: «Ф. не *давываль* не значить: не *даваль* нтъ сколько *разъ*, а напротивъ значить: *никогда не даваль*; *ни разу не даваль*» [Там же. С. 152].

И по поводу былинного употребления глагола *кладывать*:

Поѣзжаетъ Илья самъ выговариваетъ,
Кладываетъ-то заповѣдь великую:
«Бхать-то мнѣ добру молодцу,
Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ,
Рукъ чтобы мнѣ не кровавити» —

Некрасов точно так же верно замечает: «Ф. *кладываетъ* отъ *кладывать*, (*клатъ*, *кладать*, *кладывать*) здѣсь не имѣетъ значенія многократности, а лишь усиленной продолжительности дѣйствія» [Там же. С. 153].

В этих и им подобных случаях глаголы в самом деле обозначают действие, в котором объединены сила и продолжительность, поэтому, на наш взгляд, Некрасову удалось выявить

в русском языке способ действия, который он назвал действием усиленной продолжительности.

Так как сила, или интенсивность, — это величина измеряемая, то ее мера может получить языковое выражение в виде разных степеней. Вот что пишет об этом Некрасов: «...качественность русского глагола представляет три главных степени своего проявления: 1) *краткую*, 2) *продолженную*, 3) *кратную*. Первая и последняя степени составляют предѣлы, которыми ограничивается, опредѣляется *продолжительность* дѣйствія, какъ общее его свойство. Стало быть, *продолжительность* можетъ быть *абсолютною*, *неопредѣленною* и *относительною*, *опредѣленною*. Форма: *двигать* выражаетъ неопредѣленную продолжительность дѣйствія, какъ общее свойство русского глагола; формы: *двинуть* и *двигивать* выражаютъ продолжительность дѣйствія, опредѣленную съ одной стороны *краткостью* проявленія, съ другой — *кратностью*. Краткость и кратность суть виды общаго родоваго понятія продолжительности. Въ нихъ продолжительность представляется конкретнѣе съ проявленіемъ дѣйствія на самомъ дѣлѣ» [85, с. 155].

Эту мудреную и путаную фразу надо понимать, видимо, так. Сила действия может быть меньшей или большей. Меньшая или большая сила действия — понятия относительные и определенные, стало быть, необходимо еще и понятие абсолютной силы, неопределенной. Последнее обозначается термином «продолжительность» и выражается формами глагола типа *двигать*. Меньшая определенная и относительная сила действия обозначается термином «краткость» и выражается формами глагола типа *двинуть*. Большая определенная и относительная сила действия обозначается термином «кратность» и выражается формами глагола типа *двигивать*.

Едва ли это решение вопроса можно признать удачным. Во-первых, неудачна попытка наполнить по существу временные термины «продолжительность» и проч. динамическим содержанием. Во-вторых, нет прямой пропорциональной зависимости между временем и силой действия: мгновенное физическое действие может быть очень сильным, и никакой формой глагола эта сила не выражается, только лексически — *со страшной силой ударила молния*. В-третьих, далеко не каждый

глагол имеет эти три степени³¹, следовательно, *двигать* — *двинуть* — *двигивать* — это не формы **одного** глагола, а три **разных** глагольных слова, о чем уже говорилось в связи с учением Аксакова.

Очень ценными являются многочисленные замечания Некрасова о сочетаниях глаголов с «предлогами», то есть приставками. Возражая современным ему грамматистам, которые видели в приставках средство образования видов и времен, Некрасов говорит, что «глаголь, соединяясь съ предлогами, теряет общее значеніе дѣйствія и получаетъ значеніе дѣйствія частнаго, выражающаго, такъ сказать, *новый, особенный образъ* своего проявленія. Отъ соединенія съ тѣмъ или другимъ предлогомъ зависитъ *картинность, изобразительность* дѣйствія, а не та сухая отвлеченность, которою выражается его оконченность, или неоконченность» [85, с. 177]. Анализируя употребление глаголов в былинном стихе

Захотѣлось Добрынѣ походить погулять
По стольному по городу по Киеву:
Надоть всѣ улицы *повыходить*
И всѣ переулочки *повысмотрѣть*,

Некрасов верно замечает, что приставка *вы-* в глаголах *выходить*, *высмотрѣть* «значить все, на чемъ только можетъ проявиться и то и другое дѣйствіе», а приставка *по-* в глаголах *повыходить*, *повысмотрѣть* «отгѣнокъ постепенности, послѣдовательности въ своемъ проявленіи» [Там же. С. 176]. Изменение же видовой принадлежности глаголов является вторичным, так сказать, автоматическим следствием выражения первичного словообразовательного значения способа действия; иначе говоря, с точки зрения коммуникативных намерений говорящего, первично выражение качества, способа действия, а изменение вида — это вторичный побочный результат. Тем самым Некрасов отделил вопрос о качественности русского глагола от вопроса о грамматическом виде глагола.

³¹ Это понимает и сам Некрасов: «Форма продолженной степени существуетъ у всѣхъ глаголовъ. Остальныя двѣ формы могутъ быть и не быть, смотря по смыслу дѣйствія, выражаемаго продолженною степенью; напр. глаголы: *сохнуть*, *блѣднѣть* и т. п. не имѣютъ формъ краткой и кратной степени» [85, с. 160].

Если качественность русского глагола есть его общее свойство, то предлоги-приставки, присоединяясь к глаголам, указывают на обстоятельства проявления действия. Качественность русского глагола во многом как раз и связана с теми обстоятельственными значениями, которые привносят в глагол, соединяясь с ним, предлоги-приставки. Русский глагол, как известно, может соединяться с двадцатью предлогами-приставками (*без-, воз-, в-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, о-/об-, от-, по-, под-, пре-/пере-, пред-, при-, про-, раз-, с-, у-*), и Некрасов подробно описывает ту обстоятельственность, которую каждая приставка вносит в глагол. Например, приставка *вы-* означает полноту действия (*высохнуть, вымокнуть*); приставка *до-* означает достижение цели действия (*добежать, додуматься*), приставка *за-* — начало длительного действия (*заалеть*), приставка *на-* — обильный результат действия (*наловить рыбы*), приставка *по-* — ограниченность действия в пространстве или времени (*подвинуть, повеселиться*) и т. д.

Оценивая взгляды Некрасова в целом, можно сказать, что их несколько портит представление о том, что разные степени суть формы одного глагола, поэтому ему приходится решать, и решать неубедительно, вопрос о том, почему глагол с приставкой становится способным образовывать разные формы, в которых он без таковой не употребляется; причина неубедительности кроется в том, что Некрасов практически игнорирует роль суффиксов в образовании качественности русских глаголов. Далее, неудачна попытка Некрасова выразить понятие о качественности через понятие силы, потому что это понятие, как и понятие времени, понятие количественное.

К заслугам же Некрасова следует отнести, во-первых, то, что он отделил вопрос о качественности русского глагола от вопроса о грамматическом виде глагола, и, во-вторых, дал описание нескольких способов глагольного действия, правда, не употребляя ни этого общего термина, ни частных терминов, обозначающих разные способы действия.

Взгляды А. А. Потебни

А. А. Потебня еще более четко и ясно, чем Некрасов, отделил словообразовательную проблематику способов глагольного действия от грамматической проблематики глагольных

видов. Приведем еще раз его относящиеся сюда слова: «Мы утверждаем, что совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (*continuum*), но относятся друг к другу как два различные порядка наслоений в языке» [93, с. 35]. Правда, далее он уже пишет о том, что «совершенность и несовершенность глаголов тесно связана с видами, но тем не менее ее следует отличать от вида» [Там же. С. 86]. Это чисто терминологическое недоразумение можно объяснить, на наш взгляд, тем, что IV том «Записок» представляет собой набор материалов, не отредактированный и не подготовленный автором к печати, опубликованный по архивным материалам после его смерти. Во избежание путаницы я буду везде, где термин «вид» у Потебни означает способ действия, использовать термин «способ действия».

Потебня также утверждал, что образование разных степеней длительности предшествовало возникновению категорий совершенности и несовершенности; иначе говоря, видовое в современном смысле термина противопоставление глаголов является производным от способов действия, является их обобщением.

Обращаясь к трудам предшественников, Потебня находит в них, при всей их важности, множество логических противоречий, а также отсутствие подлинно исторического взгляда на формирование как способов глагольного действия, так и глагольных видов. Так, у Павского мгновенный глагол *кольнуть* относится к первой степени, тогда как в словообразовательном отношении он является производным от глагола второй степени *колоть*. «Точно так глаголы окончательные, или решительные, как *прочитать*, принадлежат к первой степени, а простые, как *читать* — ко второй. Глаголы прерывистые (*почитывать*) принадлежат ко второй степени, а простые (продолжительные дальние — *читывать*) — к третьей. Значение мгновенных зависит от их «характера»³², а следовательно, значение первообразных древнее мгновенных, признанных за производные; точно так и значение предложных зависит от их внешней сложности с предлогами, и простые не только по форме, но и по значению предшествуют сложным» [93, с. 21]. Следовательно, степени Павского не

³² Термином «характер» Потебня здесь обозначает суффикс.

носят характера исторической последовательности, а основаны на каком-то индивидуально-психологическом побуждении.

Еще один недостаток системы Павского заключается в том, что его деление на три степени, основанное не на лингвистических, а на каких-то философских основаниях, является неполным. Так, «вторая степень, если оставить в стороне глаголы прерывистые (*почитывать*), совмещает в себе две не идеальные, а явственно обозначенные языком степени: с одной стороны — *плыть, лететь, садить*, с другой — произведенные от них *плавать, летать, сажать*» [93, с. 22].

Уже из этих критических замечаний Потебни мы можем извлечь для себя важные выводы:

а) категория способов глагольного действия является исторической, то есть способы глагольного действия возникают, формируются в некоторой исторической последовательности;

б) возникновение того или иного способа глагольного действия сопряжено с актом словообразования, так как само словообразование по своей природе исторично;

в) среди способов глагольного действия выделяются первичные, образуемые непрямими глаголами, и вторичные и даже третичные, образуемые производными глаголами.

Поскольку в образовании вторичных способов действия большую роль играют предлоги-приставки, то Потебня обращается к вопросу о том, какую именно роль они играют в этом процессе.

По учению Потебни, глагольный суффикс («характер», в его терминологии) в глаголах перемещения в пространстве, как и во всяких других, служит выражением обширности периода действия, тогда как приставка выражает разнообразные оттенки движения. При этом, что особенно важно для нашей темы, в значении приставок есть два семантических наслоения: первое обозначает направление движения в соответствии с собственным значением предлога, как в прямом, так и переносном смысле; второе обозначает «движение во времени, которое представляется средою и пределом движения» [Там же. С. 29]. Второе «наслоение» является производным от первого, и по мере того как возникали эти производные значения предлогов, появились окончательные глаголы. Вот примеры.

Приставка **вы-**. 1. *Выводить, вывозить, выносить, выходить* — приставка выражает направление **из** как в прямом

смысле (*выно́сить вещи из дому*), так и в переносном (*выно́сить оскорбления*). 2. *Выво́зить* до конца, всё; *выно́сить* дитя в утробе до конца; *вы́лазить* — побывать во всех местах до конца.

Обращаю внимание на следующий момент: глаголы первого типа никто не объединяет в какой-то способ действия, указывается лишь на пространственное значение приставки; глаголы второго типа объединяют в один способ действия: эти глаголы обозначают достижение финала предельного процесса.

Приставка **до-**. 1. *Доводить*, *доносить*, *доходить* — приставка *до-* указывает на место, на предел действия в прямом, пространственном смысле (*доходить до реки*). 2. *Добродить до вечера*, то есть до известного предела времени; *доводить до исступления*, то есть до известных последствий. Во втором случае приставка *до-* имеет достигательное значение.

Приставка **за-**. 1. *Завозить*, *заносить*, *залетать* за что и куда — приставка имеет пространственное значение, указывает на местное отношение. 2. *Зазвонить в колокол* — приставка выражает временное отношение, обозначает начало длительного действия, в случае *заносить пальто до дыр* приставка также выражает временное отношение, обозначает результат нецеленаправленного действия.

Приставка **из-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения или в прямом смысле (*изводить из лесу* = ‘выводить’), или в переносном (*изводить мел*, *изводить шуточками* = ‘тратить’, ‘выводить из себя’, ‘губить’). 2. В случаях *изъездить все места*, *износить платье* приставка *из-* выражает временные отношения достижения предела.

Приставка **на-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения в случае *наносить краску на поверхность стены*. 2. Эта приставка выражает временные отношения окончательности и обильности действия в случае *навозить воды*, *наколоть дров*.

Приставка **об-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения в случае *обходить яму*, *обносить кушаньем*. 2. Эта приставка выражает временные отношения полной охваченности действием в случае *облазить весь чердак*.

Приставка **от-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения в случае *отодвинуть от стены*, *отбежать от костра*. 2. Эта приставка выражает временные отношения результативности действия в случае *отработать свое*, *сад отцвел*.

Приставка **по-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения, связанные с поверхностью как в прямом (*походить по городу, повозить по столу, поводить глазами по толпе*), так и в переносном смысле (*поносить на чем свет стоит* = 'ругать'). 2. Эта приставка выражает временные отношения ограниченности действия в случае *поносить некоторое время, немножко погулять*.

Приставка **пере-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения в случаях *перелезть через забор, переходить улицу, переносить ребенка через лужу*. 2. Эта приставка выражает временные отношения в случаях *перебить всю посуду, переносить все платья подряд*; в этих случаях приставка *пере-* имеет распределительное значение.

Приставка **при-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения в случаях *прилепить пластырь, приколотить доску*. 2. Эта приставка выражает временные отношения в случаях *слегка припугнуть, немножко приболеть*, то есть когда действие занимает небольшой промежуток времени, в течение которого кто-то боялся, болел и т. п.; в этих случаях приставка *пере-* имеет смягчительное или ограничительное значение.

Приставка **про-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения в случаях *проходить мимо магазина, пролезать сквозь угольное ушко*. 2. Эта приставка выражает временные отношения в случаях *проходить целый месяц*, то есть когда действие занимает сравнительно длинный период времени.

Приставка **раз-**. 1. Эта приставка выражает пространственные отношения 'в разные стороны' в случаях *разорвать надвое, разносить письма по домам*. 2. Эта приставка выражает временные отношения в случаях *размахнуться из всех сил, как следует разбежаться*; в этих случаях приставка *раз-* имеет значение интенсивного действия.

Из этих важных наблюдений следует вывод о том, что глаголы с приставками, имеющими пространственное значение, не являются глаголами какого бы то ни было способа действия. Если же приставки выражают временные отношения, то они образуют глаголы того или иного способа действия, следовательно, само понятие способа глагольного действия означает характер протекания действия во времени. Уяснением сущности этого понятия мы обязаны Потебне.

Потебня подвергает критике мнение К. Аксакова о том, что русский глагол выражает не время, а качество действия: «...аксаковское мнение о категории качества в славянском глаголе есть игра словом, значение коего заранее не определено» [93, с. 37]. Действительно, выше мы уже видели, что в частных попытках К. Аксакова описать качество глагола мерою этого качества оказывается... время. Поэтому Потебня, чтобы не играть словами, а видеть реальность такой, какова она есть, полагает, что русский глагол выражает разные способы протекания действия во времени, а именно:

- а) конкретную длительность действия (*плыть* — *плывет*),
- б) отвлеченную длительность действия (*плавать* — *плавает*),
- в) отвлеченную длительность с промежутками, то есть многократность действия,
- г) моментальную длительность, то есть однократность действия [Там же].

Сверх этого, русский глагол выражает категорию совершенности — несовершенности, которую нельзя смешивать с категорией длительности. В историческом отношении категория совершенности — несовершенности возникла позже категории длительности, и Потебня в доказательство этого приводит множество примеров из памятников древнерусской письменности, в которых употреблены бесприставочные и приставочные глаголы, которые в современном литературном языке являются глаголами совершенного вида, а в древнем языке были глаголами несовершенными. Ограничимся здесь всего двумя примерами, так как эта тема выходит за рамки данного параграфа: а) про што ми обреклъ еси Кіевъ, а пріятьльи ми не **даси** (= не даешь) пріимати; б) азыкъ мудрыхъ добро **свѣсть**, уста же нечестивыхъ **повѣдать** зло. Выделенные глаголы суть несовершенного вида. Что послужило причиной того, что глаголы *дать*, *пасть*, *свѣсть* и др. подобные стали глаголами совершенного вида? Ответ Потебни состоит в том, что после образования глаголов отвлеченной длительности с «характером» *-а-* *давать*, *падать*, *свѣдать* начинается видовое разграничение этих глаголов: более древние глаголы более простого строения стремятся стать глаголами совершенного вида (*дать*, *пасть*, *свѣсть*), тогда как глаголы отвлеченной длительности — глаголами несовершенного вида (*давать*,

падать, свѣдать) [Там же. С. 58–59]. Однако если древний глагол вообще выходит из употребления, то новый приставочный глагол становится глаголом совершенного вида, как это произошло с глаголами *свѣдать, повѣдать* и др. из-за утраты глаголов *свѣсть, повѣсть*. Таким образом, с исторической точки зрения, видовое противопоставление глаголов является производным от противопоставления по степени длительности.

Категория вида — это славянское новообразование, которому предшествовали способы действия, которые частью были унаследованы из индоевропейского праязыка, частью сформировались уже в праславянском языке и в отдельных славянских языках. Унаследованными из индоевропейского Потебня считает глаголы каузативного (причинного) способа действия с «характером» (суффиксом) **i* (*солить*), глаголы инхоативного способа действия с суффиксами **ǣ* (*теплѣть*) и **n* (*сохнуть*).

Исходной точкой в историческом развитии способов действия Потебня считает относительно простые глаголы *вести, везти, идти, нести, лезть*. Эти глаголы обозначают длительные и максимально близкие к чувственному восприятию действия [93, с. 89], то есть это глаголы конкретно-длительного способа действия.

Следующим по времени способом действия являются образования типа *носить*, в которых обнимаются мыслью несколько однородных действий, «порознь добытых из чувственных восприятий»; эти глаголы обозначают более сложный продукт мысли, чем такие глаголы, как *нести*. Если глаголы типа *нести* назвать конкретно-длительными, то глаголы типа *носить* логично назвать отвлеченно-длительными, однако Потебня резонно замечает, что собственно акта отвлечения в этих глаголах нет. Различие между глаголами *нести* и *носить* хорошо видно при сравнении вопросов: *Куда нести?* и *Куда носить?* «Содержание внутренних форм глаголов *несете* и *носите* различается не тем, что количественных признаков в первом больше, чем во втором, а тем, что действие в первом представляется единичным (хотя и не однократным или мгновенным), а во втором — собирательным. В последнем единичные действия не сливаются в одно (как, например, все виденные мною дубы в содержание слова *дуб*), а строятся в непрерывный ряд (как отдельные образы хвойных деревьев в содержании

собирательного — *бор*)» [93, с. 90]. Ввиду этого глаголы первой степени можно назвать глаголами единично-длительного способа действия, а глаголы второй степени — глаголами собирательно-длительного способа действия. Если к значению длительности присоединяется значение причинности, то это глаголы **дуративно-каузативного способа действия**.

Глаголами третьей степени длительности, по Потебне, являются множественные глаголы типа *нашивать*, то есть глаголы **многократного способа действия**.

Важно отметить системный подход Потебни к вопросу о степенях длительности: он указывает на то, что само понятие степени длительности является относительным, что «никакой безотносительности в степенях глаголов нет»: так, например, «литературный русский язык измеряет длительность (многократность) глагола *нашивать* только двумя предыдущими степенями: *нести* и *носить*, минуя живущие в малороссийском формы *ношати* и *ношувати* (из *ношевати*), хотя эти последние и предполагаются формою *нашивать*» [Там же. С. 93]. Однако с точки зрения исторического словообразования, глагол *ношати* был звеном в словообразовательной цепи, выражая собою значение отвлеченно-длительного способа действия, по отношению к которому глагол *нашивать* является, если воспользоваться термином Некрасова, глаголом усиленной длительности, и только после утраты литературным языком глагола *ношати* глагол *нашивать* стал обозначать многократность.

Итак, Потебня насчитывает в русском глаголе четыре степени длительности: 1) степень конкретно-длительную, от нее — по направлению к большей длительности — 2) степень отвлеченно-длительную и 3) многократную, а в другую сторону — 4) однократную [Там же]. В целом соглашаясь с этим, мы считаем возможным сделать градацию степеней более дробной, используя сказанное выше самим Потебней и его предшественниками и имея в виду потребности описания исторического словообразования. Общее деление заключается в противопоставлении глаголов однократного способа действия — глаголам длительных способов действия. Последние по мере длительности обозначаемого действия распределяются по шкале длительности следующим образом: 1-я степень — глаголы конкретно-длительного способа действия (*нести*); 2-я степень — глаголы

собираетельно-длительного способа действия (*носить*); 3-я степень — глаголы отвлеченно-длительного способа действия (*ношать*); 4-я степень — глаголы усиленно- или интенсивно-длительного способа действия (*нашивать*); если само действие представляет собой в принципе бесконечный ряд актов, совершающихся с промежутками, то глаголы, обозначающие такое действие, следует назвать глаголами многократного способа действия. Потебня справедливо указывает на то, что между глаголами-интенсивами и глаголами-итеративами бывает трудно провести различие.

Системный характер отношений в пределах этой шкалы обуславливает то, что возможен переход глагола из одной степени в другую. Пока существовали ряды *бости* — *бодати*, *вязти* — *вязати*, *чьсти* (<**čьtti*) — *читати* — *читывати*, глаголы *бодати*, *вязати*, *читати* были глаголами отвлеченно-длительного способа действия; после того как глаголы *бости*, *вязти* и *чьсти* (ср. *прочесть*) утратились, глаголы *бодать*, *вязать*, *читать* стали глаголами конкретно-длительного способа действия.

Справедливо указание Потебни на то, что между глаголами интенсивно-длительного и многократного способов действия бывает трудно провести четкую грань, один и тот же глагол, например, *читывать* или *жить*, в зависимости от контекста мог быть как итеративом, так и интенсивом. Так, в предложении *Егда мы **жидали** на вольном свету* глагол *жить* выражает значение сравнительно большого периода времени, постоянства и всегдашности, а в предложении *В прежние годы мы частенько **жидали** в Малаховке* тот же глагол выражает значение многократности.

Если глагол не вступает по степени длительности в парадигматические отношения с другими однокоренными глаголами, он, как правило, является глаголом конкретно-длительного способа действия, например, *горевать* — *горюю*.

Итак, главная заслуга Потебни, на наш взгляд, заключается в том, что он, во-первых, четко разграничил категории глагольного вида и способов глагольного действия; во-вторых, он разработал и хорошо обосновал фактами классификацию глаголов по степени длительности действия; в-третьих, указал на общее обстоятельственное значение временных приставок

и выявил целый ряд способов глагольного действия, выражаемых приставками; в-четвертых, большое количество частных замечаний и сейчас не утратили своего значения для исследователей русского глагольного словообразования. Учению Потебни недостает только полноты и терминологической определенности в названиях способов действия.

**Взгляды Г. К. Ульянова, Ф. Ф. Фортунатова,
А. А. Шахматова и А. М. Пешковского**

Из произведенного Потебней разграничения категорий глагольного вида и способов глагольного действия с необходимостью вставал вопрос о раздельном описании этих категорий. Однако если категория вида была достаточно глубоко исследована как в историческом отношении, так и в описательных грамматиках современного русского языка, то категория способов действия еще долго оставалась неотрефлексированной в ее существе как категория по преимуществу словообразовательная. Скорее всего это было связано с тем, что труды Потебни по глаголу были извлечены из архива и увидели свет лишь в 1941 году. Описание способов глагольного действия у его современников и ближайших последователей было как бы «растворено» в трудах по грамматике; способы действия рассматривались как частные случаи глагольных видов. Первым из крупных лингвистов, кто прочитал и по достоинству оценил взгляды Потебни, был В. В. Виноградов; основываясь на них, он сумел критически отнестись к учениям Г. К. Ульянова, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова.

Так, проф. Г. К. Ульянов, с одной стороны, считал, что видовые отношения возможны лишь между теми формами, в которых является одно и то же реальное значение, например, *делать* — *сделать*. Эти отношения грамматические, и они не должны смешиваться с соотношениями словопроизводными. С другой стороны, он также полагал, что «видовая дифференциация глаголов зависит не только от общего соотношения длительного и недлительного значений глагольных основ, но и от более частных различий видового значения» [55, с. 423]. Такими частными видовыми значениями Ульянов считал следующие:

д е т е р м и н а т и в н о е значение — это значение ограниченности длительного или сложного времени, выраженное приставкой *по-* (*пожить, посидеть, погулять, попеть*);

суммарное значение — это значение сочетания всех отдельных моментов длительного действия в их цельности (*изранить, настрелять, выбелить, прождать, переломать, разболеться, отсидеть*);

дистрибутивно-суммарное значение — это суммарное значение, осложненное представлением об отношении действия ко многим субъектам или объектам (*повыловить, попришивать, поубивать*);

результативное значение — это значение достижения цели, к которой направляется действие (*выучить, зарезать, излечить, сыскать, удавить, дожждаться, наестся*);

перфективное значение — это значение законченности действия без отношения к его результату (*вычистить, помереть, сгореть, умереть, заснуть*); если исходить из примеров, то трудно заметить различие между результативным и перфективным значением; по-видимому, это различие должно заключаться в том, что результативное значение имеют переходные глаголы, а перфективное — непереходные;

ингрессивное значение — это значение резкого, мгновенного начала недлительного действия (*возрыдать, прослезиться, прозреть*);

инхоативное значение — это значение начала длительного действия (*занять, побежать*).

«Легко заметить, что большая часть глагольных значений, отнесенных проф. Ульяновым к чисто видовым, на самом деле вытекает из реальных значений. <...> Таким образом, в трудах Г. К. Ульянова смешаны формообразующие видовые префиксы и глагольные приставки, выражающие яркие реальные значения; спутаны видовые грамматические и лексические количественно-временные значения и оттенки глаголов» [55, с. 424–425].

«Теория видов, выдвинутая проф. Г. К. Ульяновым, в значительной степени определила отношение к видам русского глагола в учении акад. Ф. Ф. Фортунатова, хотя Ф. Ф. Фортунатов — в отличие от Г. К. Ульянова — без всяких колебаний признавал разными словами, отдельными глаголами все соотносительные видовые вариации глаголов, даже образуемые пустыми префиксами.

Под влиянием трудов проф. Ульянова смешение лексических значений приставок с чисто грамматическими оттенками

видовых значениях окончательно укрепилось в русской лингвистической литературе о видах» [55, с. 425].

Ф. Ф. Фортунатов к числу видовых значений относил: дeтeрминативное (*поговорить*), инхoативное (*забeгать*), ингрессивное (*побежать*), финитивное (*отобедать*), общeрезультативное (*написать*), специальное результативное (*искусать, замучить*) и т. п.). «Таким образом, Фортунатов (так же как и Ульянов) смешал лексические оттенки времени, вносимые приставками, с чисто видовыми грамматическими значениями» [Там же. С. 426].

Эту традицию смешения грамматики с лексикой в учении о глагольном виде продолжил в трудах по современному русскому языку ученик Фортунатова академик А. А. Шахматов. Выдающийся историк русского языка, знаток русского летописания, Шахматов в 1911–1912 учебном году прочитал курс современного русского языка в Санкт-Петербургском университете; в следующем году этот курс под названием «Очерк современного русского литературного языка» был издан и затем несколько раз переиздан. В этом «Очерке» есть раздел, посвященный описанию глагольных видов в современном русском языке.

Видами вообще «называются те различия в глагольных образованиях, которыми обозначаются различия в способе прохождения (течения, совершения, выполнения) действия или состояния, выраженного глагольной основой» [102, с. 180]. Главных видов два: несовершенный (имперфективный) и совершенный (перфективный). Значение и употребление видов подлежит изучению в синтаксисе, тогда как в морфологии рассматриваются вопросы образования форм видов. Например, образование глаголов типа *падать* от *пасть*, *напевать* от *напеть*, *задувать* от *задуть* Шахматов трактует как образование глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида, то есть вне всякой связи с категорией способа действия. Общее правило образования видов таково: «... глагол несовершенного вида, сочетаясь с предлогом, переходит в совершенный вид; предлог утрачивает при этом свое реальное значение и указывает только или наступление результата действия, выраженного глаголом, или его окончание, или полноту его проявления, или, наконец, прекращение длительности» [Там же. С. 181]: *резать* — *зарезать*, *пылать* — *воспылать*, *знать* — *погнать* и т. п. Однако Шахматов не может не видеть того, что есть

множество приставочных глаголов несовершенного вида: *забыть, продавать, отпускать, отступить, объявлять* и т. д. Шахматов объясняет это факт ассоциативными отношениями между однокоренными словами: «...не может подлежать сомнению, что несовершенный вид в глаголах этой группы сохранялся под влиянием глаголов первой группы; при всех этих глаголах имеются родственные образования совершенного вида в сложениях с теми же предлогами: *забыть, подам, покину, одену, отпущу, зародит, отрешит, наступлю, изрыщит, изъяслю* и т. д.» [102, с. 185]. Иначе говоря, глагол *отпускать* потому является глаголом несовершенного вида, что есть соотносительный с ним глагол совершенного вида *отпустить*. Мы с радостью соглашаемся с этим выводом, но с одной оговоркой: чтобы могли возникнуть вторичные ассоциативные отношения между глаголами, эти глаголы должны просто быть, то есть должны быть образованы или заимствованы из церковнославянского языка для обозначения какого-то способа действия (об этом подробнее будем говорить в следующей главе).

Теперь остановимся на тех моментах, которые связаны с проблематикой способов глагольного действия. Эти вопросы затронуты Шахматовым в его труде «Синтаксис русского языка». Здесь нас в первую очередь интересуют те частные видовые значения, которые тем или иным образом сосуществуют и взаимодействуют в конкретных словоформах со значениями способов глагольного действия. Среди них наиболее важным является определительный подвид несовершенного вида: «Значение этого подвида — ограниченное проявление признака в наст. времени. Производные глаголы в сложении с префиксом *по* имеют значение признака, ограниченного в своем проявлении, проявляющегося только отчасти, немного: мы только посматриваем, мы только покручиваем свои усы, мы похаживаем и постукиваем каблучками. Префикс *по* для образования этого подвида входит в соединение только с производными основами на *-ива*, причем эта основа в некоторых случаях существует и вне сложения, а в других известна только в сложении: ср. *хаживаем при смотреть*» [103, с. 475].

Не можем не согласиться с выводом Виноградова: «Все же и в “Синтаксисе” Шахматова видовые значения смешиваются с лексическими значениями и оттенками, вносимыми при-

ставками, классификация видовых функций носит запутанный и смешанный полулексический, полуграмматический характер» [55, с. 428].

Таким образом, Шахматов не дошел до понимания автономного сосуществования категории способа глагольного действия и категории вида. Если бы он мог прочесть работу Потевни, то можно было бы сказать, что по сравнению с ним он сделал шаг назад. Для Шахматова виды и способы глагольного действия еще не суть «различные порядки наслоений», способы глагольного действия для него — это всего лишь «подвиды». Поэтому критика Шахматова Виноградовым в этом вопросе абсолютно справедлива.

То же неразличение категорий вида и способа глагольного действия находим и у А. М. Пешковского. Принявшись за обсуждение категории вида, Пешковский предупреждает читателя о том, что «категория эта — одна из труднейших в языке вообще, а в частности славянские совершенный и несовершенный виды до сих пор в науке не получили общепризнанного объяснения» [90, с. 104]. Трудность же состоит в том, что русские глаголы помимо или наряду с совершенностью или несовершенностью заключают в себе очень часто еще нечто, относящееся к протеканию действия. Если в глаголе *летит* ничего не прибавлено к лексическому значению, то в глаголе *летает* «при помощи суффикса *-а-* кое-что прибавлено. Именно, прежде всего указано, что движение совершается не непрерывно, что не все время совершенного движения сплошь заполнено этим движением; *летает* — это значит “летит” то туда, то сюда, делает повороты, на моменты, может быть, даже останавливается и т. д. Далее, в тесной связи с этими перерывами движения стоит и необходимость некоторой особой длительности движения. Таким образом, весь процесс обозначен здесь как дробящийся во времени своего проявления на части и как требующий в силу этого определенной длительности» [Там же. С. 104–105]. Помимо суффиксов, особые оттенки протекания действия, в частности, значения начала или конца действия, выражаются приставками. Все эти оттенки значения Пешковский называет видовыми, откуда и следует его общее определение этой категории: «...категория вида обозначает, **как**

протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола. Это и есть общее значение категории вида» [90, с. 105]. По существу, Пешковский «растворяет» категорию вида в категории способа действия, а так как способов протекания действия во времени очень много, то и категория вида оказывается очень сложной для грамматического описания. Неправильное общее определение вида ведет к неправильному определению как совершенного, так и несовершенного видов. Совершенный вид определяется Пешковским так: «Итак, на вопрос, поставленный нами в самом начале, “как протекают во времени те процессы, которые обозначаются основами совершенного вида”, получился совершенно неожиданный ответ: они совсем не протекают во времени, и вот это отрицательное и иррациональное представление и составляет чрезвычайно яркую и положительную характеристику совершенного вида» [Там же. С. 110]. Это определение вступает в явное противоречие с фактами. Например, глагол совершенного вида *заговорить* обозначает действие, которое началось в известный момент времени, например: *Он заговорил в половине пятого*. При различении категорий вида и способа действия характеристика глагола *заговорить* будет такая: это глагол совершенного вида начинательного способа действия.

Взгляды С. И. Карцевского

То же неразличение категорий вида и способа глагольного действия находим у С. И. Карцевского, правда, в рамках своеобразной и во многом реалистичной концепции видообразования. Образование видов, по Карцевскому, «полностью основывается на отглагольной деривации и не является ничем иным, как частным случаем глагольного словообразования в его совокупности. Видовое значение глагола зависит от места, которое он занимает в цепи отглагольного словообразования» [70, с. 119]. В общем виде эта цепь выглядит так: нсв > св > нсв > св, например: *играть > выиграть > выигрывать > навыйгрывать*. Это значит, что не всякие глаголы, связанные словообразовательными отношениями, участвуют в видообразовании, например, *касаться* нсв > *прикасаться* нсв.

С генеральным утверждением Карцевского согласиться нельзя, его следует переиначить следующим образом: образование видов **отчасти** основывается на отглагольной деривации и является ничем иным, как частным случаем глагольного словообразования; видовое значение глагола зависит **как** от места, которое он занимает **в синтагматической** цепи отглагольного словообразования, **так** и от тех **ассоциативных** отношений, в которые он вступает в пределах словообразовательного древа. Поясним это примером. По Карцевскому, глаголы *толкать* — *толкнуть* образуют видовую пару, потому что второй глагол образован от первого; при этом он не задается вопросом, как именно он образован, а если бы задался, то ему пришлось бы прибегнуть к ненаучному понятию «усечения» основы. В действительности же глаголы *толкать* и *толкнуть* не связаны отношениями словопроизводства, ибо они оба образованы независимо друг от друга от праслав. **тъlkti* (откуда *толку*, *толчешь*, *толчет* — *толочь*): глагол *толкнуть* < **тъlknqti* — это глагол однократного способа действия, а *толкать* < **тъlkati* — это глагол отвлеченно-длительного способа действия; в пределах словообразовательного древа эти два глагола столь разных способов действия вступили в ассоциативные отношения и образовали видовую пару. В описательной грамматике русского языка видовые отношения глаголов следует излагать, отвлекаясь от их словообразовательного генезиса.

Карцевский отмечает тот факт, что «приставочные глаголы часто значительно отличаются по смыслу от простых, ср., например, *играть* и *обыграть*, *разыграть* или *учить* и *проучить*, *отучить* и т. д.» [70, с. 123]. А это означает, что смысл словообразовательной языковой деятельности заключается не в том, чтобы образовать от глагола НСВ глагол СВ, в том, чтобы образовать глагол определенного способа действия, что в свою очередь обусловлено потребностями мышления и общения. И мы соглашаемся с Карцевским, когда он, почти противореча самому себе, пишет, что «вид — это явление в какой-то мере вторичное, которое прибавляется к явлению деривации» [Там же. С. 121]. На наш взгляд, неразличение категорий вида и способа глагольного действия помешало Карцевскому выйти из противоречия между только что приведенным утверждением

и утверждением о том, образование видов полностью основывается на реальной отглагольной деривации.

Смешение двух порядков явлений находим и в таком высказывании: «Иногда прибегают одновременно к приему вторичной суффиксации и префиксации, **чтобы образовать глаголы несовершенного вида** непосредственно от основных глаголов. Так создаются, например, обе серии глаголов несовершенного вида, которые Шахматов называет *комитативные*, например *приплясывать, поддакивать, припевать, притоптывать...* и *дистрибутивные*, например, *перекопать, перезванивать* и др., не имеющие соответствующего совершенного вида» [70, с. 124]³³. Последнее утверждение не вполне верно: при глаголах *поддакивать* и *притоптывать* имеются видовые пары *поддакнуть* и *притопнуть*, ср.

Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как *притопнет!*...
«Ах ты, мерзкое стекло!»

[А. С. Пушкин. «Царь с царицею простился...» / Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях (1833)].

Карцевский прав только в том отношении, что образование видовых пар у комитативных глаголов затруднено, но, как видим, не исключено. Целевой, по Аристотелю, причиной образования названных глаголов было не образование глаголов несовершенного вида, а образование глаголов комитативного и дистрибутивного способов действия, а их несовершенный вид — это побочный и, так сказать, «незапланированный» результат этой деривации, впрочем, важный для грамматической системы русского языка.

Смешение двух порядков явлений проявляется и в том, что в каждом из видов приходится выделять его разновидности, называемые Карцевским модальностями, что по-русски можно перевести как способ (действия). В перфективном виде Карцевский выделяет такие модальности, как финальная, начинательная и аттенуативная.

³³ Выделено мною. — А. К.

«Финальная модальность фиксирует наше внимание на конце процесса» [70, с. 127]: *сделать, написать, вспомнить, прочитать, поцеловать, укусить*.

«Начинательная модальность сводит процесс к моменту его начала. Она чаще выражается посредством приставки *за*, например, *заиграть, забéгать, засуе́титься, запеть, заговорить* и т. д.» [Там же. С. 127].

«Аттенуативная модальность сокращает, так сказать, размеры процесса до минимума» [Там же. С. 128]: *поработать, пожить, поиграть, почитать, побегать* и т. д.

Еще раз подчеркнем, что целевой причиной словообразовательного акта было не образование перфективов как таковых, а образование глаголов именно этих способов действия.

Единственным бесспорным случаем чистого видообразования средствами словообразования Карцевский считает вторичную имперфективацию, то есть случаи типа *выиграть* — *выигрывать*. Он пишет: «Вторичные глаголы несовершенного вида во всех отношениях тождественны глаголам совершенного вида, от которых они образованы. Они наследуют и их семантические значения, и их переходность», поэтому «напрасно было бы искать в явлении имперфективации что-либо семантическое» [Там же. С. 132]. Нам трудно с этим согласиться, так как, во-первых, сами видовые отношения относятся к области грамматической семантики, а во-вторых, потому, что глаголы *выиграть* — *выигрывать* и им подобные относятся к разным способам глагольного действия: первый — к результативному, второй — в зависимости от контекста к многократному или отвлеченно-длительному. Эти глаголы связаны словообразовательными отношениями, которые можно описать так: глаголы типа *выиграть* означают обнаружение действия в его полном объеме, а глаголы типа *выигрывать* — или постоянство действия, или его повторяемость, например: *Мой брат все время выигрывает у меня в шахматы, вот и сегодня выигрывает и обязательно выигрывает*.

Карцевский приводит ряд фактов, которые свидетельствуют о неких «странностях» русского глагольного вида. Например, такие: существуют глаголы совершенного вида без соответствующих вторичных глаголов несовершенного вида (*сделать, сыграть, суметь, поседеть, поцеловать*); мгновенные

глаголы совершенного вида не имеют парных вторичных имперфективов (*стукнуть, топнуть, толкнуть*); существуют глаголы неопределенного вида, чей «вид» определяется контекстом; существуют приставочные глаголы, которые, несмотря на наличие приставки, остаются глаголами несовершенного вида (*преобладать, сострадать, сожалеть, отсутствовать, заведовать, принадлежать*).

Все эти «странности» приводят нас к выводу, прямо противоположному тезису Карцевского, а именно: глагольное словообразование имеет не прямое, а лишь косвенное отношение к видообразованию, так как видовые отношения возникают как побочный продукт словообразования.

Взгляды В. В. Виноградова

Замечательной особенностью книги академика В. В. Виноградова «Русский язык» является ее историзм, то есть стремление рассмотреть каждую грамматическую категорию в историко-научном освещении. Это относится и к категории вида и связанной с ней категории способа действия.

В первый период [55, с. 393–397] усилиями Ю. Крижанича, И. Фатера, А. Таппе, А. В. Болдырева, А. Чаплина происходит эмансипация категории вида от категории времени, признание глаголов разных видов отдельными глагольными словами, а не формами одного глагола, ограничение количества видов двумя, тремя или четырьмя (совершенный — несовершенный, по учению А. Чаплина; несовершенный — совершенный — многократный, по учению А. Х. Востокова; неопределенный — учащательный — однократный — совершенный, по учению Болдырева). Правда, у некоторых авторов, например, у Востокова, виды признаются соотносительными формами одного глагола, а из основных видов выделяются подвиды: «Так, в категории неокончательного вида намечались различия между глаголами определенными (*везти и лететь*) и неопределенными (*возить, летать*). Совершенный вид делился на три подвита: совершенный-начинательный (*запеть, пойти, стану хвалить*) и совершенный-окончательный (*похвалить, дойти, пропеть*), в пределах которого в свою очередь выделялись оттенки длительного (*полюбить, догнать*) и мгновенного, или однократного (*двинуть*), подвидов» [Там же. С. 396].

С нашей точки зрения, это означает, что категория способов действия в этот период еще не эмансипировалась в научной рефлексии от категории вида.

Следующий период связан с появлением «Филологических наблюдений» Г. Павского, который в видовых различиях глаголов выдвинул на первый план количество времени, занимаемое действием. На этом основании выделяются три степени длительности, средствами образования которых является префиксация и суффиксация. Глаголы разных степеней суть разные слова. Формы времени поставлены в полную зависимость от видов (степеней).

От идей Павского отталкивался К. А. Аксаков, создавая свое учение о трех степенях качественности русского глагола — неопределенной, однократной и многократной, — которые являются у него формами одного и того же глагола.

Теория Аксакова и Павского была углублена Н. П. Некрасовым в его учении о силе действия как основной качественной характеристике действия, впрочем, измеряемой временем.

Завершая обзор грамматических трудов данного периода, Виноградов заключает: «Теория трех степеней представляет собой оригинальную попытку осмыслить виды русского глагола как разные формы выражения степеней качества. Понятие степени раскрывалось или как сочетание количественно-временных и пространственных признаков действия (Павский), или как сочетание количественно-временных и качественно-временных признаков (Аксаков), или как сочетание качественно-временных признаков с признаками силы, энергии действия (Некрасов). Несмотря на ряд отдельных глубоких наблюдений, теории Павского, Аксакова, Некрасова не охватывали всех явлений видового соотношения и явно смешивали кратные значения и оттенки с качественно-видовыми» [55, с. 400]. Этот период завершается работами А. А. Потевни, чья критика предшественников привела к более ясному представлению о виде как грамматической категории и в ее особенности, и ее связи с категорией времени. Мы опустим здесь изложение Виноградовым концепции Потевни, так как сами сделали это выше.

Учение о виде как соотносительной категории глагольных слов, состоящей из трех, четырех, а по современным представлениям из двух членов, становится общепринятым, и «основной

задачей изучения видов становилось выяснение разнообразных видовых оттенков глагола и объединение их вокруг основных, центральных значений» [55, с. 403–404].

Так, проф. А. Будилович разновидностями несовершенного вида считал три: неопределенный (*лежать*), усиленный (*бирать*), начинательный (*худеть*), а разновидностями совершенного вида считал два: окончательный (*родить*) и мгновенный (*крикнуть*); кроме того, второстепенными видовыми оттенками являются фактичность и возможность действия (*плыть* и *плавать*), однообразие и разнообразие (*иду* и *хожу*), однократность и многократность, полнота и неполнота (*застрелить* и *подстрелить*), законченность и незаконченность, ошутимость и неошутимость и т. п. [Там же. С. 404]. Проф. Г. К. Ульянов подверг критике понятие однократного вида в соотносительности с понятием многократности: в действительности многократность есть действие по существу длительное, а однократность — законченное, поэтому его лучше обозначать термином «моментальное действие».

Все это, с нашей точки зрения, означало, что в поле зрения лингвистов стали попадать семантические явления, связанные с характером действия, но эти явления рассматривались чисто логически — как «виды» родовых понятий совершенного и несовершенного вида. Вопрос о генезисе «подвидов» даже не ставился, хотя исторически «подвиды» появились раньше «видов».

«Вместе с тем вошла в общий научный и учебный обиход (особенно под влиянием учения Потебни и фортунатовской концепции формы отдельного слова) мысль о том, что разные видовые образования от одной и той же основы всегда являются разными словами» [Там же. С. 403–405].

Вопрос о взаимодействии словообразования и видообразования Виноградов решает в духе подлинного историзма: словообразование создает слова, а грамматика втягивает некоторые из этих слов в новые, чисто грамматические отношения. Он пишет о том, что благодаря словообразованию «возникает цепь глаголов с одной и той же основой, отвечающих друг от друга и примыкающих один к другому, но находящихся на разных ступенях близости по отношению к основному глаголу, от которого начался процесс словопроизводства. Категория вида стягивает звенья этой цепи, переплетая их парами. Каждая пара

стремится слиться в одно слово, образовать чисто видовое соотношение. Категория вида как бы сцепляет парные формы, находящиеся на смежных ступенях словопроизводства» [55, с. 411]. Этот процесс Виноградов поясняет целым словообразовательным древом, из которого мы воспроизводим один фрагмент:

- 1) дергать → *вы́дергать* → *выдергивать*
- 2) дернуть → *выдернуть*.

Выделенные курсивом слова созданы разными способами, с помощью разных средств, имеют разное словообразовательное значение; однако грамматика втягивает эти слова для выражения новых, чисто грамматических отношений несовершенного — совершенного видов. Исторические данные подтверждают это: глагол *выдергать* известен с 1598 г., *выдернуть* — с 1676 г., а *выдергивать*, по данным [12], — с 1775 г., поэтому в видовые отношения эти глаголы (*выдернуть* и *выдергивать*) смогли вступить не ранее последней даты.

Виноградов довольно точно описывает динамический процесс взаимодействия словообразования и грамматики: «Категория вида является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений. В грамматике укрепляется тенденция соединять глагольные образования от одной и той же основы в соотносительные (коррелятивные) видовые пары. Между тем в лексике обнаруживается тенденция к производству от одной и той же основы множества разных глаголов, выражающих разные действия или разные оттенки какого-нибудь действия. Главным средством образования новых лексических значений и оттенков в глаголе являются приставки. Как противодействие этому лексическому дроблению однородных образований в грамматике усиливается тенденция к “грамматикализации” приставок, к превращению их в инструмент чисто видового соотношения форм. Грамматика стремится внести стройный порядок в родственные связи слов, превращая подходящие слова в соотносительные видовые формы одного глагола (например: *чувствовать* — *почувствовать*; *петь* — *спеть*; *фиксировать* — *зафиксировать*; ср.: *готовить* — *приготовить* — *приготовлять* и т. п.)» [55, с. 410–411]. Неточностей здесь две. Во-первых, в словообразовательных отношениях есть свой стройный порядок, поэтому нет оснований противопоставлять лексический «хаос» грамматическому «космосу». Во-вторых, с точки зрения современных представлений, глаголы

чувствовать — *почувствовать*; *петь* — *спеть*, хотя и являются глаголами разных видов, видовой пары не образуют, так как не отвечают «критерию Маслова».

Наконец, спорным является вопрос о том, являются ли члены видовой пары одним глагольным словом или остаются разными словами. Как видно из книги Виноградова, этот вопрос решался лингвистами по-разному, но нам кажется, что эти противоположные, казалось бы, мнения можно примирить, если применить принцип дополнительности, когда свойства предмета зависят от точки зрения. Лексикологу и дериватологу естественно видеть в членах видовой пары разные слова, тогда как грамматисту столь же естественно видеть в них формы одного слова. Различие в подходах отмечает и Виноградов: «Видовые соотношения покоятся на качественных оттенках действия, а в схеме глагольного словопроизводства резко сказываются и количественные различия в проявлении действия» [55, с. 412]. Однако грамматические видовые значения не отменяют словообразовательных, они лишь, говоря словами Потебни, «наслаиваются» на них.

Виноградов упрекает в недостаточной зоркости тех лингвистов, которые смешивают эти два типа значений; так, «в учении о виде Шахматов явно смешивает грамматические понятия и значения с лексическими» [Там же. С. 422]: глагол *прождать* — это не видовая пара к глаголу *ждать*, так как приставка *про-* еще не потеряла своего реального лексического значения. Точно так же академик Ф. Ф. Фортунатов в учении о значениях совершенного вида выделял такие значения, в которых смешивались собственно грамматическое видовое значение с реальным лексическим.

Сам же Виноградов, с одной стороны, стремится выявить в современном русском языке живые типы «чистых» видовых корреляций, не осложненных количественными значениями, а с другой стороны, установить разряды глаголов с «примесью», как он выражается, количественных оттенков.

Что касается вторых, то Виноградов, вслед за Востоковым, Ульяновым, Фортунатовым и Шахматовым, выделяет четыре таких разряда: 1) длительно-комитативный разряд глаголов, обозначающих действия, сопровождающие другое действие (*приплясывать*); 2) длительно-

дистрибутивный разряд глаголов, обозначающих действия, направленные в разные стороны (*расхаживать*); 3) длительно-дистрибутивно-взаимный разряд глаголов, обозначающих длительные действия, происходящие между несколькими участниками (*переругиваться*); 4) длительно-прерывистый разряд глаголов, обозначающий действия перемежающиеся, ослабленные и прерывистые в своем проявлении (*покашливать*) [55, с. 419–420]. Кроме этого, Виноградов дает весьма содержательный обзор приставок, выражающих различные обстоятельственные проявления действия: ингрессивный, инхоативный, достигательный, пердуративный, финитивный и другие способы действия. Этот очерк, при всей его краткости, очень выразителен и, главное, не вызывает сомнений.

Сомнения возникают при чтении раздела о чисто видовых приставках. Виноградов утверждает, что «некоторые глагольные приставки превращаются в чисто видовые префиксы и служат простым грамматическим средством образования форм совершенного вида. Из словообразующих приставок они становятся формообразующими префиксами» [Там же. С. 435]. В качестве примеров чисто видовых префиксов приводятся: *о-* (*одичать* — *одичать*), *по-* (*желтеть* — *пожелтеть*), *с-* (*грешить* — *согрешить*), *из-* (*ваять* — *изваять*), *на-* (*писать* — *написать*), *вз-* (*бесить* — *взбесить*), *при-* (*готовить* — *приготовить*), *у-* (*топить* — *утопить*). Почему и общее утверждение, и примеры сомнительны? Потому что если применить «критерий Маслова», то окажется, что все эти пары глаголов не являются видовыми парами, так как глаголы совершенного вида нельзя перевести в план *praesens historicum*. Следовательно, это не формы одного глагольного слова, а разные глаголы, из которых приставочные обозначают разные оттенки завершенности, результативности, финитивности. Поэтому мы не можем согласиться с конечным выводом великого лингвиста: «Так, грамматика ведет наступление на лексику и обращает словообразовательные элементы в формообразующие префиксы видовых форм одного глагола» [Там же. С. 438]. Реалистичнее выглядит другой вывод ученого: «Грамматика не может преодолеть сопротивления словаря, а иногда и фонетики» [Там же. С. 439].

Таким образом, в учении Виноградова дифференциация грамматической категории вида и лексико-словообразовательной категории различных качественных способов действия достигла

высокой степени рефлексии, но сами способы еще не стали объектом специального лингвистического изучения; отчасти это было связано с тем, что этот объект не получил специального терминологического обозначения.

Взгляды А. В. Исаченко

Предметом научной рефлексии способы глагольного действия стали в труде А. В. Исаченко «Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким», первое издание которого вышло в 1954–1960 гг. По утверждению А. В. Исаченко, впервые грань между видом (Aspekt) и способом действия (Aktionsart) была проведена шведским славистом С. Агреллем; переводом Aktionsart на чешский язык стал термин způsob slovesného děje, русской калькой которого и стал термин «способ глагольного действия», введенный в русскую науку Ю. С. Масловым.

Исаченко прямо утверждает, что «без чёткого и принципиального разграничения понятий глагольного вида и того, что мы будем называть “совершаемостью глагольного действия”, научная разработка славянского глагола в настоящее время немислима» [67, с. 209]. Нам особенно импонирует то, что благодаря термину «совершаемость» проблематика способов действия перестает быть подчиненной категории вида. Исаченко продолжает традицию эмансипации категории способов действия от категории вида, заложенную Потемной, хотя труды последнего в этой области более полувека пролежали под спудом в архиве ученого. Исаченко пишет: «Вводимый нами термин “совершаемость глагольного действия” или просто “совершаемость” имеет в виду определенную семантическую модификацию глагола, указывающую, как именно действие, выражаемое глаголом, совершается (prebieha или koná sa). Термин “совершаемость” имеет, на наш взгляд, несколько преимуществ перед такими терминами, как “подвид” или “способ глагольного действия”. Термин “подвид” вызывает представление, будто речь идёт о категории, подчинённой категории вида, о явлениях одинакового порядка, о том же иерархическом отношении, какое в биологии определяется понятиями “вид” и “подвид”. С точки зрения русской грамматической терминологии термин “совершаемость” включается в ряд таких абстракт-

ных (не “описательных”) терминов, как “спряжение”, “залог”, “вид”, “изъявительное наклонение” и т. п.» [67, с. 210]. Однако термин «совершаемость» имеет тот недостаток, что он может сбить с толку, ибо наводит на мысль о том, будто бы несовершенный — совершаемый — совершенный суть однопорядковые явления. Ввиду этого мы будем пользоваться устоявшимся термином «способ глагольного действия».

К ведению какого раздела языкознания следует отнести совершаемость, то есть способы глагольного действия, — к грамматике или к лексике? Исаченко в этом вопросе занимает срединную позицию. «Читатель, несомненно, с нетерпением ждёт ответа на “роковой” вопрос: к какой же области языка относится, наконец, то, что здесь названо “совершаемостью”, к грамматике или к лексике, к формообразованию или к словообразованию? Если образование совершаемостей является приёмом грамматическим, то следует без оговорок ввести термин “формы совершаемости”. А если грамматическая форма является конкретизацией грамматической категории, то и совершаемости надо будет считать грамматическими категориями. Но правомерно ли умножать число глагольных категорий славянских языков? Не противоречит ли введение новой грамматической категории всему тому, что является тщательно отработанным достоянием русской и вообще славянской грамматической традиции? А если “совершаемости” не могут быть признаны грамматическими категориями, то их следует просто отнести к приёмам глагольного словопроизводства, к лексике, и в этом случае им нет места в курсе, посвященном грамматическому строю русского языка» [Там же. С. 219]. При строгом понимании того, что собой представляет грамматическая категория, совершаемость нельзя отнести к сфере грамматики, но это не мешает автору «рассматривать совершаемости как явления, стоящие на грани между (лексическим) словообразованием и (грамматическим) формообразованием. Отнести совершаемости огульно к лексике — это значит не видеть их специфического места в кругу славянского внутриглагольного слово- и формообразования» [Там же. С. 220–221]. Этот вывод получает особую весомость при историческом взгляде на проблему. Несомненно, генетически способы глагольного действия — это словообразовательные модели образования глагольных слов,

но в ходе исторического развития языка отношения между многими словами грамматикализуются и слова часто превращаются в подобие форм одного глагольного слова. Именно такая динамическая модель была предложена акад. В. В. Виноградовым, хотя он и не исследовал вопрос с исторической точки зрения.

Для уяснения специфики способов глагольного действия важно учитывать их отличие от того, что Исаченко называет характером глагольного действия. Способы глагольного действия всегда имеют формальное выражение при помощи приставок и суффиксов, в отличие от чисто семантического «характера глагольного действия»; последний не имеет формального выражения и сказывается косвенно, как, например, у фазисных глаголов типа *скакать*, *колоть* или у глаголов перемещения типа *идти*, *бежать*.

Главной особенностью способов глагольного действия, в понимании Исаченко, «является отсутствие соотносительных парных глаголов другого вида» [67, с. 217]. К *закричать* нет **закрикивать*, а *кричать* — *закричать* не образуют видовой пары в силу различного лексического значения. В случае же полной лексической тождественности при различии видов (например, *дать* — *давать*) имеет место не совершаемость, а чисто грамматическая соотнесенность. С последним мы можем согласиться лишь отчасти. С синхронной точки зрения *дать* — *давать* можно условно описать как две формы одного глагольного слова, но с исторической точки зрения, как указывал Потебня, было время, когда глаголы *дать*, *пасть* не были глаголами совершенного вида и стали таковыми только после того, как появились глаголы отвлеченно-длительного способа действия *давать*, *падать*. Совершенно верно, что «совершаемости в наших языках не составляют парадигмы» [Там же. С. 217], тогда как видовые отношения парадигматичны, но эта парадигматичность вторична: если бы не возник глагол отвлеченно-длительного способа действия *давать*, то и глагол *дать* не стал бы глаголом совершенного вида, а *давать* — несовершенного.

Нам кажется, что Исаченко создает себе искусственные трудности, когда говорит, что глагол *проходить* (целый день) — это пердуратив к глаголу *ходить*, потому что нет глагола

**прохаживать* (целый день), а глагол *просидеть* не является глаголом длительно-ограничительного способа действия к *сидеть* только потому, что есть глагол *просиживать*, то есть имеется один глагол в двух формах *просидеть* // *просиживать*. Исаченко видит разницу между глагольным словообразованием в узком смысле слова и образованием совершаемостей: хотя последние также выражаются при помощи суффиксов и приставок, они «остаются *ex definitione* одновидовыми. Применение словообразовательных приёмов в собственном смысле этого термина приводит, напротив, к возникновению новых глагольных лексем, наделённых — по отношению к исходному глаголу — качественно новым значением (ср. *крыть* — *открыть*, *играть* — *проиграть*) и представленных, как правило, соотносительными видовыми парами (ср. *открыть* — *открывать*, *проиграть* — *проигрывать*). Понять и учесть эту существенную разницу между образованием совершаемостей и образованием качественно новых лексических единиц — это значит понять и учесть некоторые немаловажные системные черты славянских языков» [67, с. 300]. Возможно, это так и есть, но с исторической точки зрения на язык такие ограничения, как нам кажется, только мешают рассмотрению процесса образования слов. С этой точки зрения, существенно иное, о чем также пишет Исаченко: «Одной из наиболее характерных черт славянского глагола является его способность модифицировать основное лексическое значение с разных сторон, сосредоточивать внимание то на определённых отрезках действия (на его начале, конце, на ограниченном во времени отрезке), то на степени интенсивности проявления действия (смягчение, усиление), то, наконец, на его внутренней расчленённости (многократность, дистрибутивность, прерывность) и т. п. Совершаемости, образуемые от одного и того же глагола, не составляют строгой “системы” в смысле бинарных противопоставлений» [Там же. С. 295]. С нашей точки зрения, эти слова наилучшим образом свидетельствуют о том, что способы глагольного действия — это способы образования новых глагольных слов. Срединное положение совершаемостей между видообразованием, которое, по Исаченко, ограничено сферой образования так называемых вторичных глаголов несовершенного вида (*открыть* — *открывать*), и образованием новых глагольных слов вполне обосновать не удалось.

Всего, по учению Исаченко, в русском языке имеются следующие способы глагольного действия (совершенности): 1) начинательный, 2) эволютивный, 3) ограничительный, 4) смягчительный, 5) терминативный, 6) пердуративный, 7) финитивный, 8) эксгаустативный, 9) тотально-объектный, 10) сатуративный, 11) кумулятивный, 12) достигаемый, 13) результативно-квалифицирующий, 14) однократный, 15) многократный, 16) прерывисто-смягчительный, 17) осложненно-интенсивный, 18) сопроводительный, 19) взаимный, 20) распределительный. С точки зрения выразительных средств славянского глагола, «именно совершенности, со своей необыкновенно богатой палитрой тонких и тончайших оттенков значения, придают славянскому глаголу ту многогранность и гибкость, которая в кругу европейских языков не имеет параллели» [67, с. 300]. Описанием этих способов, данным Исаченко, мы воспользуемся в итоговом разделе — в Приложении.

Взгляды Ю. С. Маслова

Первым, кто в отечественной литературе терминологически обозначил количественные характеристики действия как особый объект исследования, был Ю. С. Маслов. В ранней статье 1959 г. он писал, что термин «способ действия» — это «калька немецкого Aktionsart, в течение нескольких десятилетий использовавшегося без дифференциации для обозначения как вида, так и других явлений в сфере аспектуальности, а позже противопоставленного термину “вид” (Aspekt) — впервые в 1908 г. у С. Агрелля» [82, с. 30]. Способы действия могут быть определены как «некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [Там же. С. 31].

Эта тема получила дальнейшую разработку в новых исследованиях Маслова, но мы остановимся на одной статье 1965 г., где приведена номенклатура способов глагольного действия, — «Система основных понятий и терминов славянской аспектологии».

Прежде всего нам хочется обратить внимание на мысль Маслова о том, что категории глагольного вида и способа глагольного действия не образуют иерархии, потому что «изменение вида во многих случаях (и прежде всего именно при перфективации) есть лишь побочный продукт словообразовательного процесса» [82, с. 373].

В уточненном определении способов действия обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, то, что «способы действия — это семантические (именно семантические, а, скажем, не словообразовательные!) разряды глаголов» [Там же. С. 385]. Во-вторых, то, что способы действия «не составляют рубрик единой классификации и, следовательно, в широких масштабах перекрещиваются между собой» [Там же]. Это значит, что может быть предложено несколько принципов классификации способов действия. Сам Маслов считает наиболее существенным разделение способов действия на предельные и непредельные: если первые выражают «действие, направленное на достижение какого-то, самой “природой” этого действия предусмотренного предела», то вторые выражают действие или состояние, «не направленное на достижение предела, не содержащее в себе никаких предпосылок своего завершения»; в «славянских языках непредельный глагол может выступать только в несовершенном виде» [Там же. С. 388].

От дальнейших подразделений и поисков логических оснований для них Маслов отказывается по причине того, что «в самой языковой действительности способы действия не образуют стройной системы с конечным числом подразделений» [Там же. С. 389]. Поэтому он просто приводит в произвольном порядке список способов действия с рекомендациями относительно того, какие термины являются удачными, какие неудачными для их обозначения. Приведем здесь этот список только с рекомендованными терминами:

1) начинательный, или ингрессивный — *забѣгать, побѣжать*; 2) аугментативный — *разговориться, раскудахтаться, рассвирипеть*; 3) ограничительный, ограниченно-длительный, делимитативный — *полежать, поговорить*; 4) пердуративный — *проболеть* (всю зиму); 5) смягчительный, или аттенуативный — *поразвлечь, подзабыть, надпилить, вздремнуть*; 6) общерезультативный — *прочитать, увянуть, вооружить*,

разоружить, войти, выйти, дать, лишить; 7) специально-результативный способ действия с рядом оттенков, например: а) особой интенсивности, эффективности, основательности действия: *зачитать* (до дыр), *замучить*; б) тотально-объектным: *исходить* (все места), *изругать*; в) полной поглощенности действием: *заговориться, зачитаться*; г) квалифицирующим: *изолгаться*; д) чрезмерности действия: *переплатить*; 8) комплетивный — *дописать, догореть*; 9) финитивный — *отобедать*; 10) сатуративный — *нагуляться, налюбоваться*; 11) суммарный, кумулятивный, накопительный способ действия с подразделением на: а) собственно-кумулятивный: *наездил* (столько-то км) и б) партитивно-кумулятивный: *наносил дров, начитался романов*; 12) дистрибутивный, или распределительный: а) с оттенком поочередности: *перепробовать*, б) без такого оттенка: *попадать, повставать, пооткрывать*; 13) суммарно-дистрибутивный, или кумулятивно-дистрибутивный — *понастроить, понавывдумывать*; 14) семейфактивный, или одноактный — *кольнуть, махнуть, ступить, сбегать*; со специальным оттенком интенсивности: *толкануть*; 15) инхоативный — *сохнуть, стареть*; 16) многократный, или итеративный — *бывать, едал, писывал, захаживал*; 17) прерывисто-смягчительный — *покалывать, покашливать, почитывать*; 18) сопроводительный, или комитативный — *подпевать, приговаривать*; 19) осложненно-интенсивный — *выплясывать, вырисовывать*; 20) длительно-дистрибутивный — *расхаживать, разгуливать, распевать*; включая оттенки — смягчительный: *накрапывать, напевать* и взаимный: *пересмеиваться, переругиваться*; 21) мультипликативный, или многоактный — *качать, махать, клевать, колоть*; 22) статальный (глаголы состояния): *стоять, спать, любить, наличествовать, знать, учительствовать, грустить*; 23) эволютивный (глаголы развития) — *писать, шить, расти*; 24) определенно-моторный, или определенные, или однонаправленные глаголы перемещения — *идти, нести, бежать*; 25) неопределенно-моторный, или неопределенные, или ненаправленные глаголы перемещения — *ходить, носить, бегать*.

Можно заметить, что Маслов решил не принимать во внимание различие понятий «способа действия» и «характера действия», предложенное Исаченко. На наш взгляд, это ошибка, потому что в таком случае в одной группе, например, неопреде-

ленных глаголов перемещения окажутся такие разные по способу действия глаголы, как *бежать*, *убежать*, *разбежаться*, *пробежаться* и др. Если же эти понятия различать то, глагол *бежать* будет глаголом отвлеченно-длительным по способу действия и глаголом перемещения по характеру действия. Характер действия — это чисто семантическая категория, а способ действия — словообразовательная; по способу действия глаголы группируются в лексико-словообразовательные разряды (см. *Приложение*).

Взгляды А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина

А. В. Бондарко рассматривает способы действия в рамках более широкой категории аспектуальности, которая охватывает различные средства выражения характера протекания действия и имеет иерархическое строение. Ее ядром является вид глагола, который «обозначает различия в представлении протекания действия с точки зрения его целостности / нецелостности, процессности / непроцессности», а периферией — во-первых, способы действия — «семантические разряды глаголов, определяемые по признаку сходства в типах протекания глагольного действия», во-вторых, «неглагольные лексические показатели характера протекания действия: длительности (*долго*, *всю ночь* и т. п.), непрерывности (*непрестанно*, *непрерывно* и т. п.), мгновенности, процессности, нарастания интенсивности действия и т. д.» [50, с. 4–5].

Свою трактовку способов действия А. В. Бондарко изложил вместе с Л. Л. Буланиным в книге «Русский глагол». Эти авторы развивают идею Ю. С. Маслова о том, что «способы действия можно было бы подразделить на: а) такие, которые имеют морфемную характеристику (т. е. представляют собой известные словообразовательные разряды, продуктивные или непродуктивные), и б) такие, которые не имеют определенной морфемной характеристики и проявляют себя лишь в своем специфическом функционировании. При таком делении выделялась бы и промежуточная группа способов действия (в), морфемно характеризованных лишь в какой-то части охватываемой каждым из них лексики. Было бы неплохо разграничить все эти группы терминологически» [82, с. 386]. Именно на эти три группы и разделяют способы действия Бондарко и Буланин:

а) х а р а к т е р и з о в а н н ы е способы действия, у которых их значение выражается словообразовательными средствами;

б) нехарактеризованные способы действия, у которых выражение протекания действия является частью их лексического значения;

в) промежуточная группа непоследовательно характеризованных способов действия.

Среди характеризованных способов действия авторы выделяют следующие: 1) начинательный, 2) усилительный, 3) ограничительный, 4) длительно-ограничительный, 5) смягчительный, 6) финитивный, 7) комплетивный, 8) интенсивный, 9) накопительный (кумулятивный), 10) распределительный (дистрибутивный), 11) инхоативный, 12) многократный, 13) прерывисто-смягчительный, 14) длительно-смягчительный, 15) сопроводительный (комитативный), 15) взаимный.

Среди непоследовательно характеризованных выделяются: 1) общезерезультативный, 2) многоактный, 3) одноактный, 4) однонаправленные и ненаправленные глаголы движения. В отношении последнего мы можем лишь сказать, что авторы воспроизводят ту ошибку Маслова, о которой мы говорили выше, то есть неразличение понятий способа и характера действия.

Среди нехарактеризованных способов действия выделяются следующие:

1) глаголы состояния (статальный способ действия), 2) глаголы отношения (реляционный способ действия), 3) глаголы развития (эволютивный способ действия) [51, с. 14–28].

Если описание первых двух разрядов (характеризованных и непоследовательно характеризованных) весьма содержательно и это описание будет нами использовано в заключительной части (см. Приложение), то само выделение нехарактеризованного разряда способов действия мы должны подвергнуть критике. Если посмотрим на приводимые авторами примеры статального способа действия: *висеть, держать, лежать, сидеть, стоять, спать, молчать, безмолвствовать, болеть, голодать, мучиться, страдать; беспокоиться, бояться, гордиться, горевать, грустить, злобствовать, надеяться, нервничать, ревновать, скучать, блеснуть, белеться, виднеться, зиять, находиться*, — то увидим, что все они являются производными при помощи разных суффиксов (-а-, -ва-, -е- < -ть-, -ова- / -у-, -и-), то есть являются характеризованными и этим «характером» выражают отвлеченно-длительный, по Потебне,

способ действия. С исторической точки зрения, нехарактеризованными можно признать, наверное, лишь такие производные глаголы, как *несу* — *нести*, *везу* — *везти*, *веду* — *вести* < **vedti*, *колю* — *колоть* и др. Все они, по Потепне, относятся к конкретно-длительному способу действия.

Взгляды Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева

Последняя книга, на которую мы обращаем внимание читателя, — это «Лекции по русской аспектологии», опубликованные в Мюнхене в 1997 г. и затем дважды переизданные в 2000 и 2015 г. Мы пользуемся последним, исправленным и дополненным, изданием.

Благодаря работам предшественников (Ю. С. Маслов, А. В. Исаченко и др.) для этих авторов уже не существует проблемы сущностного определения того, что такое способы действия в их отличии от категории вида: способы глагольного действия безусловно относятся к области словообразования; согласно определению, «способами глагольного действия принято называть различные типы семантических модификаций глагола, выраженные определенными формальными средствами (приставками, суффиксами или их комбинацией). Способ действия можно рассматривать как одно из проявлений понятийной категории аспектуальности (т. е. способа существования ситуации во времени). Однако, в отличие от вида, категория способа действия в русском языке не является грамматической» [65, с. 110].

Судя по всему, авторы принимают предложенное Исаченко различие между понятиями способа действия и характера действия и потому не включают в число способов глаголы перемещения, с чем мы согласны.

Критерием, на основании которого способы глагольного действия выделяются из обширной сферы глагольного словообразования, является, по мнению авторов, не столько семантика, сколько регулярность образования. Именно ввиду разнообразия формальных средств, используемых при образовании глаголов, обозначающих результат целенаправленного действия, а также ввиду содержательной расплывчатости границ данного класса эта группа глаголов не включена в список способов действия [Там же. С. 111]. Однако и оставить «бесхозными» такие глаголы, как *прочитать*, *разрѣзать*, *съесть*, *подмести*, *замучить*,

дописать, нельзя, так как они, на наш взгляд, все же обозначают вполне определенный способ существования ситуации во времени, отличный от способа, выражаемого их производящими глаголами *читать, резать, есть, мести, мучить, писать*.

Авторы предупреждают о тех сложностях, которые существуют при отнесении конкретного глагола к тому или иному способу действия. Во-первых, это может быть связано с тем, что «либо исходный глагол отсутствует, либо его связь с производным семантически не мотивирована, ср. *набраться* в значении ‘прийти в состояние алкогольного опьянения’, *вспокоиться, встрепнуться, вспылить, зарваться, зазнаться, добиться* <цели> и т. п.» [65, с. 112] Немотивированность глагола *набраться*, однако, нетрудно оспорить: тут действует остроумная метафорическая, вполне прослеживаемая образная мотивация периферийного типа, когда семантика производящей основы связана с семантикой производного лишь периферией своего значения, а средством словообразования часто выступает конфикс.

Во-вторых, это связано с семантическими сдвигами в значении глагола. Например, в один ряд с глаголами прерывисто-смягчительного способа действия *покуривать, помешивать, покашливать* не может быть поставлен глагол *помалкивать*: хотя он и образован по регулярной модели, но не имеет значения ‘время от времени немного молчать’. На наш взгляд, это неверно. Не следует отождествлять собственно словообразовательное значение и лексическое, актуальное в данное время значение глагола. В словарях современного русского языка этот глагол толкуется так: ‘молчать, воздерживаясь или уклоняясь от разговоров, высказываний’ [11, т. 3, с. 279], однако есть контексты, в которых этот глагол употреблялся в точном соответствии со значением своей модели, например: «— Человека выдают два обстоятельства: если он неправильно ставит ударения в словах, а у тебя с этим нормально, все-таки десятилетка, и когда задает глупые вопросы. Так ты больше *помалкивай*. — Глупых вопросов я не буду задавать, — согласилась Катерина. — Но не буду же я молчать, если меня о чем-то спросят. [Валентин Черных. Москва слезам не верит (1980)]. Вот это сочетание «больше помалкивай» означает, что время от времени все-таки надо что-то говорить, но совсем немного, чтобы не прослыть глупым.

В этом примере глагол *помалкивать* в точности значит ‘молчать время от времени’. В дальнейшем произошел лексический сдвиг в сторону современного значения, указанного в [11].

Таким образом, вывод авторов о том, что «к категории способа действия относятся лишь те из глаголов, построенных по определенной словообразовательной модели, связь которых с исходным глаголом является “живой”, ср. *гулять* — *нагуляться*, *свистеть* — *засвистеть*, *сидеть* — *засидеться*, *дремать* — *вздремнуть* и т. п.» [65, с. 112], — справедлив лишь по отношению к современному русскому языку, но едва ли приложим к историческому описанию.

Так как способы действия различаются между собой сразу по нескольким основаниям, то всякая их классификация является условной, в частности, и та, которая принята в «Русской грамматике» (1980 г.). Для наведения относительного порядка при описании авторы используют всего один признак перфективности / имперфективности.

Описание конкретных способов действия у Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева в чем-то совпадает с описаниями у предшественников, в чем-то отличается. Например, у них начинательные глаголы делятся на два типа — инхоативные (*забѣгать*) и ингрессивные (*побежать*), тогда как у Маслова и вслед за ним у Бондарко и Буланина инхоативами называются глаголы типа *сохнуть*, *стареть*, которым вообще не нашлось места в классификации Зализняк и Шмелева. Не вступая в полемику и не пытаясь определить, кто прав, кто нет, мы будем в заключительной части книги (см. Приложение) использовать наработки предшественников в соответствии с тем, что считаем для себя верным.

Подводя итог нашему рассмотрению (далеко не полному) категорий вида и способа глагольного действия, мы приходим к следующим выводам.

1. В русском языке существуют две взаимосвязанные, но принципиально различные категории — грамматическая категория глагольного вида и словообразовательная категория способа глагольного действия.

2. Способ глагольного действия представляет собой такую модификацию глагола, которая обозначает, как именно протекает действие во времени, и выражает это значение при помощи

регулярных словообразовательных средств; при этом не существует однозначного соответствия между способом действия и средствами его выражения, так как один и тот же способ может выражаться разными словообразовательными средствами.

3. Не существует ни закрытого списка способов глагольного действия, ни единой общепринятой их классификации.

4. Исторически способы глагольного действия первичны по отношению к глагольному виду, так как коммуникативной и когнитивной целью образования слов является именно способ действия, а образование глагола того или иного вида и возникновение видовых отношений — это вторичный побочный продукт словообразовательной деятельности.

5. Способы глагольного действия в русской лингвистике, еще недостаточно исследованы с исторической точки зрения; хотя в последнее время появился ряд ценных исследований³⁴, все же многое пока остается неясным.

³⁴ Из сравнительно недавних работ см. [58].

Глава 7

Словообразовательное древо и системные отношения в словообразовании

Прежде чем переходить к теме главы, нам нужно устранить одно неверное, как нам кажется, представление о системных отношениях в словообразовании. Напомним, что системой называется совокупность элементов, значение каждого из которых определяется через отношение со всеми остальными. Если аффиксы — это совокупность значимых элементов, то есть единиц языка, то можно поставить вопрос о том, является ли эта совокупность системно организованной? Можно поставить вопрос и более узко: является ли системно организованной совокупность префиксов или суффиксов? Существующие в науке попытки дать положительный ответ на поставленный вопрос оказались неудачными. Их обзор см. в книге [Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.], неудачной была и попытка самого М. А. Кронгауза представить систему значений глагольных приставок как семантическую сеть, так как автору не удалось однозначно сформулировать правила перехода от одного значения к другому.

Неудача этих попыток, как нам кажется, вызвана эксплицитно не высказанным представлением, на которое наталкивает сам термин «словообразование»; согласно этому представлению, образование слов мыслится как процесс складывания целого слова из отдельных элементов, подобно тому как из кирпичей складывается дом. Очень часто в литературе встречаются выражения типа: «слово образовано путем присоединения к основе приставки / суффикса». Такие выражения допустимы как технические, не выражающие сути словообразовательного процесса. Суть же его заключается не в механическом сложении, а в органическом порождении. Как человек рождается как целостный организм, так и слово рождается в речи как целое. Как анатомия, физиология расчлняют организм и выясняют значение, функцию отдельных его элементов — сердца, печени, селезенки, мозга — в составе целого, так и лингвистика выделяет в составе целостного слова его элементы и выясняет значение их в составе именно этого конкретного целого. Далее замечается, что есть ряды слов со сходными строевыми элементами,

которые выполняют сходную же роль. Так, приставка *от-* в глаголах *отрезать*, *отпилить*, *отколоть*, *отрубить* выражает идею отделения при помощи действия, названного корнем. В глаголах *отбежать*, *отпрыгнуть*, *отскокить*, *отплыть* приставка *от-* уже выражает идею удаления при помощи действия, названного корнем. Так возникает в языке то, что мы называем словообразовательной парадигмой, то есть образцом, моделью образования слов. В какую из этих двух парадигм входит мало-понятный глагол *отчекрыжить*? На этот вопрос может ответить только анализ его употребления, например: «Случай-то — по-настоящему бить бы Юса, ну, а мужики взяли да мерину хвост *отчекрыжили*» [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883) — [12]]. Ясно, что этот глагол входит в первую парадигму.

Итак, слова не **образованы из**, а **состоят из** морфем, а задача лингвистики заключается в том, чтобы: во-первых, установить состав морфем, во-вторых, установить их значение в составе данного слова, в-третьих, найти слова, с которыми данное слово находится в отношении словообразовательного сходства, то есть выявить некую словообразовательную парадигму, в-четвертых, обобщить значение аффиксов и, в-пятых, поместить их в словаре морфем. Собственно, так и поступают в синхронных описаниях русского словообразования: и в [38], и в [39], и в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т. Ф. Ефремовой, и в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова значения морфем представлены в виде списка. И это кажется мне следствием пусть подспудного, неотрефлексированного, но верного представления об органичности словопорождения.

Таким образом, словообразовательная парадигма, или модель, — это одна из форм системной организации словообразования; описанием этих моделей преимущественно ограничивается синхронное словообразование.

В историческом словообразовании понятие словообразовательной парадигмы играет важную роль, но все же в целом исторический словообразовательный процесс мы рассматриваем, опираясь на метафору корня. В живой природе из корня вырастает дерево с его ветвями и листьями. Так же и в живом языке из корня, который является образом понимания чего бы

то ни было, вырастает словообразовательное дерево с его словообразовательными ветвями (цепочками) и отдельными листьями-словами. Таким образом, единицей исторического словообразования является словообразовательное дерево как целое, при описании которого мы будем пользоваться следующей терминологией: *словообразовательная ветвь, или цепочка* — это начинающийся от корня ряд слов, последовательно образованных друг от друга; *звено* — это слово в словообразовательной цепи; 1-е звено — это слово, образованное непосредственно от корня и начинающее собою ветвь; 2-е звено — это слово или слова, образованные от слова 1-го звена; 3-е звено — это слово или слова, образованные от слова 2-го звена, и т. д. Как показывает опыт, самые длинные цепочки состоят из 5–6 звеньев. Можно предположить, что части этого дерева находятся в каких-то отношениях, иначе говоря, словообразовательное дерево имеет системную организацию. Вопрос, который нас будет интересовать, звучит так: является ли словообразовательное дерево системой в ответственном смысле слова, то есть совокупностью единиц, каждая из которых определяется отношениями с остальными?

Выше в § 6 мы писали о трех типах отношений в словообразовании — синтагматических, деривационных и парадигматических, а также сказали о том, что в пределах словообразовательного дерева существует еще один тип отношений. Синтагматические и деривационные отношения в пределах дерева выявляются довольно легко: наращение основы справа или слева строевыми элементами ставит эту основу в отношения с предыдущей основой слева и готовит почву для новых отношений справа. Иначе говоря, словообразовательная цепочка и есть не что иное, как экспликация синтагматических и деривационных отношений с опорой на отношения парадигматические. Цель любого словообразовательного словаря состоит именно в том, чтобы через построение словообразовательных цепочек выявить исконные синтагматические, деривационные и парадигматические отношения в пределах словообразовательного дерева.

Ниже я постараюсь на нескольких примерах показать, что внутри словообразовательных древ существует еще один тип отношений, который пока еще не был описан в литературе и для которого пока нет соответствующего термина, а также сделать

хотя бы предварительные выводы о том, каков метод выявления этого типа отношений. Материалом для нас послужат словарные статьи в словаре «Русский древослов».

1. Гнать³⁵

Корень, историческими алломорфами которого являются *гон-*, *ган-*, *гн-*, *жен-*, восходит на основной ступени чередования к и.-е. **g^{uh}ǵn-* / **g^{uh}ǵn-* [34, вып. 7, с. 26, 196]. Дальнейшая история этого корня такова. И.-е. корень **g^{uh}ǵn-* утрачивает лабиализацию и аспирацию и переходит в **gǵn-*, который на праславянской почве после 1-ой палатализации переходит в *ǵ'ep-* = ст.-сл. наст. вр. **женж**, **женеши**, др.-рус. наст. вр. **женоу**, **женеши**. Впоследствии эти формы презенса остались только в церковнославянском языке, но в древнерусском были вполне обычны, например: «Едина бо мѣтва ихъ съ слъзами тако тя [дьявола] **женеть**, яко же **женеть** вѣтръ прахъ. (Пов. об Авраамии [26, с. 482])» ([18, вып. 4, с. 40]).

Тот же и.-е. корень **g^{uh}ǵn-* после вокализации лабиального элемента ^u > *u* переходит в **g^hǵn-*, который после утраты аспирации переходит в **gǵn-* и затем на праславянской почве переходит в *гън-*. О. Н. Трубачев особо настаивает на том, что «считать вокализм **gǵnati* обычной редуцированной ступенью от **ǵenǵ-*, **g^{uh}ǵn-* вряд ли правильно, в этом случае ожидалось бы **ǵъn-*, ср. родственное **ǵeti*, **ǵьnǵ*, где эта ступень реально засвидетельствована» [34, вып. 7, с. 196].

Родство русск. *гнать* // *гон* с др.-инд. *hánti* ‘бить, убивать’, авест. *ǵainti*, греч. *θείνω* ‘бить’, лит. *genù*, *giñti* ‘гнать, выгонять (скот)’ и др. позволяет предположить, что развитие семантики шло следующим образом: ‘бить’ > ‘гнать с использованием битья (палкой, кнутом)’ > ‘гнать’.

Имя *гон/ь* — это «название действия, соотносительное с **gǵnati*, **ǵenǵ* и **goniti*, имеющее прообраз в и.-е. **g^{uh}ono-s*, ср. особенно греч. *φόνος* ‘убийство’» [Там же. С. 27]; оно образовано суффиксальным способом при помощи праславянского именного суффикса **ǵ* со значением предметности; хотя сам корень имеет глагольную семантику, обозначает действие, но благодаря именному суффиксу слово получает значение отвлеченного

³⁵ Схематическое изображение словообразовательного древа «Гнать» см. на сайте: www.drevoslov.ru

действия. Особо подчеркну в этом высказывании О. Н. Трубачева слово «соотносительное»: это значит, что имя *гон* не является отглагольным, оно образовано параллельно с глаголом от неформленного корня при помощи именного суффикса **й*.

От именной основы *гон/ъ* был образован переходный глагол *гон/и/ти*, *гон/ю*, *гон/и/шь* при помощи суффикса глаголов 4-го класса **и* с дуративным и каузативным значением: «(1159): И нача кричяти и плакати, глаголюще: господине великий княже Изяславе Давыдовичь!... почто мя изъ Бѣлаграда **гонити** умыслилъ еси? Ник. лет. IX, с. 220» [18, вып. 7, с. 75].

Впоследствии инфинитив *гонити* был утрачен в силу его семантической тождественности инфинитиву *знати*, но его личные формы презенса (*гоню*, *гонишь* и пр.) стали употребляться в качестве форм настоящего времени гл. *знать*, который, напротив, утратил в нецерковных книгах свои личные формы презенса (*жену*, *женеши* и пр.), но сохранил в церковно-славянском.

Стоит зафиксировать первый факт. Глагол *знать* < др.-рус. **гънати** образован от корня **гън-* при помощи суффикса *-а-* со значением отвлеченно-длительного способа действия. Его исконные формы настоящего времени **жену**, **женеши**, **женеть** и пр. были утрачены; причиной этого стало, во-первых, сильное фонетическое отличие от других слов этого древа и, во-вторых, семантическое тождество с формами презенса глагола того же определенно-длительного способа действия **гонити** (**жену** = **гоню** и пр.), которые и стали употребляться вместо них: **я гоню**, **ты гонишь**, **онъ гонить** и пр., отчего *знать* в современном русском языке является глаголом 2-го спряжения (входит в число «исключений» глаголов на *-ать*). Семантическая же разница между глаголами *знати* и *гонити* невелика, ибо суффиксы *-а-* и *-и-* — оба образуют дуративные глаголы. Иначе говоря, произошла контаминация парадигм двух исконно различных глаголов *знати* и *гонити*. Однако именно от основы *гони/ти* при помощи суффикса *-тель* было образовано имя со значением ‘лицо — производитель действия, названного производящей основой’: «И инѣхъ многихъ **гонитель** и убоиникъ и братоненавидьникъ приводя. (Ж. Феодос. Нест.) Усп. сб., с. 121. XII–XIII вв.» [18, вып. 4, с. 74]. В современном русском языке от глагола *гонити* осталось только прич. *гонимый*. Это причастие наряду с личными формами *гонишь*, *гонит*, *гоним*, *гоните*

с исторической основой *гони-*, после переразложения превращающуюся в *гон-*, поддерживают сущ. *гонитель*.

Эта история наводит нас на следующие размышления.

Возьмем две пары слов: *учить* — *учитель* и *гнать* — *гонитель*. Чем они отличаются с точки зрения словообразования? Синхронист скажет: ничем. Они образованы по одной и той же модели «основа инфинитива + суффикс *-тель*»: *учитель* образовано от *учить* и значит ‘тот, кто учит’, и *гонитель* образовано от *гнать* и значит ‘тот, кто гонит’ (ср. *создатель*, *выключатель*, *искатель*, *хулиитель* и др.). Чтобы не быть голословным, сошлемся на «Словообразовательный словарь» А. Н. Тихонова (см.: [22, т. 1, с. 233; т. 2, с. 298]). Однако следующий вопрос о том, **как** образованы слова *учитель* и *гонитель*, поставит синхрониста во втором случае в тупик. В самом деле, от основы *учи-* с помощью суффикса *-тель* образовано слово *учитель*. Но от основы *гна-* ожидалось бы слово **гнатель*, которого, однако, нет в русском языке. Неизвестно, каким образом будет выходить из этого положения синхронист, а с диахронической точки зрения ответ на вопрос о том, **как** образовано слово *гонитель*, ясен, как солнце. Сущ. *гонитель* было образовано от гл. 4-го класса *гонити*: *гонитель* — ‘тот, кто гонит’.

Возникнув, слово *гонитель* стало семантически соотноситься с другими словами того же словообразовательного древа (*гнать*, *гонка*, *гонщик*, *гонец*, *гончий*, *гонение*, *угнать* и проч.). К исходу XIX в. инфинитив *гонить* выходит из употребления, поэтому связь сущ. *гонитель* с его производным стала неявной, вследствие чего в обыденном сознании на основе реальной смысловой соотносительности производных от одного корня могло сложиться неверное представление о том, что сущ. *гонитель* образовано от гл. *гнать*, то есть происходит **смешение соотносительности и мотивированности**. Это по сути мнимое представление обыденного сознания стало истиной в последней инстанции для синхронического описания словообразовательных отношений в русском языке. В исторической же реальности между словами *гнать* и *гонитель* имеет место возникновение нового, не детерминированного словопроизводством отношения «действие — деятель». Таким образом, можно констатировать, что в современном русском языке в пределах одного словообразовательного древа существуют два исторически сложившихся

вида словообразовательных отношений: 1) первичные синтагматические и деривационные отношения, детерминированные словопроизводством, и 2) вторичные ассоциативные (назовем их пока так), чисто смысловые отношения, не детерминированные словопроизводством.

Важным теоретическим выводом, который мы всегда должны иметь в виду при историческом исследовании образования слов, является следующий: **необходимо различать первичную словообразовательную связь, обусловленную словопроизводством, и вторичную ассоциативную связь между членами одного словообразовательного дерева.**

Это особенно важно подчеркнуть из-за того, что в научной литературе встречается совершенно неверная, на мой взгляд, трактовка подобных явлений при помощи такого сомнительного для этого случая понятия, как обратная соотнесенность словообразовательных форм, или редеривация. Под последней понимается «изменение исторического направления производности на обратное». <...> Например, зависимость слов типа *работа* от производных глаголов типа *работать*» [86, с. 56]³⁶. Это следует понимать таким образом: «когда-то раньше» глагол *работать* был произведен от существительного *работа*, основа сущ. *работа* была мотивирующей по отношению к гл. *работать* = ‘выполнять работу’; «когда-то потом» или «теперь» эти отношения поменялись на противоположные: гл. *работать* мотивирует сущ. *работа*.

На наш взгляд, здесь имеет место неправомерное отождествление понятий «соотнесенность» и «мотивированность». Мотивированность у слова может только одна — та, что была в момент возникновения слова; в данном случае все слова с корнем *раб-* (*раб, раба, работа, работать*) были унаследованы от старославянского языка и на русской почве вообще не связаны отношениями словопроизводства; в старославянском же

³⁶ Совершенно иное содержание в понятие обратного словообразования (редеривации) вкладывает И. С. Улуханов, который понимает под этим термином окказиональные, возникающие, как правило, в разговорной речи образования типа *ютить* ← *приютить*, *чубучить* ← *отчубучить*, *допонять* ← *недопонять*, *преть* ← *прение*, *пищеварить* ← *пищеварение*. В этих случаях как бы «восстанавливается» отсутствующее в узусе звено словообразовательной цепи, но нет и речи о смене словообразовательных отношений. См.: [98, с. 414–444].

языке имела место такая последовательность: *orb- > рабъ > работа > работати.

Если рассуждать по Николаеву, то исторический процесс будет выглядеть так: «когда-то раньше» (примерно до сер. XIX в.) сущ. *гонитель* было мотивировано глаголом *гонити*; «потом» произошла смена словообразовательных отношений, а именно сущ. *гонитель* стало мотивироваться глаголом *гнать*.

Такое объяснение наталкивается на непреодолимые формальные трудности, ибо, как уже сказано, от *гнать* ожидалось бы производное **гнатель*. К идее смены словообразовательных отношений Г. Николаев прибегает из-за того, что имеет неверные, на наш взгляд, представления о словообразовательной парадигме, основанные на слишком прямолинейном перенесении парадигматических моделей в морфологии на словообразование, о чем уже говорилось выше. Чтение его книги убеждает в том, что над ее автором тяготеют синхронические понятия и методы описания русского словообразования, поэтому он вольно или невольно стремится «диахронически» оправдать некоторые мнимости, которые породило синхроническое словообразование.

На наш взгляд, имела место не смена словообразовательных отношений, а возникновение новых ассоциативных связей слов внутри одного словообразовательного древа, новых отношений, не детерминированных словопроизводством, к которым уже не применимо понятие мотивации, являющееся по сути диахроническим, но применимо понятие соотносительности.

Теперь рассмотрим еще несколько интересных в общем плане явлений в древе «Гнать».

Формы др.-русск. имперфекта **ган-ахъ**, **ган-аше** и пр. образованы при помощи имперфектного суффикса, а также при помощи продления гласного в корне: *o* → *a*. В связи с развитием категории способа глагольного действия имперфект как таковой утрачивается, а в его основе происходит переразложение: *ган-яхъ* > *ганя-хъ*; основа *ганя-* переосмыслиется как основа со значением длительного действия. К этой основе присоединяется регулярный суфф. основы настоящего времени 3-го класса **je/*jo*: так возникают новые формы презенса *ган-я-ю*, *-еши* с инфинитивом *ганяти*. Что касается характера действия, то глагол *ганяти* означал действие ненаправленное или разнонаправленное, лишенное цели. Сравнение глаголов *гоняти*

и *гнати* ясно указывает на различие в характере действия, разнонаправленного в первом случае и однонаправленного во втором. Современное написание *гонять* — это чисто орфографический процесс, обусловленный, с одной стороны, стремлением к зрительному единообразию внешнего вида морфемы, а с другой, — утратой значения длительности у морфемы *ган-* и сосредоточением этого значения на суффиксе *-а-*.

2. Бег³⁷

Еще более сложным, но и более показательным с точки зрения развития вторичных ассоциативных отношений в пределах древа является развитие этих отношений в древе «Бег».

Согласно нашим исследованиям, получившим отражение в словарной статье «Бег» «Историко-словообразовательного словаря русского языка» (www.drevoslov.ru), словообразовательное древо «Бег» состоит из двух ветвей: одной глагольной и одной именной.

В начале первой ветви находится глагол 1-го класса *бегу* < **bĕgom* с инфинитивом *бечь* < **bĕgti*; из форм презенса в литературном употреблении сохранились лишь формы 1-го л. ед. ч. *бегу* и 3-го л. мн. ч. *бегут*, остальные формы — с выравниванием основы по *бег-* — *бегёшь*, *бегёт*, *бегём*, *бегёте* (ср. *берегу* — *бережёшь*...) — характеризуют диалектную речь. Это глагол конкретно-длительного способа действия, по характеру действия — однонаправленный. От этого глагола образован целый ряд приставочных дериватов: *вбегу*, *выбегу*, *забегу*, *избегу*, *отбегу*, *прибегу*, *убегу* и др. с инфинитивами *вбечь*, *выбечь*, *забечь*, *избечь*, *отбечь*, *прибечь*, *убечь* и др.

От основы **bĕgti* при помощи суффикса *-ĕ-* был образован глагол **bĕgtĕi* > *бежа₂ть*; суффикс *-a₂-*³⁸ является алломорфом **ĕ*. Это глагол конкретно-длительного способа действия, по характеру действия — однонаправленный. От него образован ряд приставочных дериватов: *вбежать*, *выбежать*, *добежать*, *забежать*, *избежать* и др.

³⁷ Схематическое изображение словообразовательного древа «Бег» см. на сайте: www.drevoslov.ru

³⁸ О древнем индоевропейском «аористном» суффиксе *-a-* с дуративно-итеративным значением см. выше в § 5.

Таким образом, возникает избыточность однонаправленных глаголов конкретно-длительного способа действия и, соответственно, конкуренция глаголов *бечь* и *бежать*. По происхождению суффикс *-ть//я//а-* тот же, что и в прилагательных сравнительной степени и в глаголах 3-го кл. типа *стареть*. Он показывает развитие качества или действия ‘бежать с ускорением’. В связи с дальнейшими ответвлениями в корне *-бѣг-*, вероятно, это семантическое различие перестало быть актуальным или, как выражались в эпоху структурализма, «нейтрализовалось». Ожидаемая градуальная оппозиция *бѣчь* : *бѣжать* : *бѣгать* так и не сложилась. Ее первых два члена вошли в общее противопоставление третьему: *бѣчь* / *бѣжать* : *бѣгать*. С течением времени в литературном языке происходит контаминация форм двух первых членов бинарной оппозиции. В результате, с одной стороны, глагол *бечь* и его приставочные дериваты утратили в русском литературном языке формы перфекта³⁹ и нормой становится спряжение *убегу* — *убежал* и т. д.; в настоящем времени у глагола *бечь* в литературном языке утрачиваются все формы, кроме 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. (*бегу, бегут*); вместо форм 2-го, 3-го л. ед.ч. и 1-го, 2-го л. мн.ч. употребляются формы глагола *бежать* (*бежишь, бежит, бежим, бежите*); с другой стороны, в качестве форм настоящего (простого будущего) времени 1-го л. ед. ч. и 3-го л. мн. ч. у глагола *бежать* стали выступать формы глагола *бечь* (*бегу, бегут*)⁴⁰. Без сомнения, на такое распределение личных словоформ повлияла давно сложившаяся схема распределения чередующихся согласных *г//ж* в спряжении глаголов 1-го кл. типа *могу, могут, но можешь, можете*. Народные говоры и здесь идут не по пути дифференциации личных словоформ, а по пути того или иного выравнивания основы.

Общим основанием, благодаря которому произошло это объединение, был общий способ и характер действия глаголов *бечь* и *бежать*, словоформы которых со временем объединились в одно глагольное слово. В целом можно утверждать, что глагол *бежать* оказался более выразительным и стал основным

³⁹ В диалектной речи и в просторечии употребляются формы типа *сбѣг, убѣг*.

⁴⁰ При наличии в диалектной речи и просторечии форм *побежу, убежу* и т. п.

глаголом, выражающим значение конкретно-длительного способа действия и характер однонаправленности.

По логике вещей у однонаправленных глаголов конкретно-длительного способа действия должен существовать коррелят — разнонаправленные глаголы отвлеченно-длительного способа действия, а также глаголы однократного способа действия. В данном случае разнонаправленный глагол отвлеченно-длительного способа действия был образован от той же основы **běgti* при помощи суффикса *-a-* — *bégamь*; в формах презенса это значение разнонаправленности выражал суффикс глаголов 3-го класса **je/*jo*: *бегаю*, *бегаем* и пр.

Однако история на этом не закончилась. Формами имперфекта глагола *бечь* были *бѣг-ахъ*, *бѣг-аше*, *бѣг-аху*; будучи формами глагола *бечь*, эти формы, естественно, выражали значение конкретно-длительного способа действия и однонаправленного характера действия. Очень рано, возможно, еще в дописьменный период, эти формы испытали переразложение в основе: *бѣг-ахъ* > *бѣга-хъ*; основа *бѣга-* становится еще одной основой со значением конкретно-длительного способа действия и однонаправленного характера действия. К этой основе присоединяется регулярный суффикс основы настоящего времени 3-го класса **je/*jo*: так возникают новые формы презенса *бѣг-а-ю*, *-еши*, формы причастий *бѣг-а-я*, *бѣг-а-юще* с инфинитивом *бѣг-а-ти*.

Согласно данным исторических словарей, формы презенса типа *бѣгаю*, *бѣгаеши*, *бѣгаеть*, формы перфекта *бѣгаль есмь*, формы причастий типа *бѣг-а-я*, *бѣг-а-юще*, *бѣг-а-въ* были в употреблении еще в XI в. Например, в «Изборнике» 1076 г.: «Любить князь воина стояща и борющагося съ врагы и овогда убо уязвляюща овогда уязвляема паче **бѣг-а-юще**го и оружие помѣщущааго» [18, вып. 1, с. 85]⁴¹. Составители Словаря верно толкуют лексическое значение глагола *бѣгати* ‘убегать, спастись бегством’, то есть как глагол линейного, однонаправленного перемещения, ибо князь больше любит того воина, который стоит на боле брани, бьется с врагом и то поражает его, то сам бывает поражаем, чем того, который (у)бегает, бросив оружие (а не бѣгает туда — сюда по полю брани, то есть находится в состоянии бѣга). Следовательно, это

⁴¹ В [18] знаков ударения нет; они реконструированы мной. — А. К.

причастие определенного глагола *бѣгати*. То же находим и в более поздних памятниках.

«Римлянинъ же нѣкъи ѿ коньникъ нарочити...гона на кони, въсхытивъ нѣкою оуношо ѿ соупротивныхъ **бѣгающе** крѣпка тѣломъ и въвружена» [17, вып. 1, с. 352–353]⁴². Очевидно, что юноша, крепкий телом и вооруженный, не **бѣгаль**, то есть не бегал туда-сюда, а **бѣгаль**, то есть спасался бегством от гнавшегося за ним конного римлянина, поэтому данный пример не годится для иллюстрации значения ‘бежать, передвигаться бегом’, как это имеет место в [17], в котором это значение в словаре является вторым. Еще более очевидно это в следующих примерах из «Григория Богослова 16 слов с толкованиями Никиты Иракийского» по списку XIV в. (ГИМ, Син. № 954): «преже аще мощно **бѣгаи** до конца торжища» [17, вып. 1, с. 353]; так как здесь указаны цель и направление движения, то ударение не может быть накоренным; это форма императива от определенного глагола **бѣгати**, а не абсолютного глагола **бѣгати**;

«яко лукавыи дѣхъ w(т)гнаса w(т) тебе крѣщнье(м). ходи(т) по безводны(м) мѣсто(м). ища дѣшь не имущи(х) крѣщнья. и не обрѣтая таковы(х). възвращаетса паки в та его же остави. и обрѣ(т) добродѣтелю х(с)а в тобѣ вселшаса **бѣгае(т)**» [17, вып. 1, с. 353]; понятно, что лукавый дух, найдя Христа, вселившегося в человека благодаря его добродетели, не **бѣгает** взад-вперед, а **бѣгаеть**, то есть убегает, спасается бегством.

Можно с уверенностью утверждать, что во всех примерах, приведенных в словарной статье «Бегать» в [17] употребляется именно однонаправленный глагол *бѣгати*; при переводе он используется для передачи греческого однонаправленного глагола *φεύω* ‘бежать, убегать; избегать’ [6, т. II, с. 1720], а не разнонаправленного *τρέχω* ‘бежать, бегать’ [6, т. II, с. 1642].

Таким образом, есть основание утверждать, что в древнерусском языке с древнейшей поры существовал глагол однонаправленного перемещения *бѣгати*. Так возникает новая избыточность однонаправленных глаголов конкретно-длительного способа действия — глаголов *бежать* и *бѣгати*. Бесприставочные формы презенса *бѣгаю*, *бѣгаеши*, *бѣгаютъ* и др. по своему

⁴² В [17] знак ударения отсутствует и здесь и далее реконструированной. — А. К.

значению были тождественны формам *бѣгу*, *бѣжишь*, *бѣгутъ* и др., ибо те и другие выражают однонаправленный характер действия; это значит, что они были словообразовательными синонимами⁴³. Русский литературный язык избавился от этой избыточности таким образом, что формы презенса бесприставочных глаголов *бѣгаю*, *бѣгаеши*, *бѣгають* и др. в конце концов были утрачены, хотя, как было показано выше, в древнерусском языке они еще были в активном употреблении.

Не так обстояло дело с приставочными глаголами, в которых лучше сохраняются древние свойства глагола. После присоединения приставок к глаголам с основой *бѣгá-* со значением конкретно-длительного способа действия они остаются глаголами конкретно-длительного способа действия, потенциально способными стать глаголами несовершенного вида: *бѣгаю* — *вбѣгаю*, *выбѣгаю*, *избѣгаю*, *подбѣгаю*, *прибѣгаю* и т. д. Присоединение тех же приставок к глаголам *бѣчь* и *бѣжати* со значением длительного способа действия превращает их в глаголы результативного способа действия, потенциально способными стать глаголами совершенного вида: *бѣгу* — *выбѣгу*, *бѣжати* — *выбѣжати*. Эта возможность стала действительностью благодаря вторичным ассоциативным отношениям, а именно: приставочные глаголы с основой *бѣгá-* стали глаголами несовершенного вида только потому, что есть соотносительные с ними приставочные дериваты глаголов *бѣчь* — *бѣжати* (*выбѣгу*, *выбѣжал* и пр.). И наоборот, приставочные дериваты глаголов *бѣчь* — *бѣжати* стали глаголами совершенного вида потому, что возникли приставочные глаголы несовершенного вида с основой *бѣгá-*. Из этого следует, что для образования видов требуются следующие условия:

1) наличие прото-видового противопоставления по признаку длительности — результативности, выражаемому формами аориста и простого будущего, с одной стороны, и формами презенса-имперфекта, с другой;

2) наличие префиксальных производных от каждой из трех исторически существовавших основ;

3) наличие вторичных ассоциативных связей в системе словообразовательного древа между глаголами разных ветвей с одинаковыми приставками.

⁴³ Ср. аналогичные примеры такой синонимии: *иму* — *емлю*, *возьму* — *вземлю*.

Это значит, что словообразование предшествует видообразованию и само **видообразование может рассматриваться как побочный продукт словообразования**. После формирования этих видовых корреляций формы аориста и имперфекта оказались в русском языке излишними и были утрачены⁴⁴.

Таким образом, нами подтверждается мысль о том, что «грамматическая категория вида возникла на базе переосмысления и переработки ряда лексических способов действия, на базе их своеобразного преодоления» [82, с. 452], однако существенно при этом то, что **исследовать эти процессы необходимо в рамках истории каждого отдельного словообразовательного древа**.

Глаголы несовершенного и совершенного вида исторически образованы от разных основ, то есть они не связаны между собой отношением словопроизводства, но они вступили в пределах древа во вторичную ассоциативную связь, которая, все более и более укрепляясь в языковом сознании, привела к формированию видовых отношений на основе более древних отношений длительности — результативности⁴⁵.

По правилам комбинаторики из двух признаков возможны четыре сочетания: «+ +», «+ -», «- +» и «- -». Из предыдущего ясно, что в древнерусском языке были глаголы (с корнем *бѣгъ-*) первого типа, то есть одноподчиненные результативные — *прибѣчь*, *прибѣжать*; глаголы второго типа, то есть одноподчиненные длительные — *прибѣгать*; глаголы третьего типа, то есть разноподчиненные и результативные, невозможны, по видимому, по логике вещей; четвертого типа, то есть глаголы разноподчиненные и длительные, *бѣгать*. Насколько можно судить по довольно смутным лексикографическим источникам, не различающим глаголов *бѣгати* и *бѣгати*, этот глагол разноподчиненного перемещения отвлеченно-длительного способа действия появился довольно поздно — не ранее XVII века: «Дѣти, егда из оучилища отпоустятся не долженствуютъ

⁴⁴ Это касается именно русского языка. В болгарском языке развитие видовой оппозиции не повлекло за собой исчезновения аориста и имперфекта; см. об этом: [82, с. 176–215].

⁴⁵ Ср.: «Базу возникновения вида в собственном смысле слова, т. е. совершенности и несовершенности, составили предельные глаголы и, в первую очередь, приставочные глаголы результативного способа действия» [82, с. 471].

воплъствовати иже паки бѣгати подобаетъ яко скотоу сѣмо и овамо Гражд. об. дет., с. 53 XVII в.» [18, вып. 1., с. 85].

Особенность значения — разнонаправленность и длительность — глагола *бѣгати* стала причиной того, что он смог сочетаться не с каждой приставкой при образовании глаголов совершенного вида: нет глаголов **вбѣгати*, **взбѣгати*, **выбѣгати*, **подбѣгати*, **убѣгати*, но есть делимитативный глагол *побѣгати*, пердуративный *пробѣгати*, кумулятивные *набѣгати* и *избѣгати*, сатуративные *набѣгаться* и *убѣгаться*, ингрессивный *забѣгати*.

Мы уже выяснили, что глагол *бѣгати* означал однонаправленное перемещение, в отличие от других аналогичных глаголов перемещения, которые обозначают действие разнонаправленное, лишённое цели: *летать*, *гулять*, *гонять*. Сравнение глаголов *летать* и *летѣть*, *гоняти* и *знати* ясно указывает на различие в характере действия, разнонаправленного в первом случае и однонаправленного во втором. Прочие глаголы с суффиксом *-а-* обозначают длительное действие или состояние (*желать*) или способность к действию (*читать* по-китайски). Вероятно, в силу своего одиночества в этой группе бесприставочный глагол линейного движения *бѣгати* был утрачен, но его основа сохранилась в префиксальных производных, в которых роль указателя на направление движения взяли на себя приставки: *вбегати*, *забегати*, *обегати*, *подбегати*, *прибегати*, *убегати*; эти глаголы соотносительны по виду с глаголами с суффиксом *-а₂-*: *вбежать*, *забежать*, *обежать*, *подбежать* и пр.

Таким образом, составителям словарей, по-видимому, следовало различать два близких по значению, но не тождественных глагола **бѣгати** и **бѣгати**, то есть два омографа, которые нужно было оформить в виде двух словарных статей, подобно тому, как различаются и оформляются глаголы **летати** и **летѣти**, и затем распределить иллюстративный материал по этим статьям. Например, фраза «**Яко лоукавыи дѣхъ отгнаса от тебе крѣщнемъ, ходити по безводнымъ мѣстомъ . ища дѣшь не имоущихъ крѣщныя . и не обрѣтая таковыхъ възвращаетса паки в та его же остави . и обрѣтъ добродѣтелю христа в тобѣ вселшаса бѣгаеть**» [17, т. 1, с. 353] должна попасть в статью «Бѣгати».

То же относится и к глаголу *побѣгати*. Этот глагол утрачен современным русским языком, но в древнерусских памятниках

он еще употреблялся как глагол однонаправленного перемещения: «**Побѣгати**¹. Бежать, отступить. <...> А псковичи с ними бишася, **побѣгая** к городку, и побиша литвы много, и тако вѣгше в Котелно и затворишася. Псков. лет. II, с. 41. Турки... бяхуся съ греки; греки же, бьющася съ ними, **побѣгаху** отъ нихъ. Пов. о Царьграде, с. 20. XVI в. ~ XV в.» [18, вып. 15, с. 119]. Для предупреждения возможного недоумения составителям словаря следовало бы поставить знак ударения: **побѣга́я**, **побѣга́ху**.

Составители словаря решили, что у глагола *побѣгати* есть омоним — глагол совершенного вида: «**Побѣгати**². Совершить побег (о нескольких или многих). А **побѣгали** тѣ люди и животь Петра Семеновича поносили. АХУ III, с. 180. 1636 г.» [18, вып. 15, с. 119]. На наш взгляд, это неверно: перед нами все тот же глагол несовершенного вида однонаправленного перемещения *побѣгати* ‘бежать’, в который приставка *по-* вносит оттенок итеративности.

Подтверждением нашей правоты служит чтение 2 Цар 19: 3 по тексту Острожской Библии: **И оукрадахуса людіе втой днь вьходаше вь град, якоже крадущеса людіе оскрамленіи, и вьнегда бѣгати имь ѿ брани**

членъ есть црь оемъ своимъ • Ноу,
 крадахуса людіе втой днь вьходаше
 вь градъ, также крадущеса людіе
 оскрамленіи, и вьнегда бѣгати имь
 ѿ брани • И црь сткры лице свое,

Ударение на суффиксе показывает, что это глагол однонаправленного перемещения, как и греч. φεύγω ‘to take flight’ (Liddel H. G. & Scott R.). Однако в Елизаветинской Библии под давлением системы русского языка ударение передвигается на корень, что ведет к искажению смысла:

своимъ • И оукрадахуса людіе в той
 днь еже входить во градъ, также
 оукрадаются людіе поскрамленіи, вьнегда
 бѣгати имь на брани • И црь покры

Перемена ударения повлекла за собой и замену предлога: вместо *отъ брани* — *на брани*, что совсем обесмысливает текст; ср. синодальный перевод: «Народ входил в город, стараясь не шуметь, как люди, которые стыдятся, когда бегут с битвы» (2 Цар 19: 3).

Наконец, третью словопроизводную ветвь глагола *бѣчь* составляют глаголы 2-го класса с суффиксом **ne / *no*, выражавшим значение однократного действия: **bĕg-no-m > *bĕgnŏ =* ст.-сл. **бѣгнѣ**, др.-рус. **бѣгну**. Памятники древнерусской письменности знают употребление этих глаголов: **вѣбѣгнути, вѣзбѣгнути, вѣбѣгнути, избѣгнути, отѣбѣгнути, побѣгнути, прибѣгнути**. Большинство из них были утрачены вследствие их чрезвычайной семантической близости к дериватам глагола *бѣжати*; сравним: **вѣбѣгнути** — **вѣбѣжати, вѣбѣгнути** — **выбѣжати** и проч. Из этих глаголов сохранились в употреблении лишь два: *избегнуть* и *прибегнуть*; не исключено, что они представляют собой кальки, ибо, судя по словарным материалам, они были эквивалентами греч. ἐκφεύγω и προσφεύγω; этим можно объяснить отчетливую книжную стилистическую окраску этих слов.

Таким образом, независимо друг от друга возникли четыре ветви глагольных производных от основы **bĕg/ti*, однако, связанные общностью корня, но выражающие разный характер и способ действия, дериваты этих ветвей не могли не вступить во вторичные ассоциативные отношения. Понятие вторичного ассоциативного отношения больше всего походит на понятие супплетивной связи, хорошо известное в науке. Так, например, А. Мейе совершенно справедливо указывал на то, что «русск. находить есть несовершенный вид от найтѣ и уже не имеет реальной связи с ходить, формы которого с приставкой (заходить ‘начать ходить’ и т. д.) имеют совершенный вид» [84, с. 240]. Если уже разнокоренные слова *найти* и *находить* могут отрываться от своих деревьев и вступать в видовые отношения на основе общности переносного лексического значения, то словам одного корня в пределах одного словообразовательного древа сама природа повелела вступать во вторичные ассоциативные отношения.

3. Мереть⁴⁶

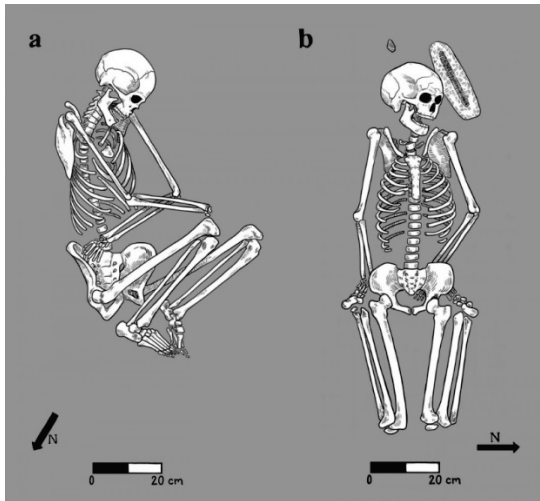
К теме данного раздела относится образование сущ. *смертельность* и прил. *смертельный*. Казалось бы, цепочка такова: *смерть* → *смертельный* → *смертельность*. Однако это не так. Сущ. *смертельность* является заимствованным из польского языка, о чем свидетельствует его единственное употребление в лексикографическом источнике XVII в. и, соответственно, необходимость его толкования: «**СМЕРТЕЛЬНОСТЬ**, ж. Подверженность смерти, брэнность (ср. ст.-польск. śmiertelność). Смертельность — мертвость. Книга глаголемая гречески алфавит» [18, вып. 25, с. 168–169]. С XVIII в. слово входит в русское литературное употребление, хотя, по данным [12], употребляется оно очень редко.

Прил. *смертельный* образовано от основы *смертelnost* путем так называемого обратного образования от заимствованного из польского слова *смертельность* (в польском *-ость* очень продуктивный суффикс). Если считать, что прил. *смертельный* образовано от сущ. *смерть* при помощи суфф. *-тельн-*, то нельзя не обратить внимания на то, что это единственное прилагательное, образованное от существительного, а не от глагола, как все прочие прилагательные, образованные по этой модели (*уморительный*, *утешительный*, *привлекательный* и проч.). Именно тот факт, что *смертельный* не вписывается в известную модель, заставляет предполагать, что оно возникло путем обратного образования от заимствованного сущ. *смертельность*. Еще одним аргументом в пользу этой гипотезы является его позднее вхождение в литературное употребление — начало XVIII в. Таким образом, сущ. *смерть* и прил. *смертельный* связаны не словопроизводными, а вторичными ассоциативными отношениями: оно по аналогии вошло в группу прилагательных, образованных от причастодетей с общим значением ‘способный к тому, что названо производящей основой’; ср. *смертельный номер* (в цирке), *смертельный удар* и проч. Это еще раз убеждает нас в том, что нельзя словообразование отрывать от истории слова.

⁴⁶ Схематическое изображение словообразовательного древа «Мереть» см. на сайте: www.drevoslov.ru

4. Гнуть — губить

Корень, алломорфами которого в современном русском языке являются *губ-* / *губл-* / *губ-* / *ги-* / *г-*, восходит к и.-е. **gǔb-* (ступень редукции), **gūb-* (ступень продления редукции), **goub-* (дифтонгическая ступень); и.-е. **gǔb-* > праслав. **gъb-*, и.-е. **gūb-* > праслав. **gyb-*, и.-е. **goub-* > праслав. **gub-*. Этимологическое родство слов с двумя основными значениями — ‘гнуть’ и ‘губить / гибнуть’ — признается большинством этимологов: «Праслав. **gyb-* ‘гибнуть’ и *gyb-* ‘гнуть’ едины в этимологическом отношении» [99, т. 1, с. 404]). Связь между «гнуть» и «губить» — «гибнуть», по версии Д. Г. Демидова (устное сообщение), объясняется через интерпретацию факта того, что наши предки хоронили своих стариков в согнутом положении: погребение в скорченном состоянии должно напоминать положение ребенка (эмбриона) в утробе матери, а это символизирует смерть как рождение к новой жизни.

От этого корня, от разных его праславянских алломорфов были образованы шесть ветвей производных.

Первая ветвь

От праслав. корня **gъb-* при помощи суффикса глаголов 2-го класса *-н-* со значением инхоативного способа действия, в основе инфинитива с добавлением суффикса **-ои-*, образован

переходный глагол **gъb/nq/ti* > ст.-сл. **гъбнѣти**, др.-рус. **гъбнути** > после падения редуцированного ъ — *гбнути* > после упрощения группы согласных *гбн* — *г/ну/ть*; так возник алломорф корня *г-*. Производные второго звена — *гнуть*, *гнутый*, *вогнуть*, *выгнуть*, *загнуть*, *перегнуть*, *согнуть* и проч.

Вторая ветвь

Первое звено второй ветви — это переходный глагол *гиб/а/ти* — *гиб/а/л/у*, образованный от праслав. корня на ступени продления **gub-* при помощи суффикса *-а-* со значением отвлеченно-длительного способа действия; это же значение выражается также при помощи продления гласного корня. Изначально, то есть в и.-е. период, противопоставление корней **gǫb-* — **gūb-* (*гъбнути* — *гыбати*) было противопоставлением однократности — длительности, как в *тъкнути* — *тыкати*. Это противопоставление сохранилось в производных вроде *загнуть* — *загибать*. Из-за фактической утраты бесприставочного глагола *гыбати* > *гибать*⁴⁷ суффикс *ну* в глаголе *гнуть* был переосмыслен как суффикс с дуративным значением, вероятно, не без аналогии с такими глаголами-инхоативами, как *сохнуть*, *вянуть*.

Третья ветвь

Первое звено третьей ветви — это сущ. *гиб/ь*, образованное от праслав. корня **gub-* при помощи древнего именного суфф. **ǫ*. Это слово обозначало отвлеченное действие, то есть процесс сгибания чего-либо, а также, метонимически, результат этого процесса; в качестве имени отвлеченного действия он соотносится с гл. *гнуть*. Это слово известно только диалектам русского языка: «**Гиб**, а, м. 1. Сгибание ползьев, ободьев. Добрян. Перм., 1930. 2. изогнутая часть предмета. *Гиб* удочки. *Когда самолеты гнут, тогда гиб у кого какой гибёж*. Крив. Том., 1964. ◇ Изогнутая часть полоза. *Крутой и пологий гиб*. Добрян. Урал., 1930. *Гиб у полоза*. Лешук. Арх. ◇ Изогнутая часть крючка самолета, за которую прицепляется крученым конским волосом поплавок, чтобы удерживать крючок в вертикальном положении. Обь, Енисей, 1958» [20, вып. 6, с. 167]. В современном русском литературном языке основа является связанной, то есть имеется только в ее производных второго колена: *выгиб*, *загиб*, *изгиб*, *отгиб*, *перегиб*, *разгиб*, *сгиб*.

⁴⁷ Вот едва ли не единственное употребление: «— **Гибали** мы дугу ветлову, согнем и вязову...» [Евгений Носов. Усвятские шлемоносцы (1977)].

Производным второго звена от имени *гѣбъ* является глагол *гѣб/н/у* — *гѣб/н/у/тъ*, образованный при помощи суффикса глаголов 2-го класса *-н-* со значением инхоативного способа действия. Алломорф корня *гѣ-* возник вследствие упрощения группы согласных *бн > н*: *гѣ/н/у* — *гѣ/ну/тъ*. Глагол *гѣбнуть* / *гѣнуть* соотносится с глаголом *гѣбитъ* как его каузативом.

Четвертая ветвь

Первое звено четвертой ветви — сущ. *губ/а²* или **губъ/ь*, образованное от праслав. корня на дифтонгической ступени **goub-* при помощи древнего суфф. именной основы **ā* или **ǫ*; в русском языке имя м. р. **губъ* не употребляется, однако его историческое существование необходимо предполагать, так как оно, во-первых, известно другим славянским языкам (польск. *gub* ‘складка’) и, во-вторых, является звеном в словообразовательной цепи: от него образовано прил. *су/губ/ый* при помощи приставки *су-* < *sq* со значением связи или соединения [99, т. 3, с. 791]. Это слово унаследовано из ст.-сл. языка и этимологически значит ‘дважды согнутый’; написание **соугубъ** вместо закономерного **сжгоубъ** объясняется межслоговой ассимиляцией гласных [Там же. С. 793]. «**Сугубый, Приложение 1. Двойной, вдвое больший. Жены добры блжнъ есть мужь ея и число днии его сугубо**» (διπλάσιος)» (1076 г.) [18, вып. 28, с. 242].

Словом *губа²*, заключающим в себе идею чего-то согнутого, кривого, называли морской залив — согнутую береговую линию, территориальную единицу административного управления, так как ее граница представляет собой изогнутую замкнутую линию, а также на основе метонимического переноса присутственное место, где и осуществляются функции управления: «**Губа ж. Залив. Да съ Пиртьгозира и съ Сивирной губы и съ Нуры поидить мижа на болшую топлую грязь**» (XVI в. ~ 1391 г.) [18, вып. 4, с. 151]; «**Губа <...> 2. Определенная территория (уезд), находящаяся по судебно-административным делам в ведении органов губного самоуправления. А что серебро и хлѣбъ княземъ великимъ не добранъ в Торъжку или на губахъ, а то княземъ великимъ не надобѣ**» (XV–XVI вв. ~ 1456 г.); «**Губнымъ старостамъ, по городамъ и по губамъ, быти по выборомъ всякихъ людей**» (1631 г.); «**3. Присутственное место, где производится суд и следствие по уголовным делам, губная изба.**

Отвель я человѣка своего Ортюшку Иванова въ Шую, въ **губу**, къ губному старосте къ Семену Кишкину, потому что тотъ человѣкъ мой Ортюшка живучи у меня, учаль клѣти мои красть и улы мои ломать» (1638 г.) [18, вып. 4, с. 151].

Пятая ветвь

Первое звено пятой ветви — это переходный глагол *губ/и/ть*, образованный от праслав. корня **goub-* при помощи суффикса глаголов 4-го класса *-*i-* с каузативным значением; соотносится в качестве каузатива с гл. *гибнуть*, так как гибель, в отличие от естественной смерти, всегда насильственна.

Шестая ветвь

Первое слово шестой ветви — это утраченный современным русским языком глагол *гыбл/ю* — *гыбл/ѣ/ти*, образованный от праслав. корня на ступени продления редукции **gub-* при помощи суффикса в основе инфинитива *-ѣ-(ѣ)* со значением состояния, охваченности действием; соотносится с глаголом *гибати* как его каузативом. «**Гибѣти (Гыбѣти)**. 1. *Погибать*. Бороните же людемъ крѣстнаго цѣлования: вы бо сами вѣдаете, оже в нашемъ градѣ мнози **гыбять** въ томѣ» (XV в. ~ XII в.); «|| *Пропадать, исчезать (о луне и солнце)*. (1406): Того же лѣта **гибе** мѣсяць передь раннею зорею, и бысть яко кровь на мѣсте его, и заиде, не исполнився»; «2. *Пропадать, исчезать (вследствие кражи)*. Аще земледѣлец украдетъ ральных желѣзь ... да отдасть на всякъ днѣ по числу днѣи, елико **гибѣло** у него, по грошу на днѣ» (XV в. ~ XII–XIII вв.) [18, вып. 4, с. 20].

Производное второго звена — сущ. *губл/ѣ/ль*, образованное от основы *губл/ѣ/ти* при помощи суффикса *-л(ѣ)* со значением ‘состояние, ставшее результатом действия, названного производящей основой’ (ср. *капѣль*). Глаголы *гибнуть* и *губѣти* близки по значению: в глаголе *гибнуть* суфф. *-ну-* имеет значение перехода из одного состояния в другое, из состояния жизни в состояние смерти в прямом или переносном смысле; в глаголе *губѣти* суфф. *-ѣ-* имеет значение состояния, охваченности действием. Оба глагола соотносятся с глаголом *губить*, который является по отношению к ним глаголом-каузативом: он меня *губит* — я *гибну* или *гублю*. Один глагол — *губѣти* — оказался не нужным системе и утратился. Из-за утраты производящего глагола сущ. *гибель* — это слово-сирота, дитя, утратившее отца, безотцовщина; поэтому в синхронных словообразовательных

словарях оно должно составлять отдельную словарную статью: ГИБЕЛЬ — *гибельный*; — *погибель* — *погибельный*. Однако в Словаре Тихонова оно подано как производное от глагола *гибнуть*. Вы спросите: а куда девался суффикс *-ну-*? А на что топор? Махнул топором и усек основу; так это и называется — усечение основ. На самом же деле это обычное для синхронистов смешение первичных словопроизводных связей и вторичных ассоциативных: сущ. *гибель* и гл. *гибнуть* связаны вторичными ассоциативными отношениями, а основа глагола *гибну/ть* никакому усечению не подвергалась, но это видно только с диахронических позиций.

Ассоциативная связь — это особый, отличный от словопроизводного, тип словообразовательных отношений: для того, чтобы возникли отношения этого типа, должны существовать члены, которые вступают в отношения. Эти члены возникают в ходе сложного взаимодействия формо- и словообразования в пределах единого словообразовательного древа. В одних случаях, как, например, в случае *знать* — *гонитель*, вторичное отношение «действие — деятель» основывается на первичных синтагматических и деривационных словопроизводных связях. В других случаях типа *вбежать* — *вбегать* отношения грамматикализируются, то есть возникшие независимо друг от друга глаголы различаются лишь своим видом — совершенным и несовершенным. Иначе говоря, историческая последовательность предстает в таком виде: словопроизводные связи — ассоциативные связи между некоторыми словами, возникшими независимо друг от друга в пределах одного словообразовательного древа.

Если первичные синтагматические, деривационные и парадигматические отношения хорошо известны, хотя в историческом аспекте описаны еще довольно плохо, то вторичные ассоциативные отношения в пределах словообразовательного древа в таком виде еще не выделялись в лингвистической литературе по русистике, однако они должны, на мой взгляд, войти в инструментарий описания исторических процессов в словообразовании, так как позволяют непротиворечиво, без обращения к таким сомнительным понятиям, как усечение основы или нулевой аффикс, описывать исторический процесс

формирования словообразовательных отношений внутри словообразовательных древ.

Остается надеяться, что изложенные здесь наблюдения помогут в дальнейшей работе над Историко-словообразовательным словарем русского языка, а конкретные работы по написанию словарных статей для Словаря обогатят науку новым общезначимым опытом.

Часть II

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 24. Причастодетие как словообразовательная основа⁴⁸

В работах по словообразованию, написанных с позиций синхронии, образование прилагательных типа *привлекательный* и наречий типа *привлекательно* описано следующим образом.

В [39] утверждается, что в русском языке есть две словообразовательные единицы, которые мы для удобства обозначим индексами: *-тельн-₁* / *-ительн-₁* и *-тельн-₂* / *-ительн-₂*. Единицы с индексом 1 считаются алломорфами суфф. *-н-* < *ьн*, который обозначает «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом: *хлебный, водный, лесной, морковный, тепличный, инженерный, ведомственный*» (§ 617). Из них алломорф *-тельн-₁* «выступает после гласной |а| в образованиях, мотивированных словами на *-ние*: *образовательный* (мотивирующее — *образование*), *состоятельный, назидательный*»; алломорф *-ительн-₁* — «после парно-мягких согласных в образованиях, мотивированных словами на *-ение*: *зрительный* (мотивирующее — *зрение*), *умозрительный, впечатлительный, нравоучительный*, а также в *вопрос* — *вопросительный, польза* — *пользительный* (прост. устар.)» (§ 619). В Примечании сказано, что прилагательные данного типа с морфами *-тельн-₁* и *-ительн-₁* «либо не имеют в современном языке однокоренных глаголов, либо по структурным или семантическим причинам не могут рассматриваться как мотивированные ими». Эти прилагательные следует отличать от прилагательных с суфф. *-тельн-₂* / *-ительн-₂*, мотивированных глаголами (см. § 652). При этом, как разъяснено в следующем параграфе, «финали» мотивирующих существительных *-ниј-* и *-ениј-*

⁴⁸ Данный параграф представляет собой сокращенное изложение статьи: Демидов Д. Г., Камчатнов А. М. Причастодетие и его роль в русском историческом словообразовании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2. С. 98–111.

в мотивированных прилагательных «отсутствуют» без всякого объяснения причин этого «отсутствия».

О суфф. *-тельн-2* сказано, что он образует мотивированные глаголами прилагательные с таким значением, как ‘характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’; частными разновидностями этого значения являются ‘производящий действие’, обычно с оттенком ‘способный его произвести’: *удовлетворить — удовлетворительный, утешить — утешительный, освежить — освежительный, оправдать — оправдательный, привлечь — привлекательный*; ‘являющийся объектом действия’, обычно с оттенком ‘способный им стать’: *желать — желательный, доказать — доказательный, осязать — осязательный*; в некоторых контекстах обнаруживается значение ‘представляющий собой действие или состояние, названное мотивирующим глаголом’: *окислительные процессы, глотательные движения, затруднительное положение*. Алломорф этого суффикса *-ительн-2* выступает после согласных, во-первых, в прилагательных, мотивированных глаголами с финалью инф. основы *-е-*, которая отсекается: *повелеть — повелительный*, во-вторых, в прилагательных с основой на согласную: *спасти — спасительный, пренебречь — пренебрежительный*, в-третьих, в прилагательных, мотивированных глаголами с отсекаемой финалью инф. основы *-а-* и *-ова-*: *общаться — общительный, увольнять — увольнительный, уравнивать — уравнивательный; действовать — действительный, чувствовать — чувствительный* (См. § 652).

Обращает на себя внимание, что большинство производящих глаголов в модели на *-тельн-2*, *-ительн-2* переходные. Глаголы непереходные появляются только там, где нарушается обычная морфонологическая закономерность, то есть реальные производящие глаголы не сохранились, либо производство шло по аналогии, либо это кальки⁴⁹. В новейшем «Словаре словооб-

⁴⁹ Эти решения надо критиковать особо как антиисторические. Глаголы 4-го класса с суфф. *-е- < ъ* и глаголы 1-го класса эту закономерность не нарушают, поскольку в случае 4-го класса производящей является основа настоящего времени типа *повели-*. В случае 1-го класса надо признавать свершившийся акт переразложения, когда суфф. *-и-* присоединяется к *-тельн-*. Странно, что авторы [39] подводят в качестве производящих не имена *действ-о* и *чувств-о*, которые не вызывают вопросов о мнимом «усечении» основы, а глаголы. Эти имена также снимают морфонологические трудности. Остаются

разовательных аффиксов современного русского языка» его авторы, В. В. Лопатин и И. С. Улуханов (то есть те же авторы, которые создавали академическую «Русскую грамматику» 1980 г.), отказались от различения двух единиц *-тельн-₁* / *-ительн-₁* и *-тельн-₂* / *-ительн-₂* и оперируют одним суффиксом в виде двух алломорфов *-тельн-* / *-ительн-*. Этот суффикс образует, во-первых, прилагательные, мотивированные глаголами, с более детальным в сравнении с [39] набором частных словообразовательных значений (их теперь шесть), и, во-вторых, прилагательные, мотивированные существительными или словосочетаниями.

Примеры первых: *наблюдать* — *наблюдательный*, *удовлетворить* — *удовлетворительный*, *желать* — *желательный*, *строить* — *строительный*, *мыслить* — *мыслительный*, *просить* — *просительный*; примеры вторых: образование — *образовательный*⁵⁰, *сишибать с ног* — *сногсишибательный* [10, с. 653–657].

Что касается наречий типа *привлекательно*, то считается, что они образованы от соответствующих прилагательных при помощи суффикса *-о*.

А. Н. Тихонов, автор «Словообразовательного словаря русского языка», интересующие нас словообразовательные связи видит иначе: прилагательные типа *привлекательный* почти во всех случаях мотивированы глаголами, то есть в русском языке существуют не только словообразовательные цепочки типа *привлекать* → *привлекательный* → *привлекательно*, *наблюдать* → *наблюдательный* → *наблюдательно*, но и *образовать* → *образовательный* [22, т. 1, с. 691], *основать* → *основательный* → *основательно* [Там же. С. 711], *дышать* (на самом деле *дыхать*, ср. *отдыхать*) → *дыхательный* [Там же. С. 332],

только глаголы *общаться*, *увольнять*, *уравнять*. Но и здесь можно рассуждать о производящих прилагательных *общий*, *вольный*, *равный*. *Общий* вопросов не вызывает. Что касается прилагательных *вольный* и *равный*, то тут действует еще промежуточная ступень глагола СВ на *-ить*: *вольный* > *увольнить* > *увольнять* и *равный* > *уравнить* > *уравнять*. И *увольнить*, и *уравнить* суть вполне живые глаголы, согласно [12], есть по несколько примеров употребления.

⁵⁰ Подведение производного имени *образование* не просто излишне, оно ошибочно, ибо вносит сумятицу в ясные истинные цепочки, на которые раздваивается глагол *образовать*: *образовать* > *образован* > *образование* и *образовать* > *образовательный*. Значит, производные *образование* и *образовательный* друг с другом непосредственными словообразовательными связями не связаны. Они вступают лишь в отношение вторичной мотивации.

зреть (от основы н. вр. *зри-*) → *зрительный* [22, т. 1, с. 384], *впечатляющий* (точнее, от *впечатлитель*) → *впечатлительный* [Там же. С. 202], *упоить* → *упоительный* → *упоительно* [22, т. 2, с. 291], *почтить* (аналогично) → *почтительный* → *почти-тельно* [Там же. С. 381], *растить* → *растительный* [Там же. С. 21]; при этом прилагательные типа *назидательный*, *состоя-тельный*, *обаятельный*, *внимательный* и др. вообще являются первообразными, не связанными словообразовательными отношениями ни с глаголами *назидать*, *состоять*, *обаять*, *внимать*, ни с существительными *назидание*, *состояние*, *обаяние*, *внимание*. Лишь прил. *вопросительный* и *пользительный* мотивированы, как и у Лопатина с Улухановым, сущ. *вопрос* и *польза*.

Расхождение между специалистами по синхронному словообразованию в описании словообразовательных отношений с очевидностью приводит к выводу, что это не описание объективных языковых отношений, а описание того, как эти отношения субъективным образом отражаются в сознании разных ученых. Этот вывод ставит нас перед необходимостью ответить на вопрос о том, как же на самом деле были образованы прилагательные типа *привлекательный*.

Ответ на этот вопрос можно начать с обсуждения одного интересного для нашей темы факта: в «Словаре» Тихонова нет слова *следовательно*. Причина этого отсутствия ясна: это слово не вписывается в словообразовательную модель *следовать* → **следовательный* → *следовательно*, не вписывается по той простой причине, что прил. **следовательный* нет в русском языке. Оно не отмечено ни в [18], ни в [14], ни в [23]. Согласно данным [12], прил. *следовательный* было употреблено в письменных источниках всего один раз: «Егда оные члены в тое канцелярию определятся, то всеприлежно велеть им рассмотреть синодальные вотчины и с них доходы и прочие к тому **следовательные** окрестности...» [Я. П. Шаховской. Воспоминания (1766–1777)]. В этом контексте прил. *следовательный* употреблено в значении ‘относящийся’, и совсем не случайно, как увидим ниже, оно истолковано при помощи синонимичного причастия, а не прил. *относительный*.

Грамматические характеристики слова *следовательно* различаются в разных словарях:

«*Слѣдовательно*. нар. И такъ, по сему, заключительно. *Солнце взошло, слѣдовательно насталь день. Онъ ваишь началь-*

никъ, слѣдовательно вы обязаны оказывать ему почтеніе и послушаніе» [14, т. 5, с. 577]; очевидно, что иллюстративный материал совсем не подтверждает характеристики слова как наречия в современном понимании этого термина.

«Слѣдовательно, нар. И такъ, посему, изъ сего слѣдуетъ. Солнце взошло: слѣдовательно насталь день» [23, т. 4, с. 153].

«СЛѢДОВАТЕЛЬНО, союз. Вследствие этого, в силу этого, поэтому (книжн.). ... Не герои делают историю, а история делает героев, следовательно, — не герои создают народ, а народ создает героев и двигает вперед историю. История ВКП(б). || Итак, отсюда следует, значит (в начале реплики; разг.). Следовательно я прав?» [27, т. 4, с. 258].

«СЛѢДОВАТЕЛЬНО, вводн. сл. и союз. 1. вводн. сл. Таким образом, стало быть. — Позвольте, будьте столь добры, узнать: здесь, следовательно, свадьба? Гл. Успенский. Из чиновничьего была. <...> 2. присоединительный союз. Присоединяет предложения со значением следствия, означая: поэтому, вследствие этого. [Педагоги бурсы] воспитаны тою философией, которая учит, что все люди смертны. Кай — человек, следовательно Кай смертен. Помяловский. Очерки бурсы» [11, т. 4, с. 133].

Старая квалификация слова *следовательно* как наречия при глаголе *следовать* указывает на его генетическую связь с этим глаголом, но употребление не соответствует этой характеристике, толкуемой с точки зрения нынешнего узкого понимания наречия, а новая квалификация как вводного слова и союза указывает на его синтаксическую функцию, на роль в предложении, но при этом игнорирует генетические связи, происхождение слова. С точки зрения словообразования важно то, что уже одно это слово способно поставить под сомнение фактическую действительность не только моделей существительное → прилагательное, прилагательное → прилагательное, но и модели глагол → прилагательное → наречие.

Новый свет на образование прилагательных типа *привлекательный* проливает рассмотрение взаимоотношений слов *касательно* и *касательный*. Согласно данным [18], эти слова не употреблялись в памятниках древнерусской письменности; время их появления, по данным [12], — последняя треть XVIII в.

В [14] слова *касательно* и *касательный* квалифицируются как наречие и прилагательное:

«**Касательный**, ная, ное. прил. Принадлежащий, относительный.

Касательно, нар. Относительно. *Записки, касательно Россійской Исторіи*» [14, т. 3, с. 457].

Всего в [12] зафиксировано 33 случая употребления слов *касательно* и *касательный* в текстах XVIII в.; из них — 6 употреблений слова *касательный*, и 27 употреблений слова *касательно*. Нетрудно заметить, что во всех 6 случаях слово *касательный* употреблено в значении причастия ‘касающийся’, например: «Другая свобода есть моральная, или **касательная** нравов, которая состоит в независимости от власти страстей и пороков» [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных апостол Петра и Павла (1769)]. И здесь, и в таких примерах, как *изживеніи, касательномъ до пици; предосторожности, касательныя до бывшей заразительной болъзни; касательных до оных дел бумаг; в делах, касательных до блага государства; ни одного дела, касательного до пользы и благосостояния имперіи*, слово *касательный* = *касающийся*. Лишь в 1835 г. Н. И. Лобачевский употребил прил. *касательная* как термин геометрии: «Прямая линия, встречаясь с кругом, или пересекает круг в двух только точках, или бывает **касательной** к кругу в одной точке, когда перпендикулярна к поперечнику» [Н. И. Лобачевский. Новые начала Геометрии с полной теорией параллельных (1835–1838)]. Это употребление было зафиксировано в [22]: «**КАСАТЕЛЬНЫЙ**, ая, ое, пр. Прикасающийся къ чему либо. *Касательная линия*» [23, т. 2, с. 165]. В. И. Даль различает специальное употребление прил. *касательная* и прил. *касательный*: «*Точка касанья*, геом. точка, въ которой прямая черта, **касательная** ж., дотыкается до кривой, не пересѣкая ея, проходя далѣе. **Касательный**, касающийся чего-либо, дотыкающийся. **Касательно** нар. относительно, о, объ. *Касательно этого дѣла*, о семь дѣлъ» [5, т. 2, с. 236].

Слово *касательно*, начиная с XVIII в. и до современности, употребляется в качестве предлога, иногда вместе с предлогом *до*, управляющим родительным падежом:

«**Касательно** до окуриванія, то оное производить надъ всѣми проѣжжающими безъ изъятія...» [Наставленіе изъ Ком-

миссії для предохраненія и врачеванія моровой заразительной язвы Капитану-Порутчику Сенденгорсту (1772)].

«Пиэса, дамы и господа, представляет собою изображение излюбленных екатерининских проектов и намерений, **касательно**, — тут француз предостерегающе поднял вверх палец, — **касательно** покорения Турции» [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

В старых словарях вроде [14] слово *касательно* квалифицируется как наречие, что само по себе, с точки зрения современного узкого понимания наречия как части речи, неверно, но указывает на какую-то его генетическую связь с глаголом. В более новых словарях это слово трактуется по своей синтаксической функции как предлог, например: «**КАСАТЕЛЬНО**, предлог с род. п. (канц. устар.). Относительно кого-чего-н. *Касательно нашего дела я от него не слыхал еще ни слова*» [27, т. 1, с. 1329]. Тот или иной путь дальнейшего морфологосинтаксического развития слова не снимает вопроса о первичном морфологическом способе его словообразования.

В результате предварительного рассмотрения слов на *-тельный*, *-тельно* можно сформулировать ряд положений, от которых надо отталкиваться в дальнейших рассуждениях.

1) Отсутствие слова **следовательный* в значении, соотносимом со словом на *-тельно*, 'приводящий к следствию' позволяет предположить, что слова на *-тельно* были первичными, а на *-тельный* — вторичными.

2) Употребление слова *касательный* в значении 'касающийся' позволяет квалифицировать его как некое «подобнопричастие», то есть уподобленное причастию прилагательное.

3) Хорошо известный из истории языка факт, что полные (местоименные, членные) прилагательные образовались из кратких (именных, нечленных), также позволяет предположить, что слова на *-тельно* были первичными, а на *-тельный* — вторичными.

4) Грамматическая квалификация в старых словарях слов на *-тельно* как наречий позволяет предположить их генетическую связь с глаголами.

Своеобразие прилагательных с суфф. *-тельн-* пронциательно подметил В. М. Марков в статье, посвященной истории суфф. *-тель*. Он писал: «Весьма ограниченная возможность

образования прилагательных с суффиксом *-ьн-* при существительных со значением лица, заставляет предполагать первоначальную их связь с именами иного значения. В наличии этого значения убеждает нас и семантика прилагательных типа *сомнительный, удивительный, желательный* и подобных, связанных с представлением о действии и не допускающих ссылки на лицо. К этой же категории относятся и образования типа *смертельный*, для которых связь с лицом оказывается невозможной. Все это является свидетельством того, что прилагательные на *-тельный* (в своем большинстве) восходят к именам со значением действия» [81, с. 99]⁵¹. По-видимому, автор имеет в виду такой ход переразложения: *добродетель > добродетел-ьн-ый > доброе-тельн-ый*.

Вообще именами со значением действия являются, по определению, причастия и слова, по своему значению действия подобные причастиям, которые мы выше условно назвали «подобнопричастиями». Описание таких «подобнопричастий» на *-тельно* обнаруживается не в русской, а в церковнославянской грамматической традиции, а именно в «Грамматике» М. Смотрицкого, в которой они названы термином «причastoдетие». Грамматические формы на *-тельно, -тельный*, согласно Смотрицкому, — это, как и причастия с деепричастиями, формы глагола, обозначающие необходимость будущего действия или способность к будущему действию: «Причastoдѣтїе Глѣ причастный нарицается нѣжду дѣйства знаменующий: Мнѡгажды и прилагателныхъ имѣнь силу притажущїй: естественнѣ же во среднѣ рѡда именїтелномъ усѣченомъ на о, кончащемся употреблемый» [59, с. 302]. Причastoдетия образуются от основ инфинитива: «читати / читателно: творити / творително» [Там же. С. 370]. Причastoдетия склонялись по всем трем родам наподобие причастий, однако любопытно, что в качестве начальной формы выбирается не **читателень* или **читателный*, а форма на *-о*, что сближает их с наречиями. Разбирая употребление причastoдетий, М. Смотрицкий в прави-

⁵¹ Суфф. *-тель* рассматривается им как сложение двух именных суффиксов, а именно: суфф. **t'* и суфф. **el' / *el'*, каждый из которых имел первичное значение 'действие' и вторичное 'деятель'; после опрошения суфф. *-тель* также имел эти два значения (ср. добродѣтель 'доброе деяние' и 'благодетель'); значение отвлеченного действия имени с этим суффиксом утратили вследствие конкуренции с именами с суфф. *-ние* [81, с. 91–102].

лах 1 и 2 указывает, что иногда они «самостоятелнѣ полагаются: яко творително: глѣтелно: носително: уповѣтелно», иногда же такие слова «глѣ *ѣсть* приѣмлють: яко читѣтелно *ѣсть*, писѣтелно *ѣсть* и проч.» Причастодетия часто управляют теми же падежами, что и глаголы, формой которых они являются «яко Нѹждѣ нѣсть противостоѣтелно: поборѣтелно мѣ *ѣсть* по истиннѣ: и проч.»

Как видим, в этих двух правилах нет упоминания о склонении причастодетий, приводятся лишь безличные конструкции. И только в правиле 3-м говорится о согласовании причастодетий с определяемыми именами существительными: «Любѣтеленъ мѣ *ѣсть* Сынъ твоѣй и Истинное мудрованіе про разумѣніе *ѣсть* творѣтелныхъ и не творѣтелныхъ вѣщій: и проч.» [59, с. 433]. Только в последнем правиле появляются формы, которые мы теперь считаем изменяемыми именами прилагательными. Сам же Мелетий Смотрицкий неизменяемое употребление форм на *-тельно* и изменяемое не разбивал на разные слова, а в качестве начальной приводил неизменяемые формы на *-тельно*.

В современном русском языке есть слова на *-тельно*, не имеющие соотносительных с ними прилагательных в полной форме. Это слова *следовательно*, *включительно*. Некоторые из несклоняемых слов на *-тельно* семантически не сводятся к прилагательным на *-тельный*, ср. вводное слово *действительно* и *действительный*, предлог *касательно* и *касательный*. Естественно, что и исторически они образованы не от прилагательных: это неизменяемые причастодетия. Причастодетия, в свою очередь, дали производящие основы для прилагательных, и то не во всех случаях: ср. *желательно* — *желательный*, но *следовательно* — **следовательный*.

Эту гипотезу теперь следует проверить на историческом лексическом материале.

В «Материалах» Срезневского и в [18] имеется ряд словарных статей, заглавным словом в которых выступают прилагательные на *-тельный*. Анализ заключенного в этих статьях текстового материала показывает, что по крайней мере в части из них имеет место употребление причастодетий, которые и должны быть заголовочными словами. Убедительными примерами такого предпочтения заголовочных слов мы считаем следующие.

«ВОЛИТЕЛЬНЫЙ — проαιρετικός, произвольный: — Не естъвьно. бо нъ волительно. *Панд. Ант. XI в.*» [19, т. 1, с. 289]. Толкование слова *волительный* как ‘произвольный’ не совсем верно, потому что греч. проαιρετικός — это отглагольное прилагательное от гл. проαιρέω ‘вынимать’ > ‘выбирать’, который чаще употреблялся в медиопассиве. Из этого следует, что проαιρετικός значит ‘способный выбирать’; судя по контексту, речь идет о противопоставлении чего-то естественного, совершающегося по необходимости, чему-то свободному, совершающемуся по свободной воле, что и было передано по-славянски причастодетием *волиательно*.

«ТВОРИТЕЛЬНЫЙ — творящий: — Сего ради плачь соугоубь яко же грѣхоу гоубительно и сѣмѣрению творительно. *Ю. Львств. XII в. (В)*» [19, т. 3, с. 934]. Толкование при помощи причастия, а также несогласованность подлежащего *плачь* и сказуемых *губительно* и *творительно* указывает на то, что это не причастия и не прилагательные, а особые, даже неизменяемые, по мнению древнего переводчика, отглагольные образования, названные Смотрицким причастодетиями.

«ОСЛАБИТЕЛЬНЫЙ — распушенный, испорченный: Ослабительно сыи (φθαρτὸν ὄν). *Жит. Феодул. Мин. чет. апр. 77*» [19, т. 2, с. 723]. Толкование ‘распушенный, испорченный’ представляется не вполне верным, так как прилагательное φθαρτός, образованное от гл. φθεῖρω ‘уничтожать, истреблять, губить’, означает не столько ‘испорченный’, сколько ‘подверженный порче или разрушению, обреченный на гибель’; сочетание *ослабительно сыи* означает или ‘будучи подверженным порче’, или ‘будучи обреченным на гибель’, что и выражено причастодетием *ослабительно*, вероятно, не очень удачно.

«РАСТИТЕЛЬНЫЙ, *прил.* Способствующий росту, умножению чего-л. <...> От третиягонадесять марта мѣца въсходить С на столпѣ овеннѣмъ, еже есть животно, дванадесятимъ планиномъ пръвое, еже есть мокро и тепло, растительно мокротѣ и крови. (Астрол.) П. отреч. II, с. 398. XVI в.» [18, вып. 22, с. 91]. И в этом случае толкование слова *растительно* посредством причастия подтверждает его сходство с причастием, то есть подтверждает его статус причастодетия. Читателя не должно смущать, что гл. *растити* прямопереходный и как будто требует дополнения в форме В. п., тогда как *мокротѣ*

и *крови* — это формы Д. п., потому что в древнерусском языке употребление Д. п. в роли прямого дополнения было совсем не редкостью; вот несколько примеров, заимствованных из «Очерков» М. Т. Ломтева [78, с. 270–271]:

Еже есть разумѣти *добру* и *злу*...; Бѣ бо рать отъ Печенеѣгъ, и бѣ воююся с ними и одоляя *имъ*...; А мнѣ псу смердящему *кому* учити и чему наказывати и чѣмъ просвѣтити? И азъ грѣшный *вамъ* известихъ желание свое о пострижении...; Виждь, слышателю, яко терпит *им* бог, яко и *бесом*, до суднаго дни...;

Такой дательный был в употреблении еще в литературе XVIII и даже XIX века: С сею новизною *им* поздрафь (Петр I); Живали мы преж сего, не зная *латыне* (А. Кантемир); Но желая удовлетворить моему *любопытству*, я спросил его... (А. Радищев); Но не завидую тебе, что, следуя обычаю ласкати *царям*, <...> ты льстил похвалою в стихах Елизавете (Радищев); И не зная *грамоте*, никогда не забывал ни одного счета денег и пудов муки по огромным обозам, которые он продавал (Л. Толстой).

«СОГРѢВАТЕЛЬНЫЙ, *прил.* Способствующий согреванию. Сила естества его [хмеля] и то есть разводительно и согрѣвательно и отворительно. Травник Любч. с. 373. XVII в. ~ 1534 г.» [18, вып. 26, с. 80]. Употребленное в данном контексте слово *согрѣвательно* истолковано совершенно правильно как ‘способствующий согреванию’, однако это толкование принадлежит не прилагательному *согревательный*, а причастодействию *согревательно*; то же относится и к причастодействиям *разводительно* и *отворительно*.

«ДАДИТЕЛЬНЫЙ: — Неистовьно и дадительно пьянство, всь же примѣшаяисѧ сихъ, не боудеть мждрь. *Панд. Ант. XI в. л. 17*» [19, т. 1, с. 623]. К сожалению, Срезневский не привел греческой параллели, но и без этого ясно, что пьянство способно довести человека до неистовства и еще какого-то неприятного последствия; в другом словаре приведена эта же цитата и слово *дадительный* истолковано со знаком (?) как ‘расточительный’ [18, вып. 4, с. 166], то есть по существу причастодействие истолковано при помощи причастодействия. Здесь можно усомниться в согласованности *дадительно* и *пьянство* по ср. р. Ср. **пьянство есть дадительно, *пити есть дадительно*. Этот пример позволяет расценивать приспособление

первоначально неизменяемого причастодетия к согласованию с именами, начиная со среднего рода, в котором это согласование происходит без видимых изменений.

«СЪПАСИТЕЛЬНЫИ — невредимый: — Да будетъ твое боголюбіе душевнѣ спасительно и тѣлеснѣ многолѣтно здраво. *Посл. митр. Іон. въ Новг. 1448–1458 г. 1*» [19, т. 3, с. 787]. Толкование слова *спасительныи* как ‘невредимый’ не совсем верно, так как в тексте выражено пожелание или моление, чтобы некто, перифрастически названный «твое боголюбие», был способен к спасению души, был достоин спасения.

«ПОБЪДИТЕЛЬНЫИ, прил. 1. *Победный, побеждающий, несущий победу*. Победительно оружие креста, дарованое намъ на нбси. (Явл. креста) [24, с. 169]» [18, вып. 15, с. 120]. Крест есть оружие, способное принести победу, что и выражено причастодетием в роли сказуемого.

«НАГРѢВАТЕЛЬНЫИ, прил. 1. *Способный нагреваться и нагревать*. То сѣмя ... естествомъ нагрѣвателно. Травник Любч. с. 161. XVII в. ~ 1534 г.» [18, вып. 10, с. 57]. Толкование принадлежит не прилагательному *нагревательный*, а причастодетию *нагревательно*, которое и употреблено в тексте; следовательно, в словаре должна была быть особая словарная статья «Нагрѣвательно».

Согласованные формы причастодетия первоначально полностью сохраняют лексико-семантические свойства неизменяемых форм на *-тельно*, например:

«ВОДИТЕЛЬНЫИ — прилаг. отъ водитель: — Водительнѣ оумъ (τὸν ἡγεμόνα νοῦν). *Панд. Ант. XI в.*» [19, т. 1, с. 27]. Нельзя согласиться с тем, что *водительный* — это дериват слова *водитель*, потому что это перевод греч. ἡγεμόνα — причастия гл. ἡγεῖσθαι ‘идти впереди, указывать дорогу, руководить, властвовать’. Перевод причастия словом *водительнѣ* означает, что славянское слово было неким «подобнопричастием», то есть причастодетием, которое в [18] истолковано совершенно по Смотрицкому: ‘способный руководить, направлять’ [18, вып. 2, с. 251].

«ПРОЩАТЕЛЬНЫИ — легко прощающий: — Отнюдь не памятозlobень и къ согрешающимъ прощателень (въ др. сп. прощатель). *Ник. л. 6745 г.*» [19, т. 2, с. 1610]. Толкование слова *прощателень* посредством причастия подтверждает его сход-

ство с причастием, то есть подтверждает его статус причастодетия: некто **способен** к прощению грехов грешников, но то, что он их прощает **легко**, остается на совести автора словаря.

«**ВЪНИМАТЕЛЬНЫЙ**: — подобаеѣтъ всегда бѣдѣливомѣ быти и вѣнимательномѣ и оуготованомѣ всѣмѣ. *Жит. Оед. Ст. 61.* — Мѣсто вѣнимательно. *Жит. Оед. Ст. 43*» [19, т. 1, с. 389]. Весь ряд *бѣдѣливѣ, вѣнимательнѣ, уготованѣ* выражает идею необходимости и способности к соответствующим действиям; *мѣсто вѣнимательно* — место, с которого можно удобно внимать, то есть слушать, следить за происходящим. Значит, слово *вѣнимательно* следует трактовать как причастодетие.

«**ОБЛАДАТЕЛЬНЫЙ** (объ+в...) — властный, требующій повиновенія: — Различну достоить быти учителю и пастырю: ...и приступну, и обладателну, и... смѣренну, и непорабощенну. *Посл. митр. Ион. въ Новг. 1448–1458 гг.*» [19, т. 2, с. 514]. Речь идет о способности быть властным, требовательным, что и выражено причастодетием *обладательнѣ*.

«**УЧИТЕЛЬНЫЙ** — <...> знающій, способный къ учительству: — подобаеѣтъ кѣппоу бес порока быти, трѣзвѣнникуоу, цѣломѣдрьноу... оучительну (διδακτικόν). *Панд. Ант. XI в. л. 274*» [19, т. 3, с. 1339–1340]. Греч. διδακτικός — отглагольное прилагательное от гл. διδάσκω ‘учить, наставлять’ — означает того, кто способен это делать, что и передано по-славянски причастодетием *учителельнѣ*.

Согласуемые именные формы могли расширяться местонаимениями:

«**ГУБИТЕЛЬНЫЙ**: — Лихая ѣдѣ еѣсть гоубительна. *Сб. 1076 г.* Влькѣ гоубительнѣи (λυμεών). *Панд. Ант. XI в. л. 68*» [19, т. 1, с. 607]. Отглагольное имя λυμεών = λυμαντήριος — от медиопассивного глагола λυμαίνομαι ‘портиться, портить’ — означает природную, органическую способность к действию, что и передано по-славянски причастодетием *губительно*: и плохая пища, и волк способны погубить, обладают этой способностью по природе.

Довольно быстро развиваются неотличимые по своему оформлению от прилагательных членные причастодетия:

«**ДѢТЕЛЬНЫЙ** — дѣятельный: — На дѣтельноую възидѣ славоу. *Мин. 1097 г. с. 77.* Дѣтельномѣ дѣганиемѣ (διὰ πρακτικῆς ἐργασίας). *Панд. Ант. XI в.*» [19, т. 1, с. 794]. Если и в

первой цитате слово *дѣтельный* является переводом греч. *πρακτικός*, то в обеих цитатах речь идет о внутренне присущей способности к активному, энергичному действию. В таком же смысле это слово употребляется и в русских по происхождению текстах: «**ДѢТЕЛЬНЫЙ**, прил. 1. *Деятельный, энергичный.* О злый рабе и ленивый, непотребне, добрее бы створилъ, дабы възвратить сребро мое добрым пенязником, и поспешным и детельнымъ. Феод. Печ., с. 181. XV–XVI вв. ~ XI в.» [18, вып. 4, с. 236]. Значит, и в этих случаях имеет место употребление причастодетия.

«**ЖАДАТЕЛЬНЫИ (ЖЕДАТЕЛЬНЫЙ)**, прил. *Испытывающий сильное желание, жаждущий чего-л.* (1558): Желаниемъ бо желаемъ преподобный гласъ твой слышати; яко жадательный елень напитаися. Львов. лет. II, с. 605» [18, вып. 5, с. 69]. Толкование при помощи причастий доказывает, что и *жадательный* не что иное, как «подобнопричастие», то есть причастодетие.

«**МУЧИТЕЛЬНЫИ** — <...> В знач. сущ. **Мучительная**, *мн.* Орудия пыток, казни. И шли они до уреченнаго мѣста на посѣчение, гдѣ плаха лежитъ, и мучительная вся готова и палачъ готовица на посѣчение ихъ. Пустоз. сб. 17. XVII в.» [18, вып. 9, с. 320]. Производное от причастодетия сущ. ср. мн. ч. *мучительная* возможно истолковать точнее — как и причастодетие: ‘все то, что способно быть орудием пыток и казни’.

«**ПОБѢДИТЕЛЬНЫИ**, прил. <...> 4. В знач. сущ. **Побѣдительная**, *мн.* *Победа.* Подай же нам победительная на враги наша. Каз. ист., с. 140. XVI в.» [Там же. Вып. 15, с. 120]. Производное от причастодетия сущ. ср. мн. ч. *побѣдительная* как ‘победа’ не совсем точно, так как в молении испрашивается не победа, а то, что **способно** принести победу — крепость, силу, мужество, терпение и проч.

«**Огорчительно**. нар. Досадно, оскорбительно. *Мнѣ ужѣ огорчительно слушать обидныя слова*» [14, т. 2, с. 249]. Предикативное употребление слова *огорчительно* в приведенной иллюстрации показывает, что перед нами не наречие, *adverbium*, а особая форма глагола, обозначающая способность производить действие, названное производящей основой, то есть причастодетие. Существующее в грамматике понятие предикативного наречия является внутренне противоречивым, оно

возникло от стремления подвести непонятное явление под существующую грамматическую номенклатуру.

«И не сугубо ли **огорчительно** должно быть сие оскорбление таковым родителям, когда они в часы размышления (которые непременно бывают и при самом легкомысленном, самом рассеянном образе жизни) находят, что они сами беспечным воспитанием положили основание к сим порокам или глупостям, что они сами соплели бич, наказующий их теперь за их беспечность» [неизвестный. О воспитании и наставлении детей [перевод] (1783)]. В этом примере интересно то, что причастодетие *огорчительно* имеет при себе наречие *сугубо*, что еще раз подтверждает, что *огорчительно* — это форма глагола, определяемая наречием.

«Дурное расположение людей, недостойных почтения, не должно быть **огорчительно**» [Д. И. Фонвизин. Друг честных людей или Стародум (1788)].

«Этот раз уже не так было **огорчительно** оставить родных и дом, как прежде, когда оставался в пансионах, когда же поехали, то утомился скорой почтовой ездой» [М. П. Загряжский. Записки (1770–1811)].

«**Огорчительно** для меня, что вы не получали моих писем: с приезда я писал их, по крайней мере, двадцать; до вас дошли десятые проценты, — жаль; это отбивает охоту писать; это потеря не только для братского сердца, но для самой словесности» [А. А. Бестужев-Марлинский. Письма (1830–1837)].

«Потом усомнились, испугались, стали перепроверять, нашли грязь и опровергли собственную работу. Было, конечно, **огорчительно**» [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

«Но мне истинно **огорчительно**, что Вы так мало верите моему нравственному чутью, моей оценке и охотнее прислушиваетесь не к сердечному голосу, а к фальшивым головным звукам Смирновой, забывая даже, что мне все это может быть оскорбительно...» [И. С. Аксаков. Письма родным (1849–1856)].

Независимое употребление слова *огорчительно* с зависимыми словами в качестве главного члена односоставного предложения также свидетельствует, что оно является не «приглаголием», а «отглаголием».

Из этих наблюдений можно сделать вывод, что причастодетия — это отглагольные производные, которые подобны причастиям в том, что они обозначают качество, свойство, причастное тому действию, которое выражается глаголом, но, в отличие от собственно причастий, не имеет категории времени; что касается категории залога, то в этом отношении причастодетия ближе всего к греческому медиопассивному залого, вследствие чего они часто употребляются в безличных конструкциях. Вопрос о том, можно ли считать причастодетия грамматической формой глагола, не так прост, как кажется.

Против включения причастодетей в словоизменительную систему глагола писал еще А. В. Барсов:

«1. Въ славенскихъ грамматикахъ къ измѣненіямъ глагола причисляются также названныя такъ *причастодѣтія*, какъ излишнія сами по себѣ, такъ и не удобъ понятыя по изъясненію или опредѣленію ихъ: когда ихъ описываютъ глаголами причастными і нужду (то есть надобность или необходимость) будущаго дѣйства знаменующими, какъ: *писательно, читательно, сирѣчь надлежать писати* или *читати*.

2. Но въ самомъ дѣлѣ оныя не иное что какъ усѣченный средній родъ прилагательныхъ именъ отглагольныхъ то есть производимыхъ отъ глаголовъ и кончащихся на *тельный*, какъ: *чяательный* ая, ое; *чяателень*, на, но, изъ которыхъ правда толкуются нѣкоторыя чрезъ *должно* или *можно*, какъ: *чяательный* и *чяательно*, то есть *котораго* или *чего чяать должно* или *можно*: однако жъ небыло нужды вводить ихъ въ число измѣненій глагола: иначе же и другія разныя окончанія прилагательныхъ отглагольныхъ, изъ коихъ каждое имѣетъ свое толкованіе, должно бы внести всѣ въ спряженіе.

3. Приняты жъ оныя на вышеупомянутомъ основаніи принужденно и единственно по подражанію нѣкоторымъ греческимъ отглагольнымъ же прилагательнымъ и латинскому называемому такъ *gerundium in sum*» [42, с. 644].

Соглашаясь с доводами маститого грамматиста, что причастодетия не являются грамматическими формами глагола, мы склонны считать их особой группой отглагольных производных, объединяемых специфическим значением ‘способный к действию, выраженному производящим глаголом’. Для наглядности можно привести такие слова, как *согласный* ‘выражающий, дающий согласие’ и *согласительный* ‘способный приве-

сти к согласию⁷: ясно, что причастодетие — единственная словоформа, показывающая потенциальную способность, тогда как обычные отглагольные прилагательные такого признака в своем значении не имеют.

Эта древняя модель сформировалась, видимо, в славянском литературном языке под влиянием греческого языка при переводах с последнего, но это требует дополнительных разысканий. В синтаксическом плане причастодетие чаще всего выполняло функции предикатива или обстоятельства образа действия, что и дало основание квалифицировать его в грамматиках и словарях как наречие. В некоторых, но немногих, случаях причастодетие играло роль предлога (*касательно*), вводного слова (*следовательно*), выделительной частицы (*исключительно*).

После того как сформировалась устойчивая вторичная связь между глаголами и прилагательными, последние стали образовываться непосредственно от глаголов, но уже с новым значением: не ‘способный к действию’, а ‘предназначенный для действия’ (*плавательный бассейн, плавательная трубка*). Дальнейший процесс отхода производных прилагательных на *-тельный* от производящих глаголов и утрата такими прилагательными процессуального значения в течение XIX в. подробно рассмотрены в книге «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Существительное и прилагательное» (М., 1964. С. 401–413). Первостепенное значение при этом имеет взаимодействие с родственными причастиями вроде *определятельный* : *определенный*, — характерная черта, унаследованная от причастодетия.

В современном русском языке насчитывается свыше 500 прилагательных с суффиксом *-тельный*. Нами было проанализировано 427 первообразных⁵² прилагательных на *-тельный*: из них 228 прилагательных имеют соотносительные с ними формы на *-тельно* (25 представляют собой гапаксы), 199 прилагательных — не имеют. Это значит, что большинство из этих 199 прилагательных было образовано непосредственно от глаголов,

⁵² То есть за исключением композитов типа *электропитательный, хлебозаготовительный*, вторичных прилагательных типа *невнимательный, бездоказательный* и некоторых терминов, не соотносимых с глаголами, типа *существительное*.

хотя некоторые из них, возможно, были образованы от утраченных современным русским языком причастодетий, что требует дополнительных разысканий⁵³.

Более сложным является вопрос об образовании прилагательных из числа 230. Часть из них несомненно образована непосредственно от глаголов, а формы на *-тельно* — это их застывшие формы кратких прилагательных ср. р. ед. ч., функционирующие как наречия. Также несомненно и то, что часть из них образована от древних причастодетий, например, от тех, о которых говорилось выше (*внимательный, губительный, мучительный, победительный, растительный, согревательный, спасительный, творительный, учительный*). Это надо проверять в каждом отдельном лексическом случае.

Практическими выводами для составителей «Историко-словообразовательного словаря русского языка» должны стать следующие.

1. Относительные прилагательные на *-тельный*, по видимому, не имеют отношения к проблеме разграничения причастодетий и прилагательных, так это исконные отглагольные образования, как правило, со значением ‘предназначенный для действия’: *курительная* трубка, *плавательный* бассейн, *плевательная* урна.

2. Отглагольное образование является причастодетием, если оно реально употребляется в текстах со значением ‘способный к действию’, не имеет степени сравнения, не может быть более или менее интенсивным: *разрешить* > *разрешительно* — *разрешительный*: *разрешительный* документ, молитва, комиссия, система, грамота, подпись, процедура, виза, порядок, контора и т. д.

3. От причастодетий могут быть образованы качественные прилагательные, если они имеют степени сравнения и могут быть более или менее интенсивными: *решить* > причастодетие *решительно* — *решительный* (*решительное* повеление Его Величества) > прилагательное *решительный* (*решительный* шаг, шаг еще *решительней*, весьма, очень *решительный* шаг); способ словообразования — конверсия, или, по В. В. Виноградову,

⁵³ Имеются в виду такие прилагательные, как *живительный, жидительный, ласкательный, мерцательный, ободрительный, оборонительный, обременительный, осязательный*.

морфолого-синтаксический; такое направление словообразования является исторически действительным при условии, что в текстах есть примеры реального употребления причастодетия.

4. Словообразовательная цепочка «глагол → качественное прилагательное» является исторически реальной, если в памятниках письменности достоверно не зафиксировано употребление причастодетия.

Отнесение конкретного причастодетия и прилагательного к одному из этих четырех случаев требует отдельного историко-словообразовательного исследования, алгоритм которых задан изложенными четырьмя условиями.

В заключение затронем вопрос о том, является ли причастодетие отмершим отглагольным образованием. Есть факты, говорящие о том, что о смерти причастодетия говорить преждевременно. Например, поэтесса, пишущая под псевдонимом *Ауринко*, написала шуточное стихотворение, которое так и назвала — «Причастодетие»:

Причастодетие мое — оно искательно,
Уже читательно вполне, уже писательно.
Оно застенчиво порой, порой — наглительно.
Качаю строго головой: причастодетие!..

В глазах его — сплошной восторг: так занимательно!
Я действовать должна всегда — преподавательно,
Не забывать: студенты все — большие дети ведь.
Но где-то я сама еще — причастодетие...

(Причастодетие — особый разряд глагольных форм, образованный Мелетием Смотрицким в соответствии с греческими отглагольными прилагательными и латинским герундивом: *читательно, писательно*)»⁵⁴.

Таким образом, причастодетие до поры до времени хранится в потенциальном фонде развития словообразовательной системы русского языка, но при необходимости снова может быть вызвано к жизни для обогащения его выразительных возможностей.

⁵⁴ <https://www.stihi.ru/2003/05/07-101>

§ 25. Лексикографические маргиналии

Одним из основных источников для изучения исторического словообразования являются словари, и прежде всего — исторические словари русского языка. В них мы находим исконный фонетический облик слова, благодаря которому яснее раскрывается исходная морфемная структура слова. Однако ничто из созданного человеком не обладает абсолютным совершенством, едва ли не везде можно обнаружить ошибки. В исторических словарях ошибки могут быть связаны с недостаточно ясным пониманием того, как образовано слово, каким является его словообразовательное значение. Эти моменты так или иначе необходимо учитывать при лексикографическом описании, потому что игнорирование этого требования может привести составителей словаря к ошибкам и неверным толкованиям, а его читателя к разного рода недоумениям. Покажем это на примерах из исторических словарей русского языка.

Бáяти — бáйти

В [18] эти два глагола не различаются; здесь это один глагол с тремя значениями: «**Баяти**. 1. *Ворожить (наговорами, заклинаниями)*. ...2. *Рассказывать басни, вымыслы*. ...3. *Говорить, болтать*» ([18, вып. 1, с. 83]. То же и в [23]: «**Бáять**, бáю, бáешь, *гл. ср. Простон*. 1) *Говорить, разговаривать*. ...2) *Церк. Заговаривать, ворожить*» [23, т. 1, с. 26]. Однако, если посмотреть на эти глаголы со словообразовательной точки зрения, то мы увидим, что они образованы по-разному.

Бáйти — это глагол 3-го класса (*баю, баешь... бают*) с древним «аористным» суффиксом *-а-*, а **бáйти** — это глагол 3-го же класса (**баяю, *баяешь... *баяют*) с новым суффиксом *-а-*, возникшим после переразложения имперфектных основ; бесприставочный глагол **бáйти** не сохранился в современном русском языке, но его префиксальный производный глагол **обáйти** > *обаять* сохраняет то же место ударения и отличается от производящего только начинательным способом действия. Таким образом, глаголы **бáйти** — **бáйти** являются омографами, значения которых сильно разошлись уже в древнерусский период, что и отражено в исторических словарях, однако наличие разных суффиксов дает основание считать их разными словами и помещать в отдельные словарные статьи. С этимологической

точки зрения эти два глагола представляют две линии семантического развития одного корня:

1) 'говорить' > 'болтать, пустословить' > 'сочинять небылицы';

2) 'говорить' > 'заговаривать (боль)' > 'колдовать, ворожить' > 'очаровывать, увлекать'.

То же нужно сказать и об отглагольном имени **баяние**: «**Баяние**, с. 1. *Волшебство, колдовство*. Мѣсто, юноше, уготованно естъ нечестія творящимъ безъ божія велѣнія на земли, иже дѣлають чародеянія и **баянія** и хвалятся дѣлы своими. Кн. Енохова, с. 85. XVII в. ~ XIII в. 2. *Вымысел, выдумка*. Отъ истинны слухъ отвратять и на баянія уклонятъ. 2. Тим. IV. 4. || *Пустословіе, болтовня*. Намъ же не смѣяться, но паче плакати о сихъ подобаетъ, яко словеса божественная си, простотою и ненаучения тмою омрачившеса, или навѣтомъ вражиимъ оболстившеса, въ безчинная словеса великую силу въ немощная **баянія** и козлогласія безсловесная претвориша. Мусик. грам. Дил., с. 37. 1681 г.» [18, вып. 1, с. 83].

По основаниям, изложенным выше, здесь также следует видеть не два значения одного слова, а два имени-омографа: 1) **баяние**, 2) **баяние**.

Отчасти это различие отражено в [23]: здесь нет словарной статьи «**Баяние**», но есть статья «**Баяние**, я, с. ср. Церк. Заговариваніе, ворожба. *Непреложень явился еси, ни словесы волшебными, ни разумомъ Перскаго баянія прельщенъ*. Мин. мѣс. Авг. 7)» [23, т. 1, с. 26].

Ср. в славянском тексте «Канона на Преображение Господне» по обиходной служебной Минее: *Нзвѣѣтноу вѣроу оутвѣрждаѣ, ѣкоже непреклоненъ столпъ, непреложенъ гвнѣлъ снѣ, ни словесы волшебнымн, ни разумомъ перскагѣ баянѣа прельщенъ*.

Таким образом, именно производное **баяние** указывает на его реальный производящий глагол **баяти**.

Вздымати — взнимати — взимати

В [18] имеется словарная статья следующего содержания:

«**ВЗДЫМАТИ (ВОЗДЫМАТИ, ЗДЫМАТИ) и ВЗДНИМАТИ**. 1. *Вздымать, поднимать кверху*. Младенца своя на рукахъ воздымаху. Ж. Мак. Ж., с. 47. XVI в. <...> 2. *Проводить*

судно через порог (вверх по течению). Да ъдучи в город в Ладоском пороги здымали судно, дано за работу 26 ал<тын>. А. Свир. м., № 275, 2. 1666 г. 3. перен. *Поднимать, побуждать к чему-л.* (1471): Другии человецы ... начата воздвизатися и препростую чядь възднимати по миру ... на дом святыя Троица, истязуя от нея воды и земля даноя в наслѣдьде божиа. Псков, лет., т. II, с. 177. 4. *Выдерживать тяжесть чего-л. на своей поверхности.* Насъ со лдомъ вмѣстѣ отнесло въ море... и море стало и замерзло одною ночью, и на третьей день почаль ледь человекъ въздымать, и мы учили провъдывать земли въ которой сторонѣ. ДАИ, т. III, с. 281. 1651 г. 5. *Воздвигать, строить что-л.* Сарай здымали и мостили и мость на сарай носили. Кн. прих.-расх. Ант. м. № 1, с. 151 об. 1583 г. ◊ Вражду въздымати — *разжигать вражду, подниматься против кого-л.* (1400): И отголѣ нача великий князь вражду въздымати на свою матеръ и на свою братью. Симеон, лет., с. 149» [18, вып. 2, с. 150].

На наш взгляд, третье значение «перен. *Поднимать, побуждать к чему-л.*» и фразеологическое выражение «Вражду въздымати — *разжигать вражду, подниматься против кого-л.*» оказались в этой словарной статье в буквальном смысле слова по недоразумению: составители словаря, во-первых, не проанализировали словообразовательной структуры этого слова и его деривационных отношений и, во-вторых, не учли его фонетико-орфографической истории. Дело в том, что глагол в таких орфографических вариантах, как **вздымати**, **воздымати**, **здымати**, мог относиться к двум совершенно различным словообразовательным древам, а именно к дереву с праслав. корнем **dьm-* и к дереву с праслав. корнем **im-*.

От первого корня был образован гл. **dьmti* > ст.-сл. **джти**, др.-рус. **доути** с формами настоящего времени **дѣмоу**, **дѣмеши**, **дѣметь**; от него в свою очередь был образован префиксальным способом гл. **въздоути** ‘дуновением поднять вверх’ с формами настоящего времени **въздѣмоу**, **въздѣмеши**, **въздѣметь**, в котором приставка *въз-* имела значение результативного способа действия; от этого-то глагола и был образован суффиксальным способом интересующий нас дуративный гл. **въздымати** ‘дуновением поднимать вверх’ с формами настоящего времени **въздымаю**, **въздымаеши**, **въздымаеть**; значение дуративности выражалось как суффиксом *-а-*, так и продлением

гласного корня. Орфографическая история этого слова элементарна и связана с утратой слабого редуцированного в приставке (**вздымати**) и упрощением вследствие этого группы согласных (**здымати**). Именно этот глагол имел переносное значение ‘поднимать, побуждать к чему-л.’, то есть как бы дуновением наполнять душу каким-то эмоциональным содержанием, положительным или отрицательным — духом любви или ненависти; именно этот глагол входит составной частью в выражение вражду вздымати ‘разжигать вражду’.

В словарях современного русского языка не различаются гл. *вздымать*¹ с корнем *дым-*: ‘дуновением поднимать вверх’ и гл. *вздымать*² ‘поднимать’ с корнем **im-*; вероятно, считается, что гл. *вздымать*¹ уже вышел из употребления или полностью «поглощен» гл. *вздымать*² в силу их семантической близости. Однако, как нам кажется, некоторые тексты позволяют довольно четко определить, какой глагол в них употреблен. Вот несколько примеров, по данным [12], в которых, на наш взгляд, употреблен гл. *вздымать*¹: «Какие гениальные думы звездились в уме; какие святые чувства **вздымали** геройскую грудь» [А.А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек (1831)]; «Дыханьем днешних бурь **вздымает** спавший русский дух, а встречу ему во всеоружьи правды идет старинной сказкою предсказанный царевич русский» [Н. С. Лесков. Божедомы (1868)]; «И желаний тоска Грудь **вздымает** слегка, Будто волны несут лебедей; И на свежих устах, Как роса на цветах, Сладострастия влага у ней» [Б. А. Садовской. М. Ю. Лермонтов (1911)].

От второго корня был образован гл. **imati* = **имати**, от которого был образован гл. **взимати**. Его орфографическая история более сложна: благодаря хорошо известной протезе *-н-*, описанной в элементарных курсах исторической фонетики, он изменился в **взнимати** > **взнимати**; эпентеза *-д-* появилась скорее всего по аналогии с другим приставочным образованием, а именно с гл. **подымати**, **поднимати**, из-за чего появился вариант **въздымати** > **вздымати** ‘поднимать вверх’, орфографически тождественный гл. **въздымати** от корня **dym-*, и даже контаминированный вариант **възднимати**.

Таким образом, в [18] следует поместить две словарных статьи «Въздымати» и «Взимати».

«**ВЪЗДЫМАТИ (ВОЗДЫМАТИ, ЗДЫМАТИ)**. Дуновени-ем поднимать вверх; также перен. Другии человецы... начата воздвизатися и препростую чядь възднимати по миру... на дом святыя Троица, истязуя от нея воды и земля даноя в наслѣдьде божиа. Псков, лет., т. II, с. 177. ◊ Вражду въздымати — *разжигать вражду*. (1400): И оттолѣ нача великий князь вражду въздымати на свою матерь и на свою братью. Симеон, лет., с. 149».

Вместо одной статьи «Възимати» в [18] имеется три статьи: кроме уже упомянутой статьи «Вздымати» есть отдельная статья «Взимати»: «**ВЗИМАТИ**. 1. Брать (рукой), принимать (в руки). 2. Поднимать. 3. Брать к себе, с собой. 4. Принимать, получать, приобретать. 5. Взыскивать, получать (дань); делать побор. 6. Отнимать, захватывать, завладевать чем-л» [18, вып. 2, с. 151], а также отдельная статья «Взнимати»: «**ВЗНИМАТИ**. Поднимать вверх. (1456): Они же... [новгородцы] копия же имяху длѣга, и не можаху и **възнимати** ихъ... но на землю испущающе ихъ. Воскр. лет. т. VIII, с. 146. Нечистый бѣсъ злѣ мучаше, многаши бо его на землю поверзаше, **взнимая** толщаше о землю. Ж. Герас. Б., с. 205. XVII в. ~ XVI в.» [18, вып. 2, с. 157].

Поскольку **възимати** > **взимати**, **възнимати** > **взнимати**, **въздымати** > **вздымати**, **здымати** и **възднимати** являются фонетико-орфографическими вариантами одного слова с корнем **it-*, все относящиеся к ним материалы следует объединить в одной статье, а не дробить их на буквоедском основании на три статьи. Для облегчения читателям поиска нужного слова можно использовать отсылочные статьи типа **ЗДЫМАТИ** — см. **ВЪЗДЫМАТИ** и т. п.

Мькти

В [32] о реконструированном архетипе праслав. **тъкнѣти* сказано, что это глагол на *-нѣти* с регулярной краткостью корневого гласного, являющийся развитием первоначального **тъкти* или еще дославянского **tuk-ne-*, представляющего собой суффиксированный вариант к **tu-n-ke-*, с назальным инфиксом, к которому принадлежат лит. *tunkù, mùkti* ‘ускользать, удирать’, др.-инд. *tuñcati* ‘освобождать’, далее ср. лат. *ē-mungere* (g : k) ‘высморгать, высморкаться’ (см.: [32; С. 20, 219]). Отдельной словарной статьи с архетипом **тъкти* в [32] нет, вероятно, пото-

му, что рефлексы этого глагола не обнаруживаются ни в памятниках славянской письменности, ни в диалектах славянских языков. Прямых продолжений праслав. **тъkti* в славянских языках, кажется, действительно нет, однако по косвенным признакам мы можем с большой долей вероятности утверждать реальное историческое существование глагола **мъкти*. Под косвенными признаками мы подразумеваем глаголы, производные от **мъкти*; иначе говоря, если в памятниках письменности или диалектах зафиксировано реальное употребление глаголов типа **вымъкти*, **замъкти*, **отъмъкти*, **перемъкти*, **примъкти*, **разомъкти*, **сьмъкти*, то это будет весомым аргументом в пользу исторического существования глагола **мъкти*, так как ни от какого другого глагола они образованы быть не могут. Доказательством существования самих указанных глаголов (то есть *замъкти* и проч.) является наличие и в древнерусском, и в современном русском языке их производных типа *замыкати* — *замыкать*. Приводить примеры употребления этих глаголов является совершенно излишним. Все глаголы типа *замыкати* образованы по одной модели, а именно при помощи суфф. *-а-* со значением отвлеченно-длительного способа действия и продления гласного корня (*ъ > ы*) для выражения того же значения. Таким образом, выстраиваются словообразовательные цепочки: **мъкти* → **замъкти* → *замыкати*; **мъкти* → **отъмъкти* → *отъмькати*. Вопрос теперь состоит в том, имеем ли мы право снять астериск со средних членов этих цепочек? В исторических словарях русского языка, увы, нет словарных статей «Замъкти», «Отъмъкти» и проч., но нет, на наш взгляд, только потому, что составители этих словарей не сумели дать верную интерпретацию тем фактам из памятников письменности, которые были в их распоряжении. Начнем с наиболее яркого случая.

В словарной статье «Сомкнути» написано следующее: **«СОМКНУТИ**. 1. *Стацить*. (1147): И узрѣвше Игоря на сѣнх, и разбиша о немъ сѣни и **сомкоша** и с сѣней, и ту убиша, конецъ всходовъ. Радзив. лет. т. 1, с. 115. XV в. 2. *Сомкнути*. (1530): Воеводы под городом под Казанью стали оплошася, и обозу города гуляя не **сомкнуша**... В тѣ поры пришла черемиса казанская, город гуляя взяли и наряду пищалеи с семдесят. Волог.-Перм. лет., с. 314. XVI в.» [18, вып. 26, с. 142]. Очевидно, что

сомкоша и **сомкноуша** не могут быть одновременно формами аориста 3 л. мн. ч. глагола **сомкноути**, что только **сомкноуша** является таковой, тогда как **сомкоша** — это форма нового сигматического аориста от глагола **сьмькти**, и других вариантов истолкования этой формы нет. Почему составители словаря этого не заметили, остается нам неизвестным. Во избежание этой ошибки авторам словаря следовало ввести особую словарную статью «СЬМЬКТИ», проиллюстрировав ее цитатой с аористом **сомкоша**. В современном русском языке глагол **сьмькти** вышел из употребления, будучи вытесненным семантически тождественным, но более выразительным суффигированным глаголом **сьмькноути**, но еще в XV и XVI вв. он был в литературном употреблении.

В других списках летописи в том же сюжете об убийстве князя Игоря употреблен другой глагол — **сьмьчати**: «**СОМЧАТИ**. *Стащитъ*. Узрѣша Игоря на сѣнех и разбиша сѣни о немъ, и **сомчаша** и с сѣнии, и ту убиша и [9, с. 318. (1147)]: И **сомчавше** его съ сѣнеи, убиша и. Моск. лет. XVI в.» [18, вып. 5, с. 144]. Фонетическая форма этого глагола ясно указывает на то, что он мог быть образован только от глагола *сьмькти*: **сьтък-ти* > **сьтък-ѣ-ти* > *сьмьчати* > *сомчати*, что также подтверждает факт существования глагола **сьмькти** в древнерусском языке.

В словарной статье «ЗАМКНУТИ» читаем следующее: «**ЗАМКНУТИ**. 1. Затворить, преградить доступ, проход куда-л. (907): Приде [Олег] къ Цсрїюград<e>, и грѣци **замкоша** Судъ, а городъ затвориша. Англ. д., с. 337. 1601. <...>2. *Запереть на замок*. Скоро придоша, видѣша церковь **замьчену**. Патерик Печ., с. 216. XV в. ~ XIII в. Ворота [были бы] к ночи **замкнуты**. Дм., с. 120. XVI в.» [18, вып. 5, с. 241].

Как и в предыдущем случае, аорист 3 л. мн. ч. **замкоша** не может быть формой глагола **замькноути**, только — **замькти**. Точно так же страдательные причастия прошедшего времени **замьчень** и **замкноуть** не могут быть одновременно формами глагола **замькноути**; таковой является только причастие **замькноуть**, а **замьчень** — это причастие от глагола **замькти** и истолковано иначе быть не может. Во избежание этой ошибки авторам словаря следовало ввести особую словарную статью «ЗАМЬКТИ».

Переходим к словарной статье «Отмкнути»: **ОТОМКНУТИ (ОТОМЪКНУТИ)** и **ОТМКНУТИ**. *Отпереть, открыть*. <...> (1446): Пономарь же, именемъ Никифоръ инокъ, притекъ и **отомче** [Воскр. лет., с. 116: **отмче**] церковь. Симеон. лет., 197» [18, вып. 13, с. 290].

Как и в предыдущих случаях, аорист 3 л. ед. ч. **отомче** не может быть формой глагола **отомъкнути** по морфонологическим основаниям; формой аориста этого глагола является **отомъкнуу**, а **отомче** — это форма глагола **отъмькти**. Во избежание этой ошибки авторам словаря следовало ввести особую словарную статью «ОТОМЪКТИ». Глагол **отъмькти** вышел из употребления, будучи вытесненным семантически тождественным, но более выразительным суффигированным глаголом **отомъкнути**, но еще в XV в. он был в литературном употреблении.

Что касается глагола **розомъкти*, то нам не удалось ни в [18], ни в Картотеке ДРС найти в реальном употреблении каких бы то ни было его грамматических форм. О его историческом существовании может свидетельствовать пока только его производный глагол **розомъчати**: **«РАЗОМЧАТИ (РОЗОМЪЧ-)**. *Разнести, развеять*. Всъхъ [демонов] **разомчало** по воздуху. Ж. Павла Обн., с. 95 об. XVI в. Прогна нечистыя духи, и всъхъ **розомъчало** по воздуху без вѣсти. Пр. Уст., с. 100. XVII в.» [18, вып. 21, с. 234–235]. Фонетическая форма этого глагола ясно указывает на то, что он мог быть образован только от глагола **розомъкти**: **orzmk-ti > *orzmk-ě-ti > розомъчати*, в славянизированной форме — **разомчати**, что косвенно подтверждает факт существования глагола **розомъкти** в древнерусском языке, хотя это еще не является достаточным основанием для того, чтобы создавать словарную статью «Розомъкти».

Несколько иную картину рисует нам [17]. В этом словаре также нет словарной статьи «Замъкти», но в отдельную статью, вопреки принципам словаря и вообще общепринятым правилам лексикографии, выделено причастие **замъчень**, дана его грамматическая характеристика, но, к удивлению читателей, не указано, причастием какого глагола оно является: **«ЗАМЪЧЕНЬ (7) прич. страд. прош. Запертый:** и посади его въ кльѣти его **замчень**. *СбТр к. XIV, с. 155 об.; коринѳская врата твердо замчена (κεκλεισμένας) Пч XIV–XV, с. 13 об.; кельи*

е(г) замъ|ченѣ бывши. *ПКП 1406, с. 153–154*; и видѣша цркъвь **замъченоу**. *Там же, с. 195б*» [17, т. 3, с. 326]. Что помешало авторам словаря идентифицировать это причастие как форму глагола **замъкти**, осталось непонятным.

Вполне возможно, что этих оснований недостаточно для того, чтобы в [34] появилась словарная статья «**mъkti*», но в том, что в исторических словарях русского языка должны быть словарные статьи «Замъкти», «Отъмъкти» и «Съмъкти», сомнений быть не должно.

Что касается словарных статей «Вымъкти», «Примъкти», «Подъмъкти» и других, то они должны появиться лишь в том случае, если в памятниках письменности будет обнаружено употребление личных или причастных форм этих глаголов; нам сделать этого пока не удалось.

Указанные недостатки исторических словарей сказываются недостатками этимологических словарей. В [34] о глаголе **отъмъkti* сказано, что это слово — «производное с преф. **отъ-* от незасвидетельствованного гл. **тъkti*, соотносительное с гл. **отъмъkнѣti*» [34; с. 37, 203]. В иллюстративной части статьи использованы только скудные данные сербохорватского языка, а русских материалов нет, но только потому, что в исторических словарях нет словарной статьи «Отъмъкти», необходимость которой обоснована выше.

Проведенный анализ еще раз подтверждает уже высказанную мысль о том, что игнорирование словообразовательной структуры и его деривационных отношений может привести к недоразумениям и даже ошибкам лексикографического описания. Словообразование выдвигает гораздо более строгие требования к образованию глагольных словоформ, чем это предполагается в исторических и даже в некоторых этимологических словарях. Лексиколог смотрит на суммарный итог соединившихся частей парадигм, специалист по словообразованию — на источники этих разных частей парадигм в разных словах.

СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Рассмотрев различные предлагавшиеся в истории науки решения вопроса о способах глагольного действия, мы приходим к следующим выводам: 1) нет и не может быть какого-то одного принципа классификации способов действия; 2) оснований для классификации может быть по меньшей мере два: во-первых, таким основанием может быть разделение глаголов по степени длительности; во-вторых, таким основанием могут быть различные обстоятельственные и модальные значения, вносимые в глаголы прежде всего приставками; 3) все способы глагольного действия имеют формальные словообразовательные средства выражения, именно этим понятие способа действия отличается от понятия характера действия, о чем говорилось выше.

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ПО СТЕПЕНЯМ ДЛИТЕЛЬНОСТИ

Первое разделение заключается в противопоставлении глаголов однократного способа действия — глаголам длительных способов действия.

Однократный (семельфактивный⁵⁵) способ действия. В русском языке существуют так называемые многофазисные глаголы, которые обозначают такое действие, которое по своей природе, или характеру, может быть разложимо на ряд мелких фазисов; при этом семантика многофазисности формально никак не выражена. «С многофазисными глаголами типа *бодать* формально и семантически соотнесены глаголы, обозначающие действия, выполняемые одним движением, в один приём: *бодать* — *боднуть*. По своему значению глагол *боднуть* может быть представлен как один отдельно взятый фазис комплексного, многофазисного действия, обозначаемого глаголом *бодать*. Такие глаголы принято называть однократными (семельфактивными) глаголами» [67, с. 253]. Глаголы этого класса образуются от

⁵⁵ От лат. наречия *semel* 'однажды, один раз' и сущ. *factum* 'действие, деяние'.

основ, обозначающих такие процессы, которые по своей природе могут члениться на части, «кванты», то есть могут быть дискретными: *вильнуть, скрипнуть, свистнуть, прилгнуть, сболтнуть, соснуть, встрепенуться* и пр. С фазисными глаголами *бодать, вилять, скрипеть* и др. однократные глаголы *боднуть, вильнуть, скрипнуть* не связаны словообразовательными отношениями, то есть они образуются независимо друг от друга непосредственно от корней, с одной стороны, при помощи суффикса глаголов 2-го класса **ne / *no: *tʲk-no-m / *tʲlk-ne-ši* > ст.-сл. **тлькнж / тлькнеши**, др.-рус. **тълькнѹ / тьлькнеши** > русск. *толкну / толкнёшь*, с другой стороны, при помощи суффикса отвлеченно-длительного способа действия **a: *tʲk-a-jo-t / *tʲk-a-ti* > ст.-сл. **тлькаж / тлькати**, др.-рус. **тълькаю / тьлькати** > русск. *толкаю / толкать*. Глаголы этого типа могут образовать видовую пару в том случае, если фазисный глагол в контексте обозначает один акт действия; сравним:

1) *Иванов вошел, кивнул секретарю и открыл собрание.*

2) *Иванов входит, кивает секретарю и открывает собрание.*

3) *Иванов от старости все время кивает головой.*

Во втором предложении глагол *кивает* значит ‘делает один кивок’, поэтому глаголы *кивать — кивнуть* образуют видовую пару. В третьем предложении глагол *кивает* значит ‘делает много кивков’, поэтому он не является парой глагола *кивнуть*: нельзя сказать **все время кивнул головой*.

Понятие однократности не следует отождествлять с понятием мгновенности, моментальности, потому что однократные глаголы могут обозначать действие, занимающее длительный промежуток времени, например, глагол *кутнуть*: «любой “кутёж” длится во всяком случае дольше, чем одно “мгновение”» [67, с. 253]. Мгновенность — это частный случай однократности.

«Глаголы на *-ну-*, образованные от глаголов, обозначающих гомогенные процессы (т. е. глаголы типа *мазнуть* или *глянуть*), обычно стилистически окрашены: компоненты ‘быстро’ и ‘сильно’, содержащиеся в значении этого способа действия, преобразуясь в прагматической плоскости в идею “грубой силы” и одновременно представляя действие как совершаемое как бы “походя”, создают оттенок некоей цинической развязности, нарочитой вульгарности — ср. в особенности новообразования типа *курнуть, спекульнуть, критикнуть, общнуться*» [65, с. 126].

Экспрессивно-просторечным характером с оттенком особой резкости, внезапности или, наоборот, ослабленности действия обладает суфф. *-ну-* при образовании однократных глаголов от основ инфинитива с суффиксом *-а-*: сравним: *копнуть* — *копануть*, *толкнуть* — *толкануть*, *хлестнуть* — *хлестануть*, *щипнуть* — *щипануть*, а также глаголов с опрощенным суффиксом *-ану-*: *садануть*. Своеобразной особенностью суффикса *-ануть* является постоянное ударение на суффиксе, тогда как глаголы с суффиксом *-нуть* могут иметь ударение и на суффиксе и на основе (ср. *стúкнуть* и *мигнúть*). «Эта особенность глаголов на *-ануть* как-то ускользала от внимания исследователей, объединяющих образования с *-нуть* и *-ануть*, а между тем она выразительно подчеркивает особый характер последних, свидетельствующий об очевидной самостоятельности рассматриваемого морфологического типа. Эта самостоятельность проявляется и в том, что от ряда глаголов несовершенного вида вообще невозможны образования на *-нуть*, тогда как образования на *-ануть* существуют. Ср., например, такие образования, как *гребануть*, *рубануть*, *шибануть*, *жигануть*, *сигануть*, *сказануть*, *чесануть* и многие другие» [81, с. 77]. Эти особенности позволили исследователю квалифицировать глаголы на *-ануть* как глаголы с субъективно-оценочным суффиксом [Там же. С. 78].

Еще одним средством образования глаголов однократного способа действия является конфикс *с-...-ну(ть)*: *сполоснуть*, *сболтнуть*, *сбрехнуть*.

К глаголам однократного способа действия Исаченко относит глаголы типа *сострить*: «Глагол *острúть* *žartovat'*, *vtipkovat'* в словаре Ушакова толкуется так: 'говорить остроути'. Действие, выраженное этим глаголом, можно себе представить как состоящее из ряда отдельных "актов". Оно также расчленимо, как действие, выраженное глаголом *толкать* *sácat'*. Поэтому и здесь можно выделить один отдельно взятый "фазис" действия. Именно отдельно взятый "фазис" и имеется в виду в глаголе *сострúть* 'проявить остроумие, сделать остроумное замечание'. В словаре Ушакова глагол *сострúть* приведён как "сов. к острить": это связано с общими "либеральными" взглядами данного словаря на приёмы видообразования. На самом деле здесь налицо однократная совершаемость» [67, с. 267].

Таким образом, к глаголам однократного способа действия относятся *сдунуть, сдурить, струсить, сплутовать, свалить (дурака), соврать, своровать, сжудльничать, смалодушничать, собезьянничать, съябедничать, созорничать* и др. Все они в большей или меньшей степени несут на себе отрицательную коннотацию. При этом глаголы типа *острить* — *состричь* не являются видовыми парами.

«Однократное значение приставки *с-* в древнем языке было, по-видимому, более распространённым. В современном языке однократное значение было в большинстве случаев переистолковано: оттенок однократности был заменён оттенком результативности. <...> Глагол *смастерить* рассматривается в словарях обычно как форма совершенного вида к *мастерить*. В результате аналогичных, очень тонких семантических сдвигов произошла и переоценка типа глаголов *сделать, сыграть, сварить*. Исторически приставка *с-* здесь могла выражать однократную совершаемость (ср. *сделать* *самодельную мотыгу; сделать* *урок; сыграть* *партию; сварить* *кашу*) и лишь впоследствии это значение однократности было вытеснено более общим значением результативности» [67, с. 270].

Глаголы однократного способа действия образуются при помощи приставки *с-* от ненаправленных глаголов перемещения: *сходить в школу, сбегать в магазин, съездить в Париж* — во всех этих случаях обозначен один акт действия, потому что глаголы *ходить, бегать, ездить* предполагают внутреннюю расчлененность.

Разновидностью однократного способа действия является интенсивно-однократный, который образуется при помощи конфикса *вз-...-ну(ть)*: *вскрикнуть, вздрогнуть*.

В некоторых случаях произошло опрощение и суффикс *ну-* в современном русском языке не выделяется: *грянуть, рехнуться, хлынуть*. Эти глаголы уже не относятся к глаголам однократного способа действия; по своей семантике они относятся к глаголам начинательного способа действия: оркестр *грянул* и гремит, дождь *хлынул* и идет, человек *рехнулся* и продолжает жить сумасшедшим.

Все глаголы однократного способа действия являются глаголами совершенного вида.

Группа глаголов длительного способа действия образует градуальную систему из четырех разновидностей, которые мы по традиции будем называть степенями. Чтобы не утяжелять ради логической стройности изложение, мы не будем употреблять неудобочитаемых сочетаний типа «конкретно-длительная разновидность длительного способа действия», а будем просто говорить «конкретно-длительный способ действия».

1-я степень. Конкретно-длительный способ действия. По-видимому, первым в историческом отношении способом глагольного действия были бесприставочные глаголы типа **byti*, **znati*, **mьkti*, **čьtti*, **mert*, **kolti*, **borti* и т. п. Основа настоящего времени образуется при помощи суффиксов глаголов 1-го и 3-го класса **e / *o* и **je / *jo*. Эти глаголы обозначают действие как факт безотносительно к каким бы то ни было обстоятельствам его проявления: *знаю — знаешь, чту — чтешь, мру — мрешь, колю — колешь, борю — борешь*. Некоторые из этих глаголов утрачены современным русским языком: **mьkti*.

2-я степень. Собираательно-длительный способ действия. Эти глаголы образуются от именных основ, средством образования является суффикс **i* глаголов 4-го класса: *носить, возить, солить, пилить, мочить*; нередко к значению длительности присоединяется значение причинности: то, что *солят, мочат* делается соленым, мокрым; поэтому разновидностью собираательно-длительного способа действия является **дуративно-каузативный**.

3-я степень. Отвлеченно-длительный способ действия. Средством образования являются суффикс **a / *va* и продление корневой гласной: **byti* → **byvati*, **čьtti* → **čītati*, **mert* - **mьrо* → **mirati*, **letti* → **lētati*. Еще одним средством выражения этого способа действия являются суффиксы *-e-* < *ъ* (*терпеть, болеть, смотреть*), *-ова-* / *-ева-* / *-у-* (*торговать, горевать — торгую, горюю*). Отвлеченно-длительные глаголы перемещения одновременно являются разнонаправленными глаголами, в терминологии Ю. С. Маслова — неопределенно-моторными (*летать*).

Глаголы отвлеченно-длительно способа действия часто употребляются при отрицании: «Никогда я не едал таких роскошных подовых пирогов, как в этот достопамятный день» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге (1872)]; «В это время вошел в избу городской дьячок, которого я никогда не видал». [Ф. М. Решетников. Никола Знаменский (1866)].

4-я степень. **Интенсивно-длительный способ действия.** Глаголы этого способа действия образуются от глаголов отвлеченно-длительного способа действия при помощи инфикса *-ив-* / *-ыв-* в сочетании с продлением гласного корня и переносом ударения (*уловлять* — *у-лávл-ив-а-ть*). Если глагол отвлеченно-длительного способа действия выходит из употребления, то образованный от него глагол интенсивно-длительного способа действия становится глаголом отвлеченно-длительного способа действия; например, глагол *спрашивать* был глаголом интенсивно-длительного способа, пока в употреблении был его производящий глагол отвлеченно-длительного способа действия *спрашать*; после выхода этого глагола из употребления глагол *спрашивать* стал глаголом отвлеченно-длительного способа действия.

Множественный (итеративный)⁵⁶ способ действия. Средством выражения множественности является тот же суффикс *-ва-*, что и у глаголов длительного способа действия, а также продление гласного корня и перенос ударения: *говáривать*, *сáливать*, а также инфикс *-ив-* / *-ыв-* в сочетании с продлением гласного корня и переносом ударения: *хáживать*, *читывать*, *ламывать*.

Существует некоторая разница между глаголами множественного и длительного действия, она зависит от семантики глагола. «Общим (инвариантным) значением множественных глаголов является “внутренняя расчленённость” процесса» [67, с. 274]. Если само обозначаемое действие предполагает его возможное повторение, разделение на отдельные акты, или фазисы, то это глаголы множественного действия (фреквентати-

⁵⁶ От лат. *iterativus* ‘повторный, множественный’ < гл. *itero* ‘вторично делать, повторять’.

вы); если же обозначаемое действие по природе протекает в течение длительного времени, то это глаголы интенсивно-длительного способа действия. Сравним два употребления глагола *сизживать*:

1) «Впрочем, мы **сизживали** дома по десяти месяцев, в которые бог знает, что с нами делывалось; однако ж со всем тем ко всякой из нас сватывалось множество женихов» [И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)];

2) «Под этим высоким вязом, — говорила ему госпожа Л*, — ты часто **сизживал** с Юлиею; часто бегивал с нею по этому лугу» [Н. М. Карамзин. Евгений и Юлия (1789)].

В предложении (1) глагол *сизживать* является глаголом интенсивно-длительного способа действия, а в предложении (2) — многократного способа действия.

В русском литературном языке имеет место тенденция к уменьшению количества бесприставочных глаголов многократного способа действия: если в языке литературы XVIII–XIX вв. еще были в употреблении такие глаголы, как *гащивать*, *обедывать*, *лавливать*, то в языке XX в. они практически не употребляются.

Большинство глаголов 1-й и 2-й степени длительного способа действия вместе со всеми бесприставочными глаголами 3-й и вообще всеми глаголами 4-й степени стали глаголами несовершенного вида.

КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ ПО НАЛИЧИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ И МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

В действии вообще можно выделить три стадии: начало, продолжение и конец. На этом основании можно выделить три рода обстоятельственных способов глагольного действия: начинательный, продолжающий и окончательный, каждый из которых заключает в себе несколько разновидностей, которые мы также, пусть и не совсем логично, называем способами действия.

А. Способы действия, обозначающие начало действия

Начинательный (ингрессивный⁵⁷) способ действия. Этот способ действия регулярно выражается при помощи приставок *за-* и *по-*. По своей семантике основы этих глаголов обозначают простые, однородные действия, не расчлененные на составные части: *завонил* колокол, *заиграл* рояль, *заблагоухала* сирень.

Сферой действия приставки *за-* являются глаголы, обозначающие **акустические** процессы (*за шуметь* ‘начать шуметь’), глаголы, обозначающие **оптически** воспринимаемые процессы (*заалеть*), глаголы, обозначающие **обонятельные** восприятия (*завонять*); глаголы, обозначающие **эмоциональные** состояния и процессы (*загрустить*); ненаправленные глаголы **перемещения** (*зашагать*). «Начинательное значение приставки *за-* отчетливо выделяется только в сочетании с непереходными глаголами. <> В сочетании с теми же глаголами в переходном значении приставка *за-* приобретает совершенно другое значение, ср. *заколоть поросёнка zaklat’*, *задуть свечу sfuknut’*. Только в этом втором значении глаголы *заколоть* или *задуть* образуют видовые пары: *заколоть//закалывать*, *задуть//задувать*. Трудно сомневаться в том, что глаголы *заколоть* I (в начинательном значении) и *заколоть* II *zaklat’* не являются двумя разными значениями одного глагола, а двумя омонимами. Омонимичность глаголов *заколоть* I (в начинательном значении) и *заколоть* II (*поросёнка*) вытекает из омонимичности самих приставок: *за-* I (приставка-модификатор) и *за-* II (приставка-квалификатор). Ср. ещё *закурить* I ‘начать курить’ (напр. *Он снова закурил*; к глаголу *курить* в непереходном значении) и *закурить* II (*напирóсу*) *zaralit’ si* в переходном значении. Глагол *закурить* II образует видовую пару: *закурить//закуривать*» [67, с. 226].

Сфера действия приставки *по-* существенно меньше по сравнению с приставкой *за-*: она ограничена глаголами одноподвижного перемещения и означает начало движения с неизвестной длительностью: *пойти*, *поехать*, *побежать*, *повалить* (о снеге). Во многих словосочетаниях значение начинательности

⁵⁷ От лат. *ingressus* — перфектного пассивного причастия гл. *ingredior* ‘вступать; приступать, начинать’; *gradior* ‘шагать, ступать’, *gradus* ‘шаг’, ‘ступенька, лестница’, ‘степень, достоинство’; ср. *прогресс*, *регресс*, *конгресс*.

ослаблено и даже вовсе выветривается: так, в предложении *Завтра мы пойдем в музей* глагол *пойти* выражает не начало действия, а действие в целом. «Когда мы интересуемся, кто *поведет* машину, *повезет* детей в школу или *понесет* белье в прачечную, речь идет не столько о начале действия, сколько о действии как таковом» [65, с. 116]; иначе говоря, приставка *по-* имеет здесь только значение совершенного вида, благодаря чему выражается значение будущего времени.

С начинательными глаголами с приставкой *по-* не следует, на наш взгляд, смешивать глаголы чувственного восприятия *почувствовать*, *померещиться*, *послышаться*, *почудиться*, *понравиться*, которые обозначают не начало состояния, а свершившийся факт. Сравним:

1) «Вот и **чудится** ему, что из-за соседнего воза что-то серое выказывает роги...» [Н. В. Гоголь. Пропавшая грамота (1831–1832)];

2) «Ему **почудилось**, будто блеснуло в замке огнем узенькое окошко» [Н. В. Гоголь. Страшная месть (1831–1832)].

Мы склонны относить такие глаголы к результативному способу действия: *поставить*, *положить*, *повесить*. Поставить — это не значит ‘начать ставить’, это значит ‘ввести в такое состояние, когда предмет стоит’.

Глаголы начинательного способа действия преимущественно являются глаголами совершенного вида.

Интенсивно-ингрессивный способ действия. Этот способ действия регулярно выражается при помощи приставки *воз-* / *вз-*. Соединяясь с глаголами, обозначающими физические действия, эта приставка выражает резкую внезапность, мгновенность действия: *взвыть*, *взречь*, *вскочить*. «Приставка *вз-* выражает в приведённых случаях, по-видимому, особый экспрессивный оттенок, подчёркивающий иногда внезапность наступления действия; ср. семантическую разницу между *вскричать* и *закричать*, *вспетушиться* и *запетушиться*» [67, с. 230]. Соединяясь с глаголами, обозначающими умственные и нравственные действия, эта приставка выражает высокую степень его интенсивности: *возненавидеть*, *возмечтать*, *воспылать*, *невзлюбить*. Этот способ действия выражается также при помощи конфиксов *вз-...-ся*: *взмолиться*, *взбунтоваться*, *взбушеваться*,

вздуриться; к ним примыкают также глаголы *взгомониться*, *всполошиться* и т. п.» [65, с. 117].

Б. Способы действия, обозначающие продолжение действия

Сопроводительный (комитативный)⁵⁸ способ действия.

Глаголы этого способа действия образуются при помощи конфиксов *при-...-ива-/-ва-* и *под-...-ива-/-ва-*. «Некоторые глаголы, образованные посредством приставок *при-* или *под-* в сочетании с суффиксами, имеют в русском языке такой оттенок значения: действие, выраженное глаголом, не следует считать главным, основным действием, а лишь второстепенным, совершающимся совместно с другим действием и, следовательно, несколько ослабленным в интенсивности своего проявления» [67, с. 284]. Глаголы этого класса обозначают действие, которое происходит одновременно с другим действием и сопровождает его: *приговаривать*, *пританцовывать*, *подпевать*, *поддакивать*.

Глаголы этого способа действия относятся к несовершенному виду и не образуют видовых пар, поэтому следует отличать эти глаголы от имперфективов типа *причмокивать*, соотносительного с *причмокнуть*; отличие в том, что у глаголов сопроводительного способа действия нет коррелята СВ — чего-то вроде **приговорить* (здесь совсем другое значение)⁵⁹, **пританцевать*, **поддакать*.

Взаимно-многократный способ действия. Этот способ действия образуется при помощи конфикса *пере-...-ива(ть)-...-ся*. «Глаголы этого класса обозначают взаимодействие между двумя субъектами, состоящее в том, что они по очереди производят действие, названное мотивирующим глаголом» [65, с. 132]. С исторической точки зрения важно различать два рода образований.

К первому роду относятся глаголы, образованные путем последовательной агглютинации: *звон* → *звонить* → *перезвонить* → *перезванивать* → *перезваниваться*. Ко второму роду относятся глаголы, образованные конфиксальным способом, то

⁵⁸ От лат. *comito* ‘провождать, сопровождать, сопутствовать’.

⁵⁹ *Васильева приговаривали к 10-ти годам заключения, но приговорили только к 5-ти.*

есть у которых значения взаимности и многократности возникают одновременно: *перешёптываться*, *пересвистываться*, *переругиваться*, *перестукиваться*. Нередко дополнительным средством словообразования является продление гласного корня и перенос ударения: *переговáриваться*.

С морфологической точки зрения, оба рода относятся к взаимно-возвратным глаголам.

Прерывисто-смягчительный способ действия. С точки зрения словообразования, этот способ действия образуется при помощи конфиксов. «Морфологически эта совершаемость выражается при помощи приставки *по-* в сочетании с суффиксом; оба элемента присоединяются непосредственно к корню глагола. Чаще всего эта итеративная основа образуется посредством суффикса *-ыв-/-ив-*⁶⁰ (*щипать* — *пощипывать*, *хворать* — *похварывать*) с типичными для этих основ вокалическими и консонантическими чередованиями (ср. *болеть* — *побаливать*, *трепать* — *потрёпывать*, *стучать* — *постукивать*, *ходить* — *похаживать* и т. п.)» [67, с. 279]. Иначе говоря, дополнительным средством словообразования является перенос ударения и продление гласного корня. Замечу также, что морфему *ыв-/-ив-*, названную Исаченко суффиксом, мы, имея в виду ее происхождение, считаем инфиксом.

«Исследуемая совершаемость комплексно модифицирует значение исходного глагола: она выражает нерегулярную расчленённость действия (*пока́шливать* — “кашлять время от времени”), но в то же время подчёркивает, что действие не совершается с полной интенсивностью (*побáливает* — *roboleva* — “болит не очень сильно и не постоянно”). Необходимо подчеркнуть, что приставка *по-* вносит оттенок именно смягчительного, а не ограничительного значения; другими словами: глагол *пока́шливать* не может быть соотнесен с глаголом совершенного вида *пока́шлять*, т. к. здесь приставка *по-* выражает ограничительность (*пока́шлять* — “провести некоторое время, кашляя”). Смягчительное же значение приставки *по-* выступает в образованиях совершенно другого типа (ср. *развлечь* — *поразвлечь*), т. е. в глаголах, в основе которых лежат приставочные образования» [Там же. С. 280].

⁶⁰ С нашей точки зрения, *-ыв-/-ив-* — это не суффикс, а инфикс.

Глаголы этого класса обозначают действия, совершаемые понемногу или время от времени. Одни из этих глаголов обозначают актуальное здесь-и-сейчас действие, совершаемое слегка: *покашливать, постанывать*; другие глаголы скорее характеризуют склонность к действию, которое совершается время от времени: *пописывать стишки, погуливать от жены или от мужа, покуривать, попивать*.

Глаголы этого способа действия образуются также, хотя и существенно реже, конфиксами с другими приставками и инфиксом *-ив- / -ыв-*. Это конфиксы *при-...-ыв-* (*прихрамывать, приторговывать*), *под-...-ив-* (*подиучивать*), *на-...-ыв-* (*настиывать, накрапывать*).

Инхоативный способ действия. С семантической точки зрения, эти глаголы обозначают переход из одного состояния в другое, приобретение какого-либо признака во все большей степени. Формально это значение выражается суффиксами *-ну-* и *-е- < -ть-*. Вероятно, конкуренция этих двух средств привела к тому, что глаголы с суффиксом *-ну-* (*сохнуть, вянуть, вязнуть*) образуют малопродуктивную группу, а сам суффикс *-ну-* стал средством выражения однократности, так как однократность — это предел инхоативности.

Более продуктивным является группа глаголов с суффиксом *-е- < -ть-*: *стареть, дряхлеть, веселеть, глупеть, грубеть*. Глаголы «типа *белеть зеленеть, чернеть* в одном значении представляют инхоативный способ действия, а в другом — ‘виднеться’ — о белых, зеленых, черных предметах — выступают как глаголы состояния» [51, с. 21]. Позволим себе предположить, что инхоативность была изначальным значением этих глаголов; более того, инхоативность изначально была свойственна и таким глаголам, как *видеть, смотреть, болеть*, но это требует углубленно-го сравнительно-исторического исследования.

В. Способы действия, обозначающие конец действия

Общим названием для этих способов глагольного действия может служить термин «результативные способы». Средством их образования являются приставки и конфиксы. В истории русского языкознания понятия результативности

и перфективности смешивались, что, с одной стороны, вело к неверному пониманию того, что собой представляют видовые пары, а с другой стороны, «растворяло» словообразование в видообразовании. Убедительно пишет об этом Исаченко: «Пренебрегая тонкими семантическими оттенками и отождествляя результативность (завершённость, законченность действия) с перфективностью (грамматическим значением совершенного вида), многие учёные склонны были отождествить значение совершенного вида со значением “достижения цели”, “предела действия” и т. п. Вся традиционная теория славянских видов построена на убеждении, будто приставочная перфективация является одним из основных приёмов славянского видообразования. На той же позиции стоят имеющиеся толковые словари, приводящие в качестве перфективных соответствий к простым бесприставочным глаголам несовершенного вида самые разнообразные глаголы со значением результативной совершаемости» [67, с. 243]. Еще Некрасов и Потебня показали, что присоединение к глаголу приставки вносит в значение новообразованного глагола разнообразные обстоятельственные оттенки протекания действия во времени. Наличие этих оттенков позволяет утверждать, что присоединением приставки образуется не форма совершенного вида того же глагола, а новое глагольное слово, совершенный вид которого является побочным продуктом словообразования; это новое слово может быть втянуто в видовую корреляцию, то есть образовать видовую пару, но может и не быть втянуто в эту корреляцию.

На основе единства обстоятельственного значения и словообразовательных средств его выражения в настоящее время принято выделять следующие результативные способы действия.

Общезультивный способ действия (в терминологии Исаченко — **терминативный**). В отличие от последующих способов действия, общезультивный способ практически не осложнен дополнительными обстоятельственными значениями и просто обозначает законченность действия. Глаголы общезультивного способа действия образуются от глаголов, семантика которых исключает цель и намеренные усилия по ее достижению; чаще всего это глаголы, обозначающие естественные процессы или случайные, ненамеренные действия. Глаголы

общерезультативного способа действия образуются при помощи различных приставок:

за-: *завянуть, заглохнуть, заплесневеть, заржаветь, зачерстветь*;

из- (*ис-*): *израсходовать, испортить*;

о- (*об-*): *ответишать, одичать, ожиреть, озвереть, окрепнуть, опьянеть, оробеть, ослепнуть*;

по-: *побледнеть, поседеть, постареть, потерять, потускнеть*;

с- (*со-*): *скиснуть, стихнуть*;

у-: *увязнуть, увянуть, угаснуть*.

Некоторые бесприставочные глаголы относятся к этому способу действия в силу своего лексического значения: *дать, лишить*.

Финитивный способ действия. Этот способ действия образуется при помощи приставок *от-*, *из-*. «Глаголы этого класса обозначают прекращение некоторой деятельности или состояния, делая акцент на том, что ситуация не просто перестала иметь место, но уже и не будет иметь места» [65, с. 120] в силу исчерпанности отведенных феномену природы, человеку, его душе, механизму или прибору сил или ресурсов: *отцвести, отъездить, отгореть, отревновать, иссохнуть, извести кого-либо, избаловать, извратить*.

«Для финитивных глаголов характерна сочетаемость со словом *свое*, вводящим в рассмотрение идею некоторой “порции” действия, “отмеренной” судьбой данному человеку или объекту, ср.: *Машина свое отъездила* (неважно, попала в аварию или сгнила в гараже, — главное, что больше ездить не будет); *Часы свое отходили* (сломались, и невозможно или не имеет смысла чинить); *Корабль свое отплавал*; *Я свое отработал, отдежурил, отвоевал, отлюбил, отзанимался, отучился, отмутился, отбегал* <на лыжах>, *отлетал* <на самолетах>, *отгулял* <отпуск>, *отстоял* <в очереди>, *отсидел* <срок (в тюрьме)> и т. д.» [Там же].

Если в центре внимания оказывается объект, то глаголы финитивного способа действия образуются при помощи ударной приставки *вы-*: глаголы *высохнуть, вымокнуть, выцвести* означают, что действие совершилось в его полном объеме.

Впрочем, в некоторых случаях действие может относиться к субъекту: *вы́смотреть, вы́нюхать, вы́ходить*.

Финитивные глаголы следует отличать от общерезультативных с той же приставкой: *отцепить вагон, отвалить камень, отговорить от поездки*. Некоторые глаголы с приставкой *от-* в зависимости от контекста могут быть и финитивными, и общерезультативными; сравним: *Васильев свое отвоевал* — финитивный глагол; *Россия отвоевала у Швеции новгородские земли* — общерезультативный глагол.

Сатуративный⁶¹ способ действия. Этот способ действия образуется при помощи конфиксов *на-...-ся* и *пона-...-ся*: *наесться, понабраться*. «Глаголы этого класса передают идею, что действие производилось до полного насыщения или даже пресыщения; они часто сопровождаются словами типа *вдоволь, всласть, досыта, до изнеможения, до отвала, до посинения, до умопомрачения, до отворачивания* и т. п.» [65, с. 123]. В центре внимания этого действия оказывается его субъект.

От глаголов сатуративного способа действия могут быть образованы глаголы интенсивно-длительного способа действия: *наесться — наеда́ться, накуриться — накурива́ться, напиться — напива́ться*; однако это возможно далеко не всегда: от сатуративных глаголов *нагуляться, наплакаться, накупаться* и многих других такие глаголы не образуются.

Достигательный способ действия. Глаголы этого способа действия, в отличие от глаголов общерезультативного способа, образуются от глаголов, заключающих в своей семантике идею цели и намеренных усилий для ее достижения, и обозначают результат этих целенаправленных действий. Глаголы достигательного способа действия образуются зачастую при помощи тех же приставок, что и глаголы общерезультативного способа действия:

вы-: *вышколить, вызубрить, вырастить, вытравить*;

за-: *застраховать*;

из- (*ис-*): *изготовить, измерить, истратить*;

⁶¹ От лат. *saturō* ‘насыщать, кормить; наполнять’; ср. *Сатурн* — бог земледелия, насыщающий плодами, *Сатурналии* — праздник в честь «золотого века» Сатурна, сопровождавшийся весельем.

на-: накормить, напечатать, написать, научить, нагреть;

о- (об-): оседлать, облепить;

от- (ото-): отпечатать, отомстить;

по-: побелить, побрить, погубить, покарать, починить;

при-: приготовить;

про-: проголосовать, прочесть;

раз-: разбудить, разыскать;

с- (со-): сделать, состряпать, сосчитать, спеть, спрягать, сберечь, сжечь;

у-: утопить, уберечь, умыть.

Разновидностью достигающего способа действия являются глаголы **интенсивно-достигающего способа**, которые образуются при помощи конфикса *до-...-ся* и обозначают целенаправленное действие, которое достигло своей цели «путем приложения больших усилий, с трудом, преодолевая препятствия и т. п.» [65, с. 124]: *дозвониться, дождаться, додуматься, доискаться*.

Иронически-достигающий способ действия. Этот способ действия, так же как и предыдущий, образуется при помощи конфикса *до-...-ся*, однако глаголы этого способа обозначают действие, которое субъективно не преследует достижения нежелательного результата, но этот результат объективно оказывается достигнутым в силу чрезмерности действия: *дорваться до хрипоты, допить до чертиков, докупаться до посинения, допрыгаться до отчисления из института, докатиться до изгнания из приличного общества*.

Чрезмерно-длительный способ действия. Этот способ действия образуется при помощи конфикса *за-...-ся*. Глаголы этого способа действия означают, что предел действия достигается только после длительного периода времени, в течение которого субъект действия был им полностью захвачен; иначе говоря, глаголы этого способа «указывают на то, что действие превысило некоторую меру в своем продолжении, но, скорее всего, это произошло независимо от воли субъекта (обычно — потому что он слишком увлекся этим действием) и, возможно, привело к каким-то отрицательным последствиям» [Там же]: *засидеться, зачитать, заслушаться, заглядеться, завратиться*.

К этому способу действия близки глаголы *задуматься, заглядеться, засмотреться, заслушаться, замечтаться*, которые отличаются от предыдущих тем, что «выражают в первую очередь идею увлеченности, “погружения” в некоторое состояние и не акцентируют идею чрезмерной длительности (*задуматься* не значит ‘слишком долго думать’, а значит ‘погрузиться в глубокое раздумье’)» [65, с. 125].

Интенсивно-результативный (эволютивный⁶²) способ действия. Этот способ действия образуется при помощи конфиксов *раз-...-ся, из-...-ся, вы-...ся, у-...-ся*. Иногда глаголы типа *раскричаться* трактуют как глаголы начинательного способа действия, однако Исаченко справедливо возражает: «С начинательной совершаемостью не следует смешивать непарные глаголы, образованные посредством приставки *раз-/рас-* в сочетании с возвратным аффиксом *-ся*, например: *кричат* — *раскричаться*, слвц. *kričat'* — *rozkričat' sa*. От начинательной совершаемости эти глаголы отличаются тем, что выражают не приступ к действию (ср. *за-кричат* ‘начать кричать’), а достижение максимальной интенсивности, характерной для данного действия в результате постепенного нарастания этой интенсивности в начальном фазисе действия. Предлагаем назвать этот совершаемостный оттенок “эволютивным”» [67, с. 233]. Например: *окончательно разболеться, совсем разлентиться, всюду разбушеваться, полностью расписаться в своем невежестве, расчувствоваться*; ср. с другими средствами, не вызывающими сомнений в своем интенсивно-результативном значении: *изглодаться, истосковать, выспаться, убежаться*. Некоторые глаголы с конфиксом *из-...-ся* приобретают квалифицирующий оттенок: «в результате повторения действия оно переходит в привычку, квалифицируя своего носителя» [Там же. С. 250], например: *изолгаться, извороваться*; тип непродуктивный.

Ограничительный (делимитативный⁶³) способ действия. Этот способ действия образуется при помощи приставки *по-*. «Глаголы этого класса описывают некоторую “порцию”

⁶² От лат. *evolvere* ‘разворачивать, развивать’ от *volvo* ‘катить, вращать’; ср. *револьвер*.

⁶³ От лат. *limito* ‘ограничивать’.

действия, оцениваемую как небольшую и ограниченную временем, в течение которого оно производилось» [65, с. 118]. Как писал еще Н. П. Некрасов, «вообще предлог *по-*, определяя действие по объему относительно предельного, скорее указывает на конец продолжительности действия, чем на начало» [85, с. 220].

«Значение ограничительности следует понимать относительно. Глагол *поработать* может относиться к промежутку времени, измеряемому минутами или годами. Важно лишь то, что процесс, выраженный простым глаголом несовершенного вида (*работать*) без какого-либо ограничения во времени, в ограничительной совершаемости представляется замкнутым в известные пределы, своеобразно “суженным” во времени» [67, с. 235].

Очень редко глаголы ограничительного способа действия образуются при помощи конфикса *вз-...-ну(ть)*: *вздремнуть*. Похожие на этот глагол слова *всплакнуть*, *всхрипнуть*, *взгрустнулось* относятся к уменьшительному способу действия, так как «ограничительные глаголы означают не просто “малую меру действия”, а именно только меру действия, ограниченную во времени» [67, с. 238].

Глаголы этого способа действия образуются от непереходных и в основном непереходных глаголов: *погулять*, *побеседовать*, *поиграть*, *погрустить*. От глаголов ограничительного способа действия не могут быть образованы глаголы интенсивно-длительного способа действия; кажущиеся таковыми глаголы *погуливать*, *подумывать*, *помахивать*, *помалкивать* и др. относятся к классу глаголов прерывисто-смягчительного способа действия и образуются при помощи конфикса *по-...-ив(ать)*.

Смягчительный (аттенуативный)⁶⁴ способ действия. Этот способ действия образуется при помощи приставок *по-*, *под-*, *при-*, *попри-* от глаголов СВ: *поразвлечься*, *поднакопить*, *приболеть*, *поприутихнуть*, *попризадуматься*. «Глаголы этого класса обозначают ‘делать нечто слегка, не прилагая усилий, недолго’ и выражают несколько снисходительное (но при этом

⁶⁴ От лат. предлога *ad* со значением направления ‘к’, цели, назначения и гл. *tenio* ‘делать тонким’; гл. *attenuo* ‘убавлять, уменьшать, сокращать’.

скорее доброжелательное) отношение к самому действию или к его субъекту со стороны говорящего. Глаголы смягчительного способа действия по большей части имеют отчетливо разговорный оттенок» [65, с. 127].

Смягчительный способ действия по значению близок к ограничительному: это тоже ограничительность, но не во времени, а в интенсивности. Глаголы с приставками *по-*, *под-* образуются от префиксальных же глаголов СВ, чем отличаются от глаголов ограничительного способа действия, которые образуются от глаголов НСВ; сравним: *поразвлекаться* (некоторое время — делимитативный глагол от глагола НСВ *развлекаться*) и *поразвlechься* (слегка — смягчительный глагол от глагола СВ *развlechься*); *подкопить* (еще немного — делимитативный глагол от глагола НСВ *копить*) и *поднакопить* (слегка — смягчительный глагол от глагола СВ *накопить*). «Если делимитативные глаголы ограничивают процесс по времени его протекания ('недолго'), то смягчительные глаголы ограничивают действие качественно ('в небольшой степени')» [65, с. 128].

Глаголы с приставкой *при-* образуются как от приставочных, так и бесприставочных глаголов, как СВ, так и НСВ: *прилечь*, *приналечь*, *приунуть*, *приумять*, *приболеть*, *призадуматься*, *приоткрыть*, *приостановить*.

Уменьшительный способ действия. Этот способ действия образуется при помощи конфиксов *при-...-ну(ть)*, *с-...-ну(ть)*, *вз-...-ну(ть)*. Глаголы этого класса выражают идею малой интенсивности действия, незначительного по своим последствиям: *прилгнуть*, *припугнуть*, *соснуть*, *всплкнуть*.

Длительно-ограничительный (пердуративный)⁶⁵ способ действия. Этот способ действия образуется при помощи приставки *про-*. Глаголы этого класса обозначают действие, продолжавшееся длительное время, которое целиком было «заполнено» этим действием: *просидеть пять часов на вокзале*, *прожить 20 лет на Сахалине*, *проговорить целый час по телефону* и т. д.

⁶⁵ От лат. *per* 'в течение, в продолжение' и *duro* 'делать твердым' > 'тянуться, оставаться'; *perduro* 'длиться, продолжаться'; ср. латинское выражение *Dura lex, sed lex*, франц. *dur* 'жесткий, жестокий', а также *дюралюминий*.

«Глаголы пердуративного способа действия образуются преимущественно от непереходных глаголов и употребляются лишь в контексте временного детерминанта, подкрепляющего это пердуративное значение, ср.: *проспать до обеда, просидеть весь день* <сложив руки>, *прожить всю жизнь* <в деревне>, *пролежать до вечера* <на диване>, *простоять два часа* <под дверью>, *проиграть всю ночь* <в преферанс>, *проболеть два месяца, пробыть неделю* <в городе>, *проговорить сорок минут* <по телефону>, *проходить всю жизнь* <в одном костюме>, *проносить пятнадцать лет* <шубу> и т. д.» [65, с. 119].

Накопительный (кумулятивный)⁶⁶ способ действия.

Глаголы этого способа действия образуются при помощи приставки *на-*. Глаголы этого класса образуются как от переходных (чаще), так и непереходных (реже) глаголов и обозначают накопление результата какого-либо действия: *наловить рыбы, натаскать воды, набедокурить, навалило снегу*.

Образуемые от непереходных глаголов, глаголы кумулятивного способа действия «употребляются с прямым дополнением, выражающим меру объекта, возникшего в результате “накопительного” действия» [67, с. 248]; например: *Летчик налетал 10 000 часов*.

Образуемые от переходных глаголов, глаголы кумулятивного способа действия употребляются с дополнением, выраженным «либо родительным отделительным (партитивным), либо сочетаниями с количественными словами *много, массу, уйму, множество* и т. п., например: *наварить каши, закупить (массу) вещей, надéлать (много) ошибок* и т. п.» [Там же].

Присоединение еще одной приставки *по-* вносит в глагол «дополнительный оттенок разнообразия аккумулируемых объектов (ср. *понабрать* <заказов>, *понабить* <гвоздей в стену> и *понабирать* <заказов>, *понабивать* <гвоздей в стену>)» [65, с. 122]; при этом глаголы с сочетанием префиксов *пона-* нередко содержат негативную оценку, иногда ярко выраженную: *Ишь, понастроили дач! Ну, понаделали делов!*

От накопительных глаголов регулярно образуются глаголы отвлеченно-длительного способа действия: *наварить* — *наваривать еды*.

⁶⁶ От лат. *cupilo* ‘складывать, приумножать, заполнять, накапливать’; ср. *аккумулятор, аккумулировать*.

Распределительный (дистрибутивный⁶⁷) способ действия. Этот способ действия образуется при помощи приставок *пере-* и *по-*. «Глаголы дистрибутивного способа действия обозначают действие, затрагивающее все объекты из множества, названного прямым дополнением у переходных глаголов и подлежащим — у непереходных» [65, с. 131], например:

Живодеры передушили всех кошек. — Все кошки передохли от голода. В Чевенгуре поубивали всех буржуев. — Все буржуи в Чевенгуре поумирали.

Очень верным является наблюдение над эмоциональной коннотацией дистрибутивных глаголов: «Глаголы этого класса содержат легкий оттенок пренебрежения, связанный, по видимому, с тем, что участники события рассматриваются как некое нерасчлененное множество, а само событие при этом — как нечто ординарное. Поэтому употребление глагола дистрибутивного способа действия иногда оставляет впечатление некоего цинизма» [Там же. С. 132].

⁶⁷ От лат. *distribuo* ‘разделять, разбивать, расчленять’ от *tribuo* ‘делить’.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–15 (А–Е). — М., 2007–2021.
2. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. — М.; Л., 1950–1960.
3. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. — СПб., 2000.
4. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке с означением их корней. Составили по лучшим источникам Бурдон и Михельсон. Изд. 11-е. — М., 1907.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 3-е изд. Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Репринт. — М., 1994.
6. *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. Т. 1–2. — М., 1958.
7. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Изд. 2-е. — М., 2005.
8. *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. — М., 1980.
9. Лаврентьевская летопись 1377 г. // URL: <http://www.nlr.ru/fonds/manuscripts/w5.htm>
10. *Лопатин В. В., Улукханов И. С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. — М., 2016.
11. Словарь русского языка / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Т. 1–4. Изд. 3-е. — М., 1985–1988.
12. Национальный корпус русского языка // www.ruscorpora.ru
13. Новгородская служебная минея на май. XI век. (Путятина минея). Текст. Исследования. Указатели / Изд. подг. В. А. Баранов, В. М. Марков. — Ижевск, 2003.
14. Словарь Академии российской. Т. 1–6. — СПб., 1789–1794.
15. Славянские древности. Энциклопедический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. — М., 1995–2012.
16. Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названия вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства, познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч. / Переведен с французского языка Василием Левшиным. Ч. 1–7. — М., 1787–1792.
17. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 1–10. — М., 1988–2013.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. — М., 1975–2015.

19. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. — СПб., 1893–1912; Репринт. М., 1958.
20. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47. — Л., СПб., 1965–2014.
21. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — М., 1994.
22. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. Изд. 3-е. — М., 2003.
23. Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1–4. — СПб., 1847.
24. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1 (А–И) / Под ред. Л. П. Крысина. — М., 2014.
25. *Шишов И. А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка. — М., 2004.
26. Успенский сборник. XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. — М., 1971.
27. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. — М., 1935–1940.
28. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. — М., 1964–1973.
29. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М., 1993.
30. *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1971.
31. *Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. — М., 2010.
32. *Тихонов А. Н.* Школьный словообразовательный словарь русского языка. — М., 2002.
33. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1–10. А–М. — М., 1963–2007.
34. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Вып. 1–32. — М., 1974–2005 — под ред. О. Н. Трубачева; вып. 33–39. М., 2007–2014 — под ред. А. Ф. Журавлева; вып. 40. М., 2016 — под ред. А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот; вып. 41. М., 2018 — под ред. Ж. Ж. Варбот.
35. *Liddel H., Scott R. A.* Greek-English Lexicon. 17 ed. Oxford, 1890.
36. *Köbler G.* Indogermanisches Wörterbuch. 5 Auflage, 2014 // <http://www.koeblergerhard.de/idgwbhin.html>
37. *Pokorny J.* Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. EULA, 2007.

Исследования

38. Грамматика русского языка. Т. 1–2. — М., 1952.
39. Русская грамматика. Т. I–II. — М., 1980
40. *Аксаков К. С.* О русских глаголах // К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики. — М., 2011.
41. *Афанасьев А. И.* Морфологический анализ слова // Филологические записки. 1885. Вып. IV–V.
42. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подг. текста и комментария М. П. Тоболовой; под ред. Б. А. Успенского. — М., 1981.
43. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование. Изд. 2-е. — М., 2004.
44. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. — М., 1961.
45. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. — М., 1974.
46. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. Изд. 2-е. — Казань, 1907.
47. *Богородицкий В. А.* Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4-е. — М., 1939.
48. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Глоттологические (лингвистические) заметки. — Воронеж, 1877.
49. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Николай Крушевский, его жизнь и научные труды // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I–II. — М., 1963.
50. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола. — М., 1971.
51. *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. — М., 1967.
52. *Будилович А. С.* Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения. — Киев, 1877; Репринт: М., 2015.
53. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. Этимология. Изд. 7-е. — М., 2006.
54. *Виноградов В. В.* Вопросы современного русского словообразования // Исследования по русской грамматике. — М., 1975.
55. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 3-е. — М., 1986. С. 401.
56. *Виноградов В. В.* История слов. — М., 1999.
57. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.
58. *Годизова З. И.* Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. (на материале глаголов интенсивных способов действия): автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. — Махачкала, 2014.
59. Грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьмина. — М., 2000.

60. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
61. Демидов Д. Г. Связанные и свободные функции местоименных основ в истории русского языка. — СПб., 2011.
62. Демидов Д. Г., Камчатнов А. М. Происхождение двух моделей инфиксального глагольного словообразования в истории русского языка: глаголы на *-ать (-ять)* и *-ивать, -ывать* // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76).
63. Добродомов И. Г., Камчатнов А. М. Дериватологические призраки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3 (57).
64. Задорнов М. Слава Роду! — М., 2010.
65. Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. — М., 2015.
66. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М., 1973.
67. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. — Братислава, 1960.
68. Камчатнов А. М. Понятие словообразовательного отношения в историческом освещении // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1. (62).
69. Камчатнов А. М., Николина Н. А. Ведение в языкознание. Изд. 12-е. — М., 2017.
70. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. Т. 2. — М., 2004.
71. Катков М. Об элементах и формах славяно-русского языка. — М., 1845.
72. Катков М. Н. Об элементах и формах славяно-русского языка // М. Н. Катков. Собр. соч. в 6 т. Т. 4. Философские чтения. — СПб., 2011.
73. Корнев А. И. Именные образования с индоевропейскими суффиксами **-k-* и **-k̑-* корня **bhreu-//*bhrou-* в русском языке (происхождение слов *брус₁*, *брус₂*, *брук* и под.) // Вестн. ЛГУ. 1970, № 20. Вып. 4. С. 142–149.
74. Крушевский Н. В. Избранные работы по языкознанию. — М., 1998.
75. Крылов Н. А. Бессуффиксные существительные общего рода, соотносительные с глаголами // Статьи и исследования по русскому языку. — М., 1962.
76. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. — М., 1953.
77. Ломоносов М. В. Российская грамматика. — СПб., 1755.
78. Ломтев М. Т. Очерки по историческому синтаксису русского языка. — М., 1956.
79. Лопатин В. В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. 1966. № 1.

80. *Лосев А. Ф.* О коммуникативном значении грамматических категорий // Лосев А. Ф. Языковая структура. — М., 1983.
81. *Марков В. М.* Избранные работы по русскому языку. — Казань, 2001.
82. *Маслов Ю. С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. — М., 2004.
83. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. — М.-Л., 1938.
84. *Мейе А.* Общеславянский язык. — М., 1951.
85. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. Изд. 2-е. — М., 2012.
86. *Николаев Г. А.* Русское историческое словообразование. Теоретические проблемы. Изд. 2-е. — М., 2009.
87. *Николина Н. А., Фролова Е. А., Литвинова М. М.* Словообразование современного русского языка. — М., 2005.
88. *Откупщиков Ю. В.* Из истории индоевропейского словообразования. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005.
89. *Павский Г.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Третье рассуждение. О глаголе. — СПб., 1842.
90. *Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М., 1956.
91. *Покровский М. М.* Избранные работы по языкознанию. — М., 1959.
92. *Потебня А. А.* Слово и предложение. Введение в теорию. — Харьков, 1874. Репринт: М., 2010.
93. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. — М., 1977.
94. *Пятаева Н. В.* Историческая лексикология русского языка. Динамическое описание этимологических гнезд. — М., 2018.
95. *Савченко А. Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. — М., 1974.
96. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. — М., 1977.
97. *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976.
98. *Улдуханов И. С.* Историческое словообразование. Историческая лексикология. — М., 2012.
99. *Фортуатов Ф. Ф.* Избранные труды. Т. I–II. — М., 1956.
100. *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка. Изд. 4-е. — М., 2010.
101. *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию. Изд. 3-е. — М., 2009.

102. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. — М., 1941.
103. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Изд. 3-е. — М., 2001.
104. *Щеглова О. Г.* Историческая грамматика русского языка. Курс лекций. — Новосибирск, 2013.
105. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е. — М., 2004.
106. *Эккерт Р.* Основы на *-й- в праславянском языке // Уч. зап. ин-та славяноведения. Т. XXVII. 1963.
107. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. 1 // Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
108. *Schmalstieg W. R.* The phoneme /V/ in Slavic Verbal Suffixes // Word. 1956. № 12. P. 255–259.
109. *Shields K. Jr.* Comments on the evolution of the Indo-European personal pronoun system // Historische Sprachforschung (Historical linguistics). 1998.
110. *Vondrák W.* Vöergleichende slavische Grammatik. Bd. I, 2. Aufl. Göttingen, 1924.

Учебное издание

Камчатнов Александр Михайлович

**ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

Учебное пособие

Пособие публикуется в авторской редакции

Ответственный редактор *Ю. Барabanщикова*
Верстальщик *Т. Руднева*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс: +7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Direct-media — полный цикл издательских услуг

- Редактура, корректура
- Присвоение ISBN
- Передача в Российскую книжную палату
- Присвоение DOI
- Печатный тираж
- Верстка
- Дизайн обложки
- Продвижение
- Поддержка
- Кратчайшие сроки подготовки издания

www.directmedia.ru — магазин электронных и аудиокниг. В нашем каталоге вы найдете тысячи нон-фикшн-книг, которые помогут в учебе и жизни: мировые бестселлеры по саморазвитию, учебники, научную и научно-популярную литературу, обучающие курсы для взрослых и детей. Мы сотрудничаем с ведущими издательствами, а также выпускаем собственные электронные и печатные книги, которые ставим на полки ведущих магазинов и маркетплейсов – OZON, Wildberries, Лабиринт и других.

Наши проекты

www.biblioclub.ru – Университетская библиотека онлайн, электронная библиотека для вузов и ссузов

www.lib.biblioclub.ru – Библиотека NON-FICTION, онлайн-библиотека научной и познавательной литературы

www.art.biblioclub.ru – Арт-портал «Мировая художественная культура» и Арт-библиотека, интерактивная галерея произведений мирового искусства

www.biblioschool.ru – «Библиошкола» и «Читающая школа», онлайн-библиотека школьной образовательной литературы и книг для внеклассного чтения

www.read-analytic.ru – «Аналитик чтения», программа для оценки сложности текстов и читательских компетенций учащихся

www.new-gi.ru – «Новое поколение», интеллектуальный центр дистанционных технологий

www.english-direct.ru – Ресурсный центр изучения иностранных языков и курсы иностранного языка онлайн

www.enc.biblioclub.ru – «Энциклопедиум», сайт классических, академических и авторских энциклопедий и онлайн-справочников

www.directacademia.ru – «Директ-Академия», учебно-методический центр обучения цифровым технологиям в образовании

www.lms.biblioclub.ru – Центр профессионального онлайн-обучения «Электронные курсы». Платформа дистанционного обучения

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru